

Георг Борн Дон Карлос. Том 1

ЧАСТЬ I

I. Маскарад

Зной одного из майских дней 1872 года сменился живительной вечерней прохладой. Заря, угасая, последним сиянием едва озаряла улицы и площади испанской столицы.

Мадрид праздновал победу маршала Серрано над карлистами в битве при Ороквието, и народ ликовал на площадях под звон благовеста бесчисленных храмов, сзывавшего прихожан на молитву.

Закутанные в плащи богомолцы и богомолки, согбенные монахи вдоль стен пробирались по улицам, прекрасные молодые девушки смеялись и болтали у фонтанов, солдаты с музыкой шли через городские ворота, направляясь на север, а ко дворцу герцога Медины на улице Алкала съезжалось множество экипажей. По старинному обычаю герцог в этот день устраивал маскарад, празднуя одновременно и победу испанских войск.

Нарядные гости в дорогих костюмах уже начинали собираться в большом зале дворца, окнами выходившем на террасу. В открытую дверь проникал ароматный свежий ночной воздух, пропитанный запахом множества цветов; широкая лестница, убранная тропическими растениями, с террасы спускалась в сад, искусно иллюминированный разноцветными лампами; клумбы, оранжереи, беседки — все благоухало, а на террасе ясное лунное сияние меркло в свете больших золотых канделябров.

В зале с хоров гремела музыка, но музыкантов не было видно из-за цветных флагов с гербами герцога Медины, нового испанского короля Амедея и маршала Серрано.

Внизу были расставлены столы, там в золотых сосудах искрилось и пенилось дорогое вино, сверкали хрустальные бокалы, столы ломились от фруктов, мороженого и других яств.

Маршал Серрано в фиолетовом рыцарском костюме только что вошел в зал в сопровождении своей супруги. На ней было длинное бархатное серое платье с фиолетовыми бантами и черная маленькая маска. Герцог Федро Медина и его молодая жена тотчас поспешили навстречу высоким гостям. Герцог, в черной маске, одет был испанским грандом, герцогиня — французской маркизой, лицо ее было прикрыто голубой бархатной полумаской.

Маски прибывали. Гости парами под музыку расхаживали по залу, кто смеясь и шутя, кто тихо беседуя между собой.

Генерал Конхо в широком желтом плаще и генерал Топете присоединились к группе, собравшейся посреди зала.

Генерала Топете в турецком костюме, в чалме и белом кафтане нетрудно было узнать, несмотря на маску. В этом костюме он казался еще более полным.

Между дамами особенно выделялась одна, одетая гранатовым цветком. Герцогиня указала на нее донье Энрике Серрано.

— Да, горячо мы бились под Ороквието, — рассказывал между тем маршал своим друзьям. — Я с небольшим отрядом оказался перед главными силами мятежников. Тем не менее я не хотел медлить с нападением, стремясь в решительной битве покончить с беспрестанными вылазками.

— Конечно, иначе и быть не могло, — перебил маршала Федро Медина, — герцог де ла Торре одержал победу!

— После тяжелой жаркой битвы, — добавил Серрано. — В этом беспримерном сражении пролилось много крови, и трижды счастье то улыбалось, то изменяло нам.

Мятежники бились упорно. Дон Карлос сам вел их в бой.

— Говорят, молодой претендент ранен? — спросил Топете.

— Да, он был ранен в правую руку, выпустил поводья и упал вместе с лошадью. Рана

его опасна, и он бежал за границу.

— А может быть, он уже умер, — заметил Медина. — Тогда прекратится и злополучное восстание.

— Ну, на это мало надежды, — произнес Конхо, — его младший брат еще честолюбивее дон Карлоса.

— Помните последнее его воззвание, в котором он не признал короля Амедея и называл себя законным наследником престола? Имя Альфонса тоже стояло под этим воззванием.

— Многие из полководцев дон Карлоса согласились на капитуляцию, — продолжал Серрано, — и я надеюсь, что это заставит карлистов отказаться от дальнейших попыток. Потерпев поражение, они стали сговорчивее.

— Король об этом знает? — спросил Топете.

— Король скоро появится здесь, — с самодовольной гордостью прервал разговор Медина. — Король пожелал своим присутствием украсить наш праздник.

— Кто же эта дама, одетая гранатовым цветком? — спросила Энрика Серрано у герцогини.

— Это должна быть графиня Инес де Кортесилла.

— Дочь известного графа Кортесиллы, который почти все время путешествует? Говорят, он несметно богат?

— Да, это верно, — отвечала герцогиня, — ему, кажется, нет покоя в Мадриде. Посмотрите, как красивы эти красные гранаты на белом шелковом платье, с каким вкусом сделана вокруг шеи чашечка цветка. Видите этого Ромео в бархатном кафтане и чешуйчатом трико? Это, наверное, дон Мануэль Павиа де Албукерке. Он, кажется, хочет сообщить что-то очень важное этому прекрасному цветку, — герцогиня с притворным равнодушием произносила свои замечания, но на самом деле это было ей далеко не безразлично.

В то время как в пестрой толпе в ярко освещенном зале велись эти разговоры, в саду у балкона две маски оживленно беседовали между собой. Маски эти были сенатор в широком черном плаще и монах в фиолетовой рясе. Неподалеку от них на лестнице, наполовину скрытой тропическими растениями, скрестив руки на груди, стоял никем не замеченный мужчина в темно-красном домино. Он был так неподвижен, что скорее походил на статую, чем на живого человека.

— Так это в самом деле вы, принц, — говорил сенатор монаху. — Вы сдержали свое обещание: прибыли в Мадрид и проникли в неприятельский лагерь. А я до сих пор сомневался.

— Дон Карлос всегда исполняет задуманное, хотя бы все было против него. Я около часа назад приехал в монастырь, — шепотом отвечал монах. — Сказали ли вы, патер Доминго, графу Кортесилле, чтобы он был здесь сегодня?

— Он приглашен самим герцогом и, следовательно, должен быть здесь. Все было исполнено соответственно приказам, которые привез нам ваш тайный посол. Принц, вам известна наша деятельность и преданность, и теперь мы ждем только заключения известного соглашения...

— Это можно будет сделать у вас в монастыре! Скажите, патер, кроме вас и ваших братьев, никому не известны мои тайные поручения?

— Кроме них, никому, — отвечал патер Доминго низким шепотом.

— Вы говорили с графом Кортесиллой?

— Насчет денег, которые...

— Я должен узнать, не теряя времени, согласен ли он примкнуть ко мне.

— Да, принц, граф согласен на это, но только с одним условием.

— Что за условие?

— Вы должны, принц, просить руки его дочери.

Эти слова, казалось, сильно озадачили монаха, однако он сумел скрыть свое изумление.

— Действительно, граф по-королевски воспитал свою дочь, — продолжал патер. — Ее

воспитанием и образованием руководил патер Антонио, один из умнейших и преданнейших наших служителей. Донья Инес несравненно прекрасна, умна и богата. Она принесла бы вам пять миллионов приданого...

— Тише, — шепнул монах, — по лестнице спускаются пират и мексиканец. Они, кажется, заметили нас.

— Пират — это не кто иной, как граф Эстебан де Кортесилла.

— А его собеседник?

Патер Доминго пожал плечами.

— Мексиканца я не знаю, — отвечал он.

— Тогда надо быть осторожней.

— Будьте уверены, принц, что тот, кого ведет граф, для вас не опасен. Граф Эстебан весьма опытный человек.

Завидев у лестницы монаха и сенатора, пират на минуту остановился, потом шепнул что-то на ухо необыкновенно высокому и широкоплечему мексиканцу.

Патер Доминго пошел навстречу пирату.

— Принц... — сквозь зубы пробормотал он.

— Благодарю тебя, пресвятая Мадонна, за это известие! В зале только что разнесся слух, что дон Карлос смертельно ранен, — отвечал пират и, обернувшись к принцу, прибавил с низким поклоном: — Примите, принц, искренние приветствия одного из преданнейших ваших сторонников. Вы совершенно правы, принц, здесь, под масками, всего удобнее и безопаснее будет объясниться. На улицах всюду алыгвазилы¹ а то, что вы можете быть здесь, никому и в голову не придет.

— Я вынужден подать вам левую руку, — доверчиво сказал дон Карлос, откинув широкий рукав, прикрывавший раненую правую. — Я ранен, как видите, рана может выдать меня.

— Вы слишком смелы, принц, — продолжал пират, — и, стремясь поскорее найти замену изменникам, сдавшимся маршалу Серрано, слишком неосторожно подставляете себя неприятельским пулям.

— Изменникам, сказали вы? Да, всех их ждет могила, — глухо проворчал дон Карлос. — Через два дня я снова вернусь на север, но сначала хочу переговорить с вами, граф.

— Приказывайте, принц.

— Приходите ко мне завтра в монастырь Святой Марии.

— Я буду, принц. А сейчас позвольте мне представить вам человека, который будет несомненно полезен вашей светлости. Я говорю об этом «мексиканце». Он действительно недавно вернулся из Мексики. Вы можете, принц, положиться на хладнокровного, энергичного дона Доррегарая.

— Вы ручаетесь за него?

— Ручаюсь головой. У него одно желание, принц, — сражаться в ваших рядах. Он живет войною. Но, — перебил себя пират, — это что за дама там, одетая гранатовым цветком? Взгляните, — и он указал вверх на террасу.

— Как же мне ее не видеть, граф, — заметил принц, — я даже подозреваю, что под маской этого роскошного цветка скрывается прекрасная графиня Инес.

— Вы угадали, принц, — всматриваясь, отвечал граф, — это действительно она, но кто же этот Ромео рядом с нею...

— Это дон Мануэль Павиа де Албукерке, — сказал патер Доминго, — самый ярый приверженец маршала Серрано и короля Амедея, а кроме того, лучший кавалер и любимец всех дам.

— Ах, кстати, принц! — вдруг перебил патера пират, схватив за руку мексиканца и

¹ Алыгвазилы — стражники.

притянув его к себе. — Король через час будет здесь.

— Король? — в один голос повторили патер Доминго, мексиканец и дон Карлос.

— Слово чести! Вы знаете, что у меня всегда верные сведения. Король обещал оказать герцогу эту честь... Итак, позвольте же, принц: дворянин дон Доррегарай, — представил пират мексиканца.

— Я горю желанием поступить в войско вашего величества, — сказал Доррегарай, — и там, где я буду сражаться, не будет поражений! Вы не пожалеете, ваше величество, о том, что приняли меня в свои ряды. Только теперь, со дня нашего союза, начнется настоящая битва, и день нынешнего празднества станет роковым днем.

— Желание ваше будет исполнено. Граф Кортесилла сообщит вам о времени и месте нашего свидания.

— Благодарю вас, ваше величество, за эту милость.

— Хотя этот титул и принадлежит мне по праву, но он еще мне не присвоен, — отвечал дон Карлос, — вы только что слышали — король будет здесь через час.

— В вашем воззвании вы заявили, что лишаете его престола, — сказал пират.

— Но раз он продолжает оставаться на троне, вашему величеству достаточно подать малейший знак или отдать мне приказание, и король не выйдет живым отсюда! — вполголоса проговорил мексиканец, обратясь к дону Карлосу.

— Как? Вы бы решились... Недурно придумано, — заметил патер Доминго, — это сразу многое бы решило.

— Я снова говорю: только прикажите, ваше величество, и король Амедей, как и Густав III, король Швеции, будет убит мной на маскараде, — повторил Доррегарай, по-видимому, отчаянный авантюрист, прошедший уже в Мексике школу убийств.

— Не отталкивайте руку, принц, которую вам предлагают, — обратился патер Доминго к дону Карлосу.

— Пусть будет так, — решительным голосом произнес претендент. — И пусть этот маскарад будет роковым днем для короля Амедея.

— Только дайте мне знак, какой вам угодно, и король падет при входе, сраженный моей пулей, — шепнул мексиканец. — Пусть это будет моим первым подвигом во славу вашего величества.

— Стреляйте, когда я закричу: «Да здравствует король Амедей!»

— Слушаюсь, — поклонившись, холодно ответил Доррегарай.

В эту минуту мужчина в красном домино покинул свое место под пальмами так же незаметно, как и занял его. Несколько масок спускались в сад по широкой лестнице, и он ловко проскользнул между ними, место под тенистой пальмой осталось пустым. Поднявшись по широким каменным ступеням, красное домино увидел, что гранатовый цветок, расставшись с Ромео и поговорив с другой маской, направляется к герцогине Медине.

Он подождал несколько минут с заметным нетерпением и потом быстро приблизился к гранатовому цветку, как только Инес на мгновение осталась одна.

— Маска, одно слово! — шепнул он.

Прекрасная девушка вопросительно посмотрела на красное домино, пытаясь за маской разглядеть черты незнакомца, потом в раздумье покачала головой.

— Дай мне руку, маска, — продолжал незнакомец, лицо которого со всех сторон было плотно прикрыто черной маской.

— Ты думаешь, что узнал меня? — спросила графиня.

Красное домино утвердительно кивнул головой и написал на ладони графини: «Инес».

Любопытство графини возросло, она тоже потребовала руку красного домино. Несколько раз принималась она писать на его ладони, но домино все отрицательно качал головой.

— Ты нарочно не признаешься! — наконец воскликнула она. — Ты не хочешь быть узнанным.

— Может быть. Мне надо сказать тебе что-то по секрету, — ответил он.

- У тебя есть тайна, маска? Ах, это чудесно! — воскликнула Инес.
- Это очень серьезно, запомни: завтра с тобой должно случиться огромное несчастье.
- Уж не колдун ли ты?
- Тебе я сказал правду, маска.
- Что же это за несчастье?
- К чему тебе знать? Все равно ты не избежишь его. Когда же узнаешь, приходи на улицу Толедо.
- Ты мне кажешься все загадочнее, маска. Что же мне там делать, на этой страшной улице?
- Ступай в дом на углу Еврейского переулка, там в подвальном этаже помещается арсенал, поднимись по узкой лестнице на чердак.
- И что же я увижу?
- Там ты найдешь нечто очень важное для тебя. Прощай!

Сказав это, красное домино скрылся в пестрой толпе, прежде чем Инес успела задать еще вопрос или попыталась еще раз отгадать имя. Однако издали она увидела, что домино быстро направляется к выходу, а в зал вошли пират с осторожным старым сенатором. За ними шли монах с мексиканцем. Эти последние, пройдясь несколько раз по залу, направились к той двери, в которую входили гости, и там остановились у колонны.

Вдруг по залу пробежало заметное волнение. Герцогу Медине только что доложили, что короля предупредили об опасности и он прибудет, только когда маски будут сняты.

Известие это живо переходило из уст в уста, а гофмейстеру велено было тотчас подать сигнал, означающий, что гостей приглашают снять маски.

На хорах загремели трубы, и все присутствующие открыли лица. В эту минуту монах и мексиканец быстро пробрались в толпе к дверям, выходящим на террасу, и скрылись в саду.

— Если не сегодня, так завтра! — буркнул мексиканец.

А между тем наверху, в зале, дамы приседали, и мужчины кланялись, приветствуя молодого короля Амедея, прибывшего с блестящей свитой во дворец испанского гранда, чтобы продемонстрировать свое расположение великим мира сего, мира, в который он вступал, полный надежд и желаний.

II. Инес

На другой день дон Эстебан де Кортесилла приближался к воротам в монастырской стене на улице Гангренадо.

Граф был высокий, статный мужчина лет сорока пяти. Лицо его, с отпечатком благородства, было приятно, у него была черная борода и большие, пронизательные беспокойные глаза. Одет он был нарядно, но ничто в нем не выдавало его несметных богатств. У него даже не было на руке ни одного бриллианта. Казалось, он ненавидел всякое тщеславие. Одежда его ничем не отличалась от той, какую обычно носит высший класс в Мадриде, не принадлежащий к военному сословию: граф был одет в черное, и только жилет и галстук были ослепительной белизны.

Дон Эстебан де Кортесилла быстро подошел к воротам и позвонил в колокольчик. На звон явился дежурный монах, который, казалось, узнал посетителя и поклонился ему.

— Доложи обо мне патеру Доминго, — обратился граф Эстебан де Кортесилла к молодому монаху, пропустившему его в калитку и снова запиравшему ее за мирянином.

— Будьте так добры, следуйте за мной, дон Кортесилла, — попросил скромный привратник.

Он пошел вперед через монастырский двор, по которому в тени высоких деревьев гуляли несколько монахов. Миновав открытую дверь, монах повел гостя по галерее, ведущей в аббатство Святой Марии, к тому самому зданию, в котором прежде жил аббат. Однако со времен инквизиции в этом обширном мрачном аббатстве произошло много перемен, которых мы коснемся ниже, в одной из последующих глав.

Монах поднялся с графом по ступеням, открыл тяжелую высокую дверь и, пропустив графа вперед, вошел вслед за ним. Далее привратник направился к рабочей келье патера Доминго, который вышел навстречу своему гостю.

На патере была францисканская ряса, подпоясанная веревкой. Доминго был худощавый старик с морщинистым лицом и венком седых волос на лысой голове.

— Вы пришли к принцу, граф? — спросил он. — Пойдемте!

— Вы сами, отец мой, хотите меня вести к нему?

— В таких обстоятельствах я доверяю лишь самому себе, — отвечал патер и повел графа к потайной двери, скрытой в стене. Доминго отворил эту дверь, и Кортесилла увидел узкую винтовую лестницу, ведущую в верхний этаж. Граф и патер поднялись по ней и очутились в сводчатом помещении, из которого выходило несколько дверей. Патер подошел к одной из них, вынул ключ из кармана и отворил ее. Комната, в которую они вошли, была ярко освещена свечами, несмотря на то, что был день, тяжелые темные занавеси на окнах были спущены.

Доминго запер за собою дверь на ключ и подошел к другой двери, по-видимому, выходившей в смежную комнату. Он три раза тихо постучал в нее. Дверь приоткрылась, и из-за нее высунулась голова монаха.

— Принц примет графа Кортесиллу, отец Амброзио, — шепотом сказал патер.

Монах, казалось, понял распоряжение, заключавшееся в этих немногих словах, наклонил голову и, когда пришедшие вошли, опять притворил дверь.

В комнате, ярко освещенной свечами, у стола, заваленного бумагами, сидел дон Карлос. Он встал, когда граф вошел, и поклонился.

Дон Карлос был молодой, сильный мужчина лет двадцати пяти. На нем был военный мундир с королевским орденом. Его полное, с небольшой черной бородкой лицо выражало решимость и самоуверенность, а все движения выдавали человека подвижного и деятельного.

Возле него на стуле лежала сброшенная францисканская ряса.

Дон Карлос подошел к графу и подвел его к креслам, стоявшим у стола.

— Милости просим, я ждал вас. Иностранец, которого вы мне вчера представили, уже оставил Мадрид, чтобы набирать нам рекрутов.

— Доррегарай весьма пригодится вам, принц.

— Я вполне ему доверяю и через два дня назначил ему свидание в том самом месте, которое вы указывали мне, как самое безопасное.

— Да, принц, там вы будете в безопасности, в отличие от Мадрида.

— Как? Измена? — быстро спросил дон Карлос.

— В Мадриде узнали, что вы находитесь в стенах города, и уже, быть может, начали вас разыскивать.

Лицо претендента омрачилось.

— Доррегарай? — быстро спросил он. — Может быть, его готовность — один обман...

— Невозможно! С этой стороны измена немыслима, принц.

— В таком случае я этого не понимаю! В этом одеянии, — дон Карлос указал на рясу, — я чувствовал себя в полнейшей безопасности! Но будем говорить о деле, граф. Вы хотите дать мне взаймы пять миллионов на военные издержки, я выплачу вам за это восемь миллионов после вступления на престол.

— Как ваш верноподданный и патриот, я не могу принять этой жертвы, принц, — с достоинством отвечал Кортесилла. — Я владею десятью миллионами, но вам известно, что у меня есть дочь. Мое состояние принадлежит ей, и поэтому уменьшить его я не вправе. Хотя я вполне убежден в вашем успехе, принц, однако было бы безрассудно с моей стороны рисковать состоянием моей дочери и лишать ее того, что она привыкла считать своим.

— Вы заботливый отец, граф, и дочь ваша — самый прекрасный цветок испанских полей!

— Вы знаете мое сокровище. Я не жалел ничего, чтобы подготовить ее к сколь угодно

высокому общественному положению.

— Граф, я люблю вашу дочь уже много лет и прошу у вас ее руки. Помните ли, как год тому назад мы встретились с вами в По?.. Я как сейчас вижу ее, как она была тогда прелестна, обворожительна, прекрасна! С тех пор я не могу ее забыть.

— Для того, чтобы увидеть свою дочь королевой, я не остановлюсь ни перед какими жертвами! Приданое ее равняется десяти миллионам, принц; одну часть я выдам в день помолвки, другую — в день бракосочетания.

— Я на все согласен! Но графиня?

— Она моя дочь, и я отвечаю за нее! Инес отдаст вам свою руку.

— Так напишите соглашение, граф, — сказал дон Карлос. — Я люблю действовать скоро и решительно. Поэтому я прямо сейчас торжественно провозглашаю графиню Инес своей нареченной невестой!

— Надеюсь, принц, что этот союз будет для вас благотворен. Число друзей моих, особенно на севере, очень велико, я готов на все, чтобы доказать вам, принц, как высоко я ценю этот союз с вами!

— Напишите наше соглашение; я готов его исполнить!

Граф взял одно из перьев, лежавших на столе, и, исписав им два листа, подал их сначала для подписи дону Карлосу, потом сам подписался под контрактом.

— Вы увидите свою невесту, принц, на условленном месте и там же получите первые пять миллионов, — сказал граф, сложив один лист, а другой оставив дону Карлосу. — Поздравляю вас, принц, да и самого себя тоже, с помолвкой, — прибавил граф с неподдельной, чисто испанской гордостью.

Он простился с принцем, поклонился патеру и направился в обратный путь, к своему дворцу, расположенному в лучшем квартале Мадрида недалеко от Прадо. Здание это было выдержано в средневековом духе: готические окна и двери были украшены лепниной, а стены — разнообразными фресками. Вход был оформлен колоннами, поддерживавшими балкон. За дворцом тянулся прекрасный парк с тенистыми деревьями, зеленеющими шпалерами и изящными статуями.

Обширное здание производило строгое, суровое впечатление. Казалось, будто за этими толстыми стенами, за этими тяжелыми шелковыми занавесями, оттенявшими глубокие оконные ниши, скрывалась какая-то мрачная тайна. Дворец казался заброшенным, пустым. Никто ничего не знал о прошлом графа, о его роде, богатствах, его образе жизни и занятиях. Никогда у окна не показывалось смеющегося лица, веселые гости никогда не съезжались во дворец, лишь изредка в сумерках входили или выходили из него угрюмые молчаливые люди.

Стоявший у дверей старый швейцар в ливрее, шитой серебром, и тот был угрюм и несловохотлив.

Во всем дворце только одно существо придавало ему жизнь и свет. Это была семнадцатилетняя дочь графа Кортесиллы, графиня Инес, которую отец любил и берег, как зеницу ока. Граф жил уединенно и большую часть года проводил в путешествиях.

Воспитание его любимицы шло так же странно, как и все, что касалось его собственной жизни, его отношений и его таинственного дворца.

Инес только год тому назад оставила монастырь, в котором воспитывалась и обучалась под надзором монахинь. Это, впрочем, было понятно, потому что граф был вдов, а женское влияние считал необходимым для своей дочери.

Несмотря на строгое и серьезное воспитание, полученное ею в монастыре, Инес была весела, естественна и искренна. Однако с детства она была подвержена какому-то таинственному недугу, который нельзя было устранить никаким воспитанием.

По совету опытного патера Доминго дон Кортесилла взял своей дочери в наставники двадцативосьмилетнего патера Антонио, который в отсутствие графа обязан был смотреть за ней. Эта предосторожность, как мы после увидим, была необходимой и помогла избежать большого несчастья.

Антонио, казалось, был посвящен во все тайны дворца Кортесиллы и пользовался

полнейшим доверием графа. Он, может быть, знал даже больше, нежели думал дон Эстебан де Кортесилла. Но молодой патер был молчалив, строг и воздержан. Он постоянно ходил все в том же черном одеянии, все с тем же, хоть и не угрюмым, но и не веселым лицом. Казалось, будто это лицо никогда не смеялось, а вместе с тем о н о было прекрасно и вызывало доверие. Художник мог бы смело писать с него Иоанна Крестителя. Антонио был бледен, у него был римский нос, тонкие, красивые губы и кроткие глаза.

Вернувшись из монастыря, дон Эстебан де Кортесилла нашел свою дочь в обществе Антонио в просторном прохладном покое, открытые окна которого выходили в парк.

Инес стояла у окна и смотрела вдаль, патер Антонио читал ей что-то вслух. Белое шелковое платье, облекая прекрасный стан графини, широкими складками ниспадало на ковер. Короткая кружевная мантилья, накинутая на густые черные волосы, спускалась до плеч. Инес внимательно слушала, и чтение, казалось, вызывало в ней грусть, по крайней мере сейчас, когда она смотрела в парк, во взоре ее сквозила какая-то странная тоска.

Инес была так прекрасна, что всякий, увидев ее, бывал поражен и восхищен ею. Черные волосы еще сильнее оттеняли белизну ее лица и нежный румянец щек. У нее были умные, живые глаза и хорошенький маленький ротик. Непринужденная естественность и детская невинность еще больше усиливали красоту Инес. Видно было, что этот нежный цветок не знал еще ни одной бури, ни одного жестокого прикосновения.

Когда дверь открылась и в комнату вошел граф Эстебан де Кортесилла, патер Антонио встал, закрыл книгу и хотел с поклоном удалиться.

— Останьтесь, пожалуйста, — приглашая его садиться, сказал граф. — Вы совершенно свой человек в доме, и я знаю, что могу на вас положиться... Как твоё здоровье, дитя мое? — обратился граф к дочери, с раскрытыми объятиями поспешившей к нему навстречу. — Твоё сияющее, цветущее лицо само ответило на мой вопрос.

— Здравствуй, отец! Как тебе понравился вчерашний праздник? — просто спросила Инес. — О, как прекрасно, как весело было на маскараде! Я так много рассказывала о нем патеру, что он никак не мог начать своего чтения.

— Позволь же мне сесть, — перебил граф живую речь своей дочери. — Сядьте и вы, патер Антонио.

— А я сяду тут, у твоих ног, — воскликнула Инес. Строгий молодой патер молча сел.

— Это больше не твоё место, Инес. Пока ты была дитя, я охотно позволял тебе сидеть у моих ног, но теперь уже недалеко то время, когда ты других увидишь у ног своих.

— Я, отец? — воскликнула пораженная Инес. — Как мне понять эти слова?

— Твоя дальнейшая судьба объяснит и подтвердит тебе мои слова. Тебе уже семнадцать лет, и поэтому пора позаботиться о твоей судьбе. Я сделал это и сегодня пришел уведомить тебя о результатах моих родительских забот.

— Отец, почему ты говоришь таким серьезным, даже торжественным тоном?

— Потому что все дело, как и известие, которое я принес тебе, серьезно. Ты достигла возраста, в котором должна подумать о том, чтобы достойному мужчине отдать свою руку и свою судьбу. Хотя мне трудно с тобой расстаться, но мой долг и твоё назначение велят мне сделать это.

Глаза патера Антонио сверкнули, но он ничем не выдал своего волнения и продолжал сидеть неподвижно.

— Ты хочешь расстаться со мной, отец? Да, ты прав, я понимаю, ты в своей заботливости уже решил за меня. Но, может, я могу остаться здесь, отдав свою руку достойному и любимому мною мужчине, тогда мне не придется расставаться с тобой, — отвечала Инес, и что-то вроде надежды блеснуло в ее глазах. — Скажи же мне все, отец.

— Я уже решился, дитя мое, и горжусь своим выбором, потому что ты назовешь своим супругом первого дона Испании.

— Первого дона Испании? — повторила Инес со сверкающими глазами. — Я думаю, что угадала, кто это... И кто же иной может быть! Ты выбрал для меня знаменитого дона Мануэля Павиа де Албукерке!

— Это странные слова, дочь моя! — воскликнул дон Эстебан, невольно взглянув на патера, который казался совершенно безучастным. — Дон Мануэль друг твоего ученого наставника...

— Никогда я не произносил здесь его имени, — строго сказал Антонио.

— Этому я верю и не стану больше думать о твоём ответе, Инес. Помолвка должна пока оставаться семейной тайной. Жениха твоего ещё нет в Мадриде, и он ещё не вернул себе всех своих прав.

— Помолвка? С кем же, отец?

— Радуйся вместе со мной своему счастью, — произнес дон Эстебан, вставая и целуя побледневшую девушку. — Ты помолвлена с доном Карлосом, который через меня шлет тебе поздравления как своей нареченной невесте.

Патер Антонио тоже встал при этом имени. Но Инес покачнувшись, она не могла ничего сказать, ужасное смятение охватило её.

— Беспримерное счастье выпало тебе на долю, ты будешь королевой! — продолжал дон Эстебан де Кортесилла.

— Что с благородной доньей? — воскликнул патер Антонио. — Обморок!..

Дон Эстебан поддержал Инес и подвел её к креслу. — Неожиданное известие, — успокоительно произнес он. — Завтра ты оценишь своё счастье и поймёшь, почему я сказал тебе, что скоро ты других увидишь у своих ног.

Инес поборола, наконец, овладевшее ею оцепенение.

— Ты прав, отец, — сказала она слабым голосом, — это неожиданное известие...

— Я знаю своё дитя, свою дорогую, послушную Инес. Её ждёт несказанное счастье — она будет королевой, — продолжал граф Эстебан, спокойно улыбаясь, будто вовсе не замечая и даже не допуская возможности того ужасного смятения, которое охватило молодую девушку. — Ты моя гордость! Я первый приношу тебе мои поздравления!

— Я буду королевой, — нетвердым голосом произнесла Инес. — Конечно, отец, ты выбрал лучшее для меня, но...

Она не могла договорить, голос изменил ей, и она залилась слезами.

— Свадебный контракт подписан, то есть официальная помолвка уже произошла. Скоро я повезу тебя к твоему жениху. Избегай всякого волнения, Инес, дорогое дитя моё, вредные последствия его тебе известны. Пусть патер Антонио успокоит тебя набожной беседой, — заключил граф Эстебан де Кортесилла, поцеловал дочь и вышел из комнаты.

Когда дверь за графом затворилась, Инес обернулась к патеру.

— Вы мне друг, я это знаю. Каким бы холодным вы ни притворялись, я часто замечала в вас живое участие, — полупшепотом произнесла она. — Сжальтесь надо мной! Дайте мне совет, патер Антонио! Я не могу быть женой дона Карлоса... Потому что... я люблю другого. Молодой патер, казалось, никогда ещё так не нуждался в спокойствии и в самообладании, как в эту минуту.

— Я не знаю, чем полно ваше сердце, — сказал он тихо.

— Сердце моё полно любовью, безграничной любовью... Вам я могу довериться, патер Антонио. О, помогите, посоветуйте мне... Вам одному я могу довериться: я люблю дона Мануэля!

Патер содрогнулся, он будто не ожидал этого.

— Мы должны бороться со своими страстями, донья Инес, — сказал он.

— Бороться! — воскликнула графиня, закрыв лицо руками. — Бороться!

— Потому что в сердце каждого из нас есть что-то, что способно сделать его бесконечно несчастным!

При этих словах Инес вдруг поднялась, глядя прямо перед собой.

— Что напоминают мне эти слова? — сказала она чуть слышно, как во сне. — Красное домино! «Ступай на улицу Толедо, там найдёшь ты...» — она остановилась и на минуту задумалась. Лицо её осветилось бледным лучом надежды. — Оставьте меня, патер Антонио, прошу вас, — сказала она. — Вы видите, я почти спокойна.

Патер молча поклонился и вышел.

— На улицу Толедо, — воскликнула Инес. — То был мой добрый гений! На улицу Толедо сегодня же вечером...

III. Дон Карлос и Амаранта

В небольшой комнатке на чердаке одного из домов мрачной, грязной, снискавшей дурную славу улицы Толедо лежала на кровати тяжело больная старуха. Молодая женщина лет двадцати стояла на коленях у постели, прижимая к груди младенца, завернутого в тряпье.

В комнатке было невыносимо душно, жаркие лучи солнца за день раскалили крышу. И хотя уже наступил вечер, в комнату по-прежнему не проникало ни струйки свежего воздуха.

Молодая женщина встала, намочила полотенце и приложила его к горячей голове больной. Черты лица этой женщины, теперь изнуренной нуждой и заботами, говорили, что когда-то она, должно быть, была прекрасна.

— Ты видишь? Вот он крадется... Амаранта! Это Изи́дор. Поди сюда... Я должна тебя спрятать, — в бреду говорила старуха. — Он злой, он намеренно сделал это и теперь радуется твоему позору, Амаранта! Изи́дор — дьявол! Где ты, Амаранта? Она ушла, Изи́дор сманил ее...

— Матушка, смотри, Амаранта здесь, с тобой, — отвечала изнуренная молодая женщина. Она положила уснувшего ребенка в изголовье кровати. — Амаранта здесь, матушка! Бедная матушка, как ты страдаешь!

— Тише! Да, я вижу тебя, теперь все хорошо, — пробормотала больная, широко раскрыв свои ввалившиеся глаза. — Не отходи от меня! Молись пресвятой Мадонне, слышишь? Молись за меня, за себя и за свое несчастное дитя! Проси хлеба, проси помощи...

Амаранта тихо плакала.

— Не плачь, мне это больно, — продолжала больная мать; белые волосы ее в беспорядке разметались по подушке.

— Тише, молчи! Я спать хочу... Почему так темно? Кто же он, этот сладкоречивый лицемер? Во всем виноват Изи́дор. Он продал мое дитя! — жаловалась больная, и в бреду не забывая о своем несчастье. — Амаранта, дитя мое! Она увядает, изнуренная и бледная. Исчезла ее красота, исчезла ее невинность — все исчезло навсегда. Молись же, Амаранта, молись, дитя мое!

— Усни, матушка, постарайся прогнать эти мысли.

— Тебе больно это слышать, я знаю. Я ничего не скажу больше... Но ты видишь его там, в углу? Он крадется в дверь, и в руке у него записочка... Это письмо от прекрасного молодого дона...

— Здесь никого нет, кроме меня, дорогая матушка, — отвечала дочка. — Усни, сон подкрепит тебя. Уже вечер. Сейчас еще раз смочу тебе полотенце, и ты уснешь. Я останусь здесь, у твоей постели.

— Да, я усну, — отвечала больная.

Амаранта с беспокойством посмотрела на свою больную мать. От забот и бессонных ночей щеки молодой женщины ввалились, а прекрасные глаза казались неестественно велики. Темные волосы в беспорядке рассыпались по плечам. Платье на ней было хотя и простое, но опрятное.

В этой комнатке нужда и несчастье сквозили отовсюду, приводя в отчаянье бедную женщину.

Кроме жесткой кровати, в комнатке было еще два стула, знавших когда-то лучшие дни, старый поломанный стол, незапиравшийся шкафчик и образ на стене над постелью. Это было все. Небольшое окошечко, выходившее на крышу, было открыто, и сквозь него в комнату проникал последний луч заходящего солнца.

Больная уснула, и Амаранта только повернулась к своему младенцу, завернутому в лохмотья, как раздался легкий стук в дверь — и она тут же приоткрылась.

В низких, покосившихся от старости дверях показалась голова мужчины, его черные косые глаза осторожно оглядели комнату. Он был похож на каторжника. Коротко остриженные волосы торчали, как щетка, лицо было смуглым, безбородым, безобразным.

Амаранта отошла от постели больной и тихонько на цыпочках приблизилась к двери, которая теперь растворилась настежь.

На вошедшем был старый военный сюртук, который, однако, с трудом можно было признать. Кивнув головой, он поманил к себе девушку, прекрасный стан и тонкие черты которой лишь теперь ясно обозначились, когда свет из окна упал на нее.

— Тише, чтобы только матушка не проснулась, — шепнула Амаранта.

— Скоро она еще крепче уснет, — махнув рукой на кровать, сказал мужчина. — Я был там, — добавил он, как-то странно мигнув при этом, что, впрочем, похоже, было у него привычкой.

— Что ж ты узнал, Изи́дор?

— Ты была права, он здесь.

— Он здесь?! Слава тебе, пресвятая Мадонна! Наконец-то! Значит, мой сон не обманул меня! — живо произнесла Амаранта, и на лице ее мелькнула надежда, казалось, давно уже оставившая ее.

— У тебя вечно предчувствие! Если б оно еще для чего-нибудь пригодилось!

— Ты отыскал его?

— Неверного твоего любовника? — усмехнувшись, спросил Изи́дор, и в эту минуту безобразное лицо его стало еще отвратительнее. — Да, я отыскал его. Это тоже наше дело! Лучше было бы, впрочем, быть женой Изи́дора, чем — ха-ха! — у неизвестного дон... того... ха-ха! Да ты выше воспарила! Ну что ж, наше почтение! Действительно, если не высоко, то довольно далеко зашло дело, — он злорадно рассмеялся и указал на спящее дитя. — Дворянин-то был получше Изи́дора! А ты его имени даже не знаешь, ха-ха! Не зря он тебе его не сказал, потому что к чему же...

— Надо же было мне поручить тебе еще и это! — перебила его Амаранта. — Но у меня решительно никого нет на свете!

— Я нашел твоего приятеля, — продолжал безобразный молодой человек, которому на вид было лет двадцать шесть. — Я нашел его потому, что я хороший сыщик, но привести не привел... Он даже не заплатил мне за работу. Скрыга! Скажите! С каким презрением вы на меня смотрите изволите! Только поверьте, эти взгляды скорее заслужил ваш безымянный обожатель, нежели я, ха-ха! Он не придет, потому что, видите ли, не может, но мне сдается, что теперь ему просто не до тебя.

— Замолчи! Я хорошо знаю твой злой язык, Изи́дор!

— Конечно, и времени уже порядочно прошло с тех пор, как ты видела его в последний раз, ну, может быть, у него и память коротка, это иногда бывает...

— Он не придет...

— Тогда, — продолжал Изи́дор, перебив ее, — все прекрасные надежды лопаются, как мыльные пузыри. — Он щелкнул пальцами. — Да, Изи́дор не годился для вас, а все же тогда он был капралом. А о той глупой истории, что я будто бы уколошил болвана на большой дороге, нечего и говорить. Так и выходит в конце концов, что Изи́дор-то был бы получше неизвестного дон, записочки которого он носил. Э! Изи́дор молодец, Изи́дор все может! Изи́дор может даже таскать к своей возлюбленной записочки другого, ее любовника! Ну что, оставь в покое старуху, — добавил он грубо, заметив, что Амаранта с беспокойством оглянулась на больную мать.

— Ступай! Оставь меня.

— Еще не все, — заметил Изи́дор. — Он не придет, но ты можешь увидеть его и поговорить, если хочешь.

— Он сказал тебе это? — быстро спросила Амаранта.

Она ухватила за эту возможность, как утопающий хватается за соломинку.

Изи́дор отрицательно покачал головой.

— Нет, не он, это я тебе говорю. Ты можешь застать его, если поспешишь.

— Где же, где? Говори! — воскликнула несчастная.

— Гм! Велико, однако, в тебе желание его видеть. Но Изи́дор сострадателен. Ступай к городским воротам. Там у моста его ждет монах с лошады́ю. Он тоже будет в монашеской рясе.

— У городских ворот, сказал ты? Но мой ребенок и матушка... — проговорила Амаранта. — Ты изверг, Изи́дор. Ты знаешь больше, ты знаешь его имя, его...

— Что тебе в имени? — отвечал Изи́дор, пожав плечами. — Погоди немного, может, я и узнаю имя, а теперь еще зелен виноград. Ну что же? — настойчиво произнес он, протянув свою грязную смуглую руку. — Ты еще ничего не дала мне, давай деньги. По крайней мере, если не в любовниках ходишь, так хоть денежки получить, надо же залить горе.

— На, возьми! — сказала Амаранта, бросив ему в руку последнюю оставшуюся у нее монету. — Теперь ступай! Ступай же!

— Иду, иду. До приятного свиданья! — раскланялся Изи́дор и оставил чердак.

— Ужасно! — вымолвила Амаранта, когда он, наконец, скрылся.

Она подошла к кровати, убедилась, что больная спит, и взяла ребенка на руки. Надев большой старый платок, которым прикрыла и малютку, она тихонько вышла из комнаты, по узкой темной лестнице спустилась вниз и очутилась на улице.

На дворе была ночь. Фонарщики зажигали уличные фонари. Разношерстная толпа окружила ее. На улице Толедо вообще, а вечером в особенности, все время сновали разные подозрительные личности, хотя проходили иногда и деловые люди, купцы или работники. Тут шли цыгане, искавшие ночлега, там раздавались громкие крики погонщиков мулов, еще дальше какие-то подозрительные фигуры торговались и спорили с женщиной. Амаранта ничего не видела, ничего не слышала. Она бежала, крепко прижав к себе ребенка, мимо низких домов прямо к старинным большим городским воротам.

Одно желание наполняло все ее существо. Она хотела увидеть своего возлюбленного, от него самого услышать, отчего он не прислал ей ни слова, ни поклона, никакого иного знака своей привязанности. Сомнение боролось в ней с надеждой, и она хотела, чтобы, наконец, закончилась эта борьба. Она еще не могла поверить в то, что он изменил ей, забыл ее, хотя Изи́дор при всяком удобном случае намекал ей на это; она все еще верила ему, верила в несуществующие задержки и препятствия. Однако ужасный страх, иногда овладевавший ею, ясно доказывал, что подозрение уже поселилось в ней. Она хотела знать, что ее ожидает, хотела покончить с неизвестностью.

Ноги ее дрожали, когда она, наконец, миновала ворота и оказалась недалеко от моста. Кругом было тихо и пусто.

Амаранта увидела человека, водившего лошадь взад и вперед по дороге в тени развесистых деревьев. Она глубоко вздохнула. Значит, не опоздала.

Лошадь водил монастырский служка.

Она не осмелилась подойти к нему и встала у моста, ожидая появления своего возлюбленного. Она хотела только видеть его, услышать от него хотя бы одно слово любви, хоть немного поверить в его привязанность — это дало бы ей силы сном ждать и надеяться.

Вдруг недалеко от ворот показался мужчина. Изи́дор предупредил ее, что на нем монашеская ряса, но почему? Ведь он был офицером, она это хорошо знала, отчего же он прятался?

Это обстоятельство пробудило в сердце Амаранты уже уснувшую было надежду. Она, шепча молитву, с сильно бьющимся сердцем ждала своего любовника, который когда-то так горячо клялся, что любит ее и никогда не оставит, которому она отдалась, потому что безгранично любила его.

Мужчина, показавшийся за воротами, подошел ближе и направился к лошади. Амаранта бросилась к нему.

— Ты ли это? Скажи, подай хоть единый знак, — воскликнула она, — это я, твоя Амаранта. Я хотела видеть тебя, услышать от тебя самого, любишь ли ты еще меня. Смотри,

это дитя...

Монах на минуту остановился.

— Что хочет эта женщина? — в сердцах воскликнул он, с поспешностью оттолкнув Амаранту.

— Пресвятая Мадонна! — воскликнула несчастная. Но она пока еще не была уверена, что этот монах — тот самый мужчина, который когда-то обещал вечно любить ее. Она смотрела на него, затаив дыхание, держа младенца в дрожащих руках.

Монах сбросил рясу, подал ее служке и сел на лошадь.

Амаранта громко вскрикнула:

— Это он! Это он! Неужели ты не узнал меня? — воскликнула она в страшном волнении.

— Назад! — строго сказал служка, отесняя ее от лошади, которая взвилась на дыбы, метнулась в сторону и через мгновение скрылась с всадником в темноте ночи.

Амаранта, широко раскрыв глаза, смотрела ему вслед. Служка вдруг исчез; вокруг все было пусто и мертво, и Амаранте показалось, будто вся кровь в ней остыла, будто иссяк источник ее слез.

Ребенок шевельнулся у нее на руках, и Амаранта опомнилась. Да, это был он, тот, что умел так нежно ласкать ее, так много обещал, гулял с нею ночи напролет под тенистыми каштанами. Это он теперь оттолкнул ее от себя, как навязчивую нищую, он произнес эти ужасные слова: «Что хочет эта женщина?»

Что теперь ей было делать? Где искать спасения? Чего ждать для себя и для несчастного маленького создания, рожденного ею на свет для горя и страданий?

— Нет, нет! — вдруг произнесла Амаранта. — А матушка? Нет, еще не пробил час!

Она быстро прошла под воротами и направилась по улице Толедо, будто спеша обогнать свои собственные тревожные мысли. Дойдя до дома, она, словно в забытьи, поднялась по лестнице, но, открыв дверь в свою светелку, в изумлении остановилась на пороге.

Не ангел ли сошел с неба в это скромное, бедное жилище? У постели больной стояла прекрасная молодая девушка. Нагнувшись над старухой, она утешала ее нежными словами.

Откуда взялось это чудесное создание?

Пораженная Амаранта еще стояла на пороге, когда Инес, державшая в одной руке свечу, обернулась и увидела вошедшую.

— Вы, вероятно, дочь этой бедной женщины? Вы Амаранта, о которой она все время говорит? — спросила Инес. — Подите сюда, я только на время заняла ваше место, чтобы сменить полотенце.

— Благодарю вас, донья, — отвечала Амаранта. — Я, право, думала, что вижу ангела в нашей скромной комнатке.

— Вы удивляетесь, как я попала сюда? Это, действительно необыкновенный случай. Но что с вами случилось? Вы так измучены и расстроены...

Амаранта, не в силах более держаться на ногах, опустилась на кровать.

— О Господи! Какая нужда, — проговорила Инес, пристальнее всматриваясь в измученную бедную женщину. — А у вас еще и дитя, маленькое беспомощное создание?

— Да, бедное, несчастное дитя, — простонала Амаранта.

— Где ты была? — спросила больная. — Где Изидор? Ты ходила к этому неизвестному дону? Он соблазнил и бросил тебя, а ты...

— О, сжался, матушка! — просила Амаранта.

— Изидор был здесь... Он сманил тебя туда... ты видела его и говорила с ним, с изменником, ха-ха-ха! — в бреду смеялась старуха. — Она даже имени его не знает! Он оттолкнул от себя и ее, и дитя свое. Все дьяволы радуются, глядя на это, а Изидор скалит зубы и хохочет, хохочет, хохочет...

Амаранта опустилась на колени у кровати и, заливаясь слезами, целовала исхудавшую руку больной.

— Теперь я знаю, зачем я послана сюда, — говорила Инес. — Благодарю тебя, мой добрый гений. О, как несчастны эти люди! Я должна помочь им. Теперь я понимаю эти слова: «Когда с тобой случится большое несчастье, ступай в дом на улице Толедо!»

IV. Лунатик

— Эй, Диего! — крикнул дон Мануэль своему слуге, поднимаясь по ступеням дворца, чтобы войти в дежурный зал, где, как он только что увидел через стеклянную дверь, его ожидали бригадир Жиль-и-Германос и патер Антонио.

— Дон Албукерке! — быстро обернувшись, отвечал слуга, уже направившийся было через двор.

Дон Мануэль Павиа де Албукерке осторожно, стараясь не слишком звенеть шпорами, спустился по лестнице; Он был поразительно красив, именно поэтому все женщины в Мадриде знали его. Его везде можно было видеть — на Прадо, в театре, в цирке, и всюду на него оглядывались, любясь необыкновенной грацией его движений. Любимец высшего круга, баловень общества, он был чрезвычайно представительен, но при этом в нем не было напыщенности. Прекрасная густая борода украшала его мужественное, цветущее здоровьем лицо, в живых глазах был огонь, особенно, когда он говорил; когда же он смеялся, то был просто обворожителен.

Дон Мануэль хорошо знал, что он может нравиться. К тому же он был смелым наездником, честно служил и был самым ловким в Мадриде бойцом. Это он уже не раз доказал на бесчисленных дуэлях и поединках.

Число его знакомых было очень велико, но друзей — только двое: бригадир Жиль-и-Германос и молодой патер знатного происхождения, патер Антонио.

Дон Мануэль, как мы уже сказали, снова повернулся к своему лакею, только что вручившему ему записочку, которую дон Албукерке, не распечатывая, положил в карман. Повернулся же дон Мануэль потому, что увидел — друзья ждут его в дежурном зале.

— Диего, — сказал он, — у меня еще одно поручение для тебя.

— Что прикажете, дон Албукерке?

— Я хочу отослать письмо, но ты знаешь, что письма иногда теряются.

Диего улыбнулся:

— Я не простака, дон Павиа, и сумею быть осторожным.

— Мне известно. Ты знаешь дворец графа Кортесиллы?

— Я несколько раз ходил к патеру Антонио.

— Отдай ему это письмо, — сказал дон Мануэль, вынув записочку из кармана и отдавая ее слуге.

— В собственные руки? — спросил Диего.

— Ему лично, а никак не лакею! Если же патера нет дома, то попроси, чтобы тебя проводили к благородной донье.

Диего посмотрел на своего господина, и ясно было, что он вполне понял, что от него требуется.

— Значит, благородной донье я могу отдать его? — спросил он.

— Да, да. Но только ей самой, не графу!

— Позвольте, — вдруг заметил Диего, подержав письмо перед фонарем и прочитав на нем адрес, — это же то письмо, которое я только что вам передал.

— О Боже! — воскликнул дон Мануэль, недовольный своей оплошностью. — Это было бы страшное недоразумение!

Он взял письмо у слуги, продолжавшего потихоньку улыбаться, и подал ему другое, без всякой надписи.

— Ступай скорее, Диего.

— Ответ нужен, дон Албукерке?

— Нет, но не забудь, что я сказал тебе: письмо не должно попасть в чужие руки.

Диего поклонился, надел шляпу, которую все время держал в руках, побежал через двор, а дон Мануэль снова поднялся по широким мраморным ступеням и вошел в большую стеклянную дверь.

— А, вот и он, наш благородный дон Мануэль! — воскликнул бригадир Жиль-и-Германос. Его круглое, красное лицо осветилось приятной улыбкой, и он дружески протянул вошедшему обе руки. — Наконец-то! Верно, ходил опять под чьими-нибудь окнами или был на свидании...

— Ты все шутишь, Жиль, — возразил Мануэль. — Но я от души рад видеть вас обоих; тебя, мой дорогой бригадир, и тебя, патер Антонио, ученый и философ, хоть ты и не признаешься в том. Мне уже давно хотелось побыть с вами.

— Да, да, — рассмеялся Жиль. — Наш благородный дон десять раз пообещает прийти и лишь один раз придет.

— Сегодня я был дежурным.

— По службе или по любви?

— Ты, я вижу, в очень хорошем расположении духа, — отвечал Мануэль. — По службе. И дело весьма важное: дон Карлос появился в Мадриде.

— Как? Дон Карлос! — воскликнул Жиль, вскочив со своего стула, на который он только что уселся.

Патер Антонио тоже проявил некоторое изумление.

— Между нами говоря, сегодня рано утром я получил приказ поставить караулы у всех ворот, но птичка, кажется, вылетела раньше, ибо я только что получил донесения, что за весь день никого не обнаружено.

— Однако с его стороны это смелая штука.

— Да, это на него похоже, и я этому верю, — заметил Антонио. — Не верю только, что его можно поймать. У него слишком много друзей и слишком много средств.

— Кстати, патер Антонио, — заметил Мануэль, — у вас во дворце тоже происходит что-то таинственное.

— Почему ты так думаешь? — спросил Антонио.

— Нет, я не думаю, просто я видел, — отвечал Мануэль, — вчера вечером, когда возвращался с Прадо и уже стемнело...

— Ты оказался там из-за молодой графини, к которой с некоторых пор равнодушен? — перебил Жиль своего товарища. — Одобряю твой вкус.

— Я просто проходил мимо дворца графа Кортесиллы по пути домой и тут увидел двух закутанных людей, которые, подозрительно оглядываясь, быстро шли к дворцу.

— Уж не дон Карлос ли это был со своим братом Альфонсом?

— Нет, это были не они, я уверен, но, во всяком случае, это были замечательные фигуры, — продолжал дон Павиа. — На них были запыленные ботфорты, одинаковые плащи и шляпы, а лица сильно заросли бородой.

— Так это были просто какие-нибудь управляющие, — спокойно заметил Антонио, — прибывшие доложить о чем-то графу. Действительно, такие люди иногда бывают у него.

— Не знаю, — задумчиво проговорил дон Павиа. — Только они произвели на меня странное впечатление. Я уверен, Антонио, ты, если и знаешь, все равно не проговоришься, но мне кажется, что Кортесилла втайне помогает дону Карлосу.

— Не думаю, — воскликнул Жиль. — Скорей, мне кажется, человек этот, владеющий сказочными богатствами, имеет какие-нибудь дела на севере, и его частые путешествия вовсе не так бесцельны. Я думаю, что он стоит во главе какого-нибудь тайного общества или какой-нибудь тайной партии...

Антонио улыбнулся, но это была холодная улыбка, и он сказал только:

— Я вижу, что вы знаете гораздо больше моего, я ничего такого не замечал. Все любят строить догадки насчет графа.

— Это потому, что он так уединенно живет и так ужасно богат, — сказал Жиль. — И потому, что графиня Инес хорошая партия. Клянусь, она с каждым днем становится

прекраснее, и мадридские дамы вполне могут ей позавидовать.

— Право, я думаю, уж не влюблен ли наш общин друг бригадир Жиль-и-Германос! — воскликнул Мануэль шутя. — Прежде он смеялся над теми, кто впадал в это сумасшествие, прежде он уверял, что оружие заменяет солдату невесту и что он скорее захочет изведать глубину какого-нибудь сосуда с вином, нежели глубину прекрасного женского взора, но теперь, кажется, произошла внезапная перемена...

— Не беспокойся, друг мой, — улыбаясь, отвечал Жиль, — я тебе не соперник. Но что скажет молодая герцогиня Медина, жена старого герцога Федро, узнав, что Мануэль изменил ей?

— Я всегда был к ней внимателен, и только.

— Дело в том, как на это посмотреть. Во всяком случае, старик-герцог смотрит на это иначе, чем ты.

— Старому человеку жениться на молодой донье всегда опасно, — заметил патер Антонио.

— Ну да, поэтому-то вы и вовсе не женитесь, чтобы с вами этого не случилось, — смеялся Жиль. — Однако герцогу должно было быть известно, что прежде, чем стать его женой, донья Бланка Мария де ла Ниевес имела не одну любовную интригу. Если бы мне за ее записочки, которые получал Мануэль, назначили годовой доход, я бы давно стал миллионером.

— Я об этих письмах ничего не знаю, — сказал Мануэль.

— Конечно, ты ведешь себя как рыцарь и не признаешься в этом, но я однажды после твоего посещения нашел в своей гостиной записочку от этой дамы и потом как ценную бумагу передал ее тебе. Да, да, я все вижу! Прошлый раз на балу герцогиня была очень грустна, оттого что известный Ромео слишком явно ухаживал за гранатовым цветком. Но берегись, герцогиня опасна и умеет плести интриги.

— Старый же герцог чрезвычайно прям и чистосердечен. Одно стоит другого, — сказал Мануэль.

— Мне пора домой, уже стемнело, — заметил патер Антонио, вставая. — Я видел вас, поговорил с вами — и с меня довольно. Не хотите проводить меня?

— Воспитатель прекрасной графини уже беспокоится, — рассмеялся Жиль. — Какой вы, однако, преданный и заботливый человек, патер!

— Всякий должен ответственно исполнять свои обязанности, — серьезно отвечал Антонио.

— У тебя завидная обязанность, — признался Мануэль, — но я думаю, что она трудна и неблагодарна. Скорее бы я согласился стеречь дюжину пленных, чем одну прекрасную молодую девушку.

Молодые люди встали и оставили дежурный зал, напутствуемые поклонами остальных офицеров. Разговаривая между собой, друзья прошли через двор, где часовые отдали им честь, и вышли на улицу.

Приятный свежий ветер дул им навстречу. Была одна из тех волшебных испанских лунных ночей, которые так живительно действуют на человека после тяжелого знойного дня. Поздно вечером и ночью Мадрид обычно оживляется, тогда как днем все прячется в домах за спущенными занавесками.

На улицах было шумно. Прадо, Реколетос и Фуэнте Кастеллана были полны пешеходов, колясок и всадников. На Пуэрта-дель-Соль еще толпились купцы, евреи и христиане, торговались, разговаривали и обделывали свои дела. На площадь Майор, с ее великолепными лавками, обилием цветов и мороженого, с ее прекрасными выставками, стекался народ. Из сада в центре площади далеко разносилось благоухание цветов.

Три приятеля направились сначала на Прадо, чтобы потом свернуть на ту улицу, где находился дворец графа Кортесиллы.

Дойдя до этой сравнительно пустой и спокойной улицы, они увидели большое скопление людей, по-видимому, наблюдавших за чем-то. Там царила полная тишина, но

издали не видно было, чем занят народ.

Однако в ту же минуту три приятеля разом замолчали, взглянув на плоскую крышу одного из домов...

Там, на страшной высоте, по самому краю крыши двигалась залитая лунным светом белая фигура в легкой ночной одежде.

Толпа с ужасом смотрела на лунатика, который каждую минуту мог оступиться и рухнуть вниз.

При виде этой страшной картины тело цепенело и волосы становились дыбом. Как тень или как дух, отрешившийся от всех физических законов, повернувшись лицом к луне, двигалась эта женская фигура вдоль самого края. В любую минуту она могла разбиться о мостовую.

— Ни слова! Только не зовите! — говорили несколько человек в толпе. — Ради Бога, тише!

В ужасе смотрели Мануэль и бригадир на женщину-лунатика, патер Антонио стоял бледный и безмолвный и вдруг незаметно скрылся.

Не отводя глаз, смотрели любопытные на белое привидение, которое уверенно продолжало идти вперед.

Спустя несколько минут возле белой женской фигуры внезапно появился мужчина в широкой черной одежде.

Дону Мануэлю и Жилью показалось, что то был дух Антонио, и, обернувшись, они увидели, что его уже не было с ними.

В толпе раздался сдержанный ропот удивления при виде этого человека, который осмелился спасти сомнамбулу от страшной опасности.

Мужчина в черном, уверенно и легко ступая по краю крыши, будто божественной силой воодушевленный на этот подвиг, приближался к женщине.

Еще минута — и все будет кончено! Либо ему удастся спасти ее, либо они оба упадут со страшной высоты.

Затаив дыхание, все следили за его движениями, у всех кровь застыла в жилах от ожидания и страха.

Вдруг сомнамбула, будто почувствовав, что к ней приближаются, начала просыпаться, она сделала легкое движение и пошатнулась.

Из толпы вырвался страшный крик, женщины закрыли глаза, мужчины побледнели. Но в ту же минуту смелый юноша в черной одежде уже подхватил ее и поднял на руки.

Раздались громкие радостные крики. Люди, только что натерпевшиеся смертельного страха, радовались и рукоплескали отважному юноше, который уже уносил спасенную и вскоре совсем скрылся с нею из виду.

— Это был Антонио, — сказал Мануэль. — Я узнал его.

— Но кто эта сомнамбула? — спросил Жиль, удаляясь вместе со своим другом.

— На такой высоте трудно узнать. Дом стоит рядом с дворцом графа Кортесиллы, — отвечал Мануэль, — видимо, какая-то их соседка, но я не знаю, кому принадлежит дом.

И друзья отправились по домам, а толпа стала расходиться, не переставая дивиться смелому поступку юноши в черном.

V. Герцогиня Бланка Мария Медина

В богато убранном будуаре стояла перед зеркалом молодая донья и, казалось, спрашивала у прекрасного венецианского стекла, достаточно ли она хороша сегодня. При этом донья самодовольно улыбалась, в глубине души не сомневаясь, что зеркало говорит «да».

Донье было около двадцати восьми лет, она была полной и высокой. Ее грудь, плечи и руки были безукоризненно прекрасны. Герцогиня вообще напоминала женщин Рубенса.

Румяное лицо ее нельзя было назвать особенно благородным или выразительным,

красота ее больше дурманила, чем привлекала. Ни особенной сердечной доброты, ни каких-либо других душевных качеств не светилось в глазах герцогини, скорее даже черты ее выражали холодность и вместе с тем жажду чувственных наслаждений.

Страсть и чувственность читались в темных глазах и пухлых, красивых губах Бланки Марии Медины.

При этом герцогиня была поразительно величественна, и всякий, кто видел ее в первый раз, должен был признаться, что красота ее опьяняет.

На герцогине было светло-голубое шелковое платье и легкая мантилья, на шее великолепное жемчужное ожерелье, на груди приколот любимый ее цветок — темно-красный центифолий.

— Ты как раз вовремя, Фелина, — сказала герцогиня вошедшей служанке и не подумав спросить у нее, что ей нужно. — Отдали вчера мое письмо дону Павиа де Албукерке?

— Да, ваше сиятельство. Сегодня я узнала у управляющего благородного дона, что письмо было получено вчера, Диего передал его.

— Значит, недоразумения невозможны. Он получил письмо, — прошептала герцогиня.

— Если позволите, ваше сиятельство, я хотела доложить... — начала Фелина.

— Говори, — приказала герцогиня.

— Диего вчера вечером отнес записочку во дворец графа Кортесиллы.

Герцогиня чуть не выдала себя при этих словах, так взволновало ее это сообщение.

— Я так и думала, — чуть слышно проговорила она, а потом прибавила громко, стараясь говорить равнодушно: — Кто тебе это сказал, Фелина?

— Жуанита, дочь управляющего. У нее связь с Диего.

— Вероятно, Диего носил письмо к патеру Антонио, другу своего господина.

— Никак нет, ваше сиятельство. Жуанита сказала мне, что Диего передал письмо молодой графине.

— И она оставила его у себя?

— Не только оставила, но и распечатала. Так Диего сказал Жуаните.

Герцогиня побледнела и отошла в сторону, будто бы для того, чтобы навести порядок на одном из мраморных столиков.

Прошло несколько минут.

— Да, кстати, зачем ты пришла, Фелина? — спросила герцогиня, стараясь казаться спокойной.

— Там чужой человек пришел, он хочет вас видеть.

— Кто он и что ему нужно?

— Он не сказал этого, но уверяет, что прежде служил в доме у благородного дона де ла Ниевеса.

— Ну так зови его, — приказала герцогиня. Фелина вышла, и тотчас лицо герцогини приняло другое выражение.

— Он не идет... Теперь я все понимаю, — тихо проговорила она. — Он хочет меня оставить, он любит прекрасную графиню Кортесиллу! Да, это так, больше нет сомнений. Он получил мое письмо и не идет... может быть, он даже не прочел его... Я, — Бланка Мария содрогнулась, — я надоела ему! — поняла она со всем отчаянием униженного самолюбия. — Он хочет быть свободен, чтобы вольнее и беспрепятственнее любить другую. И я должна смотреть на то, как он с другой будет ездить на прогулки, разговаривать в театре... Нет, я не вынесу! Но это еще кто? — перебила себя герцогиня, увидев в дверях неизвестного посетителя. — Что за зловещее, преступное лицо, — тихо добавила она.

— Извините, ваше сиятельство, что я осмелился вас беспокоить, — произнес вошедший, низко кланяясь и косясь в то же время на герцогиню, которая окинула его быстрым оценивающим взглядом. На нем был старый, поношенный военный мундир, а в руке он держал шляпу, которую теперь бросил на ковер позади себя.

— Кто ты такой? — спросила герцогиня.

— Изидор Тристани, ваше сиятельство. Прежде был капралом, а еще прежде слугой в

доме благородного дон-де-ла-Нивеса, вашего сиятельного отца. Тому будет теперь уже лет девять.

— Да, я смутно помню, что у отца в доме был человек, которого звали Изидором. Твои дела, кажется, не очень хороши, судя по твоей одежде?

— В том-то и дело, ваше сиятельство, что одежда делает человека, — улыбнулся Изидор. — Я пришел с покорнейшей просьбой к вашему сиятельству... Нет, нет, вы не угадали! Я пришел сюда попросить вас похлопотать обо мне...

— У кого же и о чем?

— Мне надоело нищенствовать, и я принял теперь твердое решение...

— Отчего же ты в полку не остался?

— Это случилось из-за рокового стечения обстоятельств... Я думаю, что это была интрига. Я был капралом, и мое место, вероятно, понадобилось другому. Как-то я подрался с одним незнакомцем и неосторожно ранил его, вот и пришлось полк оставить. А теперь я хочу перейти к карлистам.

— И ты, не стесняясь, говоришь это здесь? — спросила герцогиня.

— Здесь — да, но только здесь, ваше сиятельство.

Я прошу вас, герцогиня, не говорить обо мне с доном Альфонсом, братом дон-Карлоса, а...

— Это престранная просьба! Изидор мигнул и улыбнулся.

— Когда-то, — сказал он, — дон Альфонс часто и не без причины бывал в доме у вашего отца... Поэтому осмеливаюсь попросить у вас рекомендательное письмо. Хотя у меня связей достаточно, ваше сиятельство, и я даже лично знаю дон-Карлоса, но по разным тайным соображениям я не могу к нему лично обратиться, хе-хе! Но, однако, пора действовать — нужда дошла до крайности, и я хочу с этим покончить, поэтому я решил поступить в рекруты!

— Ты просишь меня о том, чего я никак не могу исполнить, — сказала герцогиня. — Если принц и посещал некогда дом моего отца, то тогда обстоятельства были иные. Герцогиня Медина никак не может дать тебе рекомендательного письма, как бы она ни желала помочь бывшему слуге своего отца. На, возьми это, — добавила она, бросив жадному Изидору кошелек, который тот быстро подхватил.

— Премного благодарен вам, ваше сиятельство! Я и на всякую другую службу способен, — продолжал Изидор. — Я знаю все понемножку: знаю солдатскую службу, знаю и шпионскую, я бы даже мог быть и идадьо, сменить лишь платье, а теперь, благодаря вашей щедрости, я могу это сделать. Я мог бы пригодиться, вам, ваше сиятельство, неблагодарным меня не назовешь...

— Где ты живешь, Изидор?

Бывший рядовой не то презрительно, не то с сожалением пожал плечами.

— На углу улицы Толедо и Еврейского переулка, — отвечал он. — Я там уже почти изжарился под крышей. Ваше сиятельство, я хотел бы заслужить эти деньги, оказав вам какую-нибудь услугу, чтобы подавание ваше не так тяготило меня. Я не прошу милостыни...

— Знаешь ты дон-Албукерке? — спросила герцогиня.

— Как самого себя, ваше сиятельство! Кто же не знает прекрасного дон-Мануэля Павиа де Албукерке, а я тем более! Я ведь даже служил под его началом.

— А знаешь ли ты дворец графа Кортесиллы? — спросила герцогиня.

Изидор будто припоминал.

— Кортесилла... — повторил он. — Как голод отшибает память! Кортесилла!.. Не знаю, но я найду, ваше сиятельство!

— Так оденься почище и ступай к этому дворцу. Ты можешь прикинуться продавцом или просто прохожим. Проследи, кто посещает дворец.

— Понимаю, ваше сиятельство.

В эту минуту в будуар поспешно вошла служанка и шепнула что-то на ухо своей госпоже. Бланка Медина вздрогнула.

— Проведи Изиidora через библиотеку, Фелина, — приказала герцогиня, подав знак своему новому шпиону, который низко поклонился и вышел вслед за девушкой.

Герцогиня осталась одна, с сияющим лицом посмотрелась она в небольшое ручное зеркало, лежавшее на камине.

— Так он пришел наконец! — радостно произнесла она, но вдруг ее всю как бы обдало холодом, и лицо ее стало сурово. — Нет! — продолжала она. — К чему это нетерпение, это усиленное биение сердца, это радостное волнение? Он пришел лишь потому, что боится меня, потому что считает это своей обязанностью; не сердце привело его сюда, нет, он оставил свое сердце во дворце графа Кортесиллы! Но я хочу удостовериться в этом, хочу узнать все от него самого! Он сам должен мне во всем признаться, этот прекрасный дон Мануэль де Албукерке, который был у моих ног, а теперь вздумал меня покинуть!

Герцогиня еще раз посмотрелась в зеркало и приняла спокойное, равнодушное выражение, какое она умела придавать лицу своему, потому что была отличной актрисой. Она вполне владела собою и даже улыбалась теперь. Портьера распахнулась, и вошел дон Мануэль.

— А! Дон Мануэль де Албукерке! — произнесла герцогиня и любезно улыбнулась. — Я очень рада вас видеть. Наконец-то вы решились навестить меня. У вас, должно быть, было очень много дел, Мануэль?

Дон Мануэль поклонился герцогине и прижал ее руку к своим губам.

— Служба, донья, все служба, — отвечал он. — Я сам прихожу в отчаяние оттого, что должен был показаться вам таким безучастным и неблагодарным. Но я твердо намерен исправиться, особенно по отношению к вам, дорогая герцогиня. Вы всегда были со мной так ласковы. Герцогиня посмотрела на него, будто желая удостовериться, что это он и что он, и никто иной, произносит эти холодные, учтивые слова.

— Сядемте, дон Мануэль, я должна сообщить вам что-то, — сказала она.

Герцогиня и дон Мануэль опустились в кресла у стола, на котором стояло множество драгоценных безделушек. Герцогиня заговорила, играя флакончиком, который держала в руках:

— Нынче ночью я видела вас во сне, дон Мануэль, и видела очень ясно. Потом я проснулась и больше не могла заснуть, тогда я стала думать об этом сне, пытаюсь понять... Но, постойте, я расскажу все по порядку!

— Во-первых, сон, герцогиня, — сказал дон Мануэль де Албукерке. — Что же вы видели?

— Да, во-первых, сон! Он был так прост, так пуст, так обыкновенен и все же очень взволновал меня. Мне снилось, что вы получили от меня письмо, дон Мануэль, маленькую записочку, которая была, однако, очень важна для меня, но вы не прочли ее, не распечатали даже, не любопытствовали узнать ее содержание — на это

у вас не достало времени. Оно так понятно! Это иногда случается, — продолжала герцогиня разыгрывать свою роль, в то же время зорко отмечая, как собеседника охватывает беспокойство: он то краснел, то бледнел, — но во сне меня это оскорбило. Часто во сне бываешь гораздо чувствительнее, чем наяву. Проснувшись, я подумала, что должна, наконец, на что-то решиться.

— Бланка, — смутившись, произнес дон Мануэль, — я не понимаю, вы говорите такие слова и при этом так спокойны...

— Вам служба помешала, друг мой, распечатать мое письмо? Все служба! Пожалуйста, отдайте мне его!

— Бланка...

— Дайте мне письмо назад! Оно у вас не распечатано.

— Я не могу объяснить себе, как вы... право, вчера была такая гонка...

— Вы не можете объяснить себе, откуда я знаю, что вы не распечатали и не читали моего письма? А сон, друг мой, вы забыли мой сон? Пожалуйста, дайте же письмо, я прочту вам его. Тут мы найдем на это время, тем более, что вы еще должны уделить мне сегодня

несколько часов.

— Я вижу, что вы смирившись, Бланка, вы хотите прочесть мне письмо, и я принимаю это как знак примирения, — сказал Мануэль, подавая ей записочку.

Она, не задумываясь, распечатала ее. «Прошу вас, друг мой, — читала она, — приходите ко мне завтра в любом случае. Я буду ждать вас непременно. В знак того, что вы будете, вставьте, если возможно, в петлицу мой любимый цветок...» — герцогиня помолчала, взглянув на Мануэля.

— Недостоявший цветок, значит, выдал меня, — рассмеялся дон Павиа, вставая, чтобы поднести ее ручку к своим губам. — Я самый неблагодарный и недостойный человек! Признаю это и прошу милостиво извинить мою непростительную забывчивость.

— Забывчивость, — повторила герцогиня, погрозив ему пальцем. — Садитесь, Мануэль. Размышляя в эту бессонную ночь о нашем положении, я решила, что лучше будет для нас обоих откровенно обсудить вместе это положение, объяснить себе, что мы незаметно, постепенно навязали друг другу какие-то обязательства, которыми со временем все больше и больше будем тяготиться. Поймите меня, Мануэль, такое положение тягостно для нас обоих, а потому лучше будет... — герцогиня замаялась.

— Вы хотите сказать, — продолжил за нее дон Мануэль, — что лучше будет сбросить с себя эту тяжесть? Я думаю, что вы правы, Бланка! Только позвольте мне высказать одно пожелание: я хочу, чтобы наша дружба не пострадала от этого!

— Вы меня поняли, Мануэль! Отношения наши должны измениться — мы должны стать свободными. А что касается того, чтобы остаться друзьями, то я могу дать вам самое лучшее доказательство моего дружеского к вам расположения.

— О, как вы радуете меня сегодня своими словами, Бланка! — воскликнул Мануэль, и, казалось, тяжелая обуза свалилась с его плеч. Герцогиня это заметила. — Теперь лишь я вполне чувствую вашу доброту! — добавил он.

— Вот вам доказательство моей дружбы. Расставаясь с вами, мне приятно было бы видеть вас женатым.

Позвольте мне быть вполне откровенной, как, впрочем, и подобает друзьям. Я искренно порадовалась бы, видя, что вы избрали себе подругу жизни. До сих пор, Мануэль, вы жили, как бабочка, вы любили, порхали с цветка на цветок, прильнув то к одному, то к другому, вы были донжуан. Но наступила пора избрать, наконец, постоянный цветок и уюмониться.

— Я удивлен и восхищен благородным спокойствием, снизошедшим на вашу душу! — воскликнул Мануэль. — И как слова ваши мне полезны!

— Я вижу, что сняла с ваших плеч большую обузу, что вам теперь вольнее дышится... Перейдем же теперь к выбору. Поверите ли, я уже все взвесила и обдумала за вас и даже мысленно уже вас просватала.

— Да, это несомненное доказательство дружбы, Бланка, — радостно сказал дон Мануэль. — Говорите, прошу вас. Я высоко ценю ваши советы.

— Сначала я думала о Кондесе Гебада, но для вас она слишком стара, Мануэль.

— Да, вы правы. Кроме того, Кондеса вовсе не интересуется мной.

— Потом я подумала о герцогине де лос Алкантос, но та слишком бедна для вас.

— Как обдуманно, умно и осторожно!

— И вдруг мне вспомнилась молодая донья, которая не только прекрасна и богато одарена природой, но щедро наделена и другими богатствами. На этой я остановилась!

— Ее имя? Прошу вас, скажите мне ее имя, Бланка! — Отгадайте, Мануэль: она единственная дочь и единственная наследница своего отца и так же мила, как и красива.

Мануэль, улыбаясь, со вниманием и любопытством слушал свою собеседницу.

— Вы говорите о графине Инес, дочери графа Кортесиллы? — спросил он.

— Вы отгадали! Она, казалось мне, соединяет все, что может сделать вас счастливым, все, чего бы вы могли пожелать, Мануэль... И если только я не ошибаюсь, то выбор мой и вам самому по сердцу?

— Я вполне разделяю ваше мнение о графине, — весело воскликнул Мануэль, вставая. — Я надеюсь последовать вашему совету, если только не встречу на своем пути неожиданных препятствий. Вы заглянули, Бланка, в самую глубину моего сердца.

Герцогиня с трудом сдерживала волнение. При этих словах Мануэля она чуть не вышла из своей роли, однако сделала над собой усилие и тоже поднялась со своего места.

— Вот о чем сегодня я хотела откровенно поговорить с вами, Мануэль, — сказала она.

— И вы простили мне мое невнимание к вашему письму, Бланка?

— Неужели вы еще сомневаетесь? Разве так сердятся?

— О, благодарю, тысячу раз благодарю вас, Бланка! Сегодня я научился ценить вас еще более, чем когда-либо!

— Я разомкнула опутавшую вас тяжелую цепь...

— Вы обещали мне вашу дружбу! Надеюсь, следуя вашему желанию, вскоре сблизиться с графиней Кортесилла и принести вам утешительные вести.

— Так, так... Я многого жду от этого.

— Может быть, вы услышите об этом даже скорее, чем предполагаете.

— Вы любите прекрасную графиню?..

— Да, вам я теперь могу довериться, Бланка! Я безгранично люблю графиню Инес! Еще ни к кому меня не влекло так, как к ней, никогда еще сердце мое не любило так сильно, так пламенно. Мне кажется, что это первая настоящая моя любовь.

Герцогиня быстро поднесла руку к сердцу, но она улыбалась при этом.

— Как вы любите графиню Инес, Мануэль! — сказала она.

— Я люблю Инес, и она будет моей! До свиданья, дорогой друг мой! Примите еще раз мою искреннюю благодарность!

— До свиданья, — любезно кланяясь, отвечала герцогиня и еще повторила ему вслед, улыбаясь: — До свидания!

Мануэль вышел.

Бланка Мария не смотрела на портьера, за которой он скрылся. С нею произошла вдруг ужасная перемена: лицо, которое только что любезно улыбалось, вдруг побледнело, темные глаза зловеще сверкали, судорога подергивала губы. Вся страсть, которую так долго сдерживала герцогиня, теперь вырвалась наружу, ее трясло от злости.

— Я люблю Инес, и она будет моей! — повторяла она с сатанинской улыбкой. — Нет, гордец! Этого не будет! Ты поверил моим словам, ты поверил, что женщина может унизиться до того, чтобы просватать за другую своего возлюбленного! Помпадур могла это делать, потому что она никогда не любила короля, которому поставляла любовниц! Бланка Мария обожала тебя, Мануэль! Теперь она тебя ненавидит! И как прежде горяча и пламенна была ее любовь, такова будет теперь ее жажда мщения! Ты никогда не любил меня!

Простак! Ты попался в западню! Признался мне в своей любви, признался и в том, что я надоела тебе выше меры! Признался, потому что я видела, как ты свободно вздохнул, когда я отказалась от тебя! Это чудовищно! Бланка Мария не вынесет этого! Ее единственной мечтой было владеть твоим сердцем; теперь у нее осталось одно желание, одна цель, одно неодолимое стремление: раздавить, уничтожить тебя, гордец! Тебя, который посмел ее бросить! Уничтожить тебя и эту графиню Кортесиллу! Бойтесь же! Я не усну спокойно, пока не сделаю вас бесконечно несчастными, пока не увижу вашего падения! Медленно и осторожно я буду отравлять вас, медленно и осторожно буду мстить! С улыбкой на устах, под личиной дружбы, и если нужно, я пожертвую всем, чтобы утолить свое мщение. Я заставлю вас понять, что нельзя безнаказанно ни покинуть, ни оскорбить Бланку Марию Медину!

VI. Покинутая

По темной улице Толедо быстро продвигалась похоронная процессия. Печальное шествие направлялось от Еврейского переулка к городским воротам.

Четыре высоких худощавых носильщика несли узкий простой гроб без всяких украшений. На нем не было ни венка, ни цветка, ни крепа.

Носильщики, разговаривая без зазрения совести, поспешно продвигались по шумной улице. Ведь они хоронили бедную женщину, и нечего было обращать внимание на горе провожавших ее родственников, нечего было торжественным мерным шагом нести прах ее на кладбище, как то делалось с богатыми. К тому же времени у носильщиков было немного, им сегодня предстояло похоронить еще нескольких бедных за такую же ничтожную плату.

За гробом, с поникшей головой, шла молодая девушка в старом черном платке, под которым она что-то несла.

Девушка эта была Амаранта, а в гробу лежала ее бедная мать, которую не могли спасти ни заботливый уход дочери, ни щедрая милостыня графини.

Конечно, Инес во многом облегчила последние минуты больной, но смерть уже выбрала свою жертву и унесла ее в могилу, оставив Амаранту совершенно одинокой. Единственное живое существо, которое еще любило и жалело ее, теперь навеки было разлучено с нею. Мать понесли на кладбище, и бедная, несчастная дочь провожала ее с ребенком на руках. Рядом с Амарантой шел патер, вызвавшийся прочесть молитву над могилой.

Инес уже несколько дней не приходила на улицу Толедо, и хотя Амаранта в глубине души своей была искренне благодарна прекрасной незнакомой донье, она начинала думать теперь, что нищета и несчастья, должно быть, оттолкнули ее.

Кроме патера и Амаранты, никто не шел за гробом бедной вдовы, никто не хотел помолиться на ее могиле или бросить горсть земли на нее. Никто не сказал Амаранте ни одного слова любви, сочувствия или утешения; она одна проливала горькие слезы над усопшей.

Равнодушно проходили прохожие мимо гроба; понуриив голову, шла за ним Амаранта, будто отчужденная от всего земного.

Когда носильщики вышли за ворота, Амаранта робко оглянулась на то место, где в последний раз она видела изменившего ей любовника, и дрожь пробежала по всему ее телу при одной мысли об этом свидании. Она отвернулась, плотнее прижала к себе ребенка и последовала за гробом на бедное кладбище за городскими воротами.

Наступала последняя минута прощания с дорогим прахом матери, и небо, казалось, омрачилось и покрылось тучами, чтобы не быть свидетелем этой раздирающей душу картины.

Могильщик повел носильщиков к вырытой могиле. Гроб поставили около нее.

Амаранта опустилась на колени. Веревки закрипели, и побледневшая девушка смотрела, как гроб начали опускать в темную могилу. Патер благословил усопшую и прочел молитву. Глухо стуча о гробовую крышку, посыпалась в могилу земля.

Девушка продолжала неподвижно стоять на коленях; носильщики уже давно ушли, патер тоже удалился, а она не замечала этого. Она стояла как во сне и не могла больше плакать: слезы ее иссякли.

К ней подошел могильщик, видимо, для того, чтобы посмотреть, что с ней.

— Ступайте домой, — сказал он, — скоро вечер, и будет гроза.

Машинально, не отвечая на его слова и не взглянув на него, Амаранта встала, и тут только заметил могильщик, что под платком своим она держит ребенка.

Он пристально посмотрел на женщину, на лице которой забота и нужда оставили неизгладимые следы, и хотя сострадание почти чуждо было его зачерствшему сердцу, при взгляде на нее он почувствовал жалость. А Амаранта, шатаясь, пошла дальше; она оставила кладбище и направилась к высоким деревьям, росшим на берегу реки. Дождь уже начинал накрапывать, и поднялся сильный ветер.

Мансанарес, протекающий по Мадриду, здесь, вне города, был широк и глубок, высокие берега поросли сочной травой, кустарником и большими каштановыми деревьями.

Амаранту неудержимо тянуло к шумящему потоку; его ропот манил ее, как музыка.

Оставив кладбище, она шла вдоль берега, и лицо ее как будто просветлело, отчаяние уступило место надежде, светившейся теперь в ее живых, больших темных глазах. В эту минуту бедная Амаранта казалась прекрасной, настолько прекрасной, что ее с трудом можно было узнать. Застывшие черты ее лица оживились, в них появилось выражение, даже воодушевление. Но осенивший ее свет был неземным, и такова же была ее красота: ничто уже не связывало ее с этим миром. Она устремляла свои взоры к небу, и, казалось, необыкновенное спокойствие снизошло на нее. Она развернула своего ребенка и поднесла его к губам. Она поцеловала свое сокровище, это невинное маленькое существо, которое еще не успело изведать никаких забот и печалей и которое теперь, не успев отведать жизни, должно было погибнуть вместе с нею в холодных волнах потока...

Погибнуть? Нет! Спасти, воскреснуть! Лишь там, за могилой, есть мир и спокойствие, здесь же, на земле, нет ничего, кроме горя, нужды и несчастья! Для Амаранты и ее ребенка не было больше надежд и желаний, поэтому так радостно смотрела она на бегущую реку, в которую хотела теперь броситься вместе со своим младенцем.

Она не слышала приближавшегося грома, не видела молнии, уже несколько раз блеснувшей за деревьями. Она прощалась с землей, мысленно благодаря добрую графиню Инес и прощая все своему неверному любовнику; она хотела с миром отойти в лучшую жизнь. Но вдруг вся сила ее любви проснулась в ней при одной мысли о возлюбленном, и она в отчаянии воскликнула:

— Туда! Туда! Там мир и свобода! Прости мне, Мадонна, мое прегрешение! Спаси меня и дитя мое! Я должна спастись, а другого спасения, кроме смерти, я не вижу!

Амаранта, заливаясь слезами, целовала свое дитя.

Но вдруг, в ту самую минуту, как она уже ступила на край бездны, раздался страшный удар грома, ослепительная молния блеснула перед глазами Амаранты, и она, лишившись чувств, упала на землю, держа младенца в своих объятиях. Оглушающий грохот, страх и изнеможение — все это вместе послужило причиной обморока. Бедная девушка лежала на берегу Мансанареса под развесистыми деревьями, и непрерывные раскаты грома не будили ее. А между тем гроза отходила дальше и уже в отдалении продолжала грохотать, постепенно стихая.

В то время как Амаранта без всякой помощи, оставленная целым светом, лежала без чувств на берегу, Инес собралась потихоньку сходить на улицу Толедо. Последние дни она не приходила к бедной вдове лишь потому, что сама была больна. Теперь же, когда она поправилась, первой ее мыслью было "поскорее отправиться на чердак знакомого ей дома, чтобы помочь, чтобы утешить несчастных.

Собрав все свои личные деньги, Инес торопливо направилась к отдаленному Еврейскому переулку. Гроза прошла, и наступил уже вечер.

Инес, дойдя до нужного ей дома, только хотела подняться по лестнице, как одна из живших в этом доме женщин остановила ее.

— Должно быть, идете к больной вдове, сеньора? — спросила она. — Старушку сегодня унесли на кладбище. Уж вам придется там поискать ее.

— Значит, я пришла слишком поздно! — прошептала Инес.

— Два дня тому назад она умерла, а сегодня ее вынесли за ворота...

— А где Амаранта?

— Дочь-то? Дочь пошла провожать ее. Только она еще не вернулась, да и вернется ли, Бог весть! — продолжала женщина. — Кто ее знает... Может, с ней приключилось что-нибудь, а может, она сама... она была так несчастна!

— Пресвятая Мадонна! Что это вы говорите! — в испуге воскликнула Инес. — Ведь я обещала помогать ей, сколько возможно!

— Это хорошо... Только уж не поздно ли теперь, сеньора... А может быть, она еще на кладбище.

Молодая графиня быстро направилась к городским воротам, чтобы как можно скорее отыскать могилу бедной вдовы. Инес нарочно, чтобы не возбуждать любопытства, оделась

весьма просто, но ее походка, ее манеры и речь выдавали ее.

Могильщик уже запирает калитку, когда она подошла к кладбищу, но несколько мелких монет помогли убедить его впустить Инес.

Она попросила указать ей свежую могилу старушки. Помолвившись на этой могиле, но не найдя там Амаранты, она спросила о ней у могильщика. Тот не видел, куда она пошла с кладбища. Инес отправилась по следам, оставшимся на мокром песке дорожки и терявшимся во мху у берега Мансанареса.

Страшная догадка мелькнула в голове графини, когда она подошла к берегу. Может быть, не случилось бы такого несчастья, если бы она пришла хоть несколькими минутами ранее?!

Инес в ужасе всплеснула руками. Она тут же пообещала себе не пожалеть ничего, чтобы вернуть Амаранту к жизни, если только ей удастся найти ее. Она хотела быть ей сестрой, другом и боялась только одного: что пришла слишком поздно. Страх и отчаяние овладели ею при мысли, что Амаранта, видя себя всеми оставленной, может быть, лишила себя жизни. Инес упрекала себя в том, что слишком поздно вспомнила о ней, и металась по берегу, ища глазами несчастную.

Вдруг она радостно вскрикнула — неподалеку, на самом краю обрыва, лежала женщина. Инес бросилась к ней. Это была Амаранта с ребенком на руках.

Слезы навернулись на глаза Инес, она с благодарностью простерла руки к небу, потом наклонилась над бесчувственной девушкой. Инес не опоздала. Амаранта была жива!

Слегка коснувшись Амаранты, Инес нежными словами старалась привести ее в чувство. Наконец несчастная открыла глаза, а спавший ребенок проснулся и заплакал.

Амаранта поднялась, боязливо осматриваясь кругом.

— Я с вами, Амаранта, вы узнаете меня? — спросила Инес, подавая ей руку.

— Это вы, донья Инес? Вы здесь? Что же случилось... Мне кажется... Я видела ужасный сон...

— Опомнитесь, прошу вас. Вот вам моя рука. Я свято обещала себе обходиться с вами, как со своей сестрой.

— Вы так добры, донья, чем я заслужила это? Теперь я вспомнила, — продолжала Амаранта, — я знаю, что случилось. Я теперь одна, совсем одна.

Амаранта хотела встать, но Инес опустилась возле нее на траву.

— Подумайте о вашем ребенке и не откажитесь принять мою руку и помощь, — просила Инес, — доверьтесь мне, как сестре, как подруге.

— Вы благородная донья, а я бедная простая женщина...

— Вы несчастны, и я хочу облегчить ваше положение. Я люблю вас, Амаранта, и хотела бы, чтобы чувство это было взаимным.

— О, как приятно мне это слышать, донья Инес!

— Дайте мне вашу руку и посмотрите мне в глаза. Вы прочтете в них желание вернуть вас к жизни.

— Моего счастья мне не может вернуть никто! Оставьте меня, благородная донья. Мое горе непоправимо. Предоставьте меня моей судьбе, никто не в силах мне помочь.

— Бедное, несчастное создание! — сказала Инес, и в голосе ее слышались слезы. — Как мне жаль тебя! Но не говори, что я не могу помочь тебе, что я должна предоставить тебя твоей судьбе. Доверься мне во всем. Может быть, есть еще средство спасти тебя, может быть, мне удастся еще сделать тебя счастливой!

— Счастливой, донья Инес? Как бы я была счастлива, если бы мои надежды сбылись. Я видела такой прекрасный сон, слова любви так нежно звучали в моих ушах, но это был только сон, и теперь все пропало...

— Если он клялся тебе в любви, то он вернется. Разве может найтись человек, который захотел бы сделать тебя несчастной!

— Нет, он не вернется, донья Инес. Какой-то внутренний голос говорит мне это. И все же я люблю его всей душой, больше жизни! О, как нежно он умел говорить со мной, как все

больше и больше разжигал пламя моей души! Каждый вечер я виделась с ним у городских ворот на пустой дороге... Он был прекрасен, добр и так нежен! Он обещал жениться на мне и только просил немного подождать. Я верила ему, его любви, и он клялся мне в верности и звал меня своей невестой... но в один прекрасный день я тщетно прождала его...

— Так ты знала, как его звали и кто он такой?

— Нет, — потупясь отвечала Амаранта, — он говорил мне только, что его зовут Жуаном... С тех пор он больше не показывался. Сосед наш, Изи́дор, бывший капрал, стал носить мне его письма. Потом я еще раз его видела, но он был уже совсем другой, такой беспокойный, и говорил, что только проездом здесь... В последний раз я видела его несколько дней тому назад, когда вы впервые пришли к нам. Тогда я встретила его за городскими воротами, но я не могу повторить вам того, что он сказал, не могу без содрогания вспомнить этих слов, они так ужасны!

— Я все еще не верю, что он хотел обмануть и покинуть тебя. Но если этот несчастный действительно решил это сделать, то он не заслуживает твоей горячей, преданной любви. Расскажи же мне все, Амаранта!

— Он оттолкнул меня, закричав: «Что хочет эта женщина? Прочь!», — с трудом вымолвила несчастная.

— И ты уверена, что это был тот самый человек? Он узнал тебя?

— Да! Это был он, и он узнал меня, — подтвердила Амаранта.

Инес с минуту молчала.

— Мы должны отыскать его, — сказала она наконец. — Ты покажешь его мне, и пусть тогда он повторит свои слова. Если же он обманул тебя, он достоин презрения, и ты забудешь его! Покажешь мне его, Амаранта?

— Я вижу, что вы моя спасительница! — воскликнула Амаранта, покрывая руки Инес горячими поцелуями. — Я сделаю все, что вы хотите!

Молодая графиня прижала несчастную к своему сердцу и поцеловала ее в дрожащие губы.

— Зови меня своей сестрой, и я буду твоей опорой. Небо благословит нас! У меня еще есть надежда! Мы найдем его, и тогда все объяснится, только полюби меня, Амаранта!

— Ты ангел, посланный мне Богом! — воскликнула Амаранта и, зарыдав, упала на грудь Инес, которая, как сестра, утешала и целовала ее. Они вместе покинули пустынный берег.

VII. Монастырские развалины

Шум на улицах Мадрида затих. Ночь опустилась на высокие купола Сан-Изи́дора и Сан-Франциска, на улицы и площади города.

Глубокая тишина царила кругом. Одни ночные сторожа стояли у высоких стен или гулкими шагами своими нарушали ночное спокойствие.

Иногда проходил одинокий рабочий, пробираясь домой, а время от времени тишину нарушал грохот запоздавшего экипажа.

Ставни домов были закрыты, и дворцы, казалось, тоже спали. Луна ярко освещала город, наводя темные тени на улицы и площади; тут и там на пустых бульварах и в садах еще сидели на скамейках где нищий, где пьяный, где бездомный скиталец.

Два всадника в темных плащах звонким галопом промчались по улицам по направлению к городским воротам. Они свернули на дорогу, ведущую из Мадрида на Ла-Манчу.

Недалеко от ворот начиналась огромная пустынная равнина, со всех сторон окружающая испанскую столицу. Всадникам открылось обширное голое пространство, покрытое песком и острыми камешками. Они поехали тише, потому что дорога здесь шла в гору.

Миновав небольшую капеллу, куда мадридцы часто ходят на поклонение, всадники

повстречались с погонщиками, шумно гнавшими мулов в горы севернее Мадрида.

Всадники оставили в стороне большую дорогу и поехали вверх по течению Мансанареса, спускавшегося с вершин, покрытых вечными снегами.

— Вы все обговорили с принцем, граф? — спросил один из них.

— Да, отец мой, — отвечал другой, — договор заключен, и в день бракосочетания, которое, конечно, совершите вы, как первый испанский епископ, дочь моя примет титул герцогини Мадридской!

— Я заранее поздравляю вас с этим союзом, — снова заговорил почтенный патер Доминго. На нем, как и на графе, был темный плащ и круглая шляпа с большими полями. — Я нисколько не сомневаюсь в том, что испанская корона через год будет наконец возложена на единственного законного, благословенного монарха.

— Я тоже надеюсь на это, отец мой, — ответил КORTEЦИЛЛА.

Они приближались к горам. Дорога шла круче, тут и там мелькали на пути высокие сосны. Лес становился гуще по мере того, как всадники поднимались вверх.

— Знаете ли вы, кто нынче будет на ночной встрече? — помолчав, спросил патер Доминго.

— Ближайшие друзья принца, но кто именно, не знаю.

— Где теперь принц?

— Тут, недалеко от леса, в гостинице Сан-Педро, — ответил граф КORTEЦИЛЛА, но вдруг внезапно замолчал и придержал свою лошадь.

Патер Доминго вопросительно посмотрел на него.

— Видите? — шепотом произнес КORTEЦИЛЛА и указал на дорогу, которая, извиваясь, огибала гору.

— Это всадник, кажется, — тихо отвечал патер.

— Что это значит? Кроме нас, никто не должен ехать навстречу с этой стороны...

— Не беспокойтесь, граф, должно быть, это еще один из наших сторонников.

— Но кто это?

— Он, кажется, один.

— Догоним его, если хотите, отец мой. Нам нужно непременно узнать, кто это, прежде чем мы направимся к руинам.

Патер утвердительно кивнул головой, и оба пришпорили лошадей.

Холодный ветер дул им навстречу, они выехали из леса, и теперь им стали попадаться лишь иссохшие сосны. Дорога очень круто подымалась вверх, но лошади, казалось, привыкли к трудностям такого пути, они ступали бодро и уверенно, не убавляя шага.

Всадникам стало холодно, и они плотнее закутались в плащи. Впереди, на горных вершинах, блистая в лунном свете, лежал вечный снег, который не таял даже летом.

Гулко раздавались в горах удары копыт по скалистому твердому грунту, и скакавший впереди всадник обернулся и остановился.

Граф КORTEЦИЛЛА и патер Доминго быстро нагоняли его.

— Далеко ли путь держите? — громко спросил КORTEЦИЛЛА, первым подскакав к незнакомцу.

— Если не ошибаюсь, то туда же, куда и вы, — отвечал незнакомец. Он, подобно графу и Доминго, тоже был закутан в плащ, а на голове, как и у них, была большая круглая шляпа. — Вы граф КORTEЦИЛЛА?

— Как!.. Что я вижу! Дон Альфонс!

— Он самый, мой благородный дон!

КORTEЦИЛЛА снял шляпу перед младшим братом дона Карлоса, и патер Доминго тоже почтительно поклонился ему.

— Я не знал, принц, что вы здесь и будете нынче присутствовать на встрече, — произнес граф.

Дон Альфонс был молодой человек лет двадцати, с веснушчатым лицом, рыжей бородкой и неприятным, то злым, то высокомерным выражением лица.

Все трое теперь продолжали свой путь вместе.

— Я еду из гостиницы Сан-Педро, где мы с братом остановились под чужими именами, — начал дон Альфонс. — Через несколько дней мы возвращаемся к своим войскам на север, а там перебедем этих подлецов, которые договорились с маршалом Серрано о капитуляции. Надо взыскать с них, чтобы другим неповадно было.

— Вы были в Мадриде, принц? — спросил Кортесилла.

— Нет, я подожду лучшего времени, а в эту ночь мы ускорим ход событий, — отвечал дон Альфонс. — Позвольте задать вам один вопрос, граф, — продолжал он. — Герцог Медина теперь в Мадриде? Как поживает герцогиня Бланка Мария? Я когда-то часто бывал у ее отца.

— Герцогиня прекрасна, а герцог — старый, болезненный человек, — отвечал Кортесилла, пожав плечами, — этим все сказано.

— Это удивительно, однако, что Бланка Мария решилась отдать свою руку этому ничтожному человеку! Любить его, во всяком случае, она не могла!

Разговаривая таким образом, всадники приближались к вершине горы. По сторонам кое-где торчали покрытые снегом ели, и вокруг повсюду лежал снег. Глубокая ночная тишина царила здесь.

Несколько минут спустя всадники увидели древние руины, наполовину занесенные снегом. Темные серые стены были необыкновенно толсты и неуклюжи. Еще уцелевшие оконные ниши указывали на то, что прежде здание это было монастырем. Теперь же от него остались одни развалины, в которых свирепствовал ветер.

Неподалеку виднелось другое здание, которое сохранилось лучше. Прежде это была, видимо, монастырская церковь или капелла. Основание этого здания уцелело, равно как и стены, но окон и дверей в нем больше не было. Снег лежал и внутри, и снаружи.

Одинокие печальные монастырские руины на вершине горы производили мрачное впечатление. На всей этой гористой местности лежал какой-то романтический отпечаток, особенно чувствующийся в светлую лунную ночь. Конечно, редко кто появлялся в этих пустынных местах, где, как памятник минувшему времени, лежали руины монастыря.

К этим-то руинам и спешили три всадника.

Здесь они увидели двух лошадей, привязанных к сухому дереву.

Все трое спешили и, привязав лошадей, подошли к узкому отверстию в стене.

За этим отверстием находился наполовину засыпанный обвалившимися кирпичами проход, который даже трудно было заметить.

Граф пропустил вперед принца Альфонса. Остальные последовали за ним в огромный подземный ход. Ход был достаточно просторен, чтобы по нему можно было пройти не сгибаясь. Повеяло холодом и сыростью.

Через несколько минут мелькнул слабый свет и показался выход, ведущий на закрытую со всех сторон площадку без крыши.

Должно быть, здесь и прежде происходили тайные сходки, либо место это служило монахам для какой-нибудь особенной цели, потому что стены были расписаны изображениями святых мучеников и их подвигов. В стенах вделаны были железные кольца и толстые короткие цепи, теперь совершенно источенные ржавчиной.

На этой большой площадке, у каменного стола, расположенного посередине, стояли дон Карлос и Доррегарай, мексиканец с маскарада. Услышав шорох в подземелье, они поспешили к выходу, чтобы приветствовать своих друзей.

Потом все пятеро подошли к низкому каменному столу, стоявшему, как мы уже сказали, посреди просторного зала, в настоящую минуту волшебным образом освещенного луной.

Кортесилла вынул из-под плаща бумажник.

— Имею честь вручить вам, принц, часть приданого моей дочери, — сказал он дону Карлосу. — Здесь пять миллионов в векселях на банкирские дома Памплон, Сан-Себастьяна и Байоны. Извольте принять их, принц.

— Когда же привезете вы мне мою прекрасную невесту, граф? — спросил дон Карлос,

опустив бумажник в карман.

— Завтра вечером, ваше высочество. Свидание может произойти здесь или же в моем дворце, если вам это угодно, нужно лишь сделать так, чтобы никто не мог узнать вас. Тогда уж вы и обменяетесь кольцами и поцелуями со своей невестой.

— Я с нетерпением буду ждать этой минуты, граф, — отвечал дон Карлос. — Я получил с севера самые утешительные известия, — продолжал он, обращаясь ко всем. — Полковник Доррегарай тоже докладывает, что вербовка повсюду идет весьма успешно, так что я рассчитываю вскоре возобновить войну за церковь и трон и привести ее на этот раз к блистательному исходу!

— Это будет ужасная битва! — воскликнул Альфонс. — Но клянусь во что бы то ни стало войти в Мадрид, хотя бы путь туда был вымощен мертвыми телами!

— Полковник Доррегарай намерен сегодня изложить нам составленный им план, — перебил дон Карлос своего кровожадного брата. — Я предлагаю выслушать его.

— Слушайте же, благородные доны, — начал мексиканец, с виду похожий на разбойничьего атамана. Лицо его было смуглым, борода черной и курчавой. — Во-первых, следует привести в исполнение все повеления короля Карла. В своем воззвании он объявляет короля Амедея лишенным престола, а тот все сидит на нем. Поэтому первым доказательством могущества и законности нового короля, за которого я готов сражаться, будет ниспровержение Амедея. Я берусь это сделать! Завтра же он падет!

Все с удивлением посмотрели на страшное лицо Доррегарая.

— Нелишне будет посоветовать вам быть осторожным, — сказал патер Доминго. — Вы недавно из Мексики и, возможно, недостаточно хорошо знаете наши дела.

— Неудача только повредит делу, — добавил дон Альфонс.

— Полковник Доррегарай не предпримет ничего необдуманного, — воскликнул Кортесилла. — Мы можем во всем на него положиться.

— Благодарю вас, благородный граф, — обратился полковник к своему защитнику. — Мне уже все известно. Завтра вечером король поедет кататься и на обратном пути проедет по улице Сан-Маркос, как он уже не раз это делал. Там на карету нападут пять надежных человек и дважды выстрелят в короля. Никто не поймает и не сыщет преступников, а на следующий день испанский трон будет свободен!

— Если план будет исполнен так же четко, как и доложен, вы сослужите мне великую службу, — решительным голосом сказал дон Карлос. — Сначала мы должны избавиться от иностранцев, вмешивающихся в наши дела. Принц, занявший престол моих предков, не внимает моим законным требованиям и моим предостережениям, так пусть же он падет! Я не хочу видеть свою корону на голове чужестранца! Как вы на это смотрите, патер Доминго?

— Я вполне одобряю план полковника и желаю только, чтобы он удался, — отвечал патер.

— Не беспокойтесь, отец мой, я сам буду руководить нападением, — пояснил мексиканец. — Опасность никому не грозит! Преступники скроются, будто их поглотит земля.

— Надо бы вам заручиться поддержкой приближенных короля, — заметил Кортесилла. — Вам необходимы, принц, дружеские связи с мадридцами.

— Прежде всего постарайтесь сблизиться с герцогом Мединой, — добавил патер Доминго.

В эту минуту в проходе послышался шорох. Дон Альфонс и Доррегарай выхватили шпаги и бросились ко входу.

Патер Доминго и Кортесилла молча переглянулись. Кортесилла казался особенно смущенным.

Дон Карлос побледнел, отошел и схватился за шпагу.

Ужас охватил всех присутствующих, все ждали, затаив дыхание.

Уж не окружены ли древние руины? Не солдаты ли идут сюда по подземному ходу? В таком случае пять заговорщиков, или, скорее, претендент и его четыре сообщника, должны

будут непременно погибнуть, потому что другого выхода из руин нет.

— Сюда идут! — воскликнул дон Альфонс, приготовившись своей шпагой проткнуть всякого, кто бы ни вышел из узкого подземного хода на площадку. Доррегарай стоял возле принца с тем же намерением.

— Измена! — воскликнул дон Карлос. — Нас предали! К оружию, друзья!

— Кто идет? — закричал Доррегарай, высунувшись в проход. — Отвечайте, или вас ждет верная смерть!

— Господа! Благородные доны, я не за тем пришел сюда, чтобы меня тут убили! Я пришел предложить вам свои услуги! — раздался глухой голос, и в проходе появился Изи́дор. — Кроме того, я ищу принца Альфонса.

Но вот и принц! — продолжал Изи́дор, осклабясь и обращаясь к принцу, который стоял прямо против него. — Вложите же свои шпаги в ножны, благородные доны, **вы** видите, я один, и я безоружен.

— Черт возьми! Кто ты? — воскликнул Альфонс.

— Изи́дор Тристанни зовут меня, принц. Я прежде был слугой благородного дон-де-ла-Ниевеса, — тут Изи́дор выразительно замолчал и подмигнул, — потом я был капралом, а теперь хочу быть карлистом.

Доррегарай и дон Карлос вложили шпаги в ножны.

— Как ты попал сюда? — спросил дон Альфонс, разглядывая пришедшего молодца.

— Это все случилось своим чередом, — отвечал Изи́дор, посмотрев на окружающих. — Я не знаю только, могу ли я здесь все прямо высказать...

— Говори. Благородным донам можно сказать обо всем.

— И о ваших сердечных тайнах? — усмехнулся Изи́дор.

— Ты прехитрый малый, кажется.

— Вы послали курьера с письмом к герцогине Медине, — шепотом продолжал Изи́дор, — это так?

— Тебе-то что за дело до этого?

— А то, что герцогиня приказала мне съездить вечером в гостиницу Сан-Педро.

— Как, ты прислан герцогиней?

— Да, почти так, можно сказать.

— У тебя есть письмо?

— Боже упаси, ваше высочество! Герцогиня просто прислала меня к вам, потому что я хотел просить вас принять меня в ваши ряды. Вы можете теперь, ваше высочество, рассматривать мое появление как признак того, что послание ваше упало не на бесплодную почву...

— Тут нет ни предательства, ни опасности, — обратился дон Альфонс к остальным, — молодец этот хочет присоединиться к нам.

— Если позволите, ваше высочество. Но если я могу вам быть полезен в Мадриде, то только прикажите и... — Изи́дор добавил шепотом, повернувшись к дону Альфонсу: — У вас есть, может быть, поручение к светлейшей герцогине?..

— Да, я дам тебе кое-что с собой. Ты пойдешь со мной до гостиницы.

— И выпримете меня на службу к храброму дону Карлосу?

— Об этом мы еще поговорим, — ответил Альфонс и обратился к остальным, которые все время вполголоса разговаривали между собой, а теперь стали прощаться.

Вскоре все покинули руины.

Дон Карлос, граф, патер и мексиканец поехали вместе, а дон Альфонс с Изи́дором поскакали под гору к гостинице Сан-Педро.

VIII. Рыцарский подвиг дон-Албукерке

— Карамба! Пепито, сюда! Пабло, проснись! — кричал человек, с виду похожий на разбойника, лежавший в кустах на большой дороге недалеко от Мадрида. — Добыча, братья!

Экипаж!

— Да, дело, брат, — отвечал звонким голосом молодец, которого звали Пабло, протирая глаза. — Нам нужно еще несколько монет, чтобы дожить до войны.

— Что случилось? — спросил третий, подойдя к остальным.

У всех были смуглые загорелые лица, изодранное платье и большие круглые шляпы, сильно потрепанные непогодой. Матео и Пабло вытащили ружья и стали осматриваться, а Пепито вынул револьвер из-за пояса.

— Видите там экипаж?

— Это будет хорошая добыча! — с удовольствием заметил Пепито.

— Да здравствует дон Карлос! — воскликнул Пабло. — Но прежде всего нам нужны деньги на дорогу!

— Карамба! Мы уже спустили все пятьдесят реалов, которые нам дали при найме! Смотрите, кучер один сидит на козлах!

— Вот я ему сейчас пилюльку закачу, — сказал Пабло, — это самое действенное средство. А ты, Матео, убьешь одну из лошадей. Вперед!

Едва карета поравнялась с ними, разбойники бросились к ней, и в ту же минуту раздались два выстрела.

Пепито кинулся к лошадям, чтобы схватиться за узду. Матео и Пабло от излишней поспешности оба промахнулись, и кучер стегнул лошадей.

Но разбойники уже подбежали к карете, и пока Пепито удерживал лошадей, остальные двое отперли дверцы.

— Пресвятая Мадонна! Помогите! — раздался женский голос. — Чего хотят эти люди?

— Не трогайся, или я убью тебя! — пригрозил Пабло кучеру, а Матео вскочил в карету.

— Помогите, ради Бога! Оставьте меня! — кричала испуганная девушка, стараясь вырваться из рук Матео, и, наконец, выскочила из кареты.

— Мы хотим только взять с вас небольшую пошину! — воскликнул Матео, выбежав вслед за девушкой и снова схватив ее.

— Сжальтесь! Отпустите меня! — просила пленница. Кучер, напуганный Пабло, сидел неподвижно.

— Помогите! — продолжала кричать путешественница. — Кто-нибудь, спасите меня! Помогите!

— Молчите! Давайте деньги и отправляйтесь куда угодно! — прорычал Матео.

— Ну, сеньора, торопитесь, — говорил Пабло, боявшийся, как бы выстрелы не привлекли кого-нибудь. — Деньги! Быстро!

Кучер страшно злился про себя. Если бы госпожа не выскочила из кареты, ему бы, может быть, еще удалось ускакать от разбойников, но теперь делать было нечего. Перед ним стоял Пабло с заряженным ружьем, а Пепито в одной руке сжимал револьвер, а другой удерживал лошадей.

Матео стал грозить сеньоре, когда она сказала, что у нее нет с собой денег. Он только хотел ее обыскать, как со стороны городских ворот показался офицер, привлеченный громкими криками напуганной девушки.

Пепито и Пабло увидели его, но поняли, что он один.

— Что тут такое? Отпустите сеньору! — раздался голос офицера.

— Помогите! Спасите! — кричала сеньора в испуге.

— Чей это голос? — тихо проговорил офицер. — Но как же это возможно?! Назад! Освободите сеньору или...

Пепито и Пабло подскочили к подошедшему офицеру, и первый наставил на него дуло своего револьвера.

— Ого! Разбойничье семя! — вскричал офицер, выхватив шпагу и наступая на своих противников.

— Дон Мануэль Албукерке! — раздался голос пленницы. — Освободите меня!

— Донья Инес!.. Это вы! — вскричал Мануэль, схватившись с Пабло, который

фехтовал своим ружьем, в то время как Пепито тщетно пытался поймать момент, чтобы выстрелить в офицера из револьвера. Мануэль теснил своих противников с таким напором, что они вынуждены были отступить. При этом Мануэль ранил Пабло в руку. В эту минуту Пепито выстрелил, но Мануэль вышиб револьвер у него из рук и напал на оробевшего разбойника.

Пабло, отступая, случайно оказался рядом с кучером, и тот с размаху стегнул его кнутом по лицу. Из раны на руке у него сильно текла кровь. Мануэль, сбив с ног Пепито, бросился к Инес, которую Матео оставил, увидев, что товарищи его наголову разбиты.

— Карамба! — ругался разбойник. — И с одним-то мы не смогли справиться!

Но он не брал в расчет силу и решимость Мануэля.

Инес кинулась к своему избавителю, а он, ободряюще кивнув ей, тотчас повернулся к Матео.

Пабло, лишившись одного глаза, оставил поле сражения, Пепито как раз пытался подняться, чтобы снова броситься на своего противника, но Мануэль решил исход боя, ударив Матео так, что покатился и он.

Разбойники с позором бежали, но Мануэль их не преследовал. Он хотел лишь спасти Инес, разбойники его не интересовали.

— О! Благодарю вас! Благодарю вас, дон Мануэль! — воскликнула Инес, все еще дрожа от страха. — Вы спасли меня от этих ужасных людей. Скорее прочь отсюда!

— Не бойтесь! Но не садитесь снова в карету, позвольте мне довести вас до дома. Ступай домой, — обратился Мануэль к кучеру, — я приведу графиню во дворец.

Молодая графиня, сердце которой все еще сильно билось, ни в чем не противоречила своему избавителю, позволяя распоряжаться, как ему будет угодно. Кучер тоже не смел ему противоречить.

— Только ничего не рассказывай во дворце, пока я не вернусь! — крикнула кучеру графиня. — А то патер Антонио будет беспокоиться.

Кучер стегнул лошадей, предварительно хорошенько удостоверившись, что разбойники действительно удалились, и карета быстро понеслась по дороге. Мануэль учтиво подал руку Инес.

— Каким бы ужасным ни было для вас это происшествие, для меня, донья, это счастливый случай, — сказал он. — Я счастлив, что наконец могу говорить с вами без свидетелей.

— О, как я благодарна вам за то, что вы спасли меня, дон Мануэль! Мой отец узнает обо всем, что вы для меня сделали, и вы должны будете принять и его благодарность, — отвечала Инес. — Вы удивились, встретив меня на этой дороге? Я была здесь недалеко у одной несчастной бедной девушки, которая живет за городом. Ее зовут Амаранта. Я возвращалась от нее...

— Ив награду за ваше доброе дело вы попали в руки этих людей! Как хорошо, что я оказался у ворот в это время. Сначала я услышал выстрелы, а потом ваши крики о помощи. Наконец-то мне удастся побыть немного с вами. Дворец ваш для меня закрыт, но если бы вы знали, как я ждал, как желал этого мгновения!

— Вы знаете графа, моего отца, — сказала Инес, потупившись. — У него в отношении меня свои планы, и во дворце нашем не бывает ни веселых пиров, ни дорогих гостей.

— Я бы тоже был для вас дорогим гостем, графиня? — спросил Мануэль.

— Вы сомневаетесь? Вы не знаете разве, что ваше общество мне всегда приятно?

— Да, вы правы, какой-то внутренний голос говорил мне, что вы расположены ко мне, и когда я слышал ваш голос, я был счастлив, потому что он подавал мне надежду на вашу любовь. Позвольте же сказать вам все, во всем вам признаться! Я смотрю на вас как на свою путеводную звезду! Да, донья Инес, я люблю вас, люблю пламенно!..

— Дон Мануэль, — дрожащим голосом проговорила графиня, — я боялась этой встречи.

— Так вы угадали, что уста мои не удержат перед вами тайны моего сердца? Скажите,

как я должен понять ваши слова, как хорошее знамение или как дурное? Вы боялись этой встречи? О, не говорите мне этого, Инес! Не приказывайте сердцу молчать, скрывать свои святейшие надежды! Неужели вы не хотите меня выслушать?

— Я не смею вас слушать, Мануэль!

— Вы не смеете? Кто запретил вам это? Вы одна можете располагать своим сердцем. Вы должны меня выслушать, вы должны все узнать наконец! Я люблю вас со всем пылом молодости, я думаю только о вас! Где бы я ни был, вы всегда со мной, и я безгранично счастлив при одной мысли о том, что вы могли бы полюбить меня! Скажите же мне... скажите одно только слово, Инес, и я буду счастливейшим или несчастнейшим из смертных! Скажите мне, вы любите меня?

— Да, Мануэль, я вас люблю.

— Теперь пусть небо рухнет, пусть свет провалится! Я любим!

— Лучше было бы, Мануэль, если бы мы никогда не произносили этих признаний, — сказала молодая графиня.

— Что значат эти странные слова?

— Тогда, может быть, нам не пришлось бы проститься тотчас же после этого признания.

— Проститься, Инес?

— Не спрашивайте ни о чем, пощадите меня!

— Что разлучает нас? Скажи скорей! Если ты любишь меня, кто может отнять тебя у меня, кто может разлучить нас?

— Не спрашивайте, Мануэль, я не буду принадлежать вам никогда!

— Ты только поманила меня блаженством и уже хочешь отнять его у меня!..

— Судьба разлучает нас, дон Мануэль, — отвечала Инес.

Пока они шли, уже совсем стемнело, и теперь они подходили ко дворцу графа Кортесиллы.

— Мне ничто не мешает назвать тебя своею, — продолжал Мануэль. — Ты еще не знаешь, как сильна и пламенна моя любовь! Я возьму, завоюю тебя, даже если стена препятствий станет передо мной! Я поговорю с графом, твоим отцом, сегодня же вечером...

— Прошу тебя, не делай этого!

— Ты хочешь прогнать меня с твоего порога? Значит, ты никогда не любила меня и вовсе не знаешь, что такое любовь...

Волнение графини росло с каждой минутой.

— Нет, я люблю тебя, тебя одного! — произнесла она.

— Так докажи твою любовь и позволь мне войти с тобой. Сегодня же вечером все должно решиться, — настаивал Мануэль.

— Ты не знаешь, о чем просишь, Мануэль!

— Пусть это будет доказательством твоей любви.

— Хорошо, я согласна, — вымолвила Инес с содроганием. — Может быть, наша судьба еще переменится.

— Она переменится, она должна перемениться, клянусь своим спасением! Я начинаю понимать твои слова: ты хотела сказать, что отец сам хочет распорядиться твоей рукой?

— Он уже обещал ее другому.

— Он переменит свое решение, когда я поговорю с ним.

— Дай Бог, — прошептала графиня, входя в дом вместе с доном Павиа.

Старик-швейцар доложил ей, что граф уехал, но скоро вернется.

Инес повела своего спутника в покои, чтобы там дожидаться возвращения отца. Она была сильно взволнована, страх и надежда боролись в ней. Сердце ее принадлежало Мануэлю, который только что так горячо признался ей в любви, но рука ее была обещана другому, и один лишь ее отец мог развязать узы, связывавшие ее с этим последним.

Едва Инес вошла с Мануэлем в свои покои, как услышала во дворе топот копыт.

Полная мрачных предчувствий, подбежала она к окну и отдернула занавес. Она

посмотрела вниз, и легкий крик вырвался из ее уст.

— Отец! И с ним... — голос изменил ей, она пошатнулась, но, быстро поборов свой страх, бросилась к Мануэлю.

— Вы не должны здесь оставаться, уходите скорей, — шепнула она.

— Что случилось?

— Не спрашивайте! Если любите меня, то пожалейте и повинуйтесь, они идут... Не выходите отсюда, я вас спрячу.

— Но скажите же...

— Вы узнаете, только не теперь, Мануэль! Поклянитесь, что вы не выдадите себя ни звуком, что бы вы ни услышали. Подумайте обо мне, дело идет о самом святом для меня — о моей чести и репутации! Я спрячу вас вот в этой комнате, ступайте туда, Мануэль, и, ради Бога, не выдайте ни себя, ни меня!

— Куда ты ведешь меня? Зачем?

— Пожалейте, они идут, — умоляла Инес, увлекая его к портьеру, отделявшей их от соседней комнаты.

Мануэль сдался на ее мольбы и испугался, увидев себя в спальне молодой графини.

На что решилась Инес! Как же велики были ее доверие к нему и угрожавшая опасность, если она привела его в эту комнату!

Мануэль ясно слышал, что дверь в комнату, где оставалась Инес, отворилась.

— Подойдите ближе, принц, — послышался голос графа Кортесиллы.

Дон Мануэль де Албукерке вздрогнул.

— Я счастлив, дорогая графиня, что наконец вижу вас и могу приветствовать как свою невесту, — сказал тот, кого граф назвал принцем.

Дон Мануэль ужаснулся при звуках этого голоса. Чуть отогнув портьеру, он заглянул в соседнюю комнату, и лицо его нахмурилось. Дон Карлос стоял, склонившись перед Инес, которую он назвал своей невестой.

Мануэль задрожал, ему хотелось броситься между доном Карлосом и графиней и исполнить свой долг испанского офицера, но он вспомнил мольбы графини и поборол это желание.

Инес, между тем, в страхе и волнении, бледная как смерть, все время смотрела на портьеру, которая, как ей казалось, шевелилась; она была близка к обмороку, но ни отец, ни принц не могли понять причины ее смятения.

— Садитесь, принц, — сказал граф Кортесилла. — Что с тобой, Инес, ты так взволнована?

— Прости, отец, я не ожидала, что ты сегодня приведешь ко мне принца, — тихо проговорила она.

— О, я все понял! — вскричал дон Карлос. — Графиня видит меня сегодня первый раз при настоящих изменившихся обстоятельствах, и ее смущение вполне естественно. Вот причина волнения, граф Кортесилла!

— Да, принц, вы совершенно угадали! Дочь моя очень впечатлительна, но ее волнение скоро пройдет.

— В настоящую минуту, однако ж, ее надо пошалить, — сказал дон Карлос. — Мне хотелось только взглянуть на мою прекрасную дорогую невесту и приветствовать ее.

Дон Мануэль задрожал и уже протянул руку к портьеру.

Инес заметила ее колебание, и смертельный страх овладел ею.

Но Мануэль опять вспомнил, где он находится, и снова преодолел себя, несмотря на то, что страсть бушевала в его сердце.

Инес — невеста дона Карлоса? Она потеряна для него, она принадлежит другому?

— Меня пугает твое беспокойство, Инес, — сказал граф Кортесилла. — Ты все время с таким страхом смотришь на эту портьеру... Что тебя тревожит, дитя мое?

— Ничего, ничего! Это сейчас пройдет, — шептала Инес, — мне немного нездоровится.

— Не понимаю, что может тебя пугать? Неужели мрачный свет портьер? — сказал отец, направившись было к соседней комнате.

— Нет, нет, отец, все уже прошло, — сказала Инес, сделав над собой решительное усилие и остановив отца.

— Я имел счастье снова увидеть мою прекрасную милую невесту, — обратился к ней дон Карлос, целуя ее дрожащую руку, — скоро, надеюсь, мы встретимся при иных обстоятельствах и тогда назначим день, который осчастливит меня, соединив навеки с вами, графиня Инес! Да хранит вас Бог!

Графиня прошептала несколько слов едва слышным голосом, и дон Карлос вышел в сопровождении графа Кортесиллы.

В ту же минуту Мануэль бросился к ногам трепетавшей девушки.

— Я все знаю! — вскричал он, побледнев от волнения. — Ты невеста дон Карлоса! Это дело графа! Но ты не будешь ему принадлежать, хотя бы само небо хотело этого! Ты не должна быть несчастной! Ты будешь принадлежать мне, мысль о твоей любви даст мне счастье и силы! Моя жизнь принадлежит тебе — тебе од-

ной. Я на все готов, чтобы обладать тобой. Никакая сила не может разлучить нас, когда мы душой принадлежим уже друг другу!

— Скорей беги, сюда идут!

— Еще одно слово на прощанье, моя возлюбленная!

— Я твоя всем сердцем — и только твоя, — прошептала Инес, наклоняясь к дону Мануэлю, стоявшему перед ней на коленях.

Он обнял ее и покрыв поцелуями маленькую ручку, а через минуту уже выходил из дворца, откуда только что уехали дон Карлос и граф Кортесилла.

IX. Покушение на жизнь короля

На непривлекательной улице, что тянется вдоль Мансанареса неподалеку от улицы Толедо и площади Кабада и называется в насмешку «Маленькой Прадо», много таверн, где собираются нищие, монахи, погонщики мулов, гуляки с женщинами, нередко и преступники, скрывающиеся от наказания. Весь этот сброд постоянно кутит, поет или ведет здесь свои тайные переговоры. В некоторых из этих таверн, вечно наполненных дымом и чадом, давались так называемые ламповые балы — название это пошло от дымных ламп, развешиваемых под потолками для освещения больших танцевальных залов.

Несмотря на свой непривлекательный вид и дурную репутацию, «Маленькая Прадо» всегда была полна народа. В боковых улицах обитало множество личностей, боявшихся дневного света и выходивших из своих трущоб только по ночам. Они-то и составляли большей частью публику «Маленькой Прадо».

В одном из углов таверны «Блестящий Щит», куда кроме нищих и ремесленников нередко заходили и солдаты из соседних казарм, у окна сидело четверо мужчин. Они тихо разговаривали между собой, очевидно кого-то поджидая, потому что один из них, толстяк, сидевший ближе всех к окну, время от времени нетерпеливо выглядывал на улицу.

Вечер еще не наступил, поэтому народу было немного, и четверо посетителей могли спокойно поговорить, не опасаясь быть подслушанными. Трое нищих в противоположном углу наслаждались своим пухеро², а ремесленники пили вино стакан за стаканом.

— Что, никого еще нет, Панчо? — спросил один из четырех, обращаясь к толстяку.

— Никого, Винцент.

— Странно, Тито, ты же назначил этот час.

— Так сказал полковник, — отозвался Тито, — он обещал прийти сюда к этому

² Пухеро — любимое национальное блюдо испанцев, состоящее из мяса, обрезков колбасы и сухих бобов, сильно приправленное перцем.

времени. Ведь ты слышал, Леон?

— Да, — сказал Леон, — надо подождать!

— А чтобы не терять бодрости, надо выпить, — прибавил Винцент, человек лет тридцати, с желтовато-бледным лицом и всклокоченными черными бакенбардами. — Эй, Джеронимо! Еще вина!

Хозяин, перемывавший стаканы, тотчас исполнил требование.

— За наше товарищество и за успех сегодняшнего дела, какое бы оно ни было! — сказал Винцент.

— Он тебе объяснил что-нибудь, Тито?

— Полковник сказал: «Вы смелые малые! Выпейте для храбрости, если чувствуете в ней недостаток, и тогда дело в шляпе», — отвечал Тито, худощавый, долговязый малый с мрачным лицом.

— Да что тут может быть? — проворчал Леон. — Разве захватить или совсем убрать с дороги кого-нибудь из врагов дона Карлоса!

— Я готов исполнить приказание полковника, в чем бы оно ни состояло, — сказал Винцент. — Он мне нравится, под его началом, должно быть, весело служить!

— Мои кулаки к его услугам, — прибавил Тито.

— Конечно, — заметил Леон, — если мы дали письменное обязательство, так должны повиноваться ему, только лучше бы поскорей выбраться из Мадрида.

— И я того же мнения, — сказал Винцент.

— Я тоже первый раз в столице, — прибавил Тито, — и мне, как и вам, не нравится здесь.

— Тише! Полковник! — остановил их Панчо, понижая голос. — С ним еще кто-то.

— Кто?

— А кто его знает, — сказал Тито, — верно, адъютант — на нем старая капральская форма.

Доррегарай и Изи́дор зашли в таверну и подсели к ожидавшим.

— Вас теперь пятеро, — начал Доррегарай, убедившись сначала, что никто их не слушает. — Вот, Изи́дор Тристани тоже пойдет с вами и поможет вам сегодня вечером в первой пробе.

— За ваше здоровье, братцы! — сказал Изи́дор, взяв стакан с вином, поданный хозяином. — За наше товарищество, храбрые карлисты, ха-ха! — Он выпил, посмеиваясь, и прибавил: — Хорошо, только маловат стакан.

Доррегарай подал ему свой.

— О, сохрани Бог, полковник! Сохрани Бог! — отказался Изи́дор. — Это непорядок!

— Ну, Винцент и Тито, вы больше всех нравитесь мне, и сегодня вечером я рассчитываю главным образом на вас, — сказал Доррегарай.

— Мы готовы, полковник. Что прикажете?

— Надо провести небольшое испытание, потребуется лишь хорошо прицелиться и метко выстрелить.

— За этим дело не станет, — сказал, смеясь, Тито.

— А что за цель? — спросил Винцент.

— Экипаж. Там будет двое мужчин, стрелять надо в того, у которого густая борода.

— А нам что прикажете делать? — спросил Леон.

— Вы с Панчо под руководством Изи́дора должны позаботиться о том, чтобы дать возможность Винценту и Тито убежать от толпы, которая поспешит на выстрел. Поняли?

— Не трудно, — со смехом отвечал Панчо.

— Дело в том, братец, — сказал Изи́дор, — чтобы сбить с толку толпу.

— Так-так, — согласился Леон.

— Как только Винцент и Тито выстрелят, — продолжал Изи́дор, — мы с Леоном окажемся рядом, быстро заберем у них пистолеты и спрячем под плащами, а сами примемся бегать и кричать. Они воспользуются суматохой и скроются.

— Вы вполне можете положиться на Изидора, — сказал Доррегарай Винценту и Тито, — он ловок и быстр! Я сам буду недалеко и укажу вам, в кого стрелять.

— Когда это будет?

— Через час. Пистолеты при вас?

Винцент распахнул плащ и показал, что у него за поясом пистолет и кинжал.

— И Тито вооружен, — сказал он.

— Ну, ступайте теперь разными дорогами к улице Сан-Маркос. Встретимся там через час. Я на вас рассчитываю, — прибавил Доррегарай и ушел.

— Где же эта улица Сан-Маркос? — спросил Леон.

— Я вас сведу туда! Идемте! — вскричал Изидор. — Прежде надо осмотреть местность и непременно заручиться двумя выходами на случай необходимости. Это главное.

— Изидор прав, — со смехом сказал толстяк Панчо, — иметь два выхода очень важно, но во всякой улице их два, если это не тупик.

— Ссс!.. Братец, ты меня не понял, — сказал Изидор, выходя вместе со своими четырьмя товарищами из таверны. — Нужна ведь еще лазейка на самый крайний случай.

— Правда, правда! — вскричали в голос Панчо и Леон.

Винцент и Тито пошли вперед.

— Ну, а если попадемся? — проговорил последний.

— Тогда всем виселица, вместе с полковником и адъютантом! — отвечал Винцент.

Изидор подошел к ним.

— Пистолеты заряжены?

— Все готово, — отвечали они, — но кто же тот, в кого мы должны стрелять?

Изидор пожал плечами.

— Увидим, братец, — тихо сказал он. — Какой-нибудь враг дона Карлоса, от которого надо избавиться. Вот сюда, на эту улицу.

— Далеко еще? — спросил Винцент. — Я не знаю ни одной улицы в Мадриде.

— Скоро придем. Да и пора, уже совсем стемнело!

В этот момент торжественный звон множества колоколов раздался над городом, как будто специально для того, чтобы смягчить и обратить к небу этих пятерых людей, таивших в уме черные замыслы!

Но они не обратили внимания на предостережение неба и продолжали идти своей дорогой.

Вскоре они вышли на широкую улицу Сан-Маркос, находившуюся недалеко от дворца, застроенную высокими домами и имевшую весьма непривлекательный вид. Старые дома стояли чуть в глубине улицы, а у других выдавались вперед большие балконы, бросавшие на улицу сильную тень.

В нише одной из стен стояла статуя святого, перед которым Тито, Винцент и Панчо преклонили колени.

Изидор и Леон подошли к большому дому с отворенными воротами.

— Я, кажется, не ошибся, а это очень важно, — сказал Изидор. — Идем! Пора приступить к делу.

Они вошли в дом и скоро вернулись с довольными лицами.

— Все как нельзя лучше, — обратился Изидор к Винценту и Тито. — Мы будем стоять около этого места! Дом имеет два выхода: один сюда, а другой в маленький переулок Кабаллерица, где находятся королевские конюшни. Леон и я возьмем у вас пистолеты, Панчо, отвлекая, побежит в сторону, а вы бегите через этот дом в переулок, там вы уже в безопасности.

В эту минуту подошел Доррегарай.

Изидор увел Леона и Панчо на другую сторону тихой, безлюдной улицы, где укрылся с ними в тени дома.

Вдали послышался шум приближавшегося экипажа.

Доррегарай с Винцентом и Тито подошли к дому с двумя выходами.

— Готовы ли вы? — тихо спросил карлистский полковник.

— Да, — отвечали оба.

— По окончании дела встречаемся в таверне «Блестящий Щит», а ночью уедем.

— И самое лучшее, — пробормотал Тито, — а теперь к делу.

— Смотрите хорошенько, — шепнул Доррегарай, — вот коляска.

Открытый экипаж, далеко не пышной наружности, без форейторов и военной охраны, вывернул на улицу Сан-Маркос.

Несмотря на поздний час, можно было ясно различить сидевших в экипаже двух мужчин.

— К делу! — скомандовал Доррегарай. — Цельтесь в того дона, у которого темная борода.

С этими словами он быстро пошел прочь.

Все, по-видимому, благоприятствовало попытке. Никого не было вокруг. Лишь на углу улицы несколько человек смотрели вслед экипажу, в котором король и его флигель-адъютант быстро ехали ко дворцу.

Едва они достигли середины улицы, как Тито и Винцент бросились к экипажу, выхватив пистолеты. В ту же минуту Изидор, Леон и Панчо точно из-под земли выросли около них.

Сидевшие в коляске еще не успели попятиться, в чем дело, как раздались два выстрела. Кучер рванул лошадей в сторону, а через минуту адъютант уже выскочил из экипажа, к которому с соседних улиц с громкими криками сбегался народ.

— Убийство! В короля стреляют! Хватайте убийц! — раздавалось со всех сторон.

В это время Винцент и Тито быстро скрылись в указанном им мрачном доме, а через минуту уже бежали по переулку мимо королевских конюшен. Тито успел передать свой пистолет Изидору, спрятавшему его в плаще, а Винцент в спешке бросил свой просто перед домом.

— Убийцы там! — крикнул Леон, бросившись в одну сторону, между тем как Панчо с таким же криком побежал в другую, чтобы сбить с толку толпу.

— Они скрылись сюда! — кричал Изидор, как вдруг почувствовал, что его схватили.

Экипаж короля медленно проехал мимо толпы, приветствовавшей его громкими «виват» и махавшей шляпами. Король Амедей, живой и невредимый, стоял в коляске, кланяясь на все стороны.

Выстрелы слегка задели его военную фуражку и мундир, не причинив ему самому никакого вреда.

— Вот один из злодеев! — кричал адъютант, держа Изидора. — Я сам видел его у экипажа, на нем мундир прежних капралов!

— Берите его! Где альгвазилы? — кричали в толпе.

— Святой Августин! — раздался голос Изидора. — Это ошибка, благородный дон! Я стоял, я проходил здесь случайно... Сжальтесь, я пи в чем не виноват! Убийцы скрылись, а я теперь...

— Держите его! Обыщите! — крикнуло несколько голосов. — Вот пистолет, из него только что стреляли. Сюда, альгвазилы! Вот убийца! В тюрьму его!

— Смерть ему!

Так кричали со всех сторон, и подоспевшим альгвазилам с трудом удалось уберечь арестанта от ярости толпы. Его схватили и увели.

Х. Монастырь Святой Марии

Недалеко от Австралийских ворот, в южной части города, есть уединенная, мало посещаемая улица, на которой лишь изредка мелькнет зелень среди убогих домишек, заселенных исключительно бедняками.

Это улица Гангренадо. Название ее пошло оттого, что тут сжигали на костре

несчастливых жертв инквизиции, подозреваемых в ереси.

Высокая темно-красная стена, занимающая большую часть улицы, отделяет от мира францисканский монастырь Святой Марии. Когда во время изгнания королевы Изабеллы монастырь Пресвятой Мадонны был разрушен, тайный совет Трех, долго властвовавший там, перешел во францисканский монастырь Святой Марии, таким образом, исчезли только стены, а силы и власть испанской инквизиции сохранились в неприкосновенности!

В задней части монастыря, того самого, который в день праздника масок посетил граф Кортесилла, в верхнем этаже одного из зданий находилась круглая комната, окнами выходившая в обширный монастырский сад. Подчеркнуто скромный вид ее явно выдавал желание порисоваться бедностью и простотой жизни.

Кроме длинного черного стола здесь было три старых неуклюжих стула и шкаф с несколькими полками. В простенке между окнами, закрытыми грубыми темными занавесками, висело изображение святого Франциска в черной раме, на столе — большие чернильница и песочница, черное распятие, череп, железный подсвечник в четыре свечи, молитвенник и колокольчик.

Три монаха в темно-коричневых одеждах, подвязанных волосяными поясами, сидели у стола.

Место посредине занимал знакомый уже нам патер Доминго, седой патриарх церкви, как его называл граф Кортесилла. Его одежда ничем не отличалась от одежды остальных монахов.

По правую его руку сидел молодой патер с умным, хитрым лицом и далеко не монашеским блеском глаз, это был патер Амброзио. По левую руку — монах средних лет, с необыкновенно худым, заостренным книзу лицом, каждая черта которого указывала на мрачного ревнителя веры, патер Бонифацио.

Перед Доминго лежала толстая тетрадь, которую он читал. Несмотря на свои лета и довольно слабый свет четырех свечей, он не пользовался очками. Его деятельность доказывала замечательное здоровье и силу; целые ночи он проводил за работой, кроме того, участвовал в советах и посещал прихожан, как в прежнем, павшем монастыре.

— Сегодня вечером к нам прибудет дон Карлос, высокие братья, — сказал патер Доминго, — чтобы принять наше пожертвование на военные издержки. Он согласился на все условия! Вот скрепленное его подписью обязательство восстановить все прежние монастыри и преумножить церковное имущество на сумму, которую мы в настоящую минуту назначим, к тому прибавлено еще обещание восстановить инквизицию как государственное учреждение!

— А подразумевается ли этим, достопочтенный брат, обязательство обращаться к нам за решением всех важных вопросов? — спросил Бонифацио.

— Это чрезвычайно важно, — добавил патер Амброзио.

— Вот, послушайте, что говорится в главной части договора, — отвечал великий инквизитор, патер Доминго. — «Принц Карлос Бурбонский торжественно принимает и подтверждает своим именем обязательство во всех государственных делах, касающихся церкви, обращаться, прежде объявления своей воли, к совету великого инквизитора...» Здесь оставлен пробел, — прибавил Доминго, — которым нам остается воспользоваться!

— А как насчет нашего пожертвования? — спросил Бонифацио.

— Я назначил миллион, — объявил патер Доминго. — Дать большую сумму было бы, мне кажется, рискованно. Дон Карлос имеет ведь и другие источники, так что этого ему будет достаточно.

— Более чем, почтенный брат, более чем! — вскричал худощавый Бонифацио. — Сумма довольно велика для возможной потери.

— Что скажет на это наш высокий брат Амброзио?

— Я согласен с решением благочестивых братьев!

— В таком случае, сегодня ночью принц получит миллион от брата казначея, — сказал патер Доминго. — А что слышно от брата Иларио, духовника герцогини Бланки Марии

Медины? — прибавил он, обращаясь к патеру Бонифацио. — Вы упоминали о каком-то донесении.

— Важное донесение, брат! Иларио явился вчера ко мне сильно взволнованный. Бланка Мария призналась ему недавно, что вместо желаемой любви к супругу чувствует к нему антипатию, отвращение! Из других же верных источников он слышал, что она задумала тайно избавиться от него и, кажется, хочет привести в исполнение свои тайные планы здесь, в Мадриде.

— Если это ей удастся, то и она наша, — тихо и с ударением сказал Доминго. — Пусть патер Иларио ловко и осторожно наблюдает за герцогиней, не выпуская ее из виду. Как только она исполнит задуманное, он должен заявить ей, что знает о преступлении!

— Я уже отдал такое приказание, — с ледяной самодовольной улыбкой отвечал инквизитор Бонифацио. — Более того, я посоветовал узнать, в чем причина такого внезапного отвращения Бланки Марии Медины.

— И патер Иларио назвал моему высокому брату дона Мануэля Павиа де Албукерке, — сказал Амброзио.

— Это ошибка, мой высокий брат! Патер Иларио подозревает план тайного брака между Альфонсом Бурбонским и герцогиней Мединой!

Известие поразило великого инквизитора и патера Амброзио.

— Если она совершит задуманное, — решил Доминго, — то либо поступит в монастырь Святого Сердца, либо, если это может оказаться выгодным, вступит в брак с доном Альфонсом!

В эту минуту в соседней комнате, где всегда сидели дежурные братья, раздался звонок колокольчика.

— Не Карлос ли это Бурбонский? — сказал, улыбаясь, худощавый Бонифацио. — За деньгами ведь аккуратно являются!

Через минуту вошел монах и низко поклонился трем патерам.

— Кто там? — спросил великий инквизитор.

— Патер Антонио просит позволения войти, — почтительно отвечал монах.

— Пусть войдет! Брат ушел.

— Так он в самом деле явился сюда, — сказал инквизитор Бонифацио с выражением ненависти на лице. — Не слишком ли большое доверие оказывает мой почтеннейший брат молодому патеру Антонио? Мне кажется, сердце Антонио столь же принадлежит миру, сколь не принадлежит нам! Он слишком умствует и слишком пытлив. Этот патер, мне кажется, ведет совершенно самостоятельную, отдельную от нас жизнь.

Разговор был прерван появлением патера Антонио. Дверь отворилась, и на пороге показалась фигура серьезного, бледного молодого монаха, которого мы видели в обществе Мануэля.

Дверь затворилась за ним.

Он поклонился и спокойно, с достоинством подошел к черному столу. Благомерно очерченное лицо было бесстрастно, по нему нельзя было понять, о чем он думает, и вообще во всей его фигуре чувствовалось самообладание.

— По вашему приказанию, многоуважаемые отцы, я явился, чтобы доложить о результате миссии, которую вы мне поручили, — мягко сказал он.

— Приветствуем тебя, патер Антонио, — отвечал великий инквизитор. — Ты целый год провел на месте своего назначения, а за год можно много сделать, особенно тебе, так богато одаренному природой!

— Главное, что мы хотим знать, — исполнил ли ты данное тебе поручение, патер Антонио? — добавил инквизитор Бонифацио, пронзая его взглядом.

Молодой патер поднял на него свои большие выразительные глаза.

— Что угодно уважаемому отцу понимать под словом поручение? — спросил он.

— Тебе приказано было, — отвечал Бонифацио, — наблюдать за всем, что происходит в замке графа Кортесиллы, ты должен был узнать тайны этого мрачного дворца, цель

путешествий графа и его знакомства.

— Цель эта, — простодушно отвечал Антонио, — осталась мне неизвестной, так как я не мог разузнать, чем он занимается. Я знаю только две вещи: огромные богатства графа, источник которых также составляет для меня тайну, хранятся не во дворце, а где-то в другом месте, а таинственная болезнь графини Инес...

— Графиня — единственное дитя Кортесиллы, — заметил великий инквизитор. — Мы поручили тебе всеми средствами приобрести над ней влияние! Удалось тебе это?

— Сердце молодой девушки — святилище, достойные отцы! Я старался заслужить доверие графини и сделался ее другом и советником.

— Графиня Инес помолвлена, ты это знаешь?

— Да, с Карлосом Бурбонским.

— Любит ли она его?

— Трудно читать в сердце девушки! Графиня покорится воле отца и выйдет за принца.

— Если она его не любит, тем легче будет тебе завоевать ее сердце, — сказал Бонифацио. — Ты должен поставить себе задачу научиться влиять на нее, тогда впоследствии она будет в твоей власти!

— Мы выбрали тебя, патер Антонио, для этого дела, — сказал великий инквизитор, — потому что ты молод, а молодость быстрее сближается с молодостью. Называя сердце девушки святилищем, ты, мне кажется, ошибочно употребляешь это слово. Ты должен стараться раскрыть сердце графини, проникнуть в самые сокровенные его уголки и не останавливаться ни перед какими средствами, чтобы овладеть им. Когда она полюбит тебя, тогда станет и доверять, а это необходимо.

— Ей полюбить меня, почтенный отец? — спросил Антонио с оттенком грусти в голосе. — Если бы можно было приказывать человеческому сердцу, много горя было бы устранено на земле! Любовь является подобно прекрасным цветам, которые вызывает из недр земли солнечный луч. Она приходит раньше, чем мы успеваем подумать о ней, но не позволяет принуждать себя! Сколько тысяч людей проходит мимо нас в жизни, мы видим их, сближаемся с ними, однако ж не любим! Но вот вдруг встречается существо в этой толпе, и в душе у нас что-то дрогнет, точно от внезапного воспоминания, от предвкушения какого-то блаженства. То, чего мы не испытывали при встрече с другими, делается ясным для нас теперь, и в ту же минуту в нас рождается любовь! Это чувство, которое заставляет гореть нашу грудь в самой глубине ее, заставляет нас ликовать при каждой встрече, вздыхать при каждой разлуке, это чувство, при котором каждое ласковое слово приносит с собой надежду, каждый малейший знак равнодушия — отчаяние.

Патер Антонио говорил самозабвенно, с большим чувством, Бонифацио зорко следил за ним.

— Ты прекрасно нарисовал нам проявление любви, — сказал великий инквизитор, — любви мирской, которую, как и мы, учился побеждать и которой мы неподвластны. Зная ее так хорошо, патер Антонио, ты тем легче сможешь пробудить ее в графине Инес. Она должна любить и стать твоей союзницей, ты же должен искусно, со строгим расчетом руководить ею, тебе предстоит высшее назначение. Таким путем ты приобретешь власть в замке графа Кортесиллы, а после этого получишь возможность наблюдать, кого принимает у себя граф Эстебан, и подслушивать его разговоры. Воспользуйся болезнью графини и необходимостью следить за ней. А после представишь нам отчет о том, что узнаешь. Ступай и исполняй наши приказания!

Патер Антонио вышел с поклоном.

— Или он пропал для нас, и все его слова и его покорность одна хитрость, — сказал инквизитор Бонифацио, — или он любит графиню Инес Кортесиллу преступной любовью!

— Мы еще, может быть, сумеем использовать его с выгодой для себя, — отвечал великий инквизитор.

— По-моему, — заметил Амброзио, — этот Антонио — просто молодой мечтатель, гуляющий с графиней по парку, собирающий с ней цветы и заглядывающийся ночью на

звезды. Такие люди бесполезны как для света, так и для церкви.

В эту минуту в соседней комнате снова раздался звонок, и дежурный брат доложил о принце и генерале Веласко. Прежде чем великий инквизитор успел ответить, дон Карлос нетерпеливо вошел в комнату, за ним следовал офицер, еще моложе него. На обоих были темные плащи и кавалерийские костюмы.

— Простите, почтенные отцы, что мы входим, не дождавшись позволения, — сказал дон Карлос, — но мы спешим!

— Мы всегда предпочитаем спокойствие и обдуманность, дон Карлос Бурбонский, — отвечал Доминго, будучи не в состоянии скрыть свое неудовольствие, — но тем не менее приветствуем вас и вашего генерала!

— Вам известно о вчерашнем покушении, почтенный брат? — спросил дон Карлос, когда дежурный монах удалился. — При этом на улице Сан-Маркос арестовали одного человека.

— Мы слышали это, принц, — отвечал патер Доминго, поднявшийся вместе с двумя другими патерами при появлении дон Карлоса.

— Но арестованный не является настоящим виновником, — продолжал последний — Это человек, поступивший ко мне на службу, и арест его крайне неприятен для меня, так как он знает слишком много и при известных обстоятельствах может выдать нас.

— Как его зовут?

— Это бывший капрал, Изидор Тристани. Его надо освободить во что бы то ни стало, и я прошу вашего совета и содействия, почтеннейшие отцы!

— Подозрение, павшее на него, тяжело, — заметил, пожимая плечами, Амброзио.

— Но он не из числа настоящих виновных, которые, однако, хорошо ему известны! Кроме того, мне надо послать его к моим войскам. Помните молодого человека, так внезапно появившегося на нашей встрече, почтенный отец? — обратился дон Карлос к великому инквизитору. — Это он и есть!

— Что можно, мы сделаем для вас, принц, — отвечал Доминго.

— Теперь перехожу к не менее важному делу! Дон Веласко, которого вы видите здесь, мой генерал, потому при нем можно говорить открыто, — продолжал дон Карлос. — Что вы решили касательно суммы, обещанной вами на военные издержки?

— Казначей будет предупрежден и выдаст вам миллион наличными, принц.

В эту минуту в коридоре вдруг послышался шум — слишком необычное явление в аббатстве Святой Марии. Великий инквизитор замолчал и сердито посмотрел на дверь, оба инквизитора тоже с неудовольствием обернулись, не зная, чем объяснить этот шум.

Но тут дверь отворилась, и в комнату вбежали три бледных монаха с выражением ужаса на лицах.

— Что такое? — с гневом вскричал великий инквизитор.

— Большая опасность, достойнейший отец, — отвечал один из монахов, в трепете бросаясь перед ним на колени. — Стены и коридоры монастыря заняты солдатами! Они требуют выдачи принца Карлоса Бурбонского!

Дон Карлос, отошедший с Веласко в сторону, вздрогнул.

— Кто осмеливается врываться в святую обитель? — вскричал великий инквизитор.

— Они требуют, чтобы их впустили и разрешили обыскать монастырь, — отвечал перепуганный монах. — Офицеры говорят, что дон Карлос Бурбонский здесь!

— Идите и отворите им ворота, — приказал великий инквизитор. — Пусть войдут.

Монахи вышли.

— Натер Амброзио, — сказал Доминго, — проводи принца в потайную комнату аббатства! А ты, почтенный брат Бонифацио, ступай вниз и наблюдай за обыском монастыря.

— Благодарю вас за защиту, достойнейший отец, — сказал дон Карлос, уходя с Веласко в боковую дверь следом за патером Амброзио.

XI. Лисица в западне

Альгвазилы, связав Изидора, спешно отвели его на ближайшую гауптвахту, где посадили в пустую, надежную комнату.

Никто не слушал его уверений в невинности, никто не верил ему, потому что схватили его на месте преступления, на него указал сам адъютант короля, и при нем нашли пистолет, а главное, от него уже ожидали чего-нибудь подобного.

Изидор был на дурном счету у властей, особенно у военных командиров, под началом которых прежде служил. Во время следствия найдено было в актах не только много обвинений Изидора Тристану в дисциплинарных проступках и покушениях на собственность, но и указание на совершенное им убийство проезжего на большой дороге.

Он был приговорен к десятилетним каторжным работам в гавани Карфагена, это время оставило свой след и на его лице, и на фигуре, он действительно выглядел каторжником. При вступлении на престол Амедея ему посчастливилось попасть под общую амнистию.

Ночью Изидора перевели в большую, вместительную тюрьму, стоявшую на берегу Мансанареса, близ Толедских ворот и школы тореадоров, со стороны города ее окружала высокая стена, а та часть здания, которая обращена была к реке, отвесно поднималась над водой. Со всех сторон, однако, проделаны были маленькие окошечки с железными решетками.

Эту надежную, искусно выстроенную тюрьму народ называл Адским замком. Немалую долю арестантов в нем составляли убийцы и разбойники, так как время беспорядков в Испании вызвало большое количество преступлений, появилось даже много иностранцев, промышлявших мошенничеством и разбоем.

Когда за Изидором закрылись большие железные ворота, к которым приставили тотчас двух караульных с заряженными ружьями, он понял, что дело серьезно. Из Адского замка не было выхода! Кто раз попал туда, тому нечего было и думать о свободе.

Единственным утешением Изидору служила мысль о высоком покровителе, соучастнике этого преступления.

Смотритель тюрьмы, как опытный человек, с первого взгляда разглядел в нем отъявленного преступника, и это было так, потому что время, проведенное на галерах, становилось высшей школой для разбойников, попавших туда; пройдя ее, они были способны на все.

Он велел тотчас отвести Изидора в комнату нижнего этажа, где его обыскали с головы до ног и сменили грязный капральский мундир на желтое арестантское платье. Эта перемена сильно не понравилась бывшему капралу, но он покорился, потому что смотритель пригрозил ему, в случае малейшего сопротивления, решетками и голодом.

Затем Изидора отвели в комнату, где не было других арестантов, кроме него. Комната была шагов десять в длину и столько же в ширину, там стояли маленькая железная печь, жесткая кровать с одеялом, приделанный к стене стол и скамейка, на столе кружка с водой и лампа.

Толстая дверь, выходившая в коридор, была обита жестью. Через маленькое окошечко, открывавшееся в ней с наружной стороны, арестанту подавалась пища.

В одной из стен, на довольно значительной высоте, находилось окно фута два в высоту и в ширину, с железной решеткой, выходившее, как тотчас убедился Изидор, на Мансанарес, далеко внизу кативший свои волны.

Потеря свободы была в высшей степени чувствительна для Изидора! Мрачное выражение лица ясно говорило о состоянии его духа, но так как в данную минуту ничего изменить было нельзя, то он бросился на постель и вскоре заснул так крепко, как едва ли может спать даже человек с самой чистой совестью.

На следующий день, съев принесенный обед, он уселся на постель и принялся рассуждать вслух, обдумывая свое положение.

— Скверную штуку сыграл со мной случай, — бормотал он. — Все улизнули, один

хитрый Изи́дор в западне! Черт возьми! Но утешься, ведь они все в твоих руках! Ты предусмотрительно поступил, зайдя в гостиницу Сан-Педро и углядев следы, что вели к развалинам старого монастыря. Тебя не оставят в беде, а уж если у них хватит глупости сделать это, так все пойдут на виселицу, Все! Ты неплохо устроился — за тобой оба принца, полковник, патер Доминго из монастыря Святой Марии и граф Кортесилла, — посмеивался Изи́дор. — Эти важные господа всегда стараются найти какого-нибудь козла отпущения, на которого можно свалить все свои грехи, но Изи́дор слишком много знает и заставит бояться себя! До приговора не скоро дойдет. А если они тебя бросят, придется сознаться, не доводить же дело до пыток! Изи́дор признается в том, что может не понравиться знатным, благородным донам, ну, да что делать! Своя ру« башка ближе к телу!

Монолог Изи́дора был прерван бречением ключей у двери, шумом шагов и голосами в коридоре.

Дверь отворилась. Вошли судья с секретарем, положившим на стол бумагу и приготовившимся записывать.

«Ага, — подумал Изи́дор, — начинается история, но будем спокойны!»

Судья велел ему встать.

На несколько вопросов о прошлом, показывавших, что о нем имеют подробные и точные сведения, Изи́дор отвечал путано, а от обвинения в покушении на убийство категорически отрекся.

— Я проходил совершенно случайно по улице Сан-Маркос, сеньор, — сказал он с самой невинной физиономией. — Это и с вами могло случиться. Ах, лучше бы я был в это время на другом краю города! Ну, да уж беда и во сие найдет, если захочет! Меня закрутило в толпе и, на беду, вынесло прямо на адъютанта.

— При вас нашли разряженный пистолет, — прервал следственный судья разговорчивого арестанта.

— Да, да! Какой-то шалопай сунул мне что-то в суматохе, а в эту минуту адъютант и схватил меня! Ну скажите сами, сеньор, неужели бы я остался там стоять, если бы был настоящим виновником? Не думаю!

— Так вы не хотите признаться?

— В чем мне признаваться-то, сеньор? Неужели я должен сказать: вот моя голова, я виновен! О Боже! Вы уж слишком многого требуете, если хотите, чтобы я подставил свою голову за другого.

— Выдайте соучастников, это уменьшит паше наказание.

— Но какое же наказание я заслужил, сеньор, если я невиновен?

— Ваше прошлое говорит против вас.

— Да разве прежнее несчастье может служить доказательством моей вины теперь, сеньор? Этак можно из невинного человека сделать преступника. Оттого что Изи́дор Тристаны нанес, по несчастью, удар, убивший человека, а коварные товарищи подсунули ему украденные вещи, чтобы избежать наказания, вы считаете, что и теперь он виноват? Это несправедливо, сеньор, нельзя судить на таких основаниях!

— Так вы упорно настаиваете на своей лжи?

— На истине, сеньор! Что же мне сказать? Да буду я лишен царствия небесного, да буду я проклят, если выстрел сделан мной! Требуйте от меня какой угодно клятвы!

Секретарь записывал каждое слово арестанта.

— Ваше упорство вам не поможет, — сказал судья, — показания свидетелей и пистолет говорят против вас! Вы бы лучше искренне сознались, в противном случае вам грозит виселица.

— Не надо забегать вперед. Никто не избегнет того, что ему предназначено. Кому суждено быть повешенным, тот не утонет, — отвечал Изи́дор.

Судья и секретарь ушли, и дверь снова плотно затворилась.

— Гм! Так, значит, виселица, — пробормотал Изи́дор, и его косые черные глаза беспокойно заблестели, — неприятная перспектива! Я всегда испытываю перед виселицей

какой-то священный трепет; все другое еще туда-сюда, но смерть на виселице — проклятая, оскорбительная смерть! С какой отвратительной гримасой при этом умирают! С тех пор как при мне вешали убийцу Брукоса, я ненавижу виселицу! Но не беспокойся, мой друг, — посмеивался он, — подождем до утра, еще виселица не выстроена, да и вельможи не оставят тебя здесь. Не волнуйся, Изи́дор! Тебя и в последнюю минуту всегда выручал благоприятный случай. Если бы за каждую пролитую кровь тебя стали вешать...

Он махнул рукой и отошел к окну.

На дворе уже стемнело. Противоположный берег Мансанареса был пуст, там не было никаких строений. В некотором отдалении, между старыми деревьями, вилась дорога к Толедским воротам.

На реке тут и там виднелись лодки, но незаметно было никаких признаков попытки пробраться к заключенному.

В эту ночь Изи́дору уже не так спокойно спалось, как в прошлую. Ему снились виселица, убийца Брукос, кивавший ему из петли, а затем площадь Кабада, полная народа! Вот мадридский палач, старый Вермудец, строит виселицу, вот помощники его в простых рубашках с засученными рукавами. Изи́дор слышит их голоса, чувствует, что они схватили его. Вермудец уже укрепляет веревку на железном крюке... «Молись, Изи́дор Тристан!» — раздался голос около него...

Арестант проснулся. Его сильно трясла чья-то рука, и чей-то голос звал его по имени. Но Изи́дор все не мог очнуться от своего сна, он дико вращал глазами, и крупные капли пота катились по его лбу. Наконец дело объяснилось. В свете фонаря Изи́дор признал сторожа, будившего его, за ним стоял монах в темно-коричневой одежде с волосатым поясом.

— Да вставай же! — кричал сторож. — Почтенный брат Франциско пришел приготовить тебя к смерти и помолиться с тобой.

«Ого! Похоже на смертный приговор, — подумал, вскакивая, Изи́дор. — Неужели так скоро? Ну, да тут ведь могут встретиться затруднения!»

Сторож поставил фонарь на стол и вышел, почтительно поклонившись патеру.

— Вы хорошо сделали, что пришли, брат Франциско, — сказал Изи́дор, обращаясь к монаху, неподвижно стоявшему со сложенными руками. — Вы не из монастыря ли Святой Марии?

— Я пришел утешить тебя и помолиться с тобой, — тихо отвечал Франциско.

— Ну, молиться-то еще успеем, благочестивый брат, вы свою молитву уже, вероятно, совершили сегодня в полночь, а моя — подождет. Прежде всего скажите: вас послал сюда достойнейший патер Доминго? Не отвечаете! Значит, я должен прежде внушить вам доверие! Садитесь-ка вот здесь, это простая деревянная скамейка, ну, да лучшей у меня нет.

Монах сел, Изи́дор удобно расположился на постели.

— К делу, благочестивый брат, — начал он, понижая голос. — Не знаю, вынесен ли мне уже приговор, знаю только, что я не должен умереть! Что вы так смотрите на меня, благочестивый брат? Да, я не должен умереть, потому что моя смерть может наделать много неприятностей. Это престранная история. Прежде чем меня привезут на место казни, я сделаю такое признание, которое выведет на чистую воду многих лиц, а они, я знаю, готовы будут на все, чтобы, не доводя меня до этого, освободить скорее, тем более, что ведь я действительно невиновен. Передайте все это патеру Доминго. Я не должен умереть! Если меня не спасут, я открою все, а это немало, благочестивый брат!

— В чем ты хочешь признаться, сын мой? — спросил монах.

— Вот видите ли, я не знаю, должен ли я вам говорить все, дело еще не дошло до смерти, и я рассчитываю на освобождение! Но я вам намекнул, а вы намекайте другим. Не удивляйтесь, благочестивый брат! Видите ли, есть вещи, которых и на исповеди нельзя громко сказать. Поймите только, почтенный брат, что мое признание обернется виселицей для знатных господ, о которых я многое расскажу. Если повесят меня, то и они должны со мной висеть.

— Ты, кажется, очень взволнован, — сказал монах, — твои слова так запутаны и

неясны.

— О, не беспокойтесь, я еще вполне владею рассудком: страх смерти не заставил меня потерять его, у меня для этого слишком здоровая натура! Говори скорей, кто тебя прислал?

— Наш благочестивый монастырь обязан посылать духовника к осужденным на смерть!

— Так, так! А не говорил ли тебе чего-нибудь при этом патер Доминго, не приказывал ли уведомить его, как ты меня найдешь и что от меня услышишь?

Монах покачал головой.

— Ты не признаешься в этом, конечно, — продолжал Изидор, — ну, да все равно! Я познакомился с высокородным принцем Карлосом Бурбонским и с его не менее высокородным братом Альфонсом Бурбонским, вступил, так сказать, под их знамена — ты видишь перед собой карлиста! Но этого мало: я оказал принцу не одну хорошую услугу — спроси-ка у хорошенькой Амаранты на улице Толедо, под крышей углового дома в Еврейском переулке. Но тсс!., лучше не спрашивай! Она не знает, что дон Карлос — тот самый любовник, который изменил ей и покинул ее, как это часто случается в жизни! Иначе она может сильно навредить принцу. Ведь оставленные невесты могут быть очень опасны. И дону Альфонсу я оказал не меньшую услугу. Это касается одной высокопоставленной дамы; да, благочестивый брат, это очень знатная дама, и, если я громко стану все это рассказывать, в высоких кругах поднимется страшный шум! Но и это еще пустяки, хотя ты начинаешь, кажется, понимать?

Монах слушал с напряженным вниманием, глаза его горели.

— Что мне до простой девушки и до знатной доньи, — сказал он, — я пришел приготовить тебя к смерти.

— Нет, рано еще, лучше я приготовлю тебя, — ответил Изидор, смеясь. — Выслушай, что я тебе скажу, и передай патеру. В покушении на убийство я невиновен, его совершили двое других людей, а тех, в свою очередь, подговорили люди, имена которых мне известны. Счастливый случай свел меня с ними в одном месте, но где именно, я не могу сказать тебе, благочестивый брат! Я знаю столько, что если расскажу все, то мое признание подведет под суд людей, пользующихся таким огромным влиянием, что для них ровно ничего не стоит освободить меня отсюда.

— Ты утешаешь себя ложными надеждами.

— Полно, благочестивый брат, — заключил Изидор, вставая, — мой расчет верен. Передай только патеру мои слова, а он может передать и дальше, кому следует, и сделает это. Рука руку моет, а любовь любви стоит. Спасут меня — я буду молчать и окажу еще не одну хорошую услугу, а не спасут — я *один* не хочу быть повешен. Ступай же скорей, благочестивый брат, — прибавил Изидор, посмеиваясь и подталкивая монаха к двери, — торопись, дело не ждет. До свидания!

ХII. Поцелуй и удар шпаги

Амаранта поселилась со своим мальчиком за городом, в уютной комнатке, в которой графиня Инес устроила ее с заботливостью сестры.

И действительно, если что и могло благотворно повлиять на душу столько испытавшей девушки, так это именно близость чистой, свежей природы, вид леса и красоты Божьего мира, окружавшей ее.

Эта перемена и любовь самоотверженной подруги и в самом деле оказали благотворное влияние на Амаранту. Она стала спокойнее, к ней вернулась способность плакать, а слезы так необходимы в горе, так смягчают боль. Она снова занялась своим ребенком с сознанием того, что исполняет свой долг.

Инес почти каждый день приходила к бедной сестре, делая все возможное, чтобы развлечь Амаранту, но скоро увидела, что ее старания имеют успех только до тех пор, пока она остается возле нее. И это было так понятно!

Как могла бедняжка отказаться от любви, которая была для нее всем! Как могла она научиться презирать и забыть неверного, бросившего ее, когда вся ее жизнь принадлежала ему, когда воспоминаниями о нем были полны ее думы и сны! Любящему сердцу трудно отказаться от последней надежды. Амаранта простила ему все зло, которое он ей принес. Она надеялась втайне, что он еще раскается, как в тот вечер, и вернется.

Несчастливая, она еще не все знала! Но вскоре предстояло угаснуть и последнему лучу надежды, она должна была лишиться ее самым мучительным и жестоким образом.

Раз, около полудня, перед маленьким уютным домиком остановилась карета графини, и Амаранта поспешно вышла встретить ее. Они нежно обнялись и вошли в дом.

Графиня и в этот день была так же ласкова, как прежде, но вместе с тем как-то особенно серьезна и грустна. Амаранта догадалась, что у нее тяжело на сердце.

Инес приласкала и поцеловала мальчика, с улыбкой протягивавшего к ней ручонки, и заговорила с подругой о каких-то пустяках, но Амаранта, не выдержав, спросила наконец, что с ней?

— Ты открыла мне свою душу и свою жизнь, Амаранта, — отвечала молодая графиня, — и я расскажу тебе свою тайну и рассказала бы, даже если б ты и не спросила меня о причине моей грусти. Укачай дитя, оно уже совсем спит, а потом выйдем на воздух, там я расскажу тебе все!

Немного погодя обе подруги уже шли по дороге, ведущей к лесу и хорам, а экипаж ехал за ними в некотором отдалении.

— До сих пор я тебя утешала, — начала Инес, — а теперь сама страдаю от несчастной любви. Я горячо, безмерно люблю дону Мануэля де Албукерке, но мой отец назначил мне в мужа другого.

— Твой отец смягчится, он не захочет разрушить твоего счастья, — сказала Амаранта.

— Оно уже разрушено, и изменить нельзя ничего! Отец дал уже слово этому человеку, считая союз с ним счастьем для меня. Он и не подозревает, что это счастье сделает мою жизнь непрерывным мучением.

— Отчего же ты не поговоришь откровенно с отцом, Инес? От тебя зависит предупредить зло.

— Амаранта, ты не знаешь моего отца. При всей своей доброте и любви ко мне он непреклонен и не изменит того, что однажды решил. Мое нежелание он назовет глупостью. Я долго боролась с собою, теперь ты знаешь мое горе.

— Так и ты несчастна! — грустно сказала Амаранта. — Значит, мы действительно сестры, сестры по страданию!

— Я никогда не буду принадлежать Мануэлю, и мой долг — сказать ему это прямо. Он знает, что служит препятствием нашему союзу, но все еще надеется устранить его. Я поступила бы нехорошо по отношению и к тому, и к другому, если бы продолжала принимать доказательства любви Мануэля, поэтому я решила сказать ему это и проститься с ним, — продолжала Инес взволнованным голосом. — Мне будет тяжело, но надо преодолеть себя. Сердце разрывается при одной мысли, что надо расстаться с ним навсегда, но так должно быть! Как я переживу это, Амаранта! Я уже начинаю бояться будущего и самой себя. Жаль и того, кто разлучает меня с Мануэлем, потому что ему будет принадлежать только рука моя, сердце же и жизнь принадлежат Мануэлю до последнего моего вздоха.

— И я так же горячо любила, — прошептала Амаранта, — но за кого же просватал тебя отец? — спросила она.

— Пока это еще секрет, но тебе я скажу — за дону Карлоса Бурбонского.

— За того принца, который добивается престола?

— Да.

— О, теперь я понимаю твердость твоего отца!

— Сегодня, перед закатом солнца, я последний раз увижусь с Мануэлем там, за лесом, недалеко от уединенной гостиницы Сан-Педро.

Голос ее прерывался от слез.

— Никто не знает об этом, кроме нас троих, и ты, Амаранта, пойдешь со мной, ты будешь стоять невдалеке, а когда мы простимся, прижмешь к своему сердцу бедную Инес, похоронившую свою любовь и свое счастье. Скажи, согласна ли ты на это?

— Я разделю твою горе, я пойду с тобой, Инес, — отвечала Амаранта, нежно обняв молодую графиню. — Грустная это будет поездка.

— Да, я все время боюсь, что не выдержу и не исполню своего решения. Мне кажется, что, отказавшись от Мануэля, я перестану жить, и так больно становится в груди, так тяжело, что я готова плакать не переставая. Но нельзя поступить иначе, хотя бы даже сердце мое разбилось от этого.

— А Мануэль знает, что его ждет сегодня? — спросила Амаранта.

— Нет, он просто просил свидания, и я ему обещала, сама назначив место и время.

— Бедный! Как мне жаль и его!

— Эта жертва слишком тяжела для меня, лучше бы я умерла, — прошептала Инес, пряча лицо на груди подруги.

Амаранта ничего не могла ответить. Несколько минут они простояли так, потом графиня подняла голову и твердо сказала:

— Так должно быть! Сядем в карету, дорога неблизкая.

Она приказала кучеру остановиться, не доезжая до гостиницы Сан-Педро, и прекрасные лошади быстро понесли их по дороге. Все ближе и ближе подступали темный лес и горы.

Гостиница Сан-Педро, окруженная великолепными старыми деревьями, стояла у подножья горы, недалеко от Мансанареса.

Когда они достигли опушки леса, кучер остановил лошадей. Инес велела ему ждать здесь их возвращения, а сама с Амарантой углубилась в чащу леса.

Карета остановилась шагах в ста от гостиницы.

До заката солнца оставался еще час. Условленное время наступило.

Амаранта ясно увидела сквозь деревья приближавшегося всадника и остановилась, а Инес пошла вперед, туда, где ее мог увидеть Мануэль.

Соскочив с лошади, он привязал ее и поспешил к возлюбленной, сердце которой сильно забилося от волнения.

— О, как драгоценен для меня этот час, моя дорогая! — с чувством сказал он, протягивая ей руку. — Я снова вижу тебя!

— Кто знает, Мануэль, останется ли он для вас так же драгоценен и тогда, когда пройдет, — отвечала молодая графиня, отворачиваясь.

— Что это значит? Отчего у тебя такое грустное лицо, Инес? Ты плакала? Да, да, ты плакала! Скажи скорей, милая, что случилось?

— Вы знаете что, Мануэль!

— Помолвка? Но ты не должна принадлежать этому человеку, он всегда был авантюристом, а теперь хочет против воли Испании присвоить себе ее корону! И из-за этого ты плачешь? О, как бы я хотел целовать эти слезы, ведь ты плакала обо мне! Твоя любовь — мое блаженство, мое сокровище, Инес! Не отчаивайся! Прочь все грустные мысли! Мануэль твой! Он клянется тебе в любви и верности и только возле тебя найдет свое счастье.

— Никогда я не могу быть вашей, Мануэль! Мы должны проститься!

— Проститься, Инес? Ты ли это говоришь? В твоём ли милом сердце зародилась такая мысль? Послушай, если бы я захотел предложить тебе разлуку, я бы не смог. Моя любовь сильнее моей воли! Отчего же моя Инес так изменилась? Прогони эти мучительные мысли!

— Нам суждено расстаться, Мануэль! Я не могу быть невестой двоих. С доном Карлосом меня связывают слово и воля отца, а с вами — сердце. Надо выбрать одно, и я выбираю труднейшее, Мануэль, потому что так должно быть. Простимся же, простимся навсегда.

— Инес! — вскричал Мануэль с дрожью в голосе. — Инес, ты решаешься оттолкнуть

меня? О, ты никогда не любила меня! Ты ошибалась, принимая за любовь то, что не было ею.

Молодая графиня мучительно боролась с собой.

— О, не говорите так, Мануэль! — молила она тихим, дрожащим голосом. — Если бы вы знали, как это мучительно для меня! Вы сомневаетесь во мне, пусть так, я и это перенесу. Дай Бог, чтобы когда-нибудь я могла доказать вам то, что испытываю теперь.

— Так не будем разлучаться, милая! — вскричал Мануэль, обхватив рукой молодую графиню. — Не будем разлучаться! Не отталкивай меня!

— Прощайте, Мануэль.

— Останься! О, останься еще! Я не могу поверить, не могу мириться с тем, что должен расстаться с тобой.

— Мое сердце принадлежит навеки вам одному, Мануэль!

С криком восторга он обнял ее и страстно поцеловал в губы.

В эту самую минуту послышались приближающиеся голоса и шаги. Какой-то всадник соскочил с лошади.

— Клянусь всеми святыми, это она! Этот наглец обнимает ее, — раздался голос.

— Святая Мадонна! Что это? — прошептала Инес.

— Что такое? Кого вы здесь ищете? — вскричал, хватаясь за шпагу, Мануэль.

— О наглец! — крикнул в ответ офицер, подбегая с поднятой шпагой.

— Принц! — прошептала, бледнея и едва держась на ногах, Инес. — Дон Карлос!

— И как раз кстати, теперь вы не уйдете от меня! — вскричал Мануэль, выхватывая шпагу.

— Ради Бога, сжальтесь, — взмолилась Инес, бросаясь между ними.

— В монастыре вы ускользнули от меня с хитростью труса, — вскричал Мануэль, бережно отстраняя молодую графиню, — но здесь я поймаю вас! Защищайтесь!

Мануэль напал на дона Карлоса, и в тишине раздался звон скрестившихся шпаг. Заходящее солнце окрасило эту картину тревожным кровавым заревом.

В эту минуту привлеченная звоном оружия между деревьями показалась Амаранта. Взглянув на сражавшихся, она вдруг побледнела и громко вскрикнула.

— Это он, — прошептала она, — этот офицер — Жуан!

— Который? — спросила Инес в волнении и тревоге и, поспешно подходя к Амаранте, прибавила: — Укажи, который поклялся тебе в любви и покинул тебя!

— Офицер со звездой на груди!

— Дон Карлос! О, ради Бога, взгляни еще раз, Амаранта, он ли это!

— Клянусь святой Мадонной, это он!

Мануэль и Карлос оба были сильные и искусные бойцы, смелые и неустрашимые офицеры. Долго нельзя было сказать, на чьей стороне перевес, но наконец, дон Карлос почувствовал, что победа уходит от него, он защищался уже с трудом и шаг за шагом начал отступать перед опаснейшим бойцом Мадрида.

— Сдавайтесь! — крикнул Мануэль. — Вы мой пленник, или я убью вас следующим ударом шпаги!

Дон Карлос, ничего не отвечая, быстро взглянул в сторону и с демонической улыбкой на бледном лице продолжал драться, пытаясь выиграть время. Он не обращал внимания на кровь, сочившуюся из раны на шее; боль в руке, лишь недавно освободившейся от повязки, тоже давала себя знать. Он, стиснув зубы, напрягал последние силы, чтобы удержать в руках шпагу.

— Так умри же! — крикнул Мануэль. Но в эту минуту рядом с доном Карлосом появился его брат. Шпага дона Альфонса достала Мануэля, и он, пошатнувшись, упал, обливаясь кровью, брызнувшей из раны на лбу. Альфонс между тем, подхватив брата, увлек его прочь с торжествующим и самодовольным видом. И тут же, вскочив на лошадей, они умчались.

Инес и Амаранта поспешили к дону Мануэлю де Албукерке, лежавшему без чувств на

траве с залитым кровью лицом.

ХIII. Лжепринц

Посмотрим теперь, что же произошло накануне ночью в монастыре Святой Марии и каким образом дон Карлос избежал опасности быть взятым в плен.

В то время как патер Амброзио вел принца и карлистского генерала Веласко в потайную комнату подземелья, где граф Кортесилла встречался с доном Карлосом, патер Бонифацио по приказанию великого инквизитора сошел на монастырский двор.

Он был в страшном волнении и негодовании. Губы его дрожали, колени подгибались, он бледностью напоминал мертвеца.

Три дежурных монаха, доложившие великому инквизитору о требовании офицеров впустить их в монастырь, сошли вниз и с братом-привратником отперли ворота. На монастырский двор вошли два высоких военных начальника. К ним быстро подошел Бонифацио.

— Что здесь такое? — спросил он дрожащим голосом. — Кто эти люди?

— Позвольте представиться вам, святой отец, — отвечал один из офицеров, — этот благородный дон — бригадир Жиль-и-Германос, а меня зовут Мануэль Павиа де Албукерке! С кем имею честь говорить?

— Я патер Бонифацио и прошу объяснить, что значит это вторжение? — спросил монах, указывая на солдат, стоявших за воротами.

— Мы имеем приказание искать в вашем монастыре одно высокое лицо, которое, по нашим сведениям, должно быть здесь, — вежливо, но твердо отвечал Мануэль. — Будьте добры, святой отец, проводите нас.

— И кто же это?

— Дон Карлос Бурбонский! Но я бы просил вас оставить вопросы: тот, кого мы ищем, может за это время скрыться.

— Неслыханное насилие! — вскричал, вспыхнув гневом, Бонифацио. — Есть у вас письменное приказание?

— Непременно, святой отец, мы имеем полномочия от маршала Серрано.

— Какое самоуправство! Какое оскорбление святого места! Подобного полномочия для нас недостаточно.

— А для нас вполне, святой отец, — сказал Мануэль и прибавил, обращаясь к своему спутнику: — Велите занять ворота!

Жиль повернулся к солдатам и улыбнулся, увидев застывших в молчаливом ужасе монахов. Он отправился за патером и своим другом.

— Будьте добры, — вежливо попросил Мануэль взбешенного Бонифацио, — проводите нас в монастырь и велите дать несколько свечей, мы исполняем данное нам приказание. Пойдем, Жиль.

Все трое отправились через мрачный портал по переходам монастыря.

Патер вынужден был приказать дежурному брату принести железный подсвечник с двумя толстыми восковыми свечами. Мануэль, взяв его, начал осматривать каждую келью. Маленькие комнатки братьев шли одна за другой, в каждую вела высокая деревянная дверь без замка, только с железными ручками.

Мануэль стучался и входил. Некоторые монахи были уже в постели. Он вместе с Германосом тщательно осмотрел каждый уголок, а затем велел вести себя на верхний этаж монастыря. Жиль расставил солдат в коридорах. Осмотрели весь верхний этаж — но и там не нашли никаких следов того, кого искали. Вернувшись вниз, обыскали кладовые, кухню и даже винные погреба, но все было напрасно.

— Видите, сеньоры, — сказал, холодно и насмешливо улыбаясь, патер Бонифацио, — ваши подозрения не имеют никакого основания.

Мануэль пожал плечами.

— Солдат должен исполнять все, что бы ни приказало ему начальство, — сказал он, — ведь и в вашей общине, благочестивый брат, послушание и дисциплина играют важную роль.

— Ну, а теперь в аббатство! — решил Жиль, обращаясь к своему другу.

Он не заметил, как сверкнул на него глазами нахмурившийся патер.

— В этой части здания мы ничего не нашли, благочестивый брат, — сказал Мануэль, не выпуская из рук подсвечника. — Прошу вас проводить нас в аббатство!

— Туда я не имею права вести вас, аббатство недоступно светским людям.

— Так дайте нам в проводники кого-нибудь, кто имеет право туда входить.

— Да, одним словом, мы идем, и дело с концом! — решил Жиль со свойственной ему невозмутимостью и полным отсутствием всякого неудовольствия.

Патер Бонифацио едва мог скрыть досаду.

— Вы хотите употребить силу, сеньоры? — спросил ин.

— Мы надеемся, благочестивый брат, что вы признаете и уважите долг, который велит нам осмотреть каждый уголок. Не бойтесь, однако, мы никого не потревожим: мы уважаем вашу церковь и все, связанное с религией. Но аббатство составляет часть монастырского здания, а значит, мы должны осмотреть и его. Прошу вас указать дорогу, благочестивый брат, — прибавил он, вежливым жестом приглашая патера идти вперед.

— Какое неслыханное посягательство на святое право нашей общины! Я должен доложить о вашем требовании почтенному патеру Доминго.

— Только, пожалуйста, поторопитесь, прошу вас, благочестивый брат, — отвечал Мануэль, в то время как Бонифацио широкими шагами направился к аббатству.

Оба офицера медленно шли за ним по коридору с колоннами.

— Боюсь, как бы полученное нами сообщение не оказалось мистификацией, — сказал Мануэль, понижая голос.

— А между тем, — заметил Жиль, — по всему видно, что оно написано человеком, посвященным в тайны монастыря, и почерк монашеский. Но постой, что это?

Он наклонился и поднял что-то белое.

— Ого, да это чудная находка!

— Перчатка!

— Да, перчатка, — тихо сказал Жиль, — белая замшевая перчатка, какие носят кавалерийские офицеры. Но мы с тобой своих перчаток не теряли, а монахи не носят даже сапог.

— Он здесь! Рассеялись мои последние сомнения, — сказал Мануэль. — Мы должны обыскать все.

— Принц неосторожен! Перчатка выдала его, — посмеивался Жиль.

— Есть на ней какой-нибудь вензель?

— Ничего нет.

В эту минуту тяжелая дверь аббатства отворилась.

— Патер Бонифацио нашел нам проводника, — шепнул Мануэль.

На пороге показался сам великий инквизитор Доминго, вышедший вместе с Бонифацио навстречу донам.

— Простите, достойнейший отец, — сказал, поклонившись, Мануэль с той вежливостью и любезностью, которые так нравились в нем всем, — простите, что тревожим вас, но этого требует необходимость!

— Как только почтенный брат сказал мне, что желают обыскать аббатство, — отвечал старый Доминго, — я спросил себя, не слишком ли далеко зашли требования чуждой нам власти. Я удаляюсь отсюда в монастырь, пока доны будут исполнять свою обязанность.

— Благодарим почтенного отца за позволение, мы воспользуемся им со всей возможной деликатностью, ровно настолько, насколько этого требует данное нам приказание.

Великий инквизитор склонил голову в ответ на их поклоны и ушел в монастырь.

Бонифацио, поднявшись по широкой лестнице, отворил тяжелую дверь и ввел

офицеров в здание старинной архитектуры, где всюду витал легкий запах ладана. Высокий сводчатый коридор, в который они вошли, слабо освещенный светом восковых свечей, напоминал коридоры древних замков.

Кроме дверей в стенах было много ниш. Пол был сделан из плит, в глубине несколько толстых колонн поддерживали галерею, на которую вела широкая лестница. Патер Бонифацио ввел офицеров в нижний этаж здания,

одна половина которого занята была комнатами, принадлежавшими великому инквизитору. Приемные отличались чрезвычайной простотой и полным отсутствием всяких украшений, но зато остальные комнаты, в которых собственно и жил патер Доминго, были убраны с царским великолепием: ковры, кресла, картины — все было роскошно. В библиотеке хранились драгоценные и редкие книги; в спальне и в рабочем кабинете не было недостатка в безделушках, составляющих принадлежность богатой и прихотливой жизни. Обыскав все, хотя и со всей возможной деликатностью, но тем не менее оставаясь верными своим обязанностям, Мануэль и Жиль перешли на вторую половину этажа, где находились комнаты Амброзио и Бонифацио. И здесь было то же великолепие, но патер объяснил с улыбкой, что это только для виду, сами же они не пользуются тут ничем.

Затем он повел офицеров наверх, и тут в нем проявилось некоторое беспокойство.

Мануэль велел отворять каждую дверь, таким образом он видел и комнату, в которой вновь поступающие монахи давали свои обеты, и ту, где обсуждали провинившихся братьев, и, наконец, большие комнаты пыток, куда мы со временем введем читателя.

Но нигде не было следов принца. Они видели и круглую комнату, и все остальные прилежащие к ней части здания.

К Бонифацио между тем вернулось спокойствие, он шел теперь с легкой улыбкой торжества. Мануэль заметил это и заключил, что, вероятно, они уже миновали потайную комнату, где мог быть спрятан принц, или просто прошли мимо него, не заметив.

— Вот вы видели теперь и аббатство, — сказал патер, — но тоже ничего не нашли. Неужели вы все еще не удовлетворены, сеньоры?

— Не совсем, благочестивый брат, — отвечал Мануэль, — у вас должны быть еще секретные комнаты.

Бонифацио замялся и этим выдал себя зорко наблюдавшему за ним Мануэлю. Теперь последний был уверен, что не ошибался в своих предположениях.

— Прошу вас провести нас туда, — прибавил он.

— Секретные комнаты? Где же они, по-вашему? Вы, кажется, знаете больше, чем мы сами, — резко сказал патер.

— Том ваш показывает, что я прав, — отвечал Мануэль. — Вы раздражены и не хотите этого показать. Но прошу не задерживать нас!

— Не понимаю, сеньоры, из чего вы сделали подобное заключение?

— Без проволочек, старинушка, — сказал со своим обычным добродушием Жиль, похлопав монаха по плечу, — без проволочек! Мы ведь знаем, что принц здесь, ведите же нас дальше.

— Вы знаете? — с бешенством сказал патер, смерив взглядом бесцеремонного бригадира.

— Ну конечно! Посмотрите-ка, — прибавил он, подмигнув, — знакомо вам это?

— Перчатка.

— Да, всего лишь замшевая перчатка, какие носят кавалеристы! А угадаете ли, где мы нашли ее? В галерее с колоннами, которая ведет прямо сюда. Ну-ка, что вы на это скажете?

Бонифацио быстро собрался с мыслями.

— Что за странные вещи вы говорите, сеньор! — сказал он, отворачиваясь. — Я не знаю, откуда взялась эта перчатка и какое отношение она имеет к нашему разговору!

— Я вам это объясню, благочестивый брат, — сказал Мануэль. — Перчатка доказывает, что владелец ее здесь, в монастыре.

— Позвольте, — прервал его патер, — неужели вы думаете, что здесь ходят только

монахи? К нам, бывает, приезжают знатные господа, офицеры и дамы.

— Славно придумано, благочестивый брат, — со смехом сказал Жиль, — а мы думаем, что эта перчатка принадлежит дону Карлосу. Что вы на это скажете?

— Однако прошу вас провести нас в секретные комнаты, — решительно объявил наконец Мануэль, начавший уже терять терпение, — и, пожалуйста, поскорее! Если вы еще будете медлить, так мы сами найдем дорогу!

Патер Бонифацио, видимо, колебался.

— Мне неизвестны такие комнаты, — сказал он, — и если вы настаиваете на своем предположении, я вынужден предоставить вам самим отыскивать их!

— Мне помнится, что в комнатах нижнего этажа я видел потайную дверь, надо отыскать ее, Мануэль!

Эти слова заставили монаха побледнеть.

— Опять идти вниз? — пробормотал он.

— Всего на одну минуту, — успокоил его Мануэль.

Монах повиновался неохотно, как бы что-то обдумывая. Офицеры напали на верный след, и дон Карлос будет в их руках, если они войдут в секретные комнаты.

Нерешительность патера утвердила Мануэля и Жиль в их догадках.

Они спустились по лестнице.

Беспокойство и страх Бонифацио нарастали с каждой минутой, он лихорадочно обдумывал, что же ему теперь предпринять.

Между тем офицеры нашли секретную дверь и открыли ее.

— Посмотри-ка, старинушка, — посмеивался Жиль, — тут как будто винтовая лестница?

— А, вы об этих комнатах говорили, сеньоры? Да, здесь есть комнаты, в которых хранятся акты.

— Так, так, — сказал Мануэль, — мы сейчас увидим.

— Я пойду вперед, — сказал патер и нарочито громко добавил: — Пожалуйста, сеньоры, осмотрите и здесь!

— Ты замечаешь, — шепнул Жиль, — он предостерегает его!

— Монастырь оцеплен солдатами, ему невозможно уйти от нас, — отвечал Мануэль, входя в коридор, куда, как мы знаем, выходило несколько дверей.

— Отворяйте же, благочестивый брат, — прибавил он. Патер Бонифацио открывал одну дверь за другой.

В первой комнате действительно хранились важные документы монастыря, во второй, несмотря на поздний час ночи, сидел брат-казначей, сводя счета, третья была пуста. Здесь или недалеко отсюда должен был находиться тот, кого искали, потому что патер громко сказал:

— Остается еще одна, последняя комната, сеньоры, и вы можете осмотреть ее, если вам угодно!

Решительная минута наступила. Бонифацио открыл дверь, и Мануэль увидел при слабом свете восковых свечей мужскую фигуру в шляпе с широкими полями и плаще, какие обычно носил дон Карлос.

— Это он, клянусь душой, он! — шепнул Жиль. Передав подсвечник товарищу, Мануэль вошел в комнату.

Человек в плаще гордо и недовольно обернулся к нему.

— Простите, принц, — с поклоном сказал Мануэль, — я имею приказание арестовать вас.

— Кто дал вам это приказание?

— Маршал Серрано, именем короля!

— Я готов идти за вами.

— Вашу шпагу, принц!

— Как вы смеете! Довольно того, что я иду за вами. Мануэль и Жиль пошли с

арестованным, а Бонифацио остался позади.

Войдя во двор, Мануэль велел подать трех лошадей, и все втроем они отправились к замку. Солдаты последовали за ними, не заботясь больше о монастыре. В замке уже распространилась весть об аресте и о последствиях, которые он может иметь, как вдруг, при более ярком освещении, все увидели, что арестованный — генерал Веласко, чрезвычайно походивший на принца не только костюмом, но и лицом и осанкой. Веласко пожертвовал собою, чтобы дать уйти дону Карлосу, который через несколько минут после того, как солдаты удалились с пленником, покинул монастырь, отправившись в отдаленную гостиницу Сан-Педро.

XIV. В парке Кортесиллы

Позади дворца графа Кортесиллы был разбит превосходный парк.

Широкие аллеи, усыпанные песком и выющиеся между зелеными лужайками, вели под таинственные своды густой зелени, в которой после заката солнца загорались светлячки, к окруженному деревьями пруду, в котором плескались лебеди, и к тенистым ротондам, каменные скамейки которых манили отдохнуть.

Иногда среди зелени виднелись белые фигуры статуй, роскошные цветы в куртинах посреди лужаек привлекали взоры, миндальные и апельсиновые деревья в полном цвету наполняли воздух чудесным ароматом. Высокие кактусы со своими великолепными пунцовыми цветами, карликовые пальмы, алоэ и розовые кусты украшали аллею, ведущую во дворец.

Чудесный прохладный летний вечер опустился над парком графа Кортесиллы. Из портала дворца показалась строгая фигура патера Антонио рядом с прелестной, грациозной фигурой Инес.

Они вышли прогуляться по парку. На лице молодой графини лежала тень грусти и страдания, глаза уже не сияли прежним блеском незамутненного счастья. В душе девушки, видимо, поселилось горе.

Она шла с Антонио между цветущими деревьями и кустами, а потом повернула к тенистым сводам зелени.

— Пойдемте сюда, патер Антонио, — тихо сказала графиня, — здесь, под сенью каштанов, нас никто не услышит. Мне надо поговорить с вами, открыть вам свое сердце. Вы друг и советник бедной Инес! Вы один можете знать все и дать мне совет.

— Благодарю вас за доверие, донья Инес, — отвечал Антонио своим мягким голосом. — Я оправдаю его.

— Ни с кем, кроме вас, патер Антонио, я не могу быть откровенна. К вам же меня влечет сильнее, чем когда-нибудь, потому что в душе моей теперь страдание и горе. Какой-то внутренний голос говорит мне, что у вас я встречу тепло и сочувствие!

— И этот голос не обманывает вас, донья Инес!

— Сколько раз вы спасали меня от беды; как дитя, как сестру, на руках вынесли с края пропасти, сами подвергаясь опасности. Никогда я не слышала от вас недоброго слова, никогда не видела ничего, кроме любви и доброты. Мое сердце полно благодарности, — прибавила она с чувством, подавая ему руку, — и я чувствую потребность высказать вам, как глубоко люблю и уважаю вас!

Неожиданные слова графини, видимо, сильно взволновали Антонио. Пламя, давно уже тлевшее в его сердце, вспыхнуло теперь. Буря бушевала в его тяжело дышавшей груди.

— Вы еще никогда не говорили так со мной, донья Инес, — отвечал он тихим, дрожащим голосом.

— Я чувствую потребность высказать то, что у меня на сердце, патер Антонио, — отвечала Инес, не замечавшая или не обращавшая внимания, что рука спутника дрожит в ее руке. — Вы всегда говорили, что нужно быть откровенной, и до сих пор я ничего не скрывала от моего отца, а теперь боюсь сказать ему о том, что в меня на душе! Но вам — не

боюсь, патер Антонио, и это может служить доказательством моей к вам привязанности.

— Права вашего высокого отца гораздо больше моих.

— А между тем я не могу признаться ему в том, в чем признаюсь вам, патер Антонио! Не браните меня, выслушайте, что я скажу.

В эту минуту граф Кортесилла тоже вышел в парк, светлая фигура его дочери еще мгновение видна была между стволами каштанов, и он отметил ее, но потом она исчезла в сумраке вечера, и он пошел другой дорогой к зеленой роще недалеко от пруда.

— Ваши слова взволновали меня, — бурно заговорил Антонио, — если бы вы могли чувствовать, видеть, донья Инес, что происходит в моей душе.

Он вдруг замолчал и тихонько выпустил руку молодой графини, как будто вспомнив, что не должен терять самообладание.

— Расскажите мне все откровенно, — с обычным спокойствием прибавил он, — надеюсь, что смогу дать вам отеческий совет.

— Скажите — братский, патер Антонио, это лучше, ближе. Вы не должны любить, вам запрещают это ваши обеты, но братская любовь не запрещена вам, и ей вы можете отдаться всем сердцем, принося другим много счастья!

— Никогда еще вы так не говорили, донья Инес! — повторил Антонио.

— Потому что за последние недели в душе я сделалась на целый год старше, патер Антонио! Есть испытания в жизни, разом открывающие и глаза, и сердце, так что начинаешь иначе смотреть на мир и глубже видеть вещи. Патер Антонио, братское чувство дозволено вам, обратите же его на вашу ученицу, на вашу благодарную Инес, которая так нуждается в братской привязанности.

— Какие это чудесные слова, донья Инес!

— Они — только отражение вашего влияния, ваших уроков, вашего примера, патер Антонио. Вы как-то сказали, что человек должен учиться отказывать себе, и сказали это в тяжелые для меня минуты. Вы научились отказывать себе — научусь и я! Но это так трудно! Часто мне кажется даже, что я не выдержу, если меня не поддержит твердая рука. Выслушайте все, что у меня на сердце, — прибавила Инес, подходя к прекрасной, высокой ротонде, посреди которой бил фонтан, далеко разбрасывая водяную пыль. — Сядем здесь, сегодня такой свежий, чудесный вечер. Я буду говорить с вами как на исповеди.

Они сели на скамейку, за которой возвышалась густая стена зелени.

— Вы знаете, патер Антонио, что отец помолвил меня с принцем Карлосом Бурбонским, чтобы я потом могла стать королевой. Как искренне я отказывалась от этой чести, но отец сказал мне, что уже дал слово принцу! Мое сердце не принадлежало этому человеку! Я признаюсь вам, патер Антонио, что люблю благородного дона Мануэля де Албукерке и вечно буду любить его! Но вы говорили, что люди должны учиться отказывать себе, и я решилась отказаться от любимого человека, сказать ему все откровенно и проститься с ним. Во время маскарада, о котором я вам рассказывала, ко мне подошло таинственное домино, предсказало готовящийся мне удар и послало в маленький домик на улице Толедо. Эта маска была моим добрым гением! Теперь я понимаю, что ей было все известно.

Патер Антонио, видимо, встревожился при этих словах.

— И вы пошли? — спросил он.

— Простите, я скрыла это от вас! Да, я пошла и в крошечной комнатке на чердаке увидела столько нужды и горя, что плакала над ними. У постели умирающей старушки стояла на коленях бедная молодая девушка с ребенком на руках. После смерти матери я старалась утешить ее, и она рассказала мне, что вынесла много горя. Амаранту обольстил человек, которого она любила, но не знала его имени, он увлек ее ласковыми словами; а потом бросил с ребенком в совершенной нищете.

— Негодяй! — прошептал Антонио.

— Два дня тому назад я решилась проститься с доном Мануэлем де Албукерке навсегда, не желая навлекать на себя упрека в том, что принимала ухаживания двоих, из

которых с одним меня связывала воля отца, а с другим — безмерная любовь. Я обещала Мануэлю свидание, и если я поступила плохо, то жестоко поплатилась за это, но мне кажется, что так должно было случиться, что это была воля Божья. Мы договорились встретиться у леса, недалеко от гостиницы Сан-Педро, и я взяла с собой Амаранту.

Мы увиделись, простились, как вдруг между нами бросился какой-то человек с обнаженной шпагой! Это был дон Карлос!

— Дон Карлос!.. — повторил Антонио. — И Амаранта?

— Она узнала в нем того, кто обманул и бросил ее. Но тут появился дон Альфонс и хитростью нанес Мануэлю удар шпагой, сбив его с ног. Он и теперь еще страдает от своей раны. Дон Карлос и Альфонс ускакали, Амаранта клятвенно подтвердила мне, что дон Карлос — ее обольститель и отец ее ребенка, теперь, патер Антонио...

— Теперь ты хочешь спросить патера, что тебе делать? — раздался рядом строгий голос. Молодая графиня с ужасом вскочила, Антонио тоже поднялся.

Возле них стоял граф Кортесилла, слышавший весь разговор.

— Отец! — прошептала, бледнея, Инес.

— Ответ ты услышишь от меня, — серьезно и твердо сказал граф, — и он будет неизменен, Инес, ты знаешь меня!

— О отец! — вскричала графиня, сложив руки и падая перед ним на колени.

Граф удержал ее.

— Без сцен, дитя мое, — сказал он. — Нам приличествует говорить спокойно и сдерживать минутные волнения.

— Как ты говоришь, как холоден твой тон, как ты строго смотришь на меня! — вскричала, содрогаясь, Инес.

— То, что я называл ложью, считал невозможным, оказалось правдой! — сказал граф. — Моя дочь тайно ходила на свидание к мадридскому донжуану, к Мануэлю де Албукерке, — продолжал он, по-видимому, в сильном огорчении. — Сегодня на Прадо я встретил герцогиню Медину, и она спросила меня, объявлена ли помолвка графини Инес с Мануэлем де Албукерке? Весь Мадрид знает о ней! Кровь бросилась мне в голову. Мое дитя, моя Инес — предмет волокитства Мануэля! И это не ложь, ты сама сейчас сознаясь.

— Да, отец, я люблю Мануэля.

— А я ненавижу его, и он поплатится за то, что украл у меня мое дитя!

— Сжался, отец! Что значат твои слова?

— Он ответит мне за эту кражу.

— Дуэль! Боже мой, это уж слишком тяжело, — вскричала Инес, ломая руки. — Я у ног твоих! Пожалей меня, откажись от этого ужасного намерения!

— Есть одно средство изменить его, и оно в твоих руках. Выслушай меня. Все, что ты говоришь о доне Карлосе, ничем не доказано и не может служить препятствием твоему союзу с ним. Эта Амаранта должна была бы поплатиться за то, что так искусно разыграла перед тобой роль обольщенной и обманула тебя своими слезами, но ее удалят и ей заплатят: мои планы слишком высоки, чтобы простая девушка могла помешать им. Но ты должна торжественно дать слово выйти замуж за принца дона Карлоса Бурбонского!

— Этого я не могу сделать, отец! — отрывисто сказала Инес, выпрямившись и собрав последние силы. — Я знаю несчастье Амаранты. Принца я никогда не любила, но надеялась, что смогу уважать его, теперь же...

— Ни слова! — горячо прервал ее граф. — Я не изменю своей воли. Ты выйдешь за дона Карлоса и тем прекратишь всякие толки о доне Мануэле, тогда я прощу его и эту девушку. Вот мое последнее слово, Инес. До сих пор я находил в тебе покорность, прямоту и детскую любовь.

— О отец! — вскричала Инес, рыдая и ломая руки. — Ты как будто отталкиваешь меня и бросаешь к невозвратной гибели!

— В тебе говорит порыв молодости. Ступай спать! Впоследствии ты поймешь, что я должен был поступить твердо, и поблаговаришь за это. Теперь же ты не понимаешь моей

заботы, тебе кажется, что я жесток. Я должен с железной настойчивостью идти к своей цели, сейчас мне это видно яснее, чем когда-нибудь. Дворец графа Кортесиллы не должен служить на Прадо предметом насмешек! Надо разом покончить толки.

— О, как глубоко ранят меня твои слова, отец! — прошептала Инес.

— Я опять сделаюсь прежним, когда ты придешь сказать мне, что с радостью подчиняешься моей воле, тогда я снова обниму тебя и назову моей дорогой, покорной дочерью, но не раньше! Во всяком случае, ты остаешься невестой дон Карлоса Бурбонского! Патер Антонио, отведите графиню в ее комнаты и позаботьтесь, чтобы она успокоилась, — заключил граф Кортесилла и, поклонившись патеру и дочери, скрылся в темных аллеях парка. Инес стояла совершенно уничтоженная.

— Все кончено, все пропало, — беззвучно сказала она наконец, неподвижно глядя в одну точку. — Патер Антонио, слышали вы, видели вы моего отца? Это был не отец, а граф Кортесилла, ослепленный честолюбием и гордостью, но вы, патер Антонио, вы понимаете меня? Могу ли я отдать руку принцу, могу ли доверять ему, видеть несчастную Амаранту, зная его бессовестный поступок с нею? И отец принуждает меня! С грубой жестокостью отнимает у меня всякую надежду...

— Это была минутная вспышка, донья Инес, ваш высокий отец завтра будет спокойнее.

— Вы думаете? Нет, патер Антонио, вы только утешаете меня! Я лучше знаю отца. Он никогда не изменит своего решения, никогда не уступит просьбам, если уж решил что-нибудь. А меня это сделает безвозвратно несчастной!

— Я с вами, донья Инес, что бы ни случилось, — мягко отвечал Антонио, уводя обессиленную горем графиню во дворец. — Рассчитывайте и опирайтесь на меня. У каждого человека есть непременно какое-нибудь желание, какое-нибудь счастье или хотя бы призрак его; мое единственное желание — быть рядом с вами. Вы говорили о той любви, которая мне позволена, верьте, что эта любовь навсегда принадлежит вам, она доставляет такое чистое наслаждение одинокому Антонио.

— Так простите вашей бедной ученице, что она на некоторое время оставит вас, — прошептала Инес едва слышно. — Не сомневайтесь, что мое сердце полно благодарности к вам; впрочем, слово благодарность слишком холодно, вы скрывали столько теплоты и сочувствия ко мне под наружным ровным расположением. У вас благородное, великодушное сердце, патер Антонио! Сам Бог послал вас мне, и я никогда не забуду, что вы не оставили меня в такое тяжелое время.

Антонио сделался бы еще выше в глазах Инес, если бы она знала, как страстно любил ее этот благородный человек и как подавлял в себе свою любовь. Он знал, что никогда не сможет обладать ею, и хотел побороть свое чувство заботой о ее счастье. Как же должна была страдать его душа, когда графиня с детской, сестринской доверчивостью говорила ему о своей любви к другому человеку!

XV. Заговор

В следующие за этим происшествием дни, когда Инес напрасно ждала известий от Амаранты и когда за ней самой строго наблюдали во дворце, весь Мадрид готовился к любимейшему народному празднику испанцев — к бою быков. Все, независимо от возраста и сословия, с напряженным нетерпением ждали этого возбуждающего зрелища. Герцог и нищий, старик и ребенок, женщина и девушка — все с одинаковой страстью рвались в цирк. При одном упоминании боя быков у всех истых испанцев и испанок всегда загораются глаза.

Инес жила в тревоге и страхе, не получая никаких известий о ране Мануэля. День проходил за днем, а от Амаранты ничего не было слышно. Инес страдала вдвойне, не оправившись еще после сцены с отцом.

В большом, пустом дворце было тихо как в могиле.

В один из этих дней герцогине Бланке Марии Медине доложили о графе де Кортесилле, и она любезно встретила его в своей роскошной приемной.

— Здравствуйте, граф! — сказала Бланка. — Чему я обязана честью видеть вас? О, какая у вас чудесная четверка серых! Все одной масти, как на подбор.

— Они выращены в одном из моих имений, — улыбаясь, рассказывал Эстебан. — У меня есть еще такая же четверка пегих, там сходство масти еще удивительнее.

— Садитесь, граф, — пригласила Бланка Мария, указывая ему на обитое желтым шелком кресло с золоченой спинкой. — Герцог на каком-нибудь политическом собрании, а то я велела бы доложить ему о вас.

— Простите, ваше сиятельство, но я хотел просить именно вас уделить мне несколько минут, — отвечал граф Кортесилла. — Мне хотелось возобновить тот короткий разговор, который мы имели с вами на Прадо.

— Ах, вы, конечно, говорите о любезном поступке генерала Мануэля Павиа де Албукерке.

— Генерала?

— Да, граф. Он вчера получил звание генерала. Вы, конечно, пришли сообщить мне о помолвке, и я удивлена, что вы еще не знаете о производстве дон Мануэля...

— Действительно, ваше сиятельство, я пришел объявить вам о помолвке, но дон Мануэль де Албукерке тут ровно ни при чем, — серьезно ответил граф.

— Как? Генерал заслужил чем-нибудь вашу немилость?

— О нет! Я просто не желаю отдавать ему руку графини, так как этот дон слишком уж прославился в Мадриде.

— А вам это не нравится? — с улыбкой спросила герцогиня, играя веером.

— Я хотел сообщить вашему сиятельству, — продолжал граф, — о помолвке графини Инес с принцем Карлосом Бурбонским.

— С доном Карлосом?

— Да, я совершенно доволен этим и дал слово.

— Вы довольны, но графиня, кажется, не совсем? Пожалуйста, граф, говорите откровенно. Если я могу быть вам в чем-нибудь полезна, то сделаю это, разумеется, без всякой огласки и с удовольствием.

— Благодарю, ваше сиятельство, за вашу готовность и откровенно скажу, что препятствием к согласию графини служит одно деликатное обстоятельство.

— Прежде всего позвольте поздравить вас, — сказала герцогиня с легким поклоном. — Вы уже дали слово, следовательно, речь идет только о второстепенных вещах, о мелких недоразумениях или о каком-нибудь деликатном обстоятельстве, как вы говорите, а где его не найдешь, если захочешь отыскать, дорогой граф! Но это интересно, посвятите меня в ваше деликатное обстоятельство.

— Графиня Инес случайно встретила простую девушку, называвшую себя Амарантой и утверждавшую, что находилась с принцем в близких отношениях.

— А, понимаю, — улыбнулась герцогиня, — кто знает, может быть, это хитрая авантюристка.

— Я высказал такое же мнение, но необходимо все подробно выяснить, потому что графиня Инес считает это препятствием к браку. Надо устроить дело.

— Разумеется!

— Но до сих пор все мои попытки отыскать эту Амаранту оставались безуспешными, а между тем надо скорее покончить с толками, о которых ваше сиятельство сообщили мне.

— Совершенно справедливо, дорогой граф. Если вы не хотите разговоров о союзе с генералом Мануэлем де Албукерке, то самое лучшее сейчас — объявить о помолвке. Знаете, мы посвятим в это патера Иларио, моего духовника. В подобных делах он всегда даст хороший и беспристрастный совет. Это человек очень опытный и знающий свет. Позвольте, граф, позвать патера!

— Очень приятно, конечно, услышать совет преданного вам святого человека, ваше сиятельство, но вы действительно можете, не опасаясь, доверить ему такое серьезное дело? — осторожно спросил граф Эстебан.

— Да, конечно, — заверила герцогиня и позвала слугу, велев ему просить патера Иларио в гостиную. — Вы поедете на бой быков, граф? — спросила она.

— У меня уже есть ложа.

— Так я буду иметь удовольствие видеть вас и милую, очаровательную графиню Инес.

Дверь отворилась, и вошел патер Иларио. Он был маленького роста и крепкого сложения, со смесью добродушия и хитрости на круглом лице, маленькими серыми глазами, большим ртом, толстыми губами и огромной лысиной.

— Патер Иларио — граф Кортесилла, — познакомила их герцогиня и тут же начала посвящать патера в важную тайну, причем последний сумел быстро внушить графу доверие спокойным достоинством манер. Он, по-видимому, действительно был в этих вещах очень опытен и вообще отличался практичностью взглядов.

Герцогиня, со своей стороны, сказала графу, что не имеет никаких тайн от патера Иларио и имела случай убедиться в его скромности.

— Я испытывала патера, — прибавила она, — и он всякий раз оказывался достойным полного доверия.

Иларио поклонился.

Он внимательно выслушал дело, кивая временами головой, а затем дал следующий совет.

— Найти эту девушку, которая называет себя Амарантой, не возбуждая подозрения графини, будет нетрудно, если воспользоваться предстоящим праздником.

— Каким образом? — спросил граф Эстебан.

— А вот видите ли, граф, вы, вероятно, собираетесь ехать на бой быков вместе с молодой графиней? Можно пригласить с собой и Амаранту. Графиня будет этим очень довольна, а девушка сочтет приглашение за честь. Никто не догадается о настоящей цели, а та, которая нам нужна, будет у нас в руках!

— Хорошая мысль! — вскричала герцогиня.

— Боюсь только, что графиня Инес не захочет ехать на бой быков, — заметил Эстебан.

Иларио самодовольно улыбнулся.

— Поверьте, граф, — сказал он, — графиня поедет, когда узнает, что на празднике будет и Амаранта. Насколько я могу судить, предложенное мною средство поведет прямо к цели. Затем девушку эту можно будет поручить монастырю Святой Марии. Там разберутся в намерениях и узнают, не искательница ли это приключений. В монастыре есть место, где быстро решаются подобные важные и деликатные случаи.

— Я согласен, — отвечал граф, — только каким же образом Амаранта из цирка попадет в монастырь, чтобы дать нужные показания?

— Предоставьте это мне, граф Кортесилла. Главное — заманить эту девушку в цирк, тогда она уже не уйдет! Постарайтесь только устроить, чтобы она приехала на бой. Другого средства не знаю.

— Я готов попытаться, — сказал граф.

— Вы увидите, все получится! Во всяком случае, открыто будет убежище этой Амаранты, а потом ее нетрудно будет и привлечь к ответственности. В монастыре ее убедят сказать правду, она признается, потом, обдумав свое положение, признается публично — и будет отпущена.

— Благодарю за совет, — сказал граф патеру. — Я постараюсь, чтобы Амаранта была на празднике.

— Дальнейшее уже не ваша забота, граф. Я сочту за честь, с позволения ее сиятельства, оказаться вам полезным, — сказал Иларио.

— А мне вы оказываете этим услугу, за которую я буду вам много обязана, — прибавила, обращаясь к патеру, герцогиня.

— Позвольте поблагодарить ваше сиятельство, также как и святого отца, за огромное одолжение! — сказал граф. — Я возвращаюсь домой с надеждой, что неожиданное препятствие моим планам устранено, и как отец радуюсь, что графиня Инес спасена от

увлечения молодости и теперь ее ждет блестящее будущее.

— Блестящее, великое! — подтвердила герцогиня. — Как ни жаль мне графини Инес и этого молодого человека, но я не могу не согласиться с вашими доводами.

Граф Эстебан раскланялся и ушел.

— Я хочу, чтоб всякое препятствие к браку дон Карлоса было устранено, — сказала герцогиня. — Позаботьтесь об этом, патер Иларио.

— А если окажется, что принц действительно был близок с этой девушкой и связь их сопровождалась известными последствиями?

— Так надо во что бы то ни стало заставить ее отказаться от своих обвинений.

Патер задумался.

— Этого едва ли можно ожидать, — сказал он. — У девушки, вероятно, есть письменные доказательства.

— Так нужно их взять у нее и всеми мерами склонить ее к тому, чтобы она отреклась от всяких обвинений дон Карлоса. Графиня Инес увлеклась нежным сочувствием к этой девушке и потому отказывается от брака с принцем, а когда она увидит, что слова ее протеже ничем не подтверждаются, она изменит свое решение.

— Но в таком случае придется силой вырвать признание, которое успокоило бы сердце молодой графини.

— Непременно, патер Иларио! Мне пришло в голову, нельзя ли найти человека, который выдал бы себя за любовника этой девушки и согласился бы дать ей удовлетворение.

— Это было бы прекрасным средством удовлетворить все стороны.

— У меня есть на примете подходящая личность, — продолжала герцогиня, — но, к сожалению, мы не можем ею воспользоваться!

— Кто же такой, ваше сиятельство?

— Изидор Тристани, обвиненный в покушении на жизнь короля. Он, без сомнения, знает эту девушку, так как я слышала раз от него, что он был посредником в переписке и свиданиях... да, да, это верно! Только бы добыть этого Изидора!

— Это невозможно, — сказал патер, — потому что ему трудно будет доказать свою невиновность. Его сошлют на галеры или приговорят к пожизненному заключению.

— Разузнайте о ходе процесса, — сказала Бланка Мария, — все остальное решит бой быков.

Патер Иларио с поклоном удалился.

— Теперь дело в моих руках! — продолжала герцогиня. — Дон Мануэль прибывает на бой быков в своем генеральском мундире и встретится с графиней Инес! А ты утверждал, что она не придет, неожиданность будет для тебя тяжелым ударом, а кроме того, ты еще узнаешь о помолвке графини! Что, гордый Мануэль, считавший себя неотразимым, — а ведь это я вселила в тебя эту уверенность — теперь ты узнаешь, что значит быть отвергнутым, презренным! Это будет моим наслаждением! Простись с любовью, она больше не существует для тебя, теперь ее заменила ненависть. Если ты не хочешь принадлежать Бланке Марии, так не будешь принадлежать никому. Она, с улыбкой и словами дружбы, лишит тебя самых дорогих твоих надежд, самых душевных радостей! А когда, несчастный и отверженный, ты захочешь вернуться к ней, она оттолкнет тебя с презрением и смехом. Ты сделаешься посмешищем мужчин и женщин, что для тебя ужаснее смерти.

XVI. Бой быков

С нетерпением ожидаемый всеми день боя быков наступил.

Разряженная толпа за целый час до начала спешила к площади Герое, стремясь занять лучшие места на расположенных амфитеатром скамьях. Огромный цирк был украшен зелеными ветками и пестрыми флагами. Большие ворота, ведущие внутрь амфитеатра, еще не отворялись. Народ толпился перед ними.

Толпа росла с каждой минутой, время от времени уже кто-то, полузадушенный давкой,

молил о помощи, женщины в пестрых нарядах ссорились из-за оборванных платьев, но никто не обращал внимания на эти крики, каждый хотел только занять место получше. Скоро стало ясно, что всем мест в цирке не хватит.

Но вот отворились ворота.

Произошло сильное волнение — одних толпой рвануло вперед, других свалило на землю. Разгоряченная, жаждущая зрелища толпа похожа на чудовище, которое опрокидывает и разрушает все, что попадает на пути, не обращая внимания на вопли несчастных, молящих о помощи.

В комнате, куда обычно уносили раненых бойцов, росло число пострадавших в давке зрителей. Амфитеатр быстро заполнился. Тысячи спешивших насладиться зрелищем вынуждены были уйти, потому что им не досталось места.

Ложи оставались еще пусты. Они были наняты заранее, и владельцы их не торопились, зная, что их места никто не займет.

Вскоре, однако, стали съезжаться гранды, офицеры и богатая часть населения. Великолепные экипажи то и дело останавливались у ворот, и выходившие из них поднимались наверх, в богато украшенные красным сукном и золотом ложи. Тут были и маршал Серрано с супругой, и герцог Медина с герцогиней, и адмирал Топете, и стареющий Конхо, и граф Кортесилла, и другие. Наконец пробил урочный час. На арену выехали бойцы с распорядителем во главе. Он был весь в черном.

За ним верхом следовали пикадоры в остроконечных, черных с перьями шляпах, пестрых куртках и белом трико. Каждый в правой руке держал копье.

Потом следовали бандерильеро, или фулосы, пешие бойцы. На них были черные шелковые или кожаные блузы, украшенные множеством лент, короткие шаровары и пестрые шапочки, концы которых свешивались набок. Каждый бандерильеро держал в руке длинный, очень светлый шарф.

Заклучали шествие главные бойцы — эспада. Прежнее их название — матадоры — перешло к тем, обязанностью которых было нанести смертельный удар быку, раненому и свалившемуся под ударами эспада.

Народ встречал их громкими восклицаниями, так как эспада были главными действующими лицами зрелища и в бое быков демонстрировали необыкновенную ловкость, хладнокровие и презрение к смерти. Многие из них нередко играли значительные роли в высшем свете Мадрида, и многие знатные дамы выбирали их своими любовниками.

Гордая осанка и дорогие костюмы из самой лучшей материи ясно показывали, что оба эспада высоко ценят себя. На радостные крики народа они отвечали жестом руки, напоминавшим приветствие какого-нибудь короля. У каждого в правой руке был широкий меч, а в левой — мулета, небольшая палка с прикрепленным на конце куском блестящей шелковой материи.

Торжественно обойдя арену, они покинули ее, между тем как бандерильеро заняли места в промежутках между барьерами, ожидая там своей очереди, а пикадоры остановились на середине арены, напротив загонов с быками. Бой всегда начинали пикадоры.

В наступившей паузе глаза всех обратились к ложам, где знать и богачи ослепляли роскошью своих костюмов. Повсюду сияли драгоценные камни и поражали взор дорогие ткани.

Герцогиня Медина затмевала всех своим нарядом. В ее ложе был дон Мануэль Павиа де Албукерке, явившийся представиться в своем генеральском мундире и раскланяться с герцогом.

Бланка Мария, играя дорогим веером, любезно улыбалась.

— Поздравляем вас, дон Мануэль, — сказала она. — Супруг мой был очень рад услышать о вашем производстве.

— Да, очень рад, — приветливо подтвердил старый герцог и тотчас же снова обратился к сидевшему рядом с ним графу Каруя, сообщавшему какую-то политическую новость.

— Садитесь, дон Мануэль, — пригласила герцогиня, сиявшая, как королева, в своем

платье, убранном дорогими кружевами. — Садитесь и посмотрите, какой прекрасный вид из нашей ложи!

— Что вы хотите сказать, герцогиня?

— Разве вы не знаете...

— Право, нет. Вы разжигаете мое любопытство...

— Странно! Вы говорили, что графиня Инес Кортесилла ни за что не приедет на бой быков, а между тем, взгляните-ка.

— Графиня Инес здесь? — поспешно спросил Мануэль.

— Как видите, — улыбнулась Бланка Мария, — в ложе напротив, с отцом, камеристкой и какой-то незнакомой мне доньей...

— Да, это она... и Амаранта... — сказал Мануэль с удивлением. Он был уверен, что ее не будет.

При имени Амаранты герцогиня едва не выдала себя, но вовремя сдержалась.

— И вы действительно ничего об этом не знали? — спросила он. — О дон Мануэль, это странно, и вызывает сомнения в ваших, как вы говорили, серьезных попытках к сближению!

— Нет, здесь что-то не так.

— Посмотрите, — шепнула герцогиня, — донья увидела вас... Как она побледнела... смотрите, как ухватилась за свою спутницу... вот опять смотрит... да что же такое было между вами и этой прелестной молодой графиней? Все это так странно...

Разговор был прерван диким криком толпы, и в ту же минуту здоровый бык с коротким, глухим ревом, наклонив голову, бросился из своей клетки на арену, прямо к барьеру, не заметив его и воображая, что его выпустили наконец на свободу.

Громкие восклицания, приветствовавшие животное, заставили его на минуту остановиться и поднять голову, но вслед за этим бык бросился на другой конец арены, думая там найти выход.

Тогда пикадоры начали свою опасную игру, которая должна была раздражить животное. Они скакали вокруг него, нанося копьём нетяжелые раны, и как только бык устремлялся на одного противника, его отвлекал на себя другой, потом третий, и так далее.

Но наконец зверь, по-видимому, заметил того, который первым ранил его. Теперь никакие усилия остальных пикадоров не могли отвлечь быка от его жертвы, он преследовал только ее.

Публика затаила дыхание. Пикадору почти не было спасения. Ни крики, ни уколы копьём остальных не могли отвлечь животное, и наконец ему удалось вонзить рога в заднюю ногу лошади, она упала.

Громкое «виват» приветствовало быка. В эту минуту из-за барьеров выскочили фулосы, набросившие на голову разъяренного зверя свои шарфы.

Воспользовавшись этим, пикадоры оставили арену, успев увести с собой и раненую лошадь. После этого фулосы снова отступили за барьер, чтобы дать быку отдохнуть.

Наступила пауза. Пользуясь ею, знакомые заходили друг к другу в ложи обсудить бой, многие дамы, возбужденные зрелищем, заключали пари на огромные суммы.

В ложу герцогини Медины вошел бригадир Жиль-и-Германос засвидетельствовать свое почтение. Друг его Мануэль был еще тут.

После первых приветствий Жиль сказал, обращаясь к герцогине, за креслом которой стоял Мануэль:

— Я принес новость вашему сиятельству, интереснейшее известие — о нем говорит уже весь цирк.

— Новость, дон Германос? Говорите скорее!

— Помолвка, что-то вроде тайны, так как жених не очень терпим в Испании...

— Вот невиданная помолвка с препятствиями! Слышите, дон Мануэль? — сказала, смеясь, герцогиня.

— Жених не кто иной, как дон Карлос, — продолжал Жиль, не подозревавший о том, что его друг любит Инес, — а невеста — прекрасная донья с красными гранатами в волосах,

вот в той ложе напротив.

— Молодая графиня Кортесилла?

— Она самая, ваше сиятельство.

Мануэль побледнел и сделал беспокойное движение.

— Невозможно! — вскричала герцогиня, вопросительно глядя на Мануэля.

— Честное слово, — продолжал Жиль, — весь Мадрид уже знает эту тайну.

— Очень странно: дон Карлос и графиня Инес Кортесилла — жених и невеста! — намеренно протянула герцогиня, чтобы еще сильнее уязвить Мануэля. — И весь Мадрид знает об этом!

— Бой продолжается, — сказал Жиль, указывая на арену.

Бандерильеро, держа в руках бандерильи — палки фута в два длиной, с хлопушками, пестрыми лентами и крючком на конце, — бросились на арену, крича и размахивая бандерильями, чтобы привлечь внимание быка.

Едва успело взбешенное животное подбежать, нагнув голову, к первому бандерильеро, как тот, ловко увернувшись, воткнул в спину быка свою бандерилью. В ту же минуту другой воткнул свою ему в затылок. Животное, ослепленное болью, оглушенное треском хлопушек и громким криком бандерильеро, с диким ревом, трясая головой, бросалось то на того, то на другого врага, но все они ловко увертывались, сменяя друг друга.

Наконец, рванувшись изо всей силы к ограде арены, бык остановился, не обращая больше никакого внимания на крики бандерильеро.

— Нового быка! Этот трус! — кричал народ. — Бандерильи де-фуэго³ сюда! Это придаст ему храбрости!

На арену выпустили нового быка, который сначала бросался во все стороны, а затем кинулся на пестрых бандерильеро, разделившись на две части. Одни из них занялись прежним быком, а другие старались привлечь внимание нового и раздражить его.

Так как новый бык был еще не утомлен, то это им легко удалось. Животное, несмотря на всю свою быстроту, не избегло их бандерильи, которые довели его наконец до иступления.

Толпа ликовала, крича «виват» новому быку. О прежнем совсем забыли.

Но вдруг он вновь обратил на себя внимание. Бандерильеро воткнули ему в спину бандерильи де-фуэго, которые зажигались и при этом щелкали. Остервеневший бык бросился к ограде арены и стоял, плотно прижавшись к ней, пока огонь бандерильи не потух. Между тем другой, испугавшись щелканья и огня, бросился на бандерильеро, остававшихся еще на арене.

Но они свое дело уже сделали. Один бык был подготовлен к борьбе с эспада, а другого они хотели довести до нужного состояния во время вновь наступившей короткой паузы, собираясь в удобную минуту снова воткнуть ему в спину зажженную бандерилью.

Все были заняты исключительно этим зрелищем, но Инес не видела ничего. Она согласилась поехать с отцом в цирк единственно потому, что надеялась, увидевшись там с Амарантой, узнать от нее что-нибудь о Мануэле.

Но Амаранта в последнее время не имела о нем никаких сведений, и вдруг они увидели самого Мануэля, да еще в генеральском мундире! Значит, рана его зажила быстрее, чем ожидала Инес. Тревога ее, тем не менее, осталась прежней.

— Он не спускает с нас глаз, — шепнула Амаранта, не подозревавшая, что ее ожидало, и тотчас согласившаяся ехать с Инес, — он не глядит на арену.

— Слава пресвятой Деве, он выздоровел!

— На лбу еще виден темно-красный шрам. Кто эта знатная дама с ним в ложе? — спросила Амаранта.

— Герцогиня Медина.

³ Бандерилья де-фуэго, с острыми крючками на конце, вызывает жестокую боль и вдобавок поджигается.

— Так это герцогиня! Как у тебя бьется сердце, Инес, я даже чувствую это!

— Оно успокоится, — прошептала молодая графиня, взволнованное лицо ее было очень бледно.

В эту минуту у входа в ложу остановился монах в низко надвинутом на лицо капюшоне. Когда Амаранта отвернулась, граф Кортесилла подошел к нему, монах сказал ему несколько слов и исчез так же неслышно, как пришел.

Девушки не заметили ничего, они шептались о своих сердечных делах — обе приехали на праздник не для того, чтобы любоваться боем быков. Граф Кортесилла незаметно наблюдал за ними, стоя поодаль. Позади всех стояла камеристка.

На арену вышли эспада. С пестрой мулетой в правой руке и мечом в левой они, улыбаясь, отвечали на громкие приветствия народа. Лица их выражали полную уверенность в победе.

Бык, выпущенный из клетки вторым, бросился, низко наклонив голову, прямо к подставленной мулете, и в ту же минуту меч эспада распорол ему грудь. Это было исполнено не только с необыкновенной ловкостью, но и с величайшей грацией.

Раздались громкие крики «виват». В это время бандерильеро воткнули в спину остававшегося быка две бандерильи и зажгли их по знаку другого эспада.

Испуганно прижавшееся к ограде арены животное, снова почувствовав искры на своем теле и услышав треск, вдруг бешено бросилось прямо на эспада и подхватило его на рога.

Раздался крик ужаса. Такого еще не бывало.

Все вскочили, все заговорили разом. Бык подбросил эспада в воздух и, наклонив рога, ждал, когда он упадет, чтобы растоптать его ногами.

Но тут второй эспада, увидев страшную опасность, грозившую товарищу, быстро подбежал и с громким криком подставил быку мулету. Бык бросился на нее в ту самую минуту, когда подброшенный в воздух эспада упал на землю, а в следующее мгновение животное уже лежало с проткнутой грудью. Матадоры добили полумертвого быка, а эспада, при громких криках одобрения унес с арены раненого товарища, который не в состоянии был подняться. Этим закончился бой быков, любимое зрелище испанцев, испытывающих удовольствие при виде предсмертных мук заранее измученных и разъяренных несчастных животных!

Публика стала расходиться, толкуя о мужестве эспада-победителя, дивясь его силе и ловкости, утверждая, что такого интересного зрелища давно не приходилось видеть. Все лица были оживлены и горели от удовольствия.

Ложи опустели.

Герцогиня Медина напрасно искала глазами Мануэля, он простился с ней незадолго до конца боя и исчез в толпе.

Граф Кортесилла с дочерью пошел к экипажу, велел камеристке проводить сеньору Амаранту домой. Инес дружески простилась с любимой подругой и еще несколько раз кивнула ей из экипажа.

Был поздний вечер, на улице становилось темно. Амаранта шла по уединенной дороге, окаймленной деревьями, к видневшимся вдаль загородным домикам и не заметила двух монахов, которые, прячась в зелени, осторожно шли за ней, не выпуская из виду.

XVII. Бегство Изидора

В тот же день, когда брат Франциско посетил арестанта в его камере, Изидора позвали вниз, в зал, где за зеленым столом сидело несколько судей в черном.

Изидор решил уже, что его последний час наступил, но так как в душе он все еще надеялся на освобождение, то и повторил судьям прежние уверения в своей невинности и непричастности к делу.

— Меня могут осудить, сеньоры, — заключил он, — но я перенесу все с гордым сознанием своей невинности!

Судьи сразу разгадали, что за молодец перед ними, но человека неопытного его заверения легко могли обмануть. Они поняли, что от него не добиться никакого признания, и решили основываться на фактах.

«Не трудитесь, братцы, — посмеивался между тем про себя Изи́дор, — не тратьте на меня понапрасну свое искусство и свою ученость. Я еще не умер, я намерен еще весело пожить и надеюсь заставить карлистов считаться с собой. У Изи́дора Три́стани много покровителей! Нет, сеньоры, птица улетит от вас тогда, когда вы меньше всего будете этого ожидать».

Однако он начал терять уверенность, ибо день подходил к концу, а брат Франциско все не возвращался. Арестант задумался, у него даже пропал его превосходный аппетит. Он беспокойно ходил взад и вперед по своей камере и дурно спал ночь.

Замечено, что преступники, совершенно равнодушно относящиеся к страданиям других, обычно сильно падают духом, когда им приходится страдать самим.

К таким натурам принадлежал и Изи́дор. Им овладел безумный страх, когда на другой день в камеру вошли двое судей и палач. Ему пришлось собрать все силы, чтобы сдерживать дрожь.

— Мы пришли объявить тебе приговор, — сказал судья. — Изи́дор Три́стани! За покушение на жизнь короля, в назидание твоим соучастникам и в наказание за содеянное, ты приговорен к смерти. Завтра, в седьмом часу утра, казнь совершится на тюремном дворе в присутствии законных свидетелей!

— На тюремном дворе? — повторил Изи́дор, к которому снова вернулась прежняя уверенность и надежда на избавление. — От Три́стани хотят, как видно, отделаться потихоньку, без огласки? Ну нет, этого я не допущу! Если я осужден, так пусть казнь моя совершится публично, а не за углом! Кроме того, и срок слишком короток! До завтра мне остается всего двадцать четыре часа, а этого недостаточно, чтобы собраться с мыслями и обдумать, не должен ли я сделать кое-какое признание. Требую, чтобы моя казнь была перенесена на послезавтра, на то же время. Это мое последнее желание, и вы обязаны исполнить его.

— Мы представим суду твоё желание, — отвечал судья.

Палач, высокий мускулистый человек лет тридцати гности, унаследовал должность седого Вермудеца, имя которого не умерло в народе, поэтому его, Тобаля Царцарозу, по привычке тоже называли Вермудецом. У него была длинная рыжая борода, высокий открытый лоб и довольно длинные волосы. Руки и лицо можно было назвать нежными. Выражение лица было спокойным и холодным — он казался достойным преемником старого Вермудеца, сорок лет владевшего мечом правосудия. Подойдя к Изи́дору, он ощупал его затылок и шею. Изи́дор невольно содрогнулся.

— Вы любите пощекотать, сеньор Вермудец, — сказал он, — затылок, кажется, отлично выбрит, а?

Тобаль Царцароза равнодушно кивнул и вышел с судьей из камеры.

— Черт возьми! — пробормотал Изи́дор, стоя посреди комнаты и неподвижно глядя в одну точку своими косыми глазами. — Если они дадут мне отсрочку, я подожду с разоблачением до завтра. Впрочем, нет, до сегодняшнего вечера, а то в последнюю ночь меня станут караулить, и о бегстве нечего будет и думать. Самое большее, подожду до полуночи, не позже. Ну, торопитесь, благородные доны, терпение Изи́дора может лопнуть...

Арестант тревожно ходил взад и вперед по камере.

Вечером судьи еще раз пришли к нему и объявили, что его желание исполнено — казнь отложена до послезавтра и совершится на площади Кабада.

Изи́дор снова остался один. Еда и питье не шли ему на ум в этот день, о том, чтобы уснуть, нечего было и думать. Поэтому он решил не ложиться совсем и ночью сделать свое признание, раз никто не приходил к нему на помощь.

Было уже поздно и стемнело. Сторож принес лампу, которая должна была гореть всю ночь. В полночь обыкновенно приходили с проверкой. Главный надзиратель заглядывал

через дверное отверстие в камеры арестантов, чтобы убедиться, все ли в надлежащем порядке.

Когда миновал долгий, жуткий час ожидания, Изи́дор постучал, давая знать, что хочет говорить.

Один из сторожей подошел к двери.

— Что вам нужно? Зачем вы стучите, Изи́дор? Надо спать.

— Поберегите для себя свои советы, — отвечал Изи́дор. — Я спать не собираюсь, мне хотелось бы кое-что сообщить следственному судье.

— Ого! Верно, смирились, — заметил сторож, — у вас ведь всегда этим кончается. Значит, решили признаться?

— Ну уж нет! Признаваться мне не в чем, но зато есть что сообщить!

— Я не смею ради этого будить судью, — отвечал сторож.

— Значит, его можно звать только для того, чтобы он выслушал признание?

— Только для этого.

— Ну, я о словах спорить не стану, — сказал Изи́дор. — Скажите судье, что я хочу выдать соучастников.

— Это другое дело, — отвечал сторож, закрывая отверстие в двери.

Изи́дор беспокойно ходил взад и вперед по камере. Вдруг в замке загремели ключи. Верно, пришел следственный судья.

Дверь отворилась. На пороге возле сторожа стоял запыхавшийся брат Франциско.

Это было неожиданностью для Изи́дора.

— Судья придет через несколько минут выслушать ваше признание, — сказал сторож и ушел.

Франциско вытарашил глаза.

— Вы слышали, благочестивый брат, — обратился к нему Изи́дор, — я хочу признаться! Уже два дня я жду вашего ответа, но наконец потерял надежду на помощь.

— Измени свое намерение, сын мой!

— Значит, вы пришли помочь мне, благочестивый брат?

Монах кивнул головой.

— Только будь осторожен, иначе все пропало, — сказал он, подозрительно озираясь.

— Вот это другое дело! Когда же вы собираетесь освободить меня из этой проклятой западни?

— Сегодня же ночью!

— Так надо спешить.

— Раньше полуночи нельзя.

— Да, но потом остается всего каких-нибудь три часа, в четвертом уже светает!

— Не беспокойся, только будь осторожен.

— Так на мои слова наконец обратили внимание?

— Тебя признали невиновным, сын мой, ты избежишь смертной казни.

— Это приятно слышать. Да ведь я и в самом деле невиновен, так несправедливо было бы проливать мою кровь! Но скажите...

— Тише... идут... — шепнул монах, понижая опустив капюшон и сгорбившись.

Дверь снова отворилась. Вошел судья с секретарем.

— Простите, сеньор, — вскричал Изи́дор, — теперь уже не надо, я открою все на исповеди благочестивому брату.

— Так зачем же вы нас звали? — недовольно спросил судья.

— Потому что благочестивый брат слишком долго не приходил, я предпочитаю открыть все ему, — объяснил Изи́дор.

Судья и секретарь ушли.

Изи́дор весело подмигнул им вслед и перекрестился, потом кивнул головой монаху и, подойдя к окну, подвинул ему стул, а сам сел на кровать.

— Ну, к делу, скоро полночь.

— Еще целый час, — отвечал Франциско. — Сейчас я уйду, сын мой, а ты ляжешь и притворишься спящим, чтобы не возбудить подозрений во время обхода. Потом встанешь, — монах вынул из-под своей широкой рясы несколько пилочек и веревочную лестницу, сплетенную из пеньки и конского волоса, — перепилишь вверху вон те два прута, загнешь их крючком внутрь камеры и прицепишь к ним лестницу.

— Понимаю, понимаю, благочестивый брат, — отвечал Изибор. — Какая тонкая-то, никогда не выдывал таких лестниц. Не в досужее ли время вы этим занимаетесь?

— Укрепив лестницу, — продолжал монах, — спускайся вниз, только смотри, будь осторожнее возле нижних окон — не разбуди никого. Внизу найдешь лодку, садись в нее и подожги лестницу — спички есть — она не будет гореть, а только тлеть, но так быстро, что к утру не останется и следа.

— Клянусь честью, хорошо придумано! Скажут, что я бросился в Мансанарес!

— Переплыви на тот берег и ступай в монастырь Святой Марии. Там тебе скажут, что надо делать.

— Благодарю, благочестивый брат! Вот, не я вам сделал признание, а вы — мне, да еще какое важное.

— Только умоляю тебя, сын мой, будь осмотрителен! Не торопись, но и не медли, пили не слишком быстро, да не жалея масла из лампы, чтобы пилу не было слышно! Спрячь все хорошенько в постель.

— А крепка ли лестница, брат Франциско?

— Совершенно надежна. Вот тебе спички!

— Вы опытный и умный человек!

— Скоро полночь, — сказал Франциско, вставая. — Теперь я уйду.

Он подошел к двери и постучал.

— Отворите и выпустите меня, — сказал он. Сторож заглянул в отверстие двери и, увидев, что

Изибор стоит посреди комнаты, а монах у самой двери, отворил ее и выпустил монаха. Замок снова щелкнул.

— Ну, теперь дело в шляпе, — пробормотал Изибор, — меня бояться и не оставили в беде. Ха-ха! Опасно это путешествие из окна, но что делать! Все же лучше, чем на площадь Кабада!

Изибор лег и притворился спящим.

Немного погодя он услышал легкий шорох и, приоткрыв глаза, увидел в отворившемся отверстии двери лицо. Старший надзиратель делал обход. Убедившись, что арестант спит, он пошел дальше.

Подождав еще несколько минут, Изибор встал и потушил лампу. Теперь могла начаться работа!

Достав пилочки, он смазал их маслом и, встав на стул, начал осторожно перепиливать один из прутьев оконной решетки. Перепилив первый прут, он принялся уже за другой, но тут терпение стало ему изменять, он пилил уже не так осторожно, как сначала, понадеявшись, что все спят и поблизости никого нет. Шум его работы был явственно слышен.

Вдруг Изибор услышал шаги в коридоре. Кто-то подходил к его камере. Он мигом соскочил со стула и лег в постель. Почти в ту же минуту у отверстия двери раздался громкий голос, спрашивавший, почему в этой камере потушена лампа, и приказавший сторожу отворить дверь.

Это был старший надзиратель. Неужели он услышал шум и пришел выяснить причину?

Изибор лежал в невыразимом страхе, но при входе надзирателя и сторожа притворился, что протирает глаза спросонья.

— Кто потушил лампу? — спросил надзиратель.

Изибор приподнялся и бессмысленно оглянулся.

— Лампа? Какая лампа? — сказал он.

— Он спал! — сказал надзиратель. — Сторож, зажги лампу, она, верно, догорела. Что это ты тут делал с маслом? Отчего пятна на столе?

— Какие пятна, сеньор? Не знаю.

— Завтра утром надо посмотреть, не нужно ли исправить лампу, — сказал надзиратель и зорко оглядел камеру, но не нашел в ней ничего подозрительного. Сторож снова зажег лампу и вышел вслед за ним.

Когда ключ повернулся в двери, Изидор облегченно вздохнул — они ничего не заметили. Поднявшись, он прислушался — все было тихо. Ночь надвигалась.

Напрягая все силы, он загнул оба подпиленных прута внутрь, теперь окно было открыто, но проход оказался так мал, что вылезать нужно было с большой осторожностью, держась за решетку, спустить вначале ноги и нащупать ими лестницу, которая была не толще мизинца.

Он так и сделал: привязал лестницу к прутьям решетки и, ухватившись за них, опустил сначала одну ногу, отыскал качавшуюся на ветру лестницу, потом — другую, все еще не выпуская из рук прутьев. Но, наконец, надо было оставить их — и он, вцепившись в лестницу, повис между небом и землей.

Волосы у него встали дыбом, когда он взглянул вниз. Далеко под ним мерцала темная глубина. Минутная слабость, головокружение — и Изидор полетел бы вниз. Но он тотчас взял себя в руки, вспомнив о своем страшном положении, и, оторвав взгляд от мрачной бездны, стал потихоньку спускаться. На это ушло немногим больше получаса, а ему показалось — вечность. Наконец он оказался у воды, там действительно была привязана лодка. Монах говорил правду.

Спрыгнув в нее, Изидор поджег лестницу, она затлела и сгорела раньше, чем он ожидал. Тогда, махнув рукой, он направил лодку к противоположному берегу Мансанареса, поглядывая временами на Адский замок, откуда так счастливо освободился.

Заря уже занималась на востоке, когда Изидор причалил к берегу.

XVIII. Искуситель

Амаранта спокойно и благополучно вернулась с боя быков домой. Она жила довольно далеко от городских ворот и рада была, что с ней отправили камеристку. На этой дороге часто встречались подозрительные личности, а вдвоем было не так страшно. Поблагодарив камеристку, торопливо отправившуюся обратно, Амаранта вошла к себе, спеша взглянуть на милого мальчика, свое единственное сокровище. Он долго оставался в этот день без нее и теперь спокойно спал в своей кроватке.

С грустной улыбкой наклонилась она над ним и тихонько-тихонько поцеловала покрасневшую от сна щечку.

Она молила Бога защитить ее дорогое дитя, пусть мать его, брошенная и беззащитная, потеряла надежду на счастье, но на дитя не должна была падать ее вина. И она просила заступничества у пресвятой Мадонны.

Маленькая комнатка, освещенная бледным светом месяца, была уютна и опрятна. Если бы старая мать Амаранты могла увидеть ее нынешнее пристанище и пожить тут, кто знает, может, она и не умерла бы так скоро.

Горе при виде несчастья дочери, тяжкие раздумья о ее загубленной жизни разбили сердце старушки и ускорили развязку давно таившейся болезни. Теперь она безмятежно спала в своей могиле, не зная больше страданий и горя.

Амаранта отошла к окну. Прошлое живо вспомнилось ей. Она думала о долгих, сладостных часах, проведенных с любимым в прогулках под сенью тенистых деревьев.

Припоминая слова, которые он говорил ей тогда, она отказывалась верить, что он совсем отвернулся от нее. Ей казалось, что его удерживает какое-нибудь препятствие, что он непременно вернется, раскроет опять свои объятия и со словами любви прижмет ее к сердцу!

Разве возможно, чтобы человек так бессовестно отказывался от всего, что обещал

прежде и в письмах, и на словах! Неужели он сделал это, только чтобы поволочиться и хвастать потом, что увлек неопытную, доверчивую простую девушку?

Невозможно! Он ведь принц! Может быть, он и теперь любит ее, но обстоятельства не позволяют ему прийти к ней? В последний раз, спеша уйти от нее, он сказал, что ему нельзя показываться в Мадриде, что это опасно... Но объяснил ли он, что значили его слова?..

Амаранта как сейчас видела его перед собой, его клятвы все еще звучали в ее ушах, заглушая все остальное, заставляя забыть все случившееся. Она продолжала любить и надеяться!

Бедное девичье сердце! Ты не можешь расстаться с воспоминаниями о любви и отказаться от раз изведенного блаженства.

Но мягкий отблеск бывшего счастья вдруг исчез с лица осиротевшей женщины. Она думала о том, что дон Карлос признавался в любви и молодой графине Инес. Это разрывало ей сердце! Лучше бы она никогда не видела этой дочери богача-графа! Конечно, Инес всегда относилась к ней с нежностью сестры, не изменилась и тогда, когда узнала, кто был ее обольститель, напротив, сочувствие ее только возросло, но мысль о том, что обе они связаны с одним человеком, приводила Амаранту в отчаяние.

Могла ли бедная простая девушка сделаться когда-нибудь его женой? Он ведь был принц! Если бы он был одного с ней сословия и так же беден, как она, и мог бы уехать искать счастья в какую-нибудь отдаленную испанскую провинцию, тогда еще была бы надежда на возможность союза, но теперь между ними стояла неодолимая преграда.

Но ведь он знал это и прежде и все-таки любил ее. Амаранта не верила, что он мог разлюбить ее и не хотел ничего о ней знать. Нет, ведь он клялся ей самым святым!

Так он всегда знал, что не сможет сделать ее своей женой?

Вдруг она увидела какую-то темную фигуру, стоявшую между деревьями и, казалось, рассматривавшую домик.

Кто этот человек? Что ему нужно?

Амаранте стало страшно, и она отошла от окошка.

Темная фигура осторожно и, по-видимому, нерешительно вышла из-за деревьев, осмотрелась и прислушалась.

При свете луны Амаранта увидела, что это монах, закутанный в широкую рясу, лицо его скрывал капюшон.

С минуту она стояла неподвижно посреди комнаты, не спуская с него глаз, потом быстро подошла к двери и заперла ее на ключ.

Страх охватил ее.

Вернувшись на прежнее место, она, казалось, несколько успокоилась. Что мог ей сделать такой сгорбленный, старый, как видно, монах?

Он подошел к самому домику, и она теперь ясно могла различить темную рясу, доходившую до пят, подвязанную веревкой вместо пояса.

Подойдя еще ближе, он протянул было руку к двери, но тут же опустил и, отойдя к окну, заглянул в комнату, где было совершенно темно.

Амаранте стало жутко. Монах, видимо, разглядел ее, несмотря на темноту, и постучал в окно. Собравшись с духом, она решилась спросить, что ему нужно, и открыла окно.

— Это вы, сеньора? Я вас искал, — сказал он тихо.

— Меня? — спросила изумленная девушка.

— Разве вы не Амаранта? Ведь вы жили прежде на улице Толедо, на углу Еврейского переулка?

— Да, я Амаранта.

— У меня к вам секретное поручение, сеньора! Вы одни? — тихо спросил он.

Амаранта испугалась, она тотчас подумала о доне Карлосе.

— Я одна! — сказала она. — Вы не тот ли монах, который однажды вечером стоял у ворот с лошадью?

— Тот самый, сеньора, и я узнал вас теперь! Никто не услышит и не увидит нас?

— Наверху все спят, а больше никого нет.

— Впустите меня, сеньора, не бойтесь, я принес вам радостное известие.

— От дона Карлоса? — с нетерпением спросила Амаранта, и глаза ее блеснули.

Монах утвердительно наклонил голову и, осторожно подойдя к воротам, крадучись вошел в дом.

Амаранта, полная нетерпеливого ожидания, торопливо отперла дверь своей комнаты.

Монах неслышно переступил порог и, схватив ее за руку, увлек подальше от двери. Окинув глазами комнату, он торжественно сказал, понижая голос и указывая на колыбель ребенка.

— Это маленький залог любви! В сердце его проснулось желание видеть дитя и говорить с вами!

— О, ради Бога, скажите, о ком вы говорите?

— Кто же иной, как не тот, кого вы сами назвали, сеньора.

— Возможно ли? Дон Карлос? Монах утвердительно наклонил голову.

— Так он еще в Мадриде?

— Тсс! Никто не должен знать об этом!

— О, никто, никто не узнает! Где же он?

— В нашем монастыре!

— Мы можем встретиться?

— Это желание принца! Он хочет видеть вас и дитя!

— И он послал вас сюда?

— Чтобы спросить, готовы ли вы следовать за мной, сеньора?

— Я пойду! Я должна увидеть и услышать его.

— Возьмите с собой и дитя.

— Он хочет видеть свое дитя, он вспомнил о нас! — вскричала Амаранта, складывая руки, и прекрасное, бледное лицо ее просияло. — О, какой невыразимой радостью, какой сладкой надеждой наполняет это мою душу! Ну, теперь все решится.

— Вы и дитя будете обеспечены.

— Обеспечены? — повторила удивленная этими словами Амаранта.

— Вы не так поняли, сеньора, — поправился искуситель, которому нужно было заманить Амаранту с ребенком в монастырь. — Судьба ваша решится! Дон Карлос так и сказал, но прежде всего он хочет видеть вас и дитя.

— Я иду, иду! — вскричала Амаранта, завернувшись в шаль и закутывая ребенка.

Монах, казалось, не ожидал такой быстрой готовности и еще сильнее стал торопить молодую женщину.

— Оставьте все, как есть, сеньора, — говорил он, — ведь вы скоро вернетесь! Пойдемте, дорога неблизкая. Не запирайте дверей — ну кто теперь войдет сюда?

Последние слова, поспешно выходя с монахом на улицу, Амаранта уже почти не слышала. Дверь ее комнаты и ворота остались незапертыми.

Была уже поздняя ночь. Освещенная луной дорога в город была тиха и пустынна.

— Мы пойдем окольной дорогой, сеньора, — сказал монах, — она прямее выведет нас к улице Гангренадо.

И Амаранта вполне доверилась ему. Мысль об измене не приходила ей в голову. Она спешила к своему возлюбленному, к отцу своего ребенка. Ведь он был первой, единственной любовью ее невинного доверчивого сердца. В то время как они свернули на окольную дорогу, из-за деревьев вышел другой монах и пошел прямо к домику. Он пришел вместе с первым, но дал ему сначала окончить свое дело и уйти, а уж тогда быстро направился к домику и вошел в ворота.

Никого не было кругом. Никто его не видел и не слышал.

Прокравшись в комнату Амаранты, он при свете луны начал внимательно обыскивать ее. Открыв шкаф, он просмотрел все полки, затем перешел к ящикам в столе и, наконец, к шкатулке, хранившей последние нехитрые ценности Амаранты.

Монах без зазрения совести перешушупал и перерыл все медные безделушки молодой женщины, не чувствуя при этом ни малейшего сострадания. Но того, что ему было нужно, он все еще не находил. Вдруг его осенила какая-то мысль.

Быстро подойдя к постели Амаранты, он стал шарить в ней своими жадными руками, и наконец круглое лицо его довольно улыбнулось. Он нашел маленькую пачку, перевязанную пунцовой лентой. Это были любовные письма дона Карлоса к Амаранте, писанные его рукой. Они могли служить уликой против него.

Убедившись, что ни тут, ни в колыбели ребенка, которую он тоже перерыл, ничего больше не было, монах спрятал под рясой драгоценную находку и ушел из дома. Между тем Амаранта и ее спутник уже достигли стен монастыря Святой Марии и подошли к калитке, которая после нескольких звонков отворилась. Проведя Амаранту мимо монастыря к аббатству, монах оставил ее на минуту одну в темном коридоре, чтобы доложить о ней, как он объяснил. Немного погодя он вернулся.

— Пойдемте, сеньора, — сказал монах, — и дайте мне руку, здесь темно.

Ничего не подозревая, Амаранта поднялась за ним на несколько ступеней, прошла длинный коридор, потом спустилась по лестнице и снова пошла по сырому, холодному коридору. Шаги их громко раздавались под сводами.

Наконец, они, по-видимому, достигли цели, потому что монах остановился, ощупал стену и, найдя дверь, отпер ее принесенным с собой ключом.

— Входите, — сказал он.

— Куда же вы меня привели? Тут совсем темно!

— Входите, сеньора. Того, кто желает говорить с вами, еще здесь нет.

— И я должна здесь ждать его?

Монах ничего не ответил. Амаранта уже была в комнате, и он запер за ней дверь.

— Вы меня оставляете одну? — сказала она, услышав, что монах запирает дверь на ключ. — Куда я попала? Здесь так сыро и холодно моему бедному ребенку! Выпустите меня, я лучше подожду на улице!

Но никто не отвечал ей. Шаги монаха удалились, кругом было темно и тихо...

XIX. Сара Кондоро

В один из следующих дней по набережной шла какая-то странная женщина. Она направлялась к глухой отдаленной части улицы, с трудом передвигая вязнувшие в песке ноги. Глубокие следы колес вели к уединенному двору, обнесенному черным забором, выходившим прямо на обрывистый берег Мансанареса. Место это поражало тишиной и пустынным видом.

На старухе был большой пестрый платок, соломенная шляпка, когда-то очень дорогая, но теперь совсем изношенная и грязная, и манто, затканное большими шелковыми цветами, оборванное на подоле и хлопавшее ее по ногам. Отвратительное лицо этой маленькой, несколько сгорбленной, но крепкой старухи имело какой-то сизый оттенок, доказывавший чрезмерное употребление спиртных напитков. Длинный, крючковатый нос делал ее похожей на хищную птицу, маленькие глазки блестели, рот шевелился — видно было, что старуха говорит сама с собой.

Между тем что-то в ее осанке и походке говорило, что она не из низших слоев, а видала лучшие времена и лучшее общество.

Хозяева таверны на «Маленькой Прадо», по-видимому, знали ее, потому что один из них, стоявший у дверей, снял шапку, когда она проходила мимо. Старуха отвечала приветливым кивком.

— Куда так рано, дукеза⁴ Кондоро? — спросил он.

⁴ Дукеза — герцогиня.

— По делу, — отвечала она, указывая на уединенный двор вдали.

— К палачу? Какое же это у вас к нему дело?

— Спросить надо кое-что, — сказала она и поспешила дальше.

— Вы, кажется, назвали ее герцогиней? — обратился к хозяину таверны один из посетителей. — Верно, это шуточное прозвище?

— Разве вы не знаете этой старухи? — улыбаясь, спросил хозяин. — У нее, действительно, то ли муж, то ли любовник был герцогом. Недавно мне говорил один господин, что она имеет полное право на титул герцогини. Он знал ее много лет тому назад, когда она еще бывала при дворе. А теперь она содержит ночлежку для нищих в цыганском квартале, недалеко от Растро.

Посетитель встал и вышел посмотреть вслед странной старухе.

— Но как она могла опуститься до такой степени? — спросил он.

— Говорят, у нее было много любовных походов — гонялись, конечно, не за красотой, а за деньгами — и герцог наконец прогнал ее и уехал за границу. У нее и до него и после походов хватало, кроме того она сильно пила. Ну а теперь имеет неплохой доход от своей ночлежки, да еще, говорят, ведет и другие дела. Когда она заходит выпить, так всегда платит по-королевски и никогда не берет сдачи. Это уж ее обычай.

Посетитель с улыбкой покачал головой и вернулся в таверну, между тем как старуха спокойно продолжала идти своей дорогой.

Теперь уж она не ездила больше в экипажах, а храбро шагала по глубокому песку, утопая в нем на каждом шагу.

Двор, к которому она направилась, лежал далеко от других домов набережной. Тут не только не видно и не слышно было ни одной живой души, но, казалось, даже растительность чужда была этому месту. Не было ни одного деревца, ни одного кустика — разве только кое-где тощая былинка выглядывала из песка.

Длинный черный забор, казалось, отделял от внешнего мира не совсем обычное жилье. Глубоко протоптанные дорожки вели к запертым воротам, возле которых была маленькая, тоже запертая, калитка. Несколько в глубине, за забором, видна была верхняя часть уютного, увитого виноградной лозой домика.

Герцогиня Кондоро пыхла и обливалась потом, но не позволила себе отдохнуть. Она только, не задумываясь, сняла с себя полные песка башмаки и вытрясла их. О, герцогиня Кондоро не признавала никаких церемоний, но мы еще расскажем об этом впоследствии. Она сама говорила, что давно отбросила глупую совестливость и жеманство. Вообще, это была чрезвычайно интересная особа. Не раз за стаканом вина, сделавшись разговорчивой, она рассказывала знакомым о прошлых временах, о королевах Христине и Изабелле, о Серрано, Олоаго, Навреце и Эспартеро, которых знала очень близко, когда являлась при дворе и жила со своим супругом на площади Майор во дворце Кондоро.

При этом она признавалась некоторым, близко знавшим ее, что делала то же, что и все знатные придворные дамы того времени, только они были счастливее в своих любовных похождениях или мужья их были снисходительнее, тогда как ее, восемнадцатидвадцатилетнюю девушку, сбили с толку и бросили на погибель.

Да в чем же ее такой уж особенный грех, скажите пожалуйста? В том, что принимала у себя молодого придворного, а герцог вернулся домой, в том, что выслушала признание генерала Прима, или в том, что имела небольшую интрижку с гувернером сына? Это было в моде тогда, сама королева Изабелла подавала подобный пример. Но только ей одной пришлось каяться за свои поступки, и с досады, гнева и отчаяния она предалась своей прежней страсти — вину. Скоро все имущество было ею промотано, ни герцог, ни другие ее бывшие мужья не хотели теперь ничего о ней знать, и вот она дошла до того, что стала содержать ночлежку для нищих.

Несмотря, однако, на своей поношенный костюм и на то, что ее называли теперь просто Сара Кондоро, старуха все еще придавала значение титулу, но она любила, чтобы ее называли герцогиней чиновные лица, потому что когда так говорили простоллюдины и

посетители ее ночлежки, в громком титуле слышалась обыкновенная насмешка.

Герцогине не раз, впрочем, в щекотливых делах приходилось сталкиваться с законом, но она всегда удивительно ловко умела увернуться от опасности. Она держалась в тени и старалась не давать поводов говорить о себе, чтобы иметь возможность жить так, как ей хочется. Женщины и мужчины, первый раз приехавшие в Мадрид и не имевшие средств оплатить свой ночлег в гостинице, нищие, цыгане и странствующие артисты могли за небольшую плату получить в ее заведении пристанище на ночь. Днем тут никто не имел права оставаться. Это была ночлежка вроде тех, какие давно уже существуют в Париже, Лондоне, Нью-Йорке и Берлине.

Полиция почти не заглядывала в ночлежку Сары Кондоро, и, как ни странно, никогда не бывало там никаких ссор, скандалов, никогда она не упоминалась в сводках происшествий. Это было заведение, необходимое в большом городе, оно уберегало бедный, бесприютный люд от бесчинств: бедняки предпочитали, заплатив ничтожную сумму, отправиться в ночлежку, нежели, оставаясь на улице, попасть в руки полиции.

Сара Кондоро, по-видимому, начала очень полезное, выгодное дело — она по опыту знала, что значит быть без пристанища. Теперь, однако, жизнь ее хорошо устроилась, и часто она даже позволяла себе вспомнить прежнюю страсть, но пила только самые дорогие вина.

— Ворота заперты, — пробормотала она, попробовав замок. — Первый раз я иду к нему, он должен быть тут. Да, не часто мне приходилось бывать в этом квартале.

Она огляделась вокруг. Лицо ее было отвратительно и говорило не только о бурно прожитой жизни, загубленной дурными страстями, которым давалась полная воля, но и о нравственной испорченности.

— А, вот звонок! — сказала она, взявшись за его ручку своей жилистой рукой.

В глубине двора раздался громкий звон колокольчика, и вслед за ним — шаги.

— Что вам угодно, сеньора? — спросил вышедший к ней человек в пестрой рубашке с засученными рукавами, шароварах и с непокрытой головой. — Кого вы ищете?

— Дома ли сыночек Тобаль? Гм, что это я говорю! — поправилась она. — Дома ли сеньор Царцароза?

— Хозяин? Да, он у себя в комнате, — отвечал бородатый малый, указывая на приветливый домик в глубине двора. — Вам угодно поговорить с ним?

— Непременно, сыночек, — сказала старуха, протиснувшись мимо него в ворота и оглядываясь вокруг.

— Так ступайте туда и постучите, у хозяина никого нет.

Сара Кондоро, покачивая головой, смотрела на лежавшие в стороне, около забора, доски, балки, колья, на сушившиеся позади увитого зеленью домика куски черного сукна.

В задней части двора развешаны были одежды утопленников и самоубийц, найденных за последнее время, а дальше, в ящиках, лежали и сами трупы. У пруда какие-то грубо хохочущие люди, стоя на коленях, мыли в грязной воде обрубок дерева. И возле всего этого — хорошенький, мирный домик! Поразительный контраст!

Поднявшись по старым деревянным ступеням, которые вели к двери дома, дукеза взглянула на роскошно увитую виноградом стену и отворила дверь.

Она очутилась в чистенькой, посыпанной песком прихожей. Судя по двору, здесь можно было ожидать запаха крови и тяжелого воздуха — ведь в этом доме жил палач — но вместо этого глаз радовали порядок и опрятность, воздух был чист и свеж.

Сара Кондоро постучала, и дверь отворилась. Посреди уютной комнатки у стола сидел огромный Тобаль Царцароза, просматривая документы. Виноградные ветви, наполовину закрывавшие окна, давали благодатную тень и прохладу.

Дукеза с некоторым смущением остановилась на пороге. Царцароза с минуту неподвижно смотрел на нее, как на какое-то внезапно явившееся привидение, видимо, не веря своим глазам. Лицо его сделалось мрачным.

— Это я, Тобаль, сыночек, это я, — прервала она, наконец, молчание. — Разве ты не узнаешь меня? Давно я тебя не видела! Какой ты стал красавец — вылитый отец, алькальд

Царцароза из Биролы! Такой же широкоплечий, с такой же темно-русой бородой...

Тобаль успел между тем оправиться. Дукеза подошла к столу.

— Как ты вошла сюда? Как ты попала во двор? — спросил он, даже не подавая ей руки.

— Прежде всего спроси, как я узнала, что ты здесь, потому что ведь здешнего палача называют прежним именем Вермудеца. Все случай, Тобаль, случай да знакомые! Недавно у меня был старый Дорофаго из Биролы и сказал мне об этом. Я тогда же хотела прийти к тебе, но подумала, что ведь Тобалью это будет не совсем приятно?

— Кто тебя впустил сюда, я спрашиваю? — боязливо повторил палач.

— Человек в пестрой рубашке!

— Он знал тебя, называл по имени? — Он меня назвал просто сеньорой.

— И ты сказала ему...

— Ничего, — быстро прервала Сара Кондоро встревоженного Царцарозу, — ничего не сказала, сыночек.

Наступила тяжелая пауза. Станные чувства боролись в душе этого человека.

— Да, перед тобой Тобаль Царцароза, мадридский палач! Положением своим он обязан своей матери, так называемой дукезе, а тем, что не сделался преступником и убийцей, — отцу! Алькальд из Биролы был честным человеком, и я свято чту его память!

— Понимаю, сынок, ты хочешь упрекнуть меня в том, что я о тебе не заботилась, но...

— Тем, что я палач, я обязан тебе! Если бы не ты, я был бы теперь, может быть, тоже алькальдом в каком-нибудь маленьком городке! Но что ты от меня хочешь? Я не думал больше увидиться с тобой!

— И я тоже не думала, Тобаль! Из всех моих детей ты один остался.

— А где же маленький герцог Кондоро, дукечито, воспитанный в шелку и бархате?

Дукеза пожала плечами.

— Умер, должно быть, — отвечала она не слишком печальным голосом, — но что делать, все мы умрем! Яне для того пришла к тебе, чтобы жаловаться и горевать. Мое нынешнее занятие выгодно! Но еще немного, и я оставлю его и примусь за новое, только не решила еще, что выбрать — танцевальные вечера или кафешантан на парижский манер? Это будет очень интересно, очень мило, тогда дукеза Кондоро опять сможет выйти на сцену!

— Я слышал, ты содержишь ночлежку, и даже раз был твоим клиентом, хотя ты этого не знала.

— Ты, сыночек? В моей ночлежке?

— Давно уже! Кто этот малый с израненным лицом, принимающий деньги?

— Этот прегонеро⁵ — хороший, умелый человек!

— Оно и видно. Глядя на его лицо, можно подумать, что он несколько раз спасался от смерти только тем, что срезал себе с лица по куску мяса. Но что же тебе нужно от меня, Сара Кондоро? Ведь не материнское же чувство привело тебя ко мне — это мы оба хорошо знаем!

— Не будем ссориться, сынок. Я рада была услышать, что ты жив и живешь тут, — отвечала нежная мать. — Правда, радовалась, ведь ты один у меня остался!

— Бог знает, что делает! Ты не заслужила иметь и одного, ну да это в сторону, — сказал Царцароза, махнув рукой, как будто отгоняя тяжелые воспоминания. — Говори, зачем ты пришла сюда?

— Я устала, сынок, старость начинает сказываться, я присяду. Ну, вылитый отец! Алькальд Царцароза тоже никогда не предложил бы стула ни своему начальнику, ни родному брату. А лицо, а эта прекрасная темно-русская борода — ну да полно об этом! Ты прав, я пришла по делу, — продолжала она, садясь. — Дело серьезное и деликатное, оно должно остаться между нами! Никого нет в соседней комнате? Ты женат?

— Палач ждет себе прощения, — тихо и выразительно отвечал Тобаль. — Здесь нет никого, кроме нас!

⁵ Прегонеро — зазывающий в лавки или выкрикивающий объявления на улицах.

— Ты, верно, знаешь кое-что об этом, сынок, — таинственно сказала Сара, — все от тебя зависит. Дело легкое, не рискованное, а главное, прибыльное. Ты ведь знаешь, что в прошлом году в Памплоне обокрали почту, взяв при этом более ста тысяч дуро, и что ничего до сих пор не найдено?

— Говори короче, Сара Кондоро, что тебя привело сюда?

— Слушай дальше, сынок! Тебе известно, конечно, и то, что два года тому назад был ограблен и сгорел Байонский банк. При этом подозрение пало на Алано Тицона, которого видели у здания банка. Наконец, нынешней весной сгорел дом богатого альцеста, вся семья его убита, имущество украдено. Алано Тицона опять видели кравшимся к дому и заметили кровавые пятна на его одежде. Он был схвачен и приговорен к смерти! Приговор будет исполнен на днях, не так ли?

— Ты знаешь больше меня! Я еще не получал приказаний.

— Это престранная история, Тобаль! Алано, наверняка, принадлежит к какому-нибудь сильному тайному обществу, которое имеет здесь, в Мадриде, могущественных членов! Вчера ко мне пришел какой-то знатный господин и, сказав, что дело Алано может быть пересмотрено, спросил, не могла бы я попросить тебя оттянуть исполнение приговора. Я не соглашалась, тогда он снова пришел вечером и сказал, что тебе ничего не стоит отсрочить казнь на несколько недель. При этом он дал двести дуро, сыночек, — сто для меня, сто для тебя, — прибавила старуха, выкладывая перед ним деньги из кармана своего шелкового платья.

— Что же это за человек? Сара пожала плечами.

— Не знаю, Тобаль, не знаю, мой сыночек! Он пришел поздней ночью в маске, но у дукезы опытный глаз! Я сразу по фигуре поняла, что это далеко не простой и не бедный человек. О, у Алано Тицона, кажется, влиятельные покровители!

— Узнала ты имя этого покровителя?

— Нет, сынок! Он так упрашивал меня пойти отнести тебе деньги, что я подумала: ответственности на тебе не будет, значит, деньги достаются легко — отчего же их не принять? А сто дуро не пустяки. На, вот они!

— Спрячь, они мне не нужны!

— Как, Тобаль! Ты отказываешься от денег? Надо брать и брать! У меня скоро столько их будет, что я оставлю свою ночлежку и примусь за что-нибудь другое. Но у тебя денег меньше моего.

— Говорю тебе, возьми обратно эти сто дуро, — решительно повторил Царцароза.

Старуха всплеснула руками.

— Вылитый покойный алькальд! Вылитый отец! — вскричала она. — Вот игра природы! Будто сам покойный встал из гроба!

— Мой отец был честный человек.

— Знаю, знаю! Но здесь не о том речь, сынок. Я рада, что могу сделать что-нибудь для тебя, ведь ты один у меня остался! Бери все двести дуро.

Она держала деньги и так смотрела на них, будто ей очень тяжело было с ними расстаться.

— Бери, сынок! Такие деньги не каждый день приходят. Ведь двести дуро всего лишь за небольшое промедление...

Палач взглянул на настойчиво упрашивавшую старуху, уже положившую деньги на стол.

— Возьми их назад, — гневно сказал он, — они мне не нужны!

— Святой Бонифацио, какая глупость! Но послушай, Тобаль, не отказывайся от моего предложения, говорю тебе, общество большое и сильное, дело может стоит тебе жизни, если ты не отсрочишь казнь Тицона. Тебя спровадят — и все равно достигнут своей цели. Неужели мне придется потерять и тебя!..

— Возьми назад деньги! — повелительно повторил Царцароза, и старуха наконец со вздохом согласилась. — Что касается отсрочки казни, — продолжал он, — я посмотрю.

Придет к тебе еще раз этот знатный господин?

— Не знаю, думаю, что придет.

— Когда он будет у тебя, дай мне знать, Сара Кондоро, я сам переговорю с ним.

— Ого, ты хочешь лично условиться о цене? Так, так, теперь понимаю, — говорила старуха, лукаво прищуриваясь и подмигивая, — ты хочешь выманить у него побольше?

— Очень может быть. Когда ты мне дашь знать, что он у тебя, я приду в твою ночлежку и переговорю с ним.

— Хорошо, хорошо, сыночек, — вскричала Сара, вставая и бережно пряча деньги, — сделаю это, охотно сделаю! Сам дело обделаи, он может оплатить, ты прав.

И кивнув ему, она хотела было протянуть руку, но передумала, боясь, что он не возьмет ее.

— До свидания, Тобаль, — говорила Сара, — да смотри же, не проболтайся! Вылитый отец! — пробормотала она, выходя из домика, увитого зеленью.

XX. Во мраке ночи

Тягостная тишина нависла над дворцом графа Кортесиллы.

Антонио был серьезен и грустен. Он видел, что Инес глубоко страдает из-за непреклонности своего отца. Ему известен был железный характер этого человека, с которым так загадочно связала его судьба. Если графу пришла мысль соединить свою дочь с принцем Карлосом Бурбонским, чтобы таким образом дать корону своему роду, он, не колеблясь, принесет в жертву этому плану даже счастье своей родной дочери. Никто никогда не сможет сбить его с этого пути.

На Инес слишком тяжело подействовало решение отца. Она все еще не могла прийти в себя от последней сцены и ходила как во сне, видимо, что-то обдумывая.

Слова отца и его строгость в таком деле, где затронуты были самые нежные ее чувства, тяжело потрясли ее. Она видела, что жизнь подошла к роковому рубежу, за которым нет надежды на счастье. Ни за что не согласилась бы она принять руку обольстителя Амаранты, которого не могла не только любить, но и уважать.

Неужели у отца хватит жестокости принудить ее к браку с ним? Неужели он действительно готов принести ее в жертву?

Невозможно! Немыслимо! Столько раз он доказывал ей свою горячую любовь, с радостью исполнял каждое ее желание, в ней видел цель и смысл своей жизни. И вдруг всю эту великую любовь затмило желание надеть корону на голову дочери?

Инес не в состоянии была понять этой загадки!

Мучительно раздумывая, как ей поступить, она твердо знала одно — женой дон Карлоса она никогда не будет, хотя бы ей пришлось нишей уйти из замка отца!

Раз вечером, когда патер Антонио ушел от нее с тяжелым и грустным убеждением, что душевное состояние молодой графини непоправимо, Инес решила покончить наконец с мучительной неизвестностью. Она хотела еще раз попытаться смягчить отца и уговорить его отказаться от своих планов. От этого разговора зависели ее дальнейшие решения.

Помолившись и попросив Бога помочь ей в этом последнем, трудном шаге, который должен был решить ее судьбу, а может быть, спасти ее, Инес пошла на половину отца.

Она шла мужественно, но у дверей его комнаты мужество оставило ее. Ей стало страшно, сердце сильно забилося.

Она вошла в маленький кабинет, где отец обыкновенно писал и проверял счета по вечерам. У него было, по-видимому, много тайных дел, потому что он вел огромную переписку и принимал у себя множество народа.

Кабинет оказался пуст на этот раз — граф, вероятно, еще не возвращался домой. Инес решила подождать его и села в кресло, стоявшее у стены, около портьеры, отделявшей кабинет от гостиной. Она решила просить его со всей нежностью, со всей горячностью своей любви к нему и надеялась, что он наконец уступит ее мольбам. Она хотела показать ему,

какое несчастье ожидает ее в этом насильственном браке. Отец любит ее и должен принести честолюбие в жертву этой любви. Инес надеялась, что ей удастся не допустить чего-нибудь худшего.

Но вот прошла четверть часа и еще четверть, а граф Эстебан не возвращался! Лампы и канделябры ярко освещали комнаты, волнение одиноко сидевшей графини было так сильно, что ей ясно представился ее разговор с отцом. Вскоре, однако, тревогу сменила неодолимая усталость, и она задремала, слабо опустив руки и прислонясь головой к мягкой подушке кресла.

Инес видела во сне Мануэля. Ей снилось, что отец смягчился в ответ на ее мольбы и отдал ее любимому, что Мануэль держит ее в своих объятиях. Теперь она могла признаться ему, как невыразимо и давно его любит. Он нашептывал ей сладкие слова любви, целовал ее, и она отвечала на его поцелуи. Сон был прекрасен и давал ей то блаженство, в котором отказывала действительность.

Она долго слышала над собой этот сладкий шепот, как вдруг ей показалось, что заговорил ее отец, и она испугалась. Что же это? Разве они не соединены навсегда с Мануэлем?

Слова делались все явственнее, ей послышалось, что упомянули ее имя, и тут она открыла глаза...

Прекрасный сон перешел в жестокую действительность — она сидела в кабинете отца, ожидая, когда он придет, чтобы в последний раз попытаться уговорить его отказаться от своего решения... Один голос был знаком ей, это был голос отца, но другого она не знала.

Инес сидела, затаив дыхание: в соседней комнате решалась ее участь.

— Я твердо решил поспешить с браком графини Инес, моей дочери, и принца, — говорил граф. — Здесь, в Мадриде, конечно, нельзя совершить бракосочетание, так как дела принца относительно престола еще не решены.

— Поэтому вы хотите уехать с графиней Инес во Францию? — спросил незнакомый голос.

— Да! Графиня развеется и скорее согласится. Мы встретимся с доном Карлосом за границей, там, где он назначит, там же и будет торжественно совершено бракосочетание.

— План хорош. Когда вы думаете ехать?

— Завтра. Чем скорее дочь освободится от впечатлений здешней жизни, тем легче подчинится плану и поймет, как важны были мои распоряжения и моя решимость.

Инес встала и так, стоя неподвижно как статуя, слушала дальше.

— Я уведомяу принца, — сказал незнакомый голос. — Не угодно ли вам будет назначить место встречи?

— Это я предоставляю жениху! В По мы будем ожидать известия, а затем отправимся с графиней в назначенное место.

— Я позабочусь, чтобы все было готово к церемонии бракосочетания.

— Через несколько недель оно уже может совершиться. Принц и его супруга, которая станет герцогиней Мадридской...

— Разумеется, граф! — подтвердил незнакомый голос.

— ...принц и его супруга, — продолжал граф, — поселятся где-нибудь в южной Франции, и я уверен, что вы, министр и доверенный нашего короля Карла, употребите все, чтобы...

Голоса удалились, разговаривавшие перешли в дальние комнаты.

Инес, бледная как полотно, стояла неподвижно. Теперь ее судьба решена, спасения, помощи ждать неоткуда. Счастливый случай привел ее сюда в этот час — теперь она знала все, и если не вырвется отсюда сама, так погибнет безвозвратно. Отец ради своего честолюбия обрекал ее на несчастье и гибель. Медлить было нельзя! Она поспешно ушла к себе. Служанка еще ждала ее, но Инес отправила ее спать, сказав, что и сама сейчас ляжет.

Оставшись одна, графиня закрыла лицо руками и разрыдалась. Она видела только один выход, сердце ее при этом разрывалось от горя — расстаться с отцом, с домом, в котором она

выросла, с патером Антонио, со всем, что было ей дорого, и уйти, ни от кого не ожидая помощи и защиты! Она хотела, она должна была разрушить планы отца!

Страшная эта была ночь для Инес! Все слышанное заставило ее сделать решительный шаг, но буквально лишило ее сил, и нравственных, и физических. Долго лежала она, не шевелясь, пока не смогла наконец подняться. Кругом было тихо: все спали. Бежать было непросто. У дверей в соседней комнате спала старая служанка. Эта предосторожность соблюдалась из-за странной склонности Инес вставать во сне и бессознательно ходить по комнатам, поднимаясь даже на крышу дворца. У служанки был чуткий сон, но это не могло остановить графиню — сегодня надо бежать во что бы то ни стало, завтра будет поздно.

Со слезами посмотрела она вокруг, взглядом прощаясь со своей комнатой, сердце ее болело при мысли о разлуке с отчим домом. Затем прекрасное лицо Инес приняло выражение решимости, она завернулась в темный плащ, тихонько на цыпочках подошла к двери соседней комнаты и отворила ее, там, как обычно, слабо горела лампа.

У стены, в углу, спала старая служанка. Инес тихонько прошла через комнату, но шаги ее все-таки разбудили чуткую старуху.

— Простите, донья Инес, — вскричала она, — я должна разбудить вас! Вы можете навредить себе!

— Навредить? — повторила графиня, но старуха не заметила, что она говорит не во сне.

— Вернитесь, донья, — просила служанка, — я уложу вас. Теперь поздно, полночь, надо спать.

Инес дала отвести себя в спальню и легла, сказав, что теперь заснет. Служанка ничего не подозревала. Но как только она вернулась на свою постель, Инес опять встала. Старуха не должна была помешать ее планам.

Подождав еще с час, молодая графиня опять так же тихо прошла в соседнюю комнату, остановилась у постели служанки и, убедившись, что она крепко спит, затушила лампу. В комнате стало совершенно темно.

Беглянка неслышно, как тень, прокралась к двери, но, попытавшись отворить ее, увидела с ужасом, что дверь заперта на ключ и его нет в замке. С минуту она стояла в глубоком отчаянии — верная старая служанка заперла дверь на ключ! Инес оказалась пленницей в своих покоях, другого сообщения с дворцом, кроме этой запертой двери, не было.

Но она знала, что должна уйти сейчас во что бы то ни стало, завтра будет поздно! Это заставило ее, озираясь в темноте, лихорадочно искать путь к спасению. Попытка найти ключ, который служанка вынула из замочной скважины, была опасна: поиски могли разбудить ее, и тогда не осталось бы никакой возможности бежать.

Вдруг ее осенило, она нашла выход. В одной из ее комнат была маленькая дверь, выходившая во внутренние покои дворца, оттуда вела узкая лестница в парк. «Выбравшись в парк, — размышляла она, — я окажусь на свободе, оттуда уже легко можно будет убежать». Сообразив все это в одну минуту, она бесшумно начала отступать от двери к той комнате, которая обещала ей спасение.

Удачно выбравшись в темные необитаемые комнаты дворца, не теряя ни минуты, она храбро пошла в потемках по пустынным коридорам, направляясь к выходу в парк. Она не чувствовала ни малейшего страха, в отчаявшихся людях просыпается отвага.

Как мы уже сказали выше, эта часть дворца была необитаема, только комнаты отца Антонио примыкали к коридорам, по которым Инес скользила как тень, но помехи с его стороны она не боялась и, проходя мимо двери, которая вела в эти комнаты, мысленно попрощалась с их обитателем, остановись на минуту, в душе прося прощения за то горе, которое причиняла ему своим поступком, потому что она знала благородство его души и знала, сколько беспокойства и тревоги доставит ему ее побег.

«Вперед, вперед! — мысленно воскликнула она. — Антонио поймет меня!»

Быстрыми шагами она подошла к лестнице, внизу которой была дверь, ведущая в сад,

неслышно сошла по каменным ступенькам вниз. Дверь, к счастью, оказалась незапертой. Торопливо отворив ее, Инес очутилась в саду.

Холодный ночной воздух повеял ей в лицо. Перед ней лежал парк, тот прелестный парк, по которому она так охотно бродила с Антонио, внимая его речам, тот парк, в ротонде которого отец объявил ей так недавно свою непреклонную волю.

Глубокая ночная тишина царила кругом, не слышно было ни малейшего звука, даже шелеста листьев, как будто все растения и деревья были погружены в глубокий непробудный сон.

Инес бросила последний взгляд на старый, мрачный дворец позади себя, который оставляла навсегда — она сознавала вполне, что после побега возвращение сюда для нее невозможно!

Она чувствовала, что разрывает всякую связь со своим прошлым, со всем, что окружало ее до сих пор! Сердце ее забилося при этой мысли, она содрогнулась. «Нет, нет, — шептал ей внутренний голос, — иди, не останавливайся!» И она бросилась вперед по темным аллеям парка, будто испугавшись, что угрызения совести и воспоминания могут заставить ее вернуться назад. Как тень, как привидение, не касаясь земли, бежала Инес дальше и дальше.

В задней части парка находился большой павильон, вплотную примыкавший одной стороной к стене, окружавшей парк. В этой стене была пробита дверь, которая вела из павильона прямо на улицу. Инес знала, что граф, ее отец, часто пользовался этим выходом, знала также и то, что ключ от этой двери висел обычно в павильоне, на золотом гвоздике около самой двери.

Именно к этому выходу она стремительно шла по темным аллеям парка и вскоре была уже у павильона, расположенного среди густо сплетенных старых деревьев, скрывавших его высокие окна с разноцветными стеклами.

Дверь павильона была не заперта. Инес вошла, осторожно пройдя мимо стола, стоявшего посреди павильона, и высоких стульев, окружавших его, и подошла к двери, пробитой в стене.

Дрожащими руками она стала искать гвоздь, на котором обычно висел ключ. С замиранием сердца шарила она по стене, и, наконец, ее пальцы наткнулись на него. Торопливо сняв ключ с гвоздя, она отперла дверь, потом повесила ключ на место и, выйдя из павильона, очутилась на воле.

Впереди тянулась перед ней пустынная, мало населенная улица, на которой почти не было строений, с другой стороны была Прадо. Инес тихо прикрыла за собой дверь.

Но куда теперь? Вопрос этот, по-видимому, не приходил ей в голову.

Не думая об этом, она побежала вперед, как будто убегала от опасности, преследующей ее, вперед по темным улицам. Она сознавала одно — она свободна! Но при этом куда ни обращался ее блуждающий взор, везде встречала она непроницаемый мрак и туман! Бедное, беспомощное создание, что ожидает тебя впереди?

XXI. Иуда

— Так ты знаешь ту девушку, которая находится в монастыре? — спрашивал один дон, закутанный в темный плащ, шедшего с ним рядом человека в легком полуплаще и в старой, потертой шляпе, надвинутой на глаза. Наступила поздняя ночь, и путники шли торопливыми шагами на улицу Гангренадо.

— Знаю ли я прелестную Амаранту? Станный вопрос, принц! Да, я ее знаю, — и мысленно прибавил: «Я любил ее прежде, чем ты узнал ее, и ты мне уступишь ее теперь, я отниму ее у тебя».

— Так ты говоришь, что мои поручения к ней исполнял именно ты?

— Это, кажется, удивляет вас, принц! Действительно странно, что, будучи сам влюблен в эту девушку, я передавал ей любовные письма другого, — сказал Изидор глухим голосом, ибо человек в коротком плаще был не кто иной, как он, а тот, к кому он обращался, был,

конечно же, дон Карлос. — Да, — продолжал он, — часто, передав ваше письмо, я сам удивлялся, зачем я это делаю, не раз я называл себя ослом, но Амаранта меня оттолкнула и предпочла мне военного! Что делать, вы завоевали ее сердце, а не я! Будьте, впрочем, уверены, принц, что я ни разу не проговорился о вашем настоящем имени!

— И ты говоришь, что она в монастыре?

— Да, принц, она в монастыре. Амаранта должна вас забыть, а чтобы изгнать из ее сердца всякое воспоминание о вас, нужно, чтобы вы отреклись от нее, то есть вы должны заявить, что не имеете о ней никакого понятия, что совсем ее не знаете! Только так можно излечить ее от несчастной любви к вам. Средство жестокое, но что делать, иначе ее не исцелишь. Страсть в женщинах часто бывает столь сильна, что они делаются почти сумасшедшими, безумными и образумить их иначе, чем самыми энергичными средствами, просто невозможно.

— Так мне предстоит сделать одно — отречься, и больше ничего от меня не требуется! Но для этого не стоило приезжать и подвергаться опасности быть узанным! Я тебе ее охотно уступлю и нимало не желаю продолжать с ней каких-либо отношений.

Изидор тихо засмеялся.

— Верю, принц, верю, — проговорил он. — Я, со своей стороны, тоже охотно предоставлю ее вам! Не очень-то приятно навязывать себе на шею девушку, покинутую любовником, да еще с ребенком, приятнее самому сорвать цветок и насладиться его ароматом, чем поднять с земли сорванный и брошенный другим.

— Что это значит? Не говорил ли ты сам, что согласен ее взять?

— Да, принц, я действительно говорил, что согласен сделаться вашим преемником!

— А теперь ты берешь назад свои слова?

— Сохрани Бог, принц! Изидор Тристани в этом отношении безупречен! Когда-нибудь вы узнаете, что я всегда держу слово, что на меня можно положиться, но поймите, что даром я не могу взять на себя такой обузы, за эту услугу я хочу получить вознаграждение! А уж тогда я все беру на себя! Я готов даже обвенчаться с Амарантой, если вы пожелаете, что навсегда освободит вас от всей этой истории, а на другой же день после свадьбы мы последуем за полковником Доррегараем на север! Я сгораю от желания попасть туда!

— Это справедливое требование, вознаграждение ты должен получить! Но во сколько же ты оцениваешь свою услугу?

— Очень дешево, принц, за такую услугу, да еще не забудьте, что я умею держать язык за зубами и что всякая тайна сохраняется во мне, как в могиле...

— Это превосходное качество, — проговорил принц. — Обладая им, ты можешь сделаться для меня человеком очень нужным и полезным.

— Его королевское высочество дон Альфонс хорошо знает, насколько я заслуживаю доверия! Вы видите сами, принц, я служу вам верой и правдой, хотя, честно сказать, я очень неспокоен с тех пор, как поступил к вам на службу, ибо мое пребывание близ городских стен с того времени, как я посетил Адский замок, стало смертельно опасно для меня. И все-таки, несмотря на опасность, я продолжаю служить вам, лишь бы доказать вам свою преданность.

— Говори же наконец, сколько ты хочешь получить.

— Я полагаю, принц, что десять тысяч реалов не будет слишком много за такую услугу. Подумайте, я женюсь, то есть обрезаю себе крылья! За десять тысяч реалов я беру все на себя, беру прошедшее, усыновляю ребенка, ведь это мальчик, не так ли? Его можно будет тотчас же окрестить, и я дам ему свое имя.

— А я тебе плачу десять тысяч реалов в Памплоне.

— В Памплоне, пусть будет так, — сказал недовольным тоном Изидор, обманувшийся несколько в своем ожидании получить деньги теперь же.

— Тебе это кажется слишком отдаленным сроком?

— Я бы желал получить деньги здесь, принц, я большой любитель их, особенно золота! Да к тому же имею некоторые обязательства.

— Хорошо, ты получишь их в монастыре!

— Превосходно, принц, одолжение за одолжение, — проговорил Изидор, и оба спутника повернули на улицу Гангренадо. — Кажется, вблизи никого нет, — продолжал он, — я не доверяю больше ни одному человеку! По-видимому, все спокойно!

— Мы пришли, — сказал дон Карлос, приближаясь к воротам. — Позвони, — прибавил он, обращаясь к своему спутнику.

Изидор исполнил приказание. Сразу же за звонком к воротам подошел монах с маленьким фонарем в руках.

— Отвори, брат мой, — тихо сказал монаху Изидор, — это принц!

Ворота отворились, и дон Карлос прошел в монастырский двор вместе с Изидором, следовавшим за ним. Он направился к воротам аббатства по галерее между колоннами.

Монастырь Святой Марии, казалось, был ему так же хорошо знаком, как его собственный дом. Изидор продолжал следовать за ним. Вскоре оба скрылись, войдя в широкие ворота древнего аббатства.

Спустя несколько минут, в темных коридорах аббатства показался старый согбенный монах с фонарем, направлявшийся в ту часть мрачного здания, где находились камеры пыток и казематы для провинившихся братьев.

Лицо монаха было без бороды и очень безобразно. Это был дежурный служитель аббатства, в число прочих обязанностей которого входил надзор над заключенными в казематах. В настоящее время там было только двое несчастных. Один монах, нарушивший обет послушания великому инквизитору, и девушка с ребенком — Амаранта!

Монах переносил свое наказание с удивительным терпением, он не роптал и вообще не говорил ни слова.

Но не так переносила свое заключение Амаранта! Первые дни и ночи она приходила в отчаяние, плакала, рыдала, умоляла, требовала, чтобы ее освободили, потом вдруг успокаивалась на некоторое время, затем снова впадала в отчаяние, ее охватывал страх, она заламывала себе руки, кричала, что не знает за собой никакой вины, не понимает, за что ее держат в заключении, как преступницу, умоляла выслушать ее и выпустить на свободу.

Старый служитель был тронут ее отчаянием и мольбами, но что мог он для нее сделать, он не мог ни помочь ей, ни утешить! Он ничего не знал о намерениях и планах трех всемогущих инквизиторов, в руках которых он был простым орудием, волю которых должен был исполнять беспрекословно. Единственное, чем он мог облегчить участь несчастной и что делал, так это носил потихоньку молоко для ребенка, а для нее — вино и фрукты. В описываемый вечер он спустился в душный, сырой подземный коридор, в котором находились казематы.

Глядя на его безобразное лицо, все в складках, с длинным носом, загнутым вниз, с провалившимся ртом, никак нельзя было подумать, что в этой груди бьется сострадательное, мягкое сердце, однако это было так.

Эзебио состарился в монастыре Святой Марии. Он много и усердно молился. В нем оставалась, впрочем, одна мирская склонность, он любил заниматься резьбой по дереву и был настоящим художником в этом деле. В последнее время, однако, он перешел к другим занятиям и делал маленький орган или так называемую гармонию новой удивительной конструкции, обещавшую выйти чудом искусства.

Вся его жизнь протекала ровно, тихо и спокойно. Никогда он никого не обидел ни словом, ни делом, никогда не гнался за похвалой братьев, стоявших выше него в монастырской иерархии, и вместе с тем не возбуждал ничем их недовольства, день проводил в работе и молитве, никого не боялся, но и не искал общества других. Поступая таким образом, он остался и к старости простым монастырским служителем. Этот добродетельный старец, подойдя к одной из дверей, выходивших в коридор, освещаемый только фонарем, который он нес в левой руке, вынул правой связку ключей из-за пояса и, вставив в замок ключ, отпер тяжелую, толстую дверь, на которой снаружи был прикреплен крест. Дверь эта вела в мрачную келью с одним окном, выходившим на пустырь в задней части монастырского сада, отделенный от него изгородью.

Гнилым, удушливым воздухом повеяло на старика, когда он вошел в эту мрачную пустую келью, всю мебель которой составляла лавка, служившая, по-видимому, вместо стола, так как на ней стояли кружка и миска. У стены на соломе лежала Амаранта, обняв ребенка, она прикрылась своим старым платком, рядом лежал молитвенник. Она спала. При входе старца Амаранта с испугом вскочила и, крепко прижав ребенка к груди, вскрикнула дрожащим голосом:

— Вы хотите украсть моего ребенка, хотите похитить его?

— Что с вами, это я, разве вы не узнали меня? — спросил ее кротко Эзебио, поставив фонарь на уступ в стене. — Это я, не бойтесь, верно, вы дурной сон видели?

— Ах да, это сон... — сказала Амаранта. — Мне приснилось, что Изи́дор здесь и хочет украсть моего ребенка, моего маленького ангела. Какой ужасный сон!

— Вставайте, Амаранта, и идите за мной!

— Куда, брат Эзебио? Может, меня выпустят, наконец, на свободу или, по крайней мере, скажут, за что меня бросили в эту темницу?

Монах пожал плечами и склонил голову набок.

— Сеньора, не спрашивайте меня, потому что я сам ничего не знаю! Мне приказано привести вас наверх, а зачем — мне не объяснили!

— Не пришел ли дон Карлос? О! Он сильно рассердится, узнав, что меня засадили в этот страшный каземат.

— Пойдемте, Амаранта, там все узнаете!

— Куда вы ведете меня?

— Наверх, в зал собраний, — ответил старый Эзебио, выходя из темной сырой кельи вместе с Амарантой, державшей на руках ребенка.

Дверь Эзебио оставил открытой.

Поднявшись по каменной лестнице наверх, они довольно долго шли по широкому коридору со сводами, пока не оказались у большой, затворенной двери. Эзебио открыл ее и провел Амаранту в огромную комнату. На стенах висели зажженные факелы, освещая красным, мерцающим светом пустое пространство этого обширного помещения, производившего крайне неприятное впечатление.

В противоположной стене зала была ниша, там стояло несколько монахов, а у боковой стены сидели за длинным столом еще два монаха и что-то писали. Вокруг стола стояло много пустых стульев.

Вся обстановка наводила на мысль, что в зале готовилось ночное заседание.

Эзебио подвел Амаранту к столу и вышел из мрачной комнаты, имевшей еще два выхода кроме того, через который они вошли. Возле каждой из этих дверей стояло по одному слуге, своей неподвижностью они походили скорее на статуи, чем на людей.

Когда Амаранта вошла в зал, три святых отца вышли из своей ниши и заняли места за столом, на котором, помимо письменных принадлежностей и бумаг, стояло распятие и лежал молитвенник.

— Амаранта Галло, — произнес великий инквизитор, обращаясь к девушке, — не находилось ли твое прежнее жилище на чердаке дома, расположенного на углу улицы Толедо?

— Да, святой отец!

— Говорят, ты утверждаешь, что принц Карлос Бурбонский имел с тобой любовную связь и обещал на тебе жениться?

— Да, святой отец, это правда, он был со мной в связи и обещал на мне жениться! Но скажите, за что вы держите меня в монастырской темнице, как какую-нибудь преступницу?

— Стало быть, Амаранта Галло, ты не отрекаешься от своего тяжкого обвинения против принца?

— Я не могу отречься от истины, почтенный отец, и клянусь всем святым для меня, что только один в мире человек, дон Карлос, клялся мне в вечной любви и верности! О, скажите, не здесь ли он? Могу ли я надеяться увидеть его когда-нибудь? От него одного я жду своего

спасения!

— Принц не имеет о тебе ни малейшего понятия, он называет тебя бесстыдной обманщицей, сочинившей эту историю из-за денежного интереса!

— Это говорит принц? — спросила Амаранта с крайним изумлением, не веря своим ушам.

— Женщина, образумься наконец и признайся, в чем твоя цель, назови своего настоящего любовника! — воскликнул инквизитор Бонифацио. — Твоя клевета нанесла бесчестье гордой фамилии, богатства которой соблазнили тебя и навели на мысль сочинить всю эту историю!

— О пресвятая Мадонна! Что вы такое говорите? — вскрикнула Амаранта. — От меня он скрывал свое имя — это правда, но я его встретила нечаянно, узнала его — да, узнала! — и слышала явственно, что его называли принцем Карлосом!

— И ты утверждаешь, что он отец ребенка, которого ты держишь на руках? — спросил великий инквизитор.

Амаранта чувствовала, что в эту минуту решается ее участь, и, поборов всякий стыд и страх, она ответила твердым голосом:

— Да, святой отец, это его ребенок, и клянусь моим душевным спасением, что это истина!

Великий инквизитор, поднявшись со своего места, подал знак одному из братьев, стоявших у дверей, дверь тотчас же отворилась, и в ней показался дон Карлос в своем рыцарском плаще.

Он вошел в зал и, приблизившись к инквизиторам, слегка поклонился им.

— Почтенные отцы, вы приглашали меня, — сказал он, — и я явился на ваш зов, но утром я должен вернуться к своей армии!

Амаранта вздрогнула, увидев того, кому до сих пор принадлежало всецело ее сердце, услышав тот самый голос, который столько раз уверял ее в любви, она бросилась к нему в полной уверенности, что он пришел ее спасти, что настала минута ее освобождения.

— Прочь, женщина! — закричал громовым голосом великий инквизитор, потом обратился к принцу, гордо стоявшему перед ним.

— Принц Карлос Бурбонский, — сказал он ему, — знаете ли вы эту простолюдинку, называющуюся Амарантой Галло?

Дон Карлос взглянул на трепещущую девушку, смотревшую на него с любовью и надеждой.

— Нет, почтенные отцы, я не знаю ее, — сказал он. Амаранта, вскрикнув, отшатнулась. Он отрекается от нее, отрекается от своего ребенка! Ей казалось, что все это сон, что перед ней не он, а кто-то другой, только похожий на него. Она смотрела на него долгим, пристальным взглядом — нет, это он, он, тот, что клялся ей в любви столько раз!

— Ты слышишь, Амаранта Галло, — воскликнул великий инквизитор. — Принц не знает тебя!

— Боже милосердный! Ты отрекаешься от меня! Ты говоришь, что не знаешь меня! — проговорила Амаранта в отчаянии дрожащим, прерывающимся голосом.

Дон Карлос посмотрел на нее холодным, спокойным взглядом, в котором не отражалось ни малейшего чувства.

— Сообщите, прошу вас, святые отцы, мое объяснение графу Кортесилле, — сказал он, обращаясь к инквизиторам. — Эта девушка мне совершенно неизвестна, повторяю, — прибавил он, — в похождениях этой искательницы приключений я не принимал никакого участия!

— О! Это ужасно! — простонала Амаранта. — Но у меня есть доказательства, они могут подтвердить истинность моих слов. У меня есть письма, написанные его рукой!

— В твоём жилище был произведен обыск, и никаких писем там не нашли, — возразил отец Бонифацио.

— Пустите меня, я схожу и принесу их вам. Они спрятаны в моей постели!

— Постель была также осмотрена, в ней тоже ничего не найдено.

— Я приведу еще доказательство, — воскликнула Амаранта. — Его, теперь так бессовестно от меня отрекающегося, а прежде столько раз клявшегося мне в любви, однажды укусила в правую руку моя собака, которая лежала рядом и, увидев, что он протягивает ко мне руку с намерением обнять, вцепилась в него зубами. От этой раны остался крестообразный шрам, а верное животное поплатилось за это жизнью.

— Отпустите меня, святые отцы. Повторяю, что не знаю этой обманщицы и не имею никакого понятия о рассказанной ею истории, — сказал предатель.

Вслед за этими словами он надменно поклонился инквизиторам и вышел из мрачного зала.

Амаранта бессознательно провожала его глазами... В голове ее все смешалось. Страшный крик вырвался из ее груди — он отрекся от нее! Это казалось ей невероятным, невозможным, она чувствовала, что в ней совершается ужасный, мучительный переворот — в мыслях, в чувствах, во всем ее существе — и она страдала, страдала невыносимо.

— Ты слышала, — сказал великий инквизитор, обращаясь к несчастной девушке. — Впрочем, мы требовали от принца этого объяснения только для соблюдения формальности; мы и без этого знали, что ты клеветешь на него, утверждая, что он был твоим любовником! Мы имеем явные доказательства, что ты просто наглая обманщица, искательница приключений, так как настоящий твой любовник найден!

Амаранта слушала, глаза ее расширялись все больше и больше, но она удержалась на ногах, сделав над собой невероятное усилие, чтобы не потерять сознание и испытать чашу страданий до дна!

Великий инквизитор снова сделал знак одному из братьев, стоявших у дверей, и дверь опять отворилась.

На этот раз в ней показался Изидор. Приблизившись к столу, он низко поклонился святым отцам.

Амаранта замерла от страха, увидев в зале этого ненавистного ей человека. Что еще ее ожидало? Зачем он пришел? Уж конечно, не для того, чтобы поддержать ее и чтобы засвидетельствовать истину. Достаточно было взглянуть на его дьявольское лицо, чтобы понять — этот человек не способен ни на что доброе.

— Ваше имя Изидор Тристани? — спросил его великий инквизитор.

— Да, я Изидор Тристани, святейший отец!

— Знаете ли вы эту девушку? Изидор самодовольно засмеялся.

— Еще бы! Да, я знаю прелестную Амаранту, — ответил он. — И она меня тоже хорошо знает: мы жили в одном доме, на одной площадке, а иногда и в одном покое!

Амаранте показалось при этих словах, что кровь застыла в ее жилах и сердце перестало биться.

— Вы были, стало быть, любовником Амаранты Галло?

— Разумеется, именно я и никто другой, — ответил Изидор.

— Ты! Ты осмеливаешься это говорить? — воскликнула Амаранта.

— Правда должна взять, наконец, верх, оставь свою ложь, она нам больше ни к чему, — проговорил Изидор. — Я принял твердое решение, святые отцы, больше не заператься и признаю, что был ее любовником, а теперь я решился и хочу на ней жениться, хочу, чтобы наш ребенок носил мое имя!

Амаранта упала без чувств, силы оставили ее, она видела, что погибла безвозвратно, что связана теперь навсегда с негодным, ужасным человеком, стоявшим перед ней.

Изидор подошел к ней.

— Оставь всю эту комедию, — сказал он ей. — Я не отступлю от своего слова, и ты будешь моей женой, женой Иzydора Тристани. Святые отцы, это очень неожиданно для нее, мое предложение ее сразило, она ведь и не надеялась сделаться моей женой, но я своего слова не меняю.

— Отнесите ее в каземат, — сказал великий инквизитор, обратившись к братьям,

стоявшим у дверей. — Там она придет в себя! Возьмите у нее ребенка! О нем позаботятся.

— Благодарю вас, святые отцы, — сказал Изидор, обращаясь к инквизиторам, пока служители выносили бесчувственную Амаранту из страшного зала.

XXII. Друзья

Среди камергеров и адъютантов, присутствовавших в дежурном зале королевского дворца, царило уныние. Все разговаривали вполголоса, на лицах видны были озабоченность и какое-то беспокойство. Причина была в том, что положение короля Амедея из-за бесчисленных партий, выступавших против него, со дня на день становилось все затруднительнее. Среди придворных, дежуривших в этом зале, находились и генерал Мануэль Павиа де Албукерке, и бригадный начальник Жиль-и-Германос.

Общество разделилось на маленькие группы, там потихоньку говорили друг другу, что король потерял всякую надежду удержать испанский престол, что оставаться ему далее в Мадриде, среди враждебных партий, среди раздоров и распрей, усиливающихся с каждым днем, невозможно!

Действительно, за исключением одной, самой немногочисленной, партии, никто в Испании не хотел иметь на престоле сына итальянского короля. Вся страна разделилась на множество партий, враждовавших между собой и производивших смуты, беспорядки и волнения. Одна стояла за возведение на престол дона Карлоса, другая хотела сделать королем его брата Альфонса, третья — сына изгнанной королевы Изабеллы, а самая многочисленная и сильная партия хотела провозгласить республику, но при этом она разделилась на две партии. Одна из них настаивала на избрании в президенты гражданина Кастелара, а другая — графа Монпансье, супруга сестры Изабеллы. В группах, составившихся в дежурном зале, говорили об этом гибельном разделении, угрожавшем Испании всевозможными бедствиями и разорением.

Понятно, что при таком положении дел участь короля Амедея была незавидна, стало ясно, что он ошибся в своих предположениях и расчетах и нашел не то, чего ожидал! Теперь ему не оставалось ничего другого, как покинуть страну, разделившуюся на партии и враждебно к нему настроенную. Королевская корона даже при благоприятных обстоятельствах нелегка, каково же иметь ее на своей голове, когда со всех сторон тянутся алчные руки, желающие во что бы то ни стало ее сорвать!

У короля Амедея не было ни одного преданного ему генерала, не было армии, на которую он мог бы рассчитывать, и народ не любил его. Маршал Серрано, так долго бывший его приверженцем, в последнее время тоже отшатнулся, хотя открытого разрыва между ними и не произошло, но король, по-видимому, начал оказывать ему недоверие, что оскорбляло и раздражало маршала, вследствие чего преданность его охладела.

Прим, пользовавшийся прежде, как и Серрано, расположением короля и имевший на него наибольшее влияние, стал жертвой враждебных партий и был убит на улице. Со стороны Франции Амедей также не имел никакой поддержки, ибо Франция, сделавшись республикой, разумеется, не могла быть защитницей королевского трона. А кроме того, претендент на испанскую корону, дон Карлос, имел многочисленных приверженцев и весьма сильные связи на юге Франции, основанные не на уважении и бескорыстной преданности ему, а на рае-чете и интересе, поскольку оттуда поставлялось оружие и провиант для его армии. Пиренеи, эта дикая романтическая местность, отделяющая Францию от Испании, стала оплотом карлистов. Множество искателей приключений стекалось туда, чтобы поступить в армию дона Карлоса. А для снабжения этой армии продовольствием и оружием тянулись из Франции целые караваны с амуниторией и прочим снаряжением.

Впрочем, дон Карлос не довольствовался только сухопутными перевозками, он нанимал также морские разбойничьи корабли, которые привозили морем все необходимое, для того, чтобы превратить скверно одетые и плохо вооруженные отряды в регулярное, сильное войско. Таким образом, власть его росла с каждым днем, и он называл уже себя

королем испанским, назначал министров и генералов, входил в переговоры с народом и рассчитывал в самом скором времени торжественно въехать в столицу. Это ему казалось тем более возможным, что страна была обессилена своим разделением на партии.

К тому же и духовенство, непосредственно участвующее во всех делах Испании и играющее такую значительную роль в жизни страны, приняло его сторону.

Великий инквизитор разослал повсюду секретные предписания принимать принца как будущего короля и оказывать ему во всем содействие и помощь, после чего все духовенство примкнуло к партии карлистов и стало открыто склонять народ к признанию его королем.

Этой благодатной стране, которая столь щедро была одарена природой, угрожала опасность стать жертвой неурядиц и кровавых междоусобиц.

Спасения ждать было неоткуда! Никто не надеялся, да и нельзя было надеяться, что король Амедей окажется в силах восстановить общественный порядок и спокойствие в стране, где царил смута.

Конечно, в Мадриде было много военачальников, известных своей храбростью и доблестью в военном деле, но не было руководящей силы, не было сильной, энергичной руки, которая могла бы дать им направление.

Был испытанный полководец Серрано, был и Конхо, не уступавший ему ни в храбрости, ни в знании дела, был и Цабала, и Мануэль Павиа де Албукерке, был Жиль-и-Германос, недавно отличившийся необычайным своим мужеством. Остановимся на последних, чтобы поближе познакомить с ними читателя.

Жиль-и-Германос был сыном богатого землевладельца, поместья которого находились близ португальской границы, но своей известностью и успехами он был обязан только самому себе. Он сам встал на ноги, без всякой помощи со стороны отца, так как считал недостойным прибегать к помощи родителей, и, действительно, с самого его поступления в военную школу, где он проявил работоспособность и прилежание, отец не помогал ему ни деньгами, ни протекцией, ибо, как и сын, считал, что лучшие люди — это те, что становятся на ноги сами, без посторонней помощи. По-видимому, он был прав, по крайней мере на его сыне справедливость такой точки зрения оправдывалась блистательным образом.

Жиль поступил в военную школу очень юным, там познакомился он с Мануэлем Павиа, и вскоре знакомство это переросло в тесную дружбу. Связывало их еще и то, что Мануэль тоже не имел никакой протекции и пробивался на жизненном пути только собственными усилиями. Он, впрочем, самой судьбой был лишен всякой опоры и поддержки, поскольку девяти лет от роду остался круглым сиротой и был взят ко двору королевы Христины и сделан пажом в знак уважения к его аристократическому происхождению.

Уже в то время карлисты были враждебно настроены к властвующему дому и стремились лишить короны десятилетнюю королеву Изабеллу или же похитить ее и захватить в плен. Однажды они пришли тайком в Мадрид и незаметно пробрались ко дворцу, воспользовавшись темнотой ночи.

Стража во дворце и вокруг него была незначительна, и толпы карлистов, внезапно напав на нее, сумели окружить дворец. Расчищая себе дорогу штыками и пулями, они пробрались уже и в сам дворец, намереваясь похитить королеву, спавшую безмятежным крепким сном. На помощь никто не явился, в казармах, по-видимому, ничего не знали об этом ночном нападении.

Опасность росла с каждой минутой! Все камеристки, находившиеся во дворце, сбежались в слезах в спальню малютки-королевы и бросились на колени перед ее кроватью, камергеры попрятались неизвестно куда, думая прежде всего о своем собственном спасении. Десятилетняя королева, проснувшись от шума, в испуге расплакалась, не понимая, в чем дело, и не подозревая о том, какая ей грозит опасность!

Вдруг в толпу женщин, плачущих и ломавших в отчаянии руки, ворвался молодой паж и предложил спасти королеву. По-видимому, он один из всех придворных не потерял головы со страха, лицо его дышало отвагой и мужеством, внушившим доверие маленькой Изабелле,

она просила его выполнить свое намерение и спасти ее. Тогда паж запер все двери комнат, соседних со спальней, и, воодушевляя стражу своим мужеством и примером, прорвался во главе ее сквозь толпы карлистов, овладевших дворцом.

В рукопашной схватке, без которой, конечно, не обошлось, он был ранен и хотя кровь из раны текла ручьем, он, не обращая на это внимания, продолжал свой путь и сумел выбраться из дворца. Он тут же бросился в казармы, к Эспартеро, правителю Испании и опекуну малолетней королевы.

«Наконец-то войска двинулись ко дворцу и улицы огласились барабанным боем...», — так рассказывал об этом историческом происшествии корреспондент венской газеты. Мы приведем здесь всю эту статью слово в слово, чтобы показать, что большинство героев нашего повествования никак не вымышленные личности, но люди, действительно принадлежащие истории. Итак, корреспондент писал следующее: «...Шум, производимый мерным шагом пехоты, двигающейся колоннами, треск ехавшей артиллерии, наконец, грохот пушечных выстрелов, оглушавших окрестность, заставили карлистов бежать из дворца и сложить оружие перед национальной гвардией и войсками, приведенными Эспартеро на выручку королеве.

Начинало светать, когда всемогущий опекун-регент Испании вошел в комнату малолетней королевы.

— Ваше величество, — сказал он ей. — Ваши враги сдались!

Бедная испуганная девочка сидела полусонная, не совсем еще пришедшая в себя от потрясения, нарушившего ее безмятежный сон.

— Мои враги! — воскликнула она. — Почему они сделались моими врагами? — Затем, окинув всех окружающих ищущим взглядом, она спросила торопливо и взволнованно: — А где тот мальчик, который так отважно пробрался между врагами и привел на помощь войска?

Эспартеро отворил дверь и ввел маленького героя, еще не смывшего пыль и кровь.

— Ты спас меня, — сказала она пажу, протягивая ему руку, — благодарю тебя! Ты ранен? Бедный мальчик!

— Ваше величество, — возразил паж, — испанский дворянин никогда не бывает мальчиком, как испанская королева не бывает девочкой!

Десятилетняя королева взглянула с изумлением на остроумного пажа.

— Ну, в таком случае, кавалер, — прибавила она кротким, почти умоляющим голосом, — скажите мне, как ваше имя?

— Мануэль Павиа де Албукерке к услугам вашего величества!

В то время, — продолжает вышеупомянутый корреспондент, — в Мадриде много говорили о девятилетнем Мануэле Павиа и видели в нем любимца и наперсника королевы, оказавшего ей такую важную услугу, на какую из-за недостатка мужества или преданности не решился никто из взрослых людей, находившихся во дворце. Но неустрашимый, отважный характер мальчика, его сознательное мужество возбудили в душе Эспартеро опасения встретить в нем со временем соперника, чье влияние на юную королеву может оказаться более сильным, и это стало причиной его удаления из дворца.

Мануэль был помещен в военную школу, позже, когда он стал взрослым, повышение его шло очень медленно. Зимой он проводил обычно в Мадриде, лето — на пиренейских водах.

Он был очень популярен среди населения столицы и был любим также в высшем обществе за свой ум, любезность и умение оживить и разнообразить всякий разговор.

В мадридских салонах того времени говорили преимущественно о политике, и Мануэлю была не чужда эта тема, он говорил об этом дельно и умно.

Притом он был настоящий любимец общества, отличный товарищ и галантный кавалер, дамы влюблялись в него наперебой, но связь у него была всегда только с одной; связи эти возбуждали каждый раз бесконечные разговоры и волнения в мадридском высшем обществе.

Говорили об этом герое, что он имел до тридцати дуэлей, которые, однако же, для него всегда заканчивались удачно. Его отношения с герцогиней Царейос, потом с маркизой Эйлерой и, наконец, последняя связь с герцогиней Мединой давали богатую пищу для разговоров. Но известен он был не только как неустрашимый и ловкий боец, как отличный, меткий стрелок, но и как лучший танцор ригодона во всей Испании».

Как мы уже сказали выше, Мануэль подружился в военной школе с Жиль-и-Германосом, впоследствии к этому дружескому союзу присоединился еще отец Антонио, познакомившийся с Мануэлем на пиренейских водах, куда оба отправлялись каждое лето. Антонио ездил туда для подкрепления своего слабого здоровья, подорванного напряженной учебой. Вскоре знакомство молодых людей перешло в тесную искреннюю дружбу, и Жиль тоже привязался к доброму патеру. С течением времени этот дружеский союз укреплялся все больше и больше.

Но в то время как прошлое Мануэля и Жили и само их происхождение были известны, о родителях Антонио никто ничего не знал. Раз как-то в разговоре друзья коснулись этого вопроса, но Антонио попросил их никогда больше" об этом не говорить, не затрагивать его прошлого, воспоминания о котором слишком тяжелы и печальны для него. С тех пор разговор об этом никогда не возобновлялся.

Однако ж Жили разбирало любопытство, ему хотелось узнать прошлое своего друга, и, наконец, желание это исполнилось. Случайно он встретился с человеком, хорошо знавшим монастырь, в котором воспитывался Антонио, и воспользовался этим, чтобы разузнать о прошлом друга, так интересовавшем его. Полученные сведения он не замедлил передать Мануэлю со всеми подробностями.

— Около двадцати лет тому назад, еще младенцем, Антонио оказался в монастыре, — рассказывал Жиль Мануэлю в дежурном дворцовом зале в описываемый нами вечер, — и с тех пор монастырь стал для него родным домом.

— Стало быть, он тоже сирота, как и я, — заметил Мануэль.

— В монастырских реестрах об этом ничего не сказано, но, судя по некоторым данным, в монастыре предполагают, что родители его были живы, но, вероятно, вследствие каких-то важных причин вынуждены были удалить его от себя и отказаться от него! Одет он был богато, в тонкое вышитое белье, которое сохраняется до сих пор в монастырских кладовых. Впрочем, то, что родители его были живы, это только предположение, утверждать этого никто не может, так как о них не было никаких слухов и сами они никогда не подавали о себе никаких знаков, забросив бедного ребенка в монастырь, где его воспитывали как приемыша. Я уверен, что, отверженный с детства родной семьей, не зная никогда ни привязанности, ни материнской нежности, он не имел понятия ни о каком чувстве любви и преданности.

— Кто знает, — заметил Мануэль, — может быть, за всем этим кроется какая-нибудь семейная драма или затеянная из-за наследства гнусная интрига, жертвой которой он стал. Трудно поверить, что он провел свое детство и юность среди суровых монахов, не зная ни любви, ни привязанности! Сердце у него мягкое, нежное, восприимчивое, в нем нет ни безучастия к людям, ни холодного эгоизма, напротив, он глубоко сочувствует всему происходящему вокруг него, в его душе нет ни желчи, ни тщеславия, ни суетной гордости.

— Антонио я люблю не меньше, чем тебя, — сказал Жиль, — и не подметил в нем ничего такого, что могло бы поколебать мои чувства к нему. Я нимало не осуждаю его за скрытность, я лишь удивляюсь ей, так как, казалось бы, между нами, в нашем дружеском тесном кругу, ее могло бы и не быть, но, видно, причина такой скрытности в его характере, в его натуре, а может быть, в его положении!

— Не говорил ли он тебе на днях, что намеревается оставить дворец графа Кортесиллы? — спросил Мануэль.

— Да, и, наверное, у него есть на это какая-то важная причина, только сделать это ему будет нелегко!

— Видимо, начальники переводят его куда-нибудь в другое место, патеры ведь не

имеют своей воли.

— Может быть! Скорее всего, он действительно принял это решение не по своей воле, а просто вынужден был подчиниться!

— В таком случае, я, наверное, угадал, — заметил Мануэль, — сказав, что ему дали другое назначение.

— Может быть, он действовал во дворце графа Кортесиллы не совсем так, как хотело бы его духовное начальство, и в наказание его переводят на худшее место, как это часто случается и у нас, — сказал Жиль. — Я уверен, что Антонио ни в коем случае не пойдет против своих убеждений и против совести в угоду начальству и никакими наказаниями принудить его к этому нельзя. Он очень тверд в некоторых вещах, даже более чем тверд — непреклонен!

— Да, самостоятельность и непреклонность нашего друга не дадут ему достичь высоких должностей на его поприще, а он был бы к этому очень способен. Увы, это никого не интересует. Для достижения высших должностей требуется одно — слепое, беспрекословное послушание, а на духовном поприще рассуждение и размышление еще в меньшей чести, чем на любой светской службе.

— Молчи, он идет, — прошептал Жиль.

Антонио вошел в дежурный зал дворца. Его движения были быстры и беспокойны, сам он был бледен, взволнован и имел вид человека, лишившегося рассудка.

— Я пришел ненадолго, — сказал он, поклонившись обоим друзьям. — Простите, что не остаюсь с вами как обычно.

— Что случилось? Ты ужасно изменился! — спросил Мануэль.

— Говори же, — сказал Жиль в свою очередь, обращаясь к патеру, — что с тобой?

— Это страшный удар, — почти неслышно ответил Антонио, — он потряс меня до глубины души.

— Тебя оскорбили, понизили по службе? — спросил Мануэль.

Патер с холодной улыбкой покачал головой.

— Неужели вы думаете, что это могло бы меня потрясти, — сказал он презрительно. — Я умею переносить невзгоды, касающиеся лично меня!

— Значит, во дворце графа Кортесиллы какое-то несчастье? — спросил нетерпеливо Мануэль. — Говори же наконец!

— Да, во дворце большое несчастье!

— Инес, графиня Инес...

— Инес исчезла! Ночью она ушла потихоньку из дома, не оставив никаких следов!

— Боже мой, что же это значит? — воскликнул Мануэль.

— Графиня Инес не захотела покориться воле графа, она предпочла бегство, предпочла потерять все — отца, кров, свое блестящее положение в свете и свои богатства.

— А, понимаю, все это случилось из-за дон Карлоса!

— Опасаюсь, что так!

— Какой смелый и какой необдуманный шаг! — заметил Жиль. — Бедная неопытная девушка!

— Это ужасно! Нельзя допустить, чтобы она столкнулась с теми опасностями, которыми грозит ей улица, — сказал Мануэль. — Куда она, бедная, денется, что будет делать? Ее ждут только нужда и несчастье! Банды карлистов бродят кругом. Что если она попадет в руки этих разбойников?

— О! Какой ужасный был день, страшная ссора произошла между графом и мной! Разъяренный, взбешенный, он обвинял меня и так грубо говорил со мной, он требовал, чтобы я возвратил ему его дочь, — рассказывал Антонио, бледный как смерть от душевных страданий, наполнявших его душу.

— Он требовал от тебя, чтобы ты возвратил ему дочь? Сумасшедший! — воскликнул Мануэль. — Кто же виноват в этом несчастье, как не он сам!

— Молчи, друг мой.

— Разумеется, он! Хотел принудить свою единственную дочь выйти замуж за дон Карлоса, которого она презирает, — продолжал Мануэль, не слушая Антонио, пытавшегося остановить и успокоить его. — Я пойду к нему и скажу, что он сам виноват в этом, и тогда...

— Не делай этого, друг мой! Граф наказан и без того! Страх и горе лишают его рассудка! Он сам не понимает, что делает! Он бросился на меня со шпагой!

— Ах, безумец, — воскликнул Жиль.

— В своем отчаянии он начал обвинять меня в случившемся несчастье и кинулся на меня. Я подставил грудь, и он опомнился. Я говорю вам, что горе лишило его разума! Он кричал, что готов все простить мне, лишь бы Инес возвратилась домой, потом опять начал осыпать меня упреками, обвинял в том, что я отдалял ее от принца, что я подтолкнул ее к отчаянному поступку!

— Как же ты ответил на все эти оскорбления? — спросил Жиль.

— Никак не ответил, друг мой. Я только старался побороть свое раздражение, смириться духом и, наконец, простил ему все его действия и слова, сказанные в отчаянии.

— Это слишком великодушно!

— Единственное, что я сделал, это покинул его дом, в котором мне слишком тяжело было оставаться. Да и зачем оставаться в этой пустыне, где все напоминало мне исчезнувшую, пропавшую без следа Инес? Осиротевший дворец казался мне могилой, вымершим домом! Я простился с графом, метавшимся взад и вперед по комнатам, поблагодарил его за все прежнее мое житье-бытье у него...

— Зачем же ты благодарил его? Недоставало еще этого! — воскликнул Жиль.

— Вышел я из этого дома совсем другим. Я чувствовал, что потерял все на свете, что для меня больше ничего не осталось в жизни, — проговорил Антонио, изменив своей обычной сдержанности под тяжестью душевной скорби, которую он не сумел скрыть.

— Кто бы не посочувствовал тебе, — проговорил Жиль с душевным участием, сжимая в своих руках руку друга. — Жестокие слова графа вывели бы из себя любого, даже совсем бесчувственного человека!

— Ты думаешь, что на меня так сильно подействовали обвинения графа? — спросил Антонио, горькие, безнадежные слова которого были вызваны той душевной болью, причины которой он глубоко скрывал от всех. — Друг мой, я простил давно его обидные подозрения, его нападки на меня, он слишком несчастлив и слишком жестоко наказан.

— Я решился, — твердым голосом сказал Мануэль, выходя из глубокой задумчивости, в которую повергло его известие об исчезновении Инес. — Я хочу найти графиню во что бы то ни стало!

— Это и мое намерение, — заметил Антонио.

— В таком случае, я к вам присоединяюсь, и втроем мы сумеем ее найти и защитить, — воскликнул Жиль.

— Я сейчас же отправлюсь, чтобы выхлопотать дозволение выйти из Мадрида с военным отрядом, — проговорил Мануэль. — Надо сделать все, чтобы напасть на ее след. Нет ли у тебя каких-нибудь соображений насчет того, куда она могла бы отправиться?

Антонио покачал отрицательно головой.

— Послушай, а не отправилась ли она к Амаранте? — сказал Мануэль, и глаза его сверкнули при этих словах. — Там я, несомненно, что-нибудь узнаю, если не найду самой Инес.

— Напрасная надежда, друг мой.

— Так ты был уже у этой девушки, которую графиня так любила и защищала?

— Я был у нее, но ее не нашел, она тоже скрылась.

— Так, верно, они вместе убежали!

— Кто же это может знать.

— Я найду ее, хотя бы она была на краю света! — воскликнул Мануэль. — До свидания, друзья.

— Мы тоже будем искать ее, — сказал Жиль, — это — наша общая цель.

Трое друзей оставили дежурный зал и, выйдя вместе, расстались, поклявшись друг другу отдать все силы для достижения цели.

XXIII. Смерть герцога

Герцогиня Бланка Мария Медина сидела в своем будуаре за письменным столом, инкрустированным золотом и перламутром, и писала на надушенном листе бумаги письмо.

«Дон Мануэль Павиа де Албукерке, пишу вам эти строчки в надежде, что это письмо не останется нераспечатанным, как прежние мои письма! Прошу вас, приезжайте сегодня вечером во дворец герцога Медины, у меня есть новость, в высшей степени интересная для вас, новость по делу, занимающему вас в настоящую минуту более всего на свете. Яжду вас, и будьте уверены, что в моем салоне вас ожидает всегда радушный, искренний прием».

Бланка Мария, написав последние слова, пробежала глазами это дипломатическое послание и с дьявольской улыбкой проговорила мысленно: «Этим я поймаю его на удочку». Потом, вложив письмо в конверт и запечатав его изящной облаткой, она позвонила в колокольчик, стоявший на ее роскошном письменном столе. Фелина вошла в будуар.

— Что прикажете, ваше сиятельство? — спросила прелестная служанка.

Герцогиня сделала надпись на конверте и встала со своего места.

— Отправь сейчас же это письмо дону Мануэлю, — сказала она, отдавая конверт. — Скажи слуге, чтобы он отнес его безотлагательно, письмо очень спешное, теперь уже шесть часов.

— А если он не застанет дома дона Мануэля? — спросила Фелина.

— Если его нет дома, он должен быть или во дворце, или на Прадо. Стало быть, в каком-то из этих мест посланный должен будет его найти.

Служанка удалилась.

— Он должен приехать, от этого зависит все, — прошептала герцогиня, — и должен попасть в ловушку, которую я ему расставила! Инес устранена скорей и легче, чем я предполагала, она попала в западню, которую сама себе приготовила. А Мануэль погибнет от моей руки! Да, ты погибнешь, тщеславный, гордый человек, так страшно избалованный женщинами. Гибель твоя уже близка, и погублю тебя я, которую ты заставил страдать, но и ты пострадаешь не меньше! Сам не подозревая, ты поможешь мне достичь моей цели, не думая, не гадая, ты навлечешь на себя подозрения, подозрения, которые оттолкнут от тебя всех. Сам ты долго не будешь знать о тяготеющих над тобой подозрениях, так как подобные подозрения не высказываются открыто, — продолжала развивать свою мысль Бланка Мария и в глубине души торжествовала, глаза ее блестели, выражение злобной радости не сходило с лица. — От тебя будут отворачиваться с отвращением, будут указывать на тебя пальцами, и это больше, чем что-либо еще, будет терзать и мучить твою гордую душу, это самое чувствительное страдание для тебя, какое только можно придумать.

Бланка Мария Медина умеет мстить за себя, Мануэль! С улыбкой она роет яму, в которую ты должен попасть! Она никогда не забудет того, что ты ей сделал, она перехитрила тебя, несмотря на то, что ты очень хорошо должен был знать сердце женщин, но ты поверил, что все, что она тебе говорила тогда, она говорила искренне, ты поверил потому, что она поддалась твоему неукротимому желанию легче и скорее, чем ты надеялся, чем ожидал! Сегодня вечером тебя увидят в салоне герцогини Медины, увидят как интимного, близкого друга, а когда завтра узнают, что герцог лежит в предсмертных судорогах, будут уверены или, по крайней мере, будут подозревать, что он отравлен тобою. В глазах общества ты сделаешься убийцей и предателем, так как свет будет убежден, что под маской друга дома, распивая с ним вино, ты всыпал ему яд в стакан! Открыто не осмелятся тебя обвинить и отдать в руки правосудия, но будут смотреть как на убийцу, будут избегать тебя, будут закрывать перед тобою двери, а ты будешь смотреть на это сначала с изумлением, потом с раздражением, ты будешь мучиться в душе. Ничем не заслуженное презрение и отдаление от тебя людей будут ежедневно доводить тебя до отчаяния, а Бланка Мария будет наслаждаться

твоим скрытым гневом и страданием, ранами, наносимыми твоему тщеславию!

Герцогиня открыла секретный маленький ящичек своего письменного стола и вынула оттуда изящный флакончик с несколькими каплями какой-то желтоватой жидкости. Флакончик походил на те, в каких обычно бывает розовое масло, но заключенная в нем жидкость была иного свойства, эти несколько капель были смертельны, хотя и почти незаметны на дне хрустального флакона; их было, однако же, достаточно, чтобы убить человека. С давних пор хранила Бланка Мария изящный флакончик, в этот вечер он должен был открыться в первый раз. Давно зрел в ее голове ужасный замысел, ныне она решила привести его в исполнение.

Она спрятала смертоносный флакон за шелковый корсет. Между тем уже наступал вечер. В будуаре становилось темно, и она вышла с намерением отправиться на половину герцога, которую с ее комнатами соединяли роскошные галереи, устланные коврами и уставленные тропическими растениями. В галереях этих можно было встретить прислугу, и герцогиня не пошла через них, а предпочла узкий коридор, соединявший спальни супругов, вход в который был запрещен всем домашним, и которым, между прочим, герцог очень редко пользовался для посещения герцогини в ее спальне. Дверь в супружеский покой из этого коридора запиралась, и золотой ключ хранился у нее. Она торопливо отперла эту дверь и, заперев ее за собой, направилась быстрыми шагами к покоям мужа по темному коридору. Здесь никто не мог ни видеть, ни слышать ее, поблизости никого не было. Только шорох ее платья, касающегося стен, нарушал глубокую тишину, царившую в этом таинственном ходе.

Коридор этот проходил почти через весь дворец и примыкал к кабинету герцога, расположенному возле спальни.

Тот же золотой ключик отпирал и дверь из коридора в кабинет.

Бланка Мария была уверена, что мужа нет дома и что никого из посторонних она там не встретит.

Войдя в кабинет, она опять заперла за собой дверь.

Кабинет был небольшой, но убранный с самой изысканной роскошью. Стены были покрыты бархатными обоями. Посреди поднималась колонна, живописно драпированная, у подножия ее лежала круглая подушка. Около колонны стояли два мраморных стола, на одном из них лежало несколько заряженных револьверов изумительной работы, на другом находился золотой поднос с хрустальным графином и стаканом. Графин был наполнен вином, герцог пил его обычно на ночь для того, чтобы быстрее заснуть. Несколько тяжелых занавесей отделяли кабинет с одной стороны от спальни, а с другой — от гостиной, тоже прилегающей к нему. Рядом с этими драпировками были невысокие колонны, на них — амуры с корзинами в руках, наполненными фруктами и цветами. На стенах висели великолепные картины старых испанских художников, а на средней колонне были прикреплены кенкетки со стеклянными шарами внизу.

Вечером кабинет освещался несильным светом газовых ламп. У входа в спальню висел образ пресвятой Мадонны, перед которым всегда горела лампада, так как герцог был человек очень набожный.

Войдя в кабинет, Бланка Мария приблизилась к столу, на котором стоял графин с вином. Пospешно вынула она из-за корсета флакон и только начала открывать его, вынув предварительно пробку из графина с вином, как вдруг ей показалось, что в комнате, кроме нее, кто-то есть. Она вздрогнула, посмотрела вокруг — никого не было, не слышно было ни малейшего шороха. Не имея привычки отступать от принятых решений, она твердо выполнила намеченное. Ядовитая жидкость была вылита ею в вино, и вдруг в ту же минуту она увидела человека в темном платье, неподвижно стоявшего у драпировки, отделявшей кабинет от гостиной.

Бланка Мария была поражена, кровь застыла в ее жилах. Фигура, возникшая перед ней так внезапно, казалась ей привидением. Она отступила на несколько шагов назад, выронив из рук флакон, не сводя глаз с таинственного свидетеля ее ужасного поступка, каким-то сверхъестественным образом очутившегося перед ней. Но вдруг неподвижная фигура,

страшный призрак тронулся с места и, быстро подойдя к ней, наклонился, чтобы поднять флакон, лежавший у ее ног.

В эту минуту герцогиня узнала в призраке духовника своего мужа, сердце в ней замерло.

— Ах, это вы, отец Иларио! — воскликнула она дрожащим голосом.

— Простите, сиятельнейшая герцогиня, что я вас невольно напугал, — сказал он тихим голосом. — Не предполагая, что вы войдете через эти двери в покои вашего супруга, и не подозревая вашего присутствия, я вошел сюда две-три минуты тому назад.

Бланка Мария вздохнула свободнее. В душу ее закралась надежда, что патер не видел того, что она сделала.

— Давно муж мой вернулся домой?

— Он еще не вернулся, сиятельнейшая герцогиня, — отвечал Иларио, подавая Бланке Марии флакон, поднятый им. — В гостиной никого нет, однако камердинер зажигает уже лампы.

Взяв флакон из рук Иларио и слегка кивнув ему головой в знак благодарности, она поднесла его к носу, как будто бы в нем была ароматическая эссенция.

— Значит, мне удастся сегодня принять герцога в его гостиной, — сказала она. — Пойдемте, отец Иларио.

— Позвольте, сиятельнейшая герцогиня, я прежде заткну графин пробкой, его оставили открытым — вино выдохнется, — заметил патер.

Вставив пробку, он последовал за герцогиней, услужливо приподнимая перед ней портьеру.

Бланка Мария вышла в гостиную уже совершенно успокоенная, полагая, что патер ничего не видел.

— Не ожидает ли герцог сегодня гостей? — спросила она, обращаясь к патеру.

— Насколько мне известно, сиятельнейшая герцогиня, нет!

— В таком случае я проведу вечер у него, и если у меня будут посетители, то приму их здесь, — сказала Бланка Мария, располагаясь в одном из низких мягких кресел. Иларио встал в стороне позади одного из стульев, как становятся обычно слуги.

— Вы доставите редкую радость герцогу, сиятельнейшая герцогиня, только бы это не была радость перед несчастьем, как это по большей части и случается с нами, смертными, — проговорил вполголоса патер и остановился.

— Что вы хотите сказать, отец Иларио? Продолжайте вашу мысль.

— Я хочу сказать, сиятельная герцогиня, что на земле не бывает полного счастья, чаще всего нам случается испытывать радость перед тем, как приходит какое-нибудь несчастье! Не случалось ли вам испытывать или наблюдать, что нет радости, которую не пришлось бы искупить горем? Ведь герцог увидит в вашем присутствии здесь доказательство вашей любви к нему, вашей привязанности, и он будет счастлив, но кто знает, что за этим последует!

— Как я должна понимать ваши слова? — спросила Бланка Мария, бледнея.

— За радостью следует горе, и смерть часто приходит внезапно, когда мы чувствуем себя вполне счастливыми.

— Поберегите для другого, более подходящего случая ваши мрачные предсказания, отец Иларио, — ответила герцогиня, стараясь уверить себя, что все, сказанное патером, было сказано случайно, без всякой задней мысли. — В настоящую минуту я вовсе не расположена их слушать!

— Прошу извинения, но все эти мысли как-то невольно теснятся в моей голове, вот я их и высказал! Все на свете суется и более ничего, дни наши сочтены. Сегодня герцог счастлив и весел, завтра он, может быть, навсегда закроет свои глаза и прекратит свое земное странствие. Но он всегда готов предстать перед высшим судьей, и за душу его я не опасаюсь, он набожный, благословенный муж.

Бланка Мария бросила испытующий взор на отца Иларио. В голове ее опять мелькнуло

сомнение: не видел ли он, что она сделала, и не угадал ли в этом преступления. Слова его слишком совпадали с тем, что должно было произойти.

— Вы никогда так не говорили, отец Иларио, — сказала она.

— Повторяю, что нынче мысли эти не выходят из моей головы, и я не могу от них отделаться. Но не будем об этом, я слышу шаги герцога, он идет сюда. Какая радость, какое неожиданное счастье ожидает его здесь! — прошептал патер так выразительно, что герцогиня почти не сомневалась уже, что он проник в ее тайну.

Она встала со своего места, так как герцог входил в эту минуту в комнату. Он казался на вид слабым, болезненным человеком, лет шестидесяти, если судить по лицу, хотя, в сущности, ему только что исполнилось пятьдесят. Борода его и волосы были почти белые, лицо худое, щеки впалые. Ростом он был меньше своей супруги и при этом очень худощав. Несмотря на его гордую осанку и на манеру держать себя слишком надменно, в лице этого гранда и во всей его наружности было, однако, что-то располагающее. В его чертах отражались строгая справедливость и сердечная доброта, которых не могло скрыть гордое, надменное выражение, свойственное аристократам. И действительно, герцог был очень добр, он много помогал бедным, действительно заслуживающим участия и помощи, и все это делал так, что никто не подозревал о его благотворительности.

Видимо, он был очень удивлен, найдя в своей гостиной жену в обществе патера.

— Позвольте мне, дон Федро, побыть с вами сегодня вечером, — сказала герцогиня. — И позвольте также принять моих гостей, если кто-нибудь посетит меня, в вашем салоне. Мне надоело одиночество.

Бланка Мария видела, что патер не спускает с нее глаз, что острый, жгучий взор его проникает ей прямо в душу.

— Я очень рад видеть вас у себя, донья Бланка, а равно и вас, отец Иларио, — ответил герцог. — Я только что из дворца, опять готовится переворот, и мне нужно обдумать и принять меры, чтобы не быть застигнутым врасплох.

— Сядемте, — сказала Бланка Мария. — О каком перевороте вы говорите?

— Король Амедей решил оставить Испанию, на днях он покидает столицу, о чем лично сообщил мне сегодня для того, чтобы я тоже принял свои меры, так как, разумеется, после этого я не останусь в Мадриде, здесь житья не будет от беспорядков, дикого произвола и всякого насилия. Я намерен отправиться в мои владения, находящиеся близ Гранады, куда, надеюсь, вы, донья Бланка, и вы, отец Иларио, согласитесь сопровождать меня!

— Без всякого сомнения, супруг мой, я поеду с вами, — ответила герцогиня.

Патер также изъявил свое желание.

— Вероятнее всего, провозгласят республику, что еще больше усилит общую неурядицу и суету.

— Которые прекратятся только с восшествием на престол дона Карлоса, — заметила Бланка Мария.

— О, спаси нас и помилуй, пресвятая Мадонна, от такой беды и напасти! Карлисты — это просто разбойники, их действия против регулярных войск, а равно и против жителей ужасны и заставляют просто содрогаться! Я хочу отстраниться от всех этих переворотов и неурядиц, и потому, как только его величество выедет из Мадрида, я вслед за ним также уеду.

— О, превосходно, дон Федро, я с удовольствием отправлюсь с вами в Гранаду.

— Ну и прекрасно, завтра же можно начать приготовления, ибо я не останусь ни одного часа после отъезда короля, поскольку совершенно уверен, что смуты и перемены начнутся сразу же после того, как он оставит столицу.

В эту минуту в дверях гостиной показался камердинер герцогини.

— Генерал Мануэль Павиа де Албукерке, — доложил он.

— Просите! — воскликнул дон Федро.

— Просите! — повторила герцогиня.

Взор патера опять остановился на герцогине, он с пристальным вниманием следил за

ней.

Слуга створил двери, и Мануэль вошел в гостиную.

Он поклонился герцогине и старому герцогу, который, сделав несколько шагов ему навстречу, радушно приветствовал его. Бланка Мария тоже привстала со своего места и со злобным торжеством заметила, что Мануэль сильно взволнован и бледен как смерть.

Обменявшись вежливыми приветствиями с герцогом, Мануэль подошел к Бланке Марии и поцеловал у нее руку, патеру поклонился он вскользь, что, впрочем, последнего нимало не смутило и не заставило оставить салон. Он только отошел чуть далее, в глубину комнаты.

— Вы, вероятно, уже слышали о несчастье, постигшем дом графа Кортесиллы? — спросил Мануэль после взаимных приветствий. — Во всяком случае вам, герцогиня, это, разумеется, неизвестно!

— Графа Кортесиллы? — спросил герцог. — Что там такое случилось?

Все сели.

— Представьте себе, — сказал Мануэль, обращаясь к герцогу, — граф Кортесилла имел намерение выдать свою единственную дочь, прелестную, очаровательную графиню Инес за дон Карлоса.

— Это невероятно! Что за странность! — воскликнул герцог.

— К величайшему горю нашего гостя, — заметила герцогиня с усмешкой, которая была ей к лицу.

— Графиня Инес умоляла отца не принуждать ее к этому браку, но он не хотел ничего слушать и не отступал от своего намерения, — продолжал Мануэль.

— Непостижимо! — повторял герцог, качая головой. — Я всегда считал графа человеком рассудительным и разумным.

— Не обращая внимания на просьбы дочери, он решил на днях везти ее за границу и там отпраздновать ее свадьбу с доном Карлосом. Это довело до отчаяния молодую девушку, и прошлой ночью она убежала из отцовского дома. Страшно представить себе ее положение в настоящую минуту, такая молодая, неопытная — и совершенно одна, без всякой опоры и без приюта! Сколько бед и несчастий может с ней произойти!

— Да, необдуманный поступок, — заметил старый герцог.

— Если бы она позволила себя увезти, — воскликнула, смеясь, герцогиня, — тогда, по крайней мере, все это происшествие имело бы романтический характер и не грозило бы всякими неприятностями и опасными последствиями. Не правда ли, генерал Павиа? Что вы об этом думаете? Ну, признайтесь же, ведь дело не совсем так дурно, как вы его представили!

— Что вы хотите сказать, герцогиня? Вы полагаете...

— Я полагаю, что в бегстве графини Инес вы не совсем безучастны!

— Честью клянусь...

— Ну, не клянитесь же напрасно.

— Ничего подобного не может прийти в голову никому, — сказал старый герцог с упреком.

— Я хотела только предложить вам быть посредницей между вами и графом Кортесиллой, если бы оказалось, что вам нужно посредничество, — сказала Бланка Мария, обращаясь к Мануэлю. — Простите меня, что подозревала возможность вашего участия в этом деле, а если бы мои подозрения оказались верными, то это, несомненно, было бы гораздо лучше для графини, чем то, что ждет ее, если ваши предположения верны, и она убежала без всякой надежды на какую-либо поддержку и защиту!

— Да это так и есть, она бежала одна, без всякого постороннего участия или содействия, — горячо уверял дон Мануэль.

— О, это страшный удар, ужасное несчастье для графа! — сказал герцог, задумчиво качая головой. — Молодая графиня поступила безрассудно, опрометчиво в высшей степени!

— Я уверена, что улетевшую птичку скоро найдут и поймают, — сказала, смеясь,

Бланка Мария. — Я убеждена, что все это не более как комедия, которую графиня разыгрывает для того, чтобы напугать отца и заставить его отказаться от задуманного им плана. Конечно, средство она избрала слишком смелое и небезопасное.

— Я боюсь, герцогиня, что вы опять ошибаетесь в ваших предположениях, так как до сих пор все попытки отыскать следы графини были тщетными, никто не знает, куда она исчезла, — ответил Мануэль. — Я надеялся узнать от вас что-нибудь.

— Вот видите, я была отчасти права, предполагая, что вам нужна посредница, — сказала герцогиня.

Вслед за этими словами герцог заговорил о политике, интересовавшей его более всего, и Бланка Мария встала со своего места.

— Позвольте мне проститься с вами, — сказала она, обращаясь к мужчинам. — Я уйду к себе и надеюсь, дон Мануэль, что вы проведете остаток вечера в обществе моего мужа.

— Надеюсь, генерал, — воскликнул герцог, — что вы не лишите меня удовольствия побыть в вашем обществе.

Затем, обратившись к жене, он пожелал ей доброй ночи.

Мануэль тоже простился с герцогиней, и она ушла на свою половину, а он пробыл еще более часа у герцога. Было около двенадцати часов ночи, когда он встал и начал прощаться со старым грандом, любезно проводившим его до дверей. Вообще, дон Федро был так приветлив и общителен, что Мануэль, уходя от него, остался с самыми приятными воспоминаниями и нашел его весьма интересным собеседником.

Настроение его было незавидное с той минуты, как Бланка Мария высказала свои подозрения по поводу его участия в бегстве Инес. С тех пор он сидел как на горячих углях, потому что, получив записку, он решил, что у герцогини есть сведения об Инес, а поняв свою ошибку, опять вернулся к мучительным раздумьям о том, где же ее искать. Он продолжал думать об этом, уже покинув дворец герцога Медины, шагая по темным улицам Мадрида.

Герцог Федро, проводив гостя, ушел в свой кабинет и, позвонив в колокольчик, вызвал камердинера. Старый гранд велел, как всегда, налить стакан вина, и, когда приказание было исполнено, с помощью слуги принялся раздеваться.

Базилио был старый, доверенный слуга герцога, вполне изучивший все его привычки и сделавшийся ему необходимым вследствие этого. Часто камердинер рассказывал своему господину о разных мелких происшествиях во дворце с шуточными замечаниями от себя, что весьма забавляло старого гранда.

Раздевшись, в этот вечер герцог, как обычно, выпил стакан вина, налитого камердинером из известного уже нам графина, и, отпустив Базилио, отправился в спальню.

Камердинер погасил газовые лампы, горевшие в кабинете, так что остался лишь слабый, мерцающий свет лампы. Исполнив эту последнюю обязанность, Базилио тоже ушел в свою комнату, находившуюся по соседству со спальней герцога.

Вдруг ночью старого слугу разбудил громкий звук звонка, проведенного в его комнату из спальни герцога.

Базилио вскочил и зазвонил, в свою очередь, колокольчиком, чтобы разбудить прочую прислугу, а сам тут же принялся одеваться. Ему представилось, что воры или разбойники забрались во дворец, одним словом, что случилось что-то особенное. Так как герцог не имел привычки беспокоить прислугу ночью из-за пустяков, Базилио не решался идти один.

Но наконец он собрался с духом и направился в кабинет.

Тихонько пробравшись туда, он стал прислушиваться, пытаясь рассмотреть, что делается в спальне: ни воров, ни разбойников не было видно, однако он слышал странные стоны.

— Базилио, я умираю! Да придите же кто-нибудь! — зывал герцог слабым голосом.

Камердинер, узнав голос герцога, бросился в спальню и увидел своего господина, бледного, измученного, в страшных судорогах. Герцог попросил холодной воды напиться,

чувствуя жгучую боль в желудке, и приказал бежать за доктором.

К счастью, на помощь Базилио явились другие слуги. Один бросился за доктором, другие побежали на половину герцогини, чтобы уведомить ее о случившемся.

Базилио понял с первого взгляда, что болезнь старого гранда опасна, что надежды на его спасение мало. На его осунувшемся лице лежал отпечаток близкой смерти, потому Базилио распорядился, чтобы герцогиню разбудили тотчас же, чего хотел и сам герцог.

Бланка Мария не заставила себя долго ждать, вскоре она была уже в комнате умирающего супруга и спрашивала, что случилось.

Дон Федро ужасно страдал и корчился от боли, она говорила слова сочувствия, велела подать ему воды со льдом. К утру герцог потерял сознание.

Позвали отца Иларио, и он сейчас же распорядился исполнить над ним предсмертные религиозные обряды.

Явился наконец и доктор герцога, пожилой человек с серьезным лицом. Осмотрев больного, он объявил, что это колики, от которых тот страдал иногда и прежде. Предпринятые им меры привели герцога в сознание.

Отец Иларио и Бланка Мария спросили врача о положении больного. Врач сказал, что на этот раз припадок так силен, что должен окончиться смертью, и герцогу осталось жить несколько часов.

Больной сам это чувствовал, он простился с женой, с доктором, с прислугой, окружавшей его, исповедовался и приобщился святых тайн.

Пока Иларио читал вслух молитвы у постели умирающего, Бланка Мария стояла тут же, убитая, по всей видимости, горем. Доктор, наблюдая за агонией своего пациента, вдруг заметил некоторые признаки, противоречащие его диагнозу. У него возникли другие предположения, и он попросил Базилио вспомнить, что герцог ел накануне вечером.

Базилио подробно рассказал ему обо всем, что знал, упомянув, между прочим, и о стакане вина, который он ему подал перед самым сном.

Доктор, собрав эти сведения, незаметно налил в пузырек вина из стоявшего на столе графина и вернулся к постели герцога, у которого начались уже предсмертные судороги.

Герцогиня стояла по одну сторону смертного одра, отец Иларио — по другую, в глубине комнаты толпились слуги, горько плакавшие о своем господине.

Наконец, дон Федро Медина испустил последний вздох.

Доктор засвидетельствовал смерть, затем отправился к себе и исследовал вино, принесенное из кабинета. Его подозрения оправдались. В вине он нашел сильный растительный яд. Он опять поехал во дворец, весьма осторожно расспросил Базилио и узнал, что в последний вечер у герцога был только Мануэль Павиа де Албукерке.,

Это ничего не объяснило доктору, и он схоронил до поры до времени в своей груди тайну смерти герцога, о которой во дворце никто, по-видимому, и не подозревал.

XXIV. В камере пыток

Через несколько дней после бегства Инес из отцовского дома граф Кортесилла вышел в темный, ненастный вечер из своего дворца через ту самую дверь павильона, которой воспользовалась для своего бегства его дочь.

Заперев за собой эту дверь, граф прислонился к стене, окружающей парк, и впал в глубокую задумчивость, очевидно, мысли о постигшем несчастье постоянно преследовали его.

Вдруг недалеко от того места, где он стоял, отделился от стены человек и, приблизившись к графу, вывел его из раздумья. Человек этот был одет в широкий плащ, один конец которого, закинутый на плечо, образовывал спереди широкую складку, красиво драпируя фигуру незнакомца. На голове его была шляпа с широкими полями и с пером, длинные, покрытые пылью сапоги для верховой езды довершали костюм.

— Во имя Гардунии! — сказал он тихо, подходя к графу.

— Спасение заговорщикам! — ответил граф Кортесилла.

Слова эти, очевидно, имели тайный условный смысл. Услышав ответ графа, незнакомец подошел к нему поближе и низко раскланялся.

— Это вы, принц⁶? Я к вам с поручением!

— Кто вы? Я не узнаю вас, — спросил граф Кортесилла.

— Капитан Мигуэль Идеста!

— Приветствую вас, капитан, — ответил Кортесилла, отходя от стены парка вместе со своим собеседником. — Кто еэс прислал?

— Начальник Толедо!

— Проводите меня до монастыря Святой Марии. По дороге расскажете мне о деле. Улицы, по которым мы пойдем, в этот час обычно пустынные, думаю, мы никого не встретим и можно будет говорить без опаски.

— Как прикажете, принц, я к вашим услугам, — почтительно ответил капитан.

— Когда вы приехали?

— Час тому назад. Мой проводник остался у заставы с лошадьми.

— Когда вы думаете вернуться в Толедо?

— Я отправлюсь сразу, как только передам вам, принц, то, что имею сообщить.

— Состоялось ли собрание начальников в прошлую ночь в Толедо?

— Да, принц, состоялось.

— Сколько их было?

— Тринадцать человек.

— Говорите, что у вас, капитан, — приказал Кортесилла.

— Начальник поручил мне засвидетельствовать вам, принц, свое нижайшее почтение и готовность исполнить приказания, которых ждут от вас. Затем он покорнейше просит назначить общую встречу в монастырских развалинах, чтобы доложить вам о результатах деятельности общества во всех пунктах края. В последнее время в Гардунии было сделано очень много.

— Собрание можно назначить на ночь новолуния. Прошу вас, капитан, передайте это от моего имени начальникам.

— Еще мне поручено спросить вас, принц, будет ли выхлопотана отсрочка казни Алано Тицона?

— Казнь будет отсрочена.

— На встрече, о которой начальники просили вас, они рассчитывают представить на ваше усмотрение их планы насчет Алано Тицона, — продолжал капитан. — У Рубена Валмонка, помощника предводителя, брат служит сторожем в городской тюрьме.

— Я знаю это.

— Через брата Рубен имеет возможность связываться с Алано, он передал ему об ожидающем его освобождении.

— Было бы лучше, если бы этого не делали, так как в благонадежности сторожа мы не уверены!

— Под Сантандером капитан Ириццо попал в руки карлистов.

— Один он и больше никто?

— Их было четверо, принц! Их заставили принести присягу дону Карлосу!

— Это сообщает начальник Сантандера?

— Да, принц.

В эту минуту шепотом разговаривающие между собой собеседники приблизились к стенам монастыря Святой Марии.

— Много ли средств получено из провинций? — спросил Кортесилла.

— Начальник Толедо внес в банк три миллиона, — ответил капитан.

⁶ Принц — высший, первый, а также — принц.

— Он слишком поторопился, деньги эти нужно было разделить.

— Насколько мне известно, начальники сделали это не без основания, у них были на это какие-то тайные причины, они сами намерены вам их сообщить.

— У вас есть что-нибудь еще, капитан?

— Мне остается только засвидетельствовать вам свое глубочайшее почтение.

— Итак, передайте от меня поклон начальнику Толедо, а также то, что я вам сказал относительно нашей встречи, — сказал граф Кортесилла, завершая разговор с капитаном благородным движением руки и легким поклоном, в ответ капитан низко раскланялся.

Вслед за этим собеседники расстались, капитан исчез в вечернем мраке, а граф, позвонив у монастырских ворот, которые вскоре отворились перед ним, вошел во двор и направился в аббатство.

Отца Доминго не было, и дежурный послушник сходил за отцом Бонифацио.

— Все готово, мы ждем вас, граф Кортесилла, — сказал патер с сухим неподвижным лицом. — Я сам руковожу пыткой.

— Итак, вы решились?

— Этого не избежать, такие, как она, покоряются только физической боли, — отвечал Бонифацио. — Мы предпринимали все, пробовали разные средства, чтобы смягчить душу этой женщины и переломить ее упрямство, но она твердит свое, и мы так и не смогли добиться от нее признания, хотя принц в ее присутствии отрекся не только от связи, но даже от знакомства с нею, а Изидор Тристанти открыто сознался, что он был ее любовником.

— Зачем вы пригласили меня?

— Мы считаем, что вы должны быть свидетелем пытки и признаний этой женщины, которые не могут не иметь значения для вас!

— Да, прежде я мог ими интересоваться, но не теперь.

— Что значат ваши слова?

— Разве вам неизвестно, святой отец?

— Что неизвестно? Что случилось, граф Кортесилла? Говорите, ради Бога!

— Дочь моя, графиня Инес, тайно ушла от меня. О, если бы вы знали, как я страшно страдаю! До сих пор я секретно принимал все меры, чтобы отыскать ее, и старался скрыть от света мое несчастье, это опозорит мое имя, если станет известным.

— Графиня ушла? — спросил Бонифацио с расширившимися от гнева и изумления глазами.

— Да, она ушла!

— Если бы это услышал дон Карлос!

— Не думаю, что он может это знать, он уехал.

— Когда случилось это невероятное происшествие?

— Ночью, три дня назад.

— И вы не нашли никаких следов?

— Ни малейших, ни-че-го.

— Безрассудная! Нужно принять все меры, чтобы найти ее и возратить вам!

— Разумеется, я ничего не упущу из виду.

— Несчастье это нужно скрыть от всех.

— Я бы очень хотел этого, но не думаю, однако, чтобы это было возможно, — прислуга, отец Антонио, который ушел от меня...

— Как, отец Антонио не у вас, граф Кортесилла? — спросил Бонифацио. — Я как раз хотел спросить, знает ли он чего-нибудь.

— У нас вышел очень неприятный разговор, и он оставил мой дворец! Я опасаюсь, что он причастен к бегству моей дочери.

— Если это так, он сильно за это поплатится!

— Я боюсь большего!

— Говорите же все, граф Кортесилла!

— Внутренний голос подсказывает мне, что отец Антонио злоупотребил доверием,

которым он пользовался в моем доме.

— Как, вы думаете, что отец Антонио вступил в предосудительные отношения с вашей дочерью?

— Теперь я почти убедился в этом, — она пропала, и он ушел от меня, а в монастырь не вернулся.

— Есть ли у вас какие-нибудь доказательства ваших предположений?

— Недавно я застал графиню Инес с патером в парке, и беседа их показалась мне подозрительной. Когда вскоре после этого я объявил ей мою непреклонную волю насчет ее брака с принцем, она убежала.

— И вслед за ней исчез патер, — невнятно проговорил Бонифацио. — Да, это подозрительно, я тоже начинаю опасаться, что ваши предположения верны. Но будьте спокойны, граф Кортесилла, его-то мы найдем.

— Теперь вы понимаете, надеюсь, мою озабоченность. Несмотря на мои старания, все, конечно, станет известно, и тогда слух о происшествии дойдет до принца.

— Этого не должно быть! Брак этот должен состояться, — сказал Бонифацио. — Во что бы то ни стало мы отыщем графиню! Антонио не осмелится нарушить своего обета.

В этот самый момент в комнату вошел послушник и прервал разговор.

— Отец Антонио! — доложил он.

Бонифацио и граф Кортесилла быстро переглянулись.

— Проводи его сюда, — сказал инквизитор, обращаясь к послушнику.

Вслед за этим на пороге показалась строгая фигура отца Антонио. Он был бледнее обыкновенного, но другой перемены в его наружности было незаметно. Увидя графа, он остановился и хотел было выйти.

— Оставайся! — закричал Бонифацио громовым голосом.

— Извини, почтенный брат, — спокойно отвечал Антонио, — но я полагаю, что лучше отложить наш разговор, так как я вижу здесь светского гостя.

— Граф Кортесилла, которого ты здесь видишь, — отвечал Бонифацио строгим, повелительным тоном, — может слышать все, что ты будешь говорить.

— В его присутствии я не буду говорить, достопочтенный брат мой, тем более что он, вероятно, уже рассказал тебе все!

— Далеко не все! Оставайся! Я требую этого! — повелительно заметил Бонифацио.

Антонио подчинился приказанию, делая над собой явное усилие, тогда как Бонифацио внимательно следил за выражением его лица, стараясь проникнуть в глубину его души.

— Где ты провел последние три дня? — спросил патер.

— В городе.

— Но не в монастыре, к которому ты принадлежишь и куда должен был явиться немедленно после того, как оставил свое место у графа Кортесиллы!

— Мне помешало немедленно явиться в монастырь выполнение одной весьма важной обязанности.

— Что же за обязанность лежала на тебе?

— Я искал графиню Инес!

— Ты искал ее? И каков результат твоих трудов?

— К несчастью, я не нашел графини.

— Что же, наконец, привело тебя сюда?

— Я пришел просить позволения отправиться за город для продолжения моих поисков.

Неподвижное лицо инквизитора принимало все более и более грозный вид.

— Ступай в свою келью, она слишком долго стояла пустой, там ты получишь ответ на свою просьбу, — сказал Бонифацио, видимо, делая усилие над собой, чтобы удержаться от гнева, бушевавшего в его душе.

— Считаю долгом, достопочтенный брат, обратить ваше внимание на то, что следы бежавшей с каждым днем будет все труднее обнаружить, и потому было бы весьма желательно, чтобы я мог отправиться на поиски немедленно.

— Ты никуда не пойдешь, знай это, — повысил голос Бонифацио в ответ на слова Антонио, сказанные тихим, спокойным тоном. — Это был бы открытый соблазн.

— Твоя строгость неуместна, она вредит делу! А потому еще раз прошу тебя дать мне позволение отправиться на поиски!

— Я остаюсь при том, что сказал, и моего позволения ты не получишь!

— В таком случае, как это ни тяжело для меня, но я отказываюсь подчиниться твоей воле! Где почтенный отец Доминго? Я обращусь к нему.

— Ты должен повиноваться моему приказанию! Тебе известны последствия ослушания, — воскликнул Бонифацио.

— Ты не можешь предать меня проклятию, мой почтенный брат, ибо я решился на ослушание из-за важного, не терпящего отлагательства дела!

Инквизитор пришел в ярость, гнев душил его.

— Говорю тебе, иди в свою келью! — вскричал он прерывающимся от злости голосом. — Я приказываю, — продолжал он, указывая на дверь. — Ступай немедленно! Мое приказание — для тебя закон!

— То, что велит мне мое сердце и долг, я ставлю выше твоих приказаний! Будь что будет, я исполню свой долг, — сказал Антонио и вышел из комнаты.

— Иди же, безумец, к своей гибели! Уйди ты хоть на край света, наши руки и там достанут тебя, — тихо, почти беззвучно проговорил инквизитор и затем обратился к графу Кортесилле: — Следуйте за мной, я должен распорядиться пыткой Амаранты, и вы должны присутствовать, чтобы услышать признания грешницы.

После этого оба вышли из комнаты, за дверьми которой их ожидал монах с зажженной церковной свечой в руках; он пошел впереди, освещая темные переходы и лестницы, по которым они проходили.

Спускаясь и поднимаясь по каменным ступеням, пройдя несколько коридоров, они вошли наконец в ту часть здания, где находились казематы и камеры пыток.

Монах, приблизившись к большой двери, отворил ее, и граф с инквизитором вошли в пустое обширное помещение со сводами, с почерневшими от сырости стенами и с полом, вымощенным плитами. Прикрепленные к сводам факелы освещали красноватым ярким светом страшную комнату, посреди которой стоял деревянный станок около шести футов в длину и около трех в высоту. В станке были сделаны отверстия для шеи, рук и ног несчастных, приговоренных к пытке. Крепкие кожаные ремни и железные кольца висели на гладко отшлифованном блоке, внизу находилась толстая доска с двумя дырами для гвоздей, которыми прокалывали ноги страдальцев.

В стороне стояли жаровня, ведро с водой, лестницы и другие орудия пыток, от которых не избавлены и сами монахи.

Получение признаний с помощью пыток сохранилось в Испании, ибо инквизиция, официально считавшаяся уничтоженной, продолжала действовать тайно и особенно часто прибегала к так называемым легким пыткам, которые она использовала всегда, когда нужно было выбить из кого-нибудь признание. Высшие светские власти не волновало, что эти варварские меры продолжают применяться к монахам и монахиням, ибо ответственность за них лежала на их монастырском начальстве.

Таким образом, в монастыре Святой Марии камеры пыток не были еще уничтожены, и хотя святым отцам редко приходилось пускать в дело орудия пыток, они сохраняли их на всякий случай.

Впрочем, для легкой пытки требовалось совсем немного орудий.

Впервые инквизиция была отменена еще в 1808 году, после того как, по данным Лорента, с 1481 года она в одной Испании предала смерти через пытки более 290000 человек и через сожжение — не менее 31912. Эта отмена не помешала инквизиторам продолжать свое тайное дело, пока, наконец, в 1834 году инквизиция не была вторично отменена по всей Испании, а имущества, принадлежавшие ей, не были отданы в уплату публичных долгов. Но и после этого могущественное учреждение продолжало втайне свою неутомимую

деятельность, простиравшуюся до самых отдаленных концов страны.

Инквизиторы вели свои процессы следующим образом.

Обвиняемого или обвиняемую в чем-либо обычно приглашали явиться в секретное судилище. Если они являлись, их арестовывали, если же, предвидя свою участь, они игнорировали приглашение, то за ними посылали сыщиков, те находили их и, взяв под арест, доставляли в инквизицию. После ареста заключенных сразу же бросали в известные уже нам казематы, куда почти не проникал дневной свет.

Если арестованный признавался в том, в чем его обвиняли, его могли отпустить, лишив перед этим имущества и подвергнув какому-нибудь покаянию, но в большинстве случаев казнили, а иногда заключали в душный каземат, где он и оставался, пока смерть не освобождала его.

Если же кто-то обвинялся в ереси, его, пусть он и успевал оправдаться, в течение длительного времени подвергали разным наказаниям, покаянию и облачали в позорящие одежды. Но любого из этих оправдавшихся ожидала неминуемая гибель, если к инквизиторам поступало вторичное обвинение, — тогда их предавали смертной казни, чаще всего сжигая на костре. Легко представить себе, сколько невинных жертв погибло из-за ложных доносов, если вспомнить, что инквизиция никогда не заботилась о проверке их истинности, а добивалась лишь признания обвиняемых, мнимые преступления которых доносчики сочиняли по большей части из личной вражды и ненависти. Для получения признаний иногда достаточно было заточения в каземат, если это не помогало, в ход шли пытки — пытали веревками, водой и огнем. Но если и после всего этого жертва не сознавалась, ее все равно ждала смерть или заключение в смертную камеру, откуда никто не выходил живым. Если же под пытками обвиняемый признавался, то и тогда, чаще всего, его продолжали истязать, чтобы он оговорил еще кого-нибудь из неугодных инквизиции людей.

Прежде главный инквизиционный трибунал находился в Валенсии и только после 1808 года был переведен в Мадрид, в Санта-Мадре, а оттуда — в аббатство Святой Марии.

В то время власть инквизиции официально была ограничена гораздо сильнее, чем при королевах Христине и Изабелле, мужья которых покровительствовали этому варварскому учреждению и, оставив в его подчинении все храмы, ордена, приходы, монастыри, все духовенство, помогли инквизиции, несмотря на ее официальный запрет, сохранить всемогущество. Неудивительно поэтому, что из аббатства Святой Марии она продолжала править в Испании, не признавая над собой никакой власти на земле, кроме генерала иезуитского ордена в Риме.

Когда граф Кортесилла вошел с отцом Бонифацио в камеру пыток, монахи, или так называемая служащая братия, вытянулись перед инквизитором и низко поклонились ему.

Бонифацио отдал им вполголоса какое-то приказание, и вслед за этим в страшную камеру была приведена Амаранта.

Она обвела диким, блуждающим взором всех присутствующих.

Граф Кортесилла стоял в стороне, прислонившись к одному из каменных столбов, поддерживающих свод.

Амаранта, увидев отца Бонифацио, быстро подошла к нему и бросилась перед ним на колени.

— О, сжальтесь! — воскликнула она. — Делайте со мной, что хотите, но верните мне моего ребенка!

— Ребенок твой находится в хороших руках, Амаранта Галло! Приди в себя и сознайся в истине! Там, на этой скамье пыток, ты должна сделать свое признание!

— Что же я могу еще сказать? Вы слышали уже от меня все, что я знаю, — ответила Амаранта. — Я говорила правду, могу и теперь это повторить, хотя бы целый свет доказывал противное! Отпустите меня, наконец, избавьте от этих мучений и страданий, верните мне мое дитя, моего мальчика! О, сжальтесь над горем матери! Сжальтесь, верните мне его!

Сострадание было неведомо очерстневшим сердцам инквизиторов. Бонифацио стоял как каменная статуя перед прелестной женщиной, валявшейся у него в ногах, ее мольбы

нимало не трогали его, никакого участия не было ни в его лице, ни в его безучастном жестком голосе.

— Итак, ты не хочешь отречься от своих показаний? — сказал этот железный человек и подал знак одному из своих братьев-прислужников. — Долг повелевает мне заставить тебя признаться в истине, признаться, что ты из корыстных целей оклеветала принца Карлоса, будто это он соблазнил тебя и находился с тобой в преступной связи, а не Изи́дор Триста́ни, твой любовник и соблазнитель! Положите ее на скамью, она должна, наконец, сознаться. Прикрепите ее хорошенько!

Страшный крик отчаяния и испуга вырвался из груди несчастной, но и он не тронул сердца палачей.

Амаранта в одну минуту была положена на доску и прикреплена к ней ремнями, так что не могла шевельнуться.

Граф Кортесилла присутствовал при этом, продолжая спокойно стоять у своего столба. Его, по-видимому, страдания несчастной и вся эта сцена трогали так же мало, как и прочих присутствующих, он оставался немым свидетелем всего происходившего.

— Еще раз тебя спрашиваю, хочешь ты сознаться, что все, сказанное тобой до сих пор, была ложь, выдуманная с целью обеспечить себя и ребенка? — сказал Бонифацио. — Хочешь ты сознаться, что не принц Карлос, а Изи́дор Триста́ни был твоим любовником?

— Нет, не хочу и не могу утверждать ложь, я повторяю, что не Изи́дор Триста́ни, а дон Карлос клялся мне в любви и верности, ничего другого не могу сказать. Помогите мне, Господи, аминь!

— Пытайте ее! — раздался голос инквизитора. Несколько рук накинули в одну минуту на рот и нос несчастной мокрые тряпки, пропитанные водой так, что воздух едва проникал сквозь них. Затем один из служащих братьев схватил кувшин с водой и начал, капля за каплей, через тряпку вливать ей в рот эту воду, которую она вынуждена была глотать непрерывно, движение это все ускорялось, капли падали ей в рот чаще и чаще, лишая ее воздуха. Она задыхалась, глаза выкатились из орбит.

Инквизитор знаком остановил пытку, палачи стащили тряпки с лица Амаранты, которая до того ослабла, что не могла перевести дыхания, чтобы вздохнуть наконец полной грудью.

— Признаешь ты теперь или нет, что твои показания ложны? Признаешь ты, что Изи́дор Триста́ни отец твоего ребенка? — спросил Бонифацио.

— Можете убить меня, но и перед смертью я скажу, что отец моего ребенка дон Карлос, — проговорила мученица слабым умирающим голосом. — Сжальтесь, дайте мне умереть!

Инквизитор опять подал знак.

Еще раз положили тряпки на рот Амаранты, снова начала она захлебываться каплями воды, и, наконец, руки и ноги ей стали сводить судороги, глаза безжизненно остановились, она лежала как мертвая, потеряв сознание.

Пытка водой, изобретенная отцом Бонифацио, была окончена.

Тогда помощники инквизитора отвязали безжизненное тело от скамьи и подняли его. По-видимому, в нем не осталось ни малейших следов жизни.

— Отнесите эту закоренелую грешницу назад в ее келью, — приказал Бонифацио. — Она не призналась, но вина ее доказана показаниями Изи́дора Триста́ни. Позаботьтесь привести ее в чувство.

Пока палачи выносили Амаранту из камеры пыток, святой отец обратился к графу Кортесилле со следующими словами:

— Как только она поправится, она будет обвенчана с Изи́дором Триста́ни, и тогда все препятствия устранятся, надеюсь, что это вас удовлетворит?

Граф утвердительно кивнул головой.

— Исполните единственную мою просьбу, единственное мое требование, — сказал он тихо, причем лицо его оставалось так же холодно и бесстрастно, как во все время истязания

несчастной Амаранты. — Отыщите мое пропавшее дитя.

— Будьте покойны, граф Кортесилла, — ответил Бонифацио, выходя вместе с ним из камеры пыток, на пороге которой их ожидал прежний их проводник, монах, освещавший им путь своей свечой. — Мы найдем ее! У нас есть свои средства для этого, свои пути, и я обещаю вам почти наверняка, что на днях же наши сыщики найдут ее!

— Желаю, чтобы ваши труды увенчались успехом, тогда я немедленно уеду с Инес за границу, чтобы встретиться с принцем в условленном прежде месте, — сказал граф Кортесилла, направляясь к выходу из аббатства. — Примите благодарность за вашу готовность оказать мне содействие, и дай Бог, чтобы оно привело нас к цели!

С этими словами он поклонился инквизитору и ушел.

XXV. Нищий цыган

Вечером на другой день после рассказанных нами событий в аббатстве на углу улицы Толедо и площади Кабада стоял старик в одежде испанского цыгана. На нем были короткие, доходящие до колен панталоны, из когда-то черного, а теперь порыжевшего от времени бархата, белая рубашка и сандалии. Он был подпоясан пестрым поясом, а на шее в качестве украшения висела цепь, состоявшая из металлических шариков, сверху довольно больших, а книзу все меньших и меньших.

С плеч его сзади спускался потертый короткий плащ в заплатках, а седые волосы были прикрыты остроконечной черной бархатной шляпой, впрочем так полинявшей от дождя и солнца, что первоначальный цвет ее с трудом угадывался.

Лицо и руки старого цыгана были смуглые, загорелые. Возле него сидела огромная, косматая собака.

Прислонившись к стене дома и поставив посох возле себя, он снял висевшую у него на поясе старую, грязную скрипку и начал играть. Инструмент, расстроенный от долгого употребления и непогоды, издавал нестройные звуки, но цыган не смущался и продолжал наигрывать то жалостные, то зажигательные мелодии, сняв предварительно шляпу с головы и положив ее на мостовую между собой и собакой для сбора подаяния. Многие, проходя мимо музыканта с развевающимися от ветра седыми волосами, бросали мелкие монеты в эту импровизированную кружку, за что старик благодарил их наклоном головы.

Собака сидела над сокровищницей своего хозяина и, угрюмо понутив голову, стерегла ее, как верный сторож.

Серьезное лицо цыгана, покрытое глубокими морщинами, заставляло думать, что он очень стар. Брови его и борода были совсем белые, шея и пальцы худые, нос тонкий и острый, а глаза, которые он постоянно прикрывал, казались очень утомленными.

Очевидно, в молодости он был красавец, и музыкант, должно быть, был очень неплохой; несмотря на дребезжащие звуки его инструмента, музыкальная даровитость, столь свойственная вообще сыновьям этого странствующего, бездомного племени, слышалась в каждой ноте старого цыгана-нищего.

Он играл довольно долго у стены углового дома на улице Толедо и успел уже собрать порядочно мелких монет, когда поблизости от него остановились два человека, привлечшие, по-видимому, его внимание.

Наружность этих людей не внушала доверия. На одном из них был короткий камзол и панталоны до колен, какие обыкновенно носят погонщики вьючных ослов, на другом — короткий плащ, накинутый на плечи. У обоих на головах были старые испанские шляпы, а на ногах низкие башмаки. Ни лицом, ни костюмом эти люди не внушали доверия.

— Эй! Фрацко, как ты здесь оказался, — проговорил один из них, — небось поступил в войско карлистов?

— Это куда не уйдет, там пока много не добудешь; не больно-то выгодно, Рамон! Ну, а ты что слоняешься в Мадриде? Все еще у контрабандистов на службе или ушел от них?

— Тише, — заметил Рамон, — вон здесь сколько народа, поосторожнее говори!

— Большое дело, можно подумать, этому народу до нас с тобой! — возразил Фрацко.

— Взгляни-ка сюда, — прошептал Рамон, распахивая свой камзол и показывая находившийся под ним знак в виде креста, в середине которого находилось сияющее солнце.

— Ого! — проговорил Фрацко со смехом. — И у меня то же самое, вот так славно! Сами того не зная, мы попали в один цех с тобой! — Он распахнул свой плащ, и на шее у него блеснул тот же отличительный знак.

— Удачно свела нас судьба, — сказал Рамон. — У меня важное поручение от великого инквизитора, и его легче исполнить вдвоем, чем одному, в этом я убедился сегодня, прошатавшись целый день в поисках и совершенно напрасно! Поручение важное и секретное.

— Хочешь, чтобы я пошел с тобой?

— Дело стоит того, Фрацко!

— А сколько можно заработать?

— Тысячу реалов, итого придется по пятьсот на брата!

— Не больно-то много, ну да и этим пренебрегать нечего!

— Ты все такая же ненасытная душа, как и прежде, — заметил со смехом Рамон. — Слушай же!

— Только не здесь, — проговорил тихо Фрацко, — зайдем куда-нибудь, да там за бутылкой и поговорим обстоятельно!

Он взял Района за руку и потащил за собой на улицу Толедо.

— Я всегда готов угоститься, — смеясь, заметил последний, — да посмотри только, есть ли у тебя в кармане деньги!

— Ну, иди что ли, — отвечал Фрацко, и товарищи весело и шумно направились по улице Толедо.

Старый цыган внимательно наблюдал за ними и видел мельком их блестящие кресты. Когда они направились на улицу Толедо, он засунул скрипку за пояс, вынул из шляпы собранные деньги и, надев ее на голову, направился вслед за ними. Собака встала и последовала за хозяином.

Вскоре товарищи, состоявшие на службе в тайной полиции инквизиции, повернули с улицы Толедо в маленький переулок и вошли в харчевню, посещавшуюся в основном цыганами, погонщиками ослов и монахами, собирающими милостыню; комната, в которой собирались гости, находилась внизу и была уже полна народа, когда туда вошли Рамон и Фрацко.

Заведение это считалось в округе роскошной харчевней и вместе с тем пользовалось дурной репутацией, позади были расположены большие сараи и хлевы, служившие ночлегом для цыган и других бродяг.

Прислуживали гостям сам хозяин и две его дочери, очень смуглые высокие девушки. Сестры были сильны, смелы и энергичны — качества, весьма необходимые в подобном месте. При виде их мужественной наружности у посетителей не возникало желания нахально шутить или любезничать с ними, внешность их ясно говорила, что они постоят за себя и сумеют дать хороший отпор. В описываемое нами время они были уже не первой молодости, но прежде должны были быть очень хороши собой, следы красоты еще оставались в их облике, хотя сама красота уже улетучилась.

Рамон и Фрацко уселись за длинным столом, выкрашенным красной краской, и спросили вина. Едва успели они занять места, как на пороге показался старый цыган и, смешавшись с другими гостями, устроился позади Фрацко и остался незамечен агентами инквизиции. Он также, казалось, не обращал на них внимания и занят был, по-видимому, только блюдом, поданным ему, которое с жадностью поедал.

Одна из увядших красавиц, дочерей хозяина харчевни, подала друзьям бутылку вина и, получив за нее плату, удалилась.

— Как подурнела эта Жуанита, не стоит теперь ни гроша! — заметил Фрацко, указывая приятелю на удалившуюся девушку и наполняя вином стаканы. — Стала костистая да

мускулистая, точно мужик, да и Катана, ее сестра, не лучше выглядит, тоже похожа на переодетого мужика!

— Гм! Не беда, какие ни есть, а любовников найдут себе, — отвечал Рамон и с удовольствием принялся тянуть из своего стакана. — Нет ничего лучше и приятнее на свете, чем глоток хорошего вина!

— Вполне согласен с тобой — как выпьешь хорошенько, так готов весело за всякое дело приняться!

— Здесь, кажется, нам никто не помешает, можем поговорить спокойно!

— Да, можешь говорить, что нужно делать!

— Дело щекотливое в высшей степени, и то, что я предлагаю тебе принять в нем участие, доказывает мое дружеское отношение, — сказал Рамон. — Тысяча реалов, это обещано, но я готов голову дать на отсечение, что сверх той тысячи мы получим еще одну!

— Тем приятнее будет выслушать твоё сообщение!

— Но смотри, Фрацко, язык держать за зубами, это самое главное в деле, а само по себе оно сущие пустяки, работы немного!

— Это я люблю, когда мало работы и высокая плата!

— Кто этого не любит, — смеясь, заметил Рамон. — Так вот в чем дело: на днях, не знаю точно когда, пропала дочь богатого графа Кортесиллы, молодая графиня Инес, и оплакивающий ее отец не может нигде найти ее следов!

— Да ведь, наверное, не одна убежала, а с кем-нибудь, — заметил Фрацко. — Насколько мне известно, граф Кортесилла — богатейший гранд в Мадриде, и, разумеется, у его единственной дочки недостатка в обожателях не было!

— Этого я не знаю! Единственное, что мы знаем, — молоденькая графиня убежала, и куда она девалась, никому не известно!

— Что будем делать?

— Мы должны ее выследить!

— Это, полагаю, вполне возможно!

— Великий инквизитор обещал тысячу реалов, если я ее отыщу, и, думаю, нам придется крепко потрудиться, чтоб получить это вознаграждение! Не совсем даром оно достанется нам! По всей вероятности, в Мадриде нашей графини уже нет!

— В таком случае пойдем искать ее за городом!

— А когда найдем, Фрацко, постараемся так обделать дельце, чтоб с графа Кортесиллы получить еще тысячу реалов, кроме обещанных инквизитором, понимаешь, небось!

— Это уж мы устроим, Рамон! Ясное дело, что заставим раскошелиться, такой случай не каждый день представляется!

— Совершенно верно! Ну, слушай же дальше! Недавно как-то иду я по улице Гангренадо и встречаю — кого же? Изидора Тристани!

— Как! Мошенник жив еще?

— Да, не быть бы ему живым, если б на свете все делалось справедливо! Ну, да не об этом речь, дело в том, что я его встретил. Он рассказал мне, что поступил к карлистам и на днях будет произведен в капралы; разговорились мы о том, о сем, между прочим коснулись мимоходом графини Инес, и Изидор заметил, что Мануэль Павиа де Албукерке, наверное, лучше, чем граф Кортесилла, знает, куда делась его дочка!

— Ну вот, мы и нашли след!

— В это самое время по ближайшей улице шла похоронная процессия — хоронили герцога Медину. Изидор, указывая на великолепную колесницу с богато украшенным гробом, промолвил сквозь зубы, что вдова покойного тоже, конечно, лучше графа знает, где его дочь, да, слово за слово, рассказал мне еще, что он доверенное лицо вдовы-герцогини! По его словам, графиня Инес не могла находиться далеко от Мадрида, и найти ее не больно мудрено!

— Пожалуй, еще и он получил то же поручение! Рамон отрицательно покачал головой.

— Нет, он не смеет показываться открыто, не то его опять схватят, и тогда ему уже не

отвертеться, казнят бездельника!

— Надо воспользоваться его указаниями насчет Албукерке, — сказал Фрацко, — будем за ним следить!

— Поздно, — сказал Рамон, — он выехал нынче из Мадрида!

— Как! И он уехал?

— Да, уехал, и с целым отрядом солдат, они направляются на север!

— В таком случае, мы пойдем по той же дороге. Готов биться об заклад, что, следуя за ними, мы нападём на след графини.

— Я тоже надеюсь и почти уверен в этом, но осторожно, Фрацко, осторожно!

Старый цыган, следя за ними, ожидал, по-видимому, услышать что-нибудь другое и, не дождавшись конца их беседы, встал со своего места и ушел из харчевни. Его верная косматая собака побрела за ним. Они направились к заставе Толедо и, выйдя из города, скоро исчезли во мраке ночи, удаляясь от города по дороге, которая вела в горы.

Теперь вернемся к той ночи, когда Инес оставила отцовский дом.

Быстро прошла она несколько улиц, не чувствуя никаких опасений, и наконец очутилась за городом. Поспешно и храбро направилась она к одному из находившихся тут деревенских домиков, к тому, в котором жила Амаранта.

Было уже далеко за полночь, когда она подошла к окну этой хижины. Сначала она постучала в оконную раму легонько, потом сильнее и еще сильнее. Никто не выходил, никто не отворял ей двери. Неужели Амаранта так крепко спит, что не слышит? Инес направилась к дверям дома, толкнула их — они открылись, дверь в комнатку Амаранты тоже была незапертой. Она вошла и изумилась — там господствовал страшный беспорядок, постели измяты, все было перерыто, вещи валялись на полу.

Где Амаранта с ребенком, что случилось с ними?

Инес заперлась в этой маленькой комнате и решила тут переночевать. «Может быть, Амаранта утром вернется!» — думала она.

Усталость превозмогла, наконец, все заботы, тревожившие сердце бедной Инес, и она заснула; солнечные лучи пробудили ее ото сна и, оставив свой ночлег, она узнала от одной из жилищ дома, что Амаранты с ребенком нет уже несколько дней и что никто не знает, где она, когда возвратится и возвратится ли вообще.

Выслушав все это, Инес поняла, что ей опасно оставаться здесь, и, утолив голод и жажду, отправилась дальше. Обдумав свое положение, она решила уйти к сестре своей покойной матери, которая была в ссоре с ее отцом, графом Кортесиллой. Причина их ссоры была неизвестна Инес, но она знала, что они больше не встречались. Она решила искать убежища у этой тетки, хотя та жила далеко, в одном маленьком городке, в Пуисерде, близ Пиренейской границы. Инес помнила, что она жила там со своим мужем, отставным военным генералом, вспомнила также, что старая родственница навещала ее года два тому назад в монастыре, где она воспитывалась. Любовь и ласки старушки глубоко запали в сердце молодой девушки! Поэтому, почувствовав свое одиночество, свою беспомощность, Инес твердо решила отправиться к ней! Но как отправиться? Вот в чем была задача. Ехать в Пуисерду на поезде было немыслимо по двум причинам, во-первых, потому что она боялась, что ее увидят и узнают, куда она отправилась, а во-вторых, еще и потому, что у нее было слишком мало денег. Все богатство ее заключалось в нескольких монетах, случайно оказавшихся в кармане, когда она бежала из дома.

Стало быть, ей оставалось только одно — отправиться в далекое путешествие пешком, и, не думая ни об опасностях, ни о трудностях такого странствования, графиня отважно пустилась в путь.

Конечно, направление к северу ей было известно, но надо было держаться его, следуя по уединенным дорогам, на которых немудрено заблудиться, запутаться и пойти к югу вместо севера. Но это не смущало ее! Она закуталась в свою темную накидку и бодро отправилась по северной дороге.

Быстро и уверенно шла она весь день, но с наступлением вечера ею овладело

беспокойство — идти дальше она не могла, потому что страшно устала, но где она переночует?

Несчастье и беспомощность, впрочем, хорошие советники, они делают людей находчивыми, так и Инес — подумала, что ей делать, и нашлась. Осмотревшись кругом, она увидела соломенный шалаш, устроенный пастухами в поле, заглянула — там никого не было, забралась в него и уснула.

Утром, умывшись в ручье, протекавшем неподалеку, она снова отправилась в путь и через некоторое время пришла наконец в селение, где купила у одной крестьянки хлеба, молока и фруктов и утолила свой голод. Она узнала у старухи дорогу и была очень довольна началом своего путешествия. Она держалась в стороне от большой дороги, ведущей к северу, шла узкими тропинками, которые, скрешиваясь между собой, сбили, наконец, Инес с верного пути, и к великому горю на другой день своего путешествия она увидела, что находится в местах, хорошо ей знакомых, опять вблизи тех домиков, где жила прежде Амаранта и откуда она, Инес, отправилась в далекое путешествие. «Что делать, — подумала она, — надо отправляться опять!»

Она не пала духом! Переночевала в одной из крестьянских хижин, на другое утро она снова пустилась в путь, утешая себя тем, что теперь она опытнее и не ошибется больше, будет внимательней и осторожней.

День был жаркий, солнце палило, и когда, уже за полдень, Инес вошла в лес, раскинувшийся у подножья гор, она с наслаждением продолжала свой путь под его прохладной сенью до самого вечера.

Не видя поблизости ни села, ни даже уединенной хижины, где бы можно было отдохнуть, Инес решила наконец найти себе место для ночлега прямо в лесу. Вскоре она обнаружила естественную беседку в чаще кустарников, со сводом из древесных ветвей; под сенью этого лиственного покрова усталая странница быстро уснула, убаюкиваемая шелестом листьев.

Проснувшись утром, она поблагодарила Творца за приют, укрывший ее на ночь, и снова пустилась в путь. Она дошла наконец до берегов Мансанареса, который, спускаясь с гор, быстро катит свои воды по широкому ложу между высокими берегами, покрытыми густым лесом.

Но тут исчезла узкая тропинка, по которой так долго шла Инес, и бедная девушка остановилась, не зная, куда ей теперь идти. Поблизости не видно было ни человеческой души, ни хижины, ни шалаша.

Она решила, что если пойдет вниз по течению реки, то найдет опять затерявшуюся тропу, которая, по ее соображению, должна была вести на север. Весь оставшийся день она потратила на поиски, но наступил вечер, сделалось темно, а тропинку она так и не нашла.

Сердце у нее заныло от страха и беспокойства, она ясно представила себе всю свою беспомощность, чувствуя себя глубоко несчастной в своем одиночестве. В отчаянии бросилась она на колени, умоляя пресвятую Мадонну послать ей силу и крепость духа.

— О, помоги мне, спаси и помилуй меня! — молилась она. — Не могу я вернуться домой, не могу отдать своей руки человеку, которого не люблю и который так бесчеловечно поступил с бедной Амарантой.

Она просила простить ее за то, что оставила отца, и слезы при этом лились ручьем из ее глаз.

«Но и мне нелегко ведь было с ним расстаться», — говорила она себе, как будто оправдываясь перед своей совестью, а воображение рисовало ей в ответ горе и отчаяние отца; тут она опять начинала уверять себя, что он ее не любит, что он хочет принести ее в жертву своим тайным целям, и при этой мысли она чувствовала себя еще более одинокой и несчастной. В тоске и слезах бросилась она на мягкий мох, и опять ночной ветерок, шелестя листьями, начал ее убаюкивать, наконец она заснула тихим, спокойным сном, забыв на время свое горе и тревоги.

Но вдруг она очнулась от сладкого забытья, услышав возле себя какой-то шум, вскочила

и увидела в темноте два блестящих зеленых глаза, в упор смотревших на нее.

Она оцепенела от страха, боясь пошевелиться; черная тень с зелеными глазами лишила ее воли и разума. Впрочем, она скоро оправилась от испуга и, всмотревшись, увидела, что это была большая косматая черная собака. Инес пришла в себя, она уже не боялась, хотя собака продолжала стоять над ней и даже начала ее обнюхивать.

Через несколько минут вблизи раздался человеческий голос, звавший собаку. «Верно, охотник какой-нибудь», — подумала Инес.

Собака отозвалась на зов лаем, и ветви кустарников, под которыми лежала девушка, начали раздвигаться. Между тем занялась заря, и бледный свет наступающего утра обрисовывал предметы яснее и резче с каждой минутой.

В раздвинувшихся кустах показался человек в остроконечной испанской шляпе, в коротком плаще; увидев, что собака обнаружила девушку, он с изумлением посмотрел на последнюю.

— Кан! — крикнул он. — Сюда!

Собака подчинилась приказанию с видимой неохотой и продолжала оборачиваться на вставшую со своего места Инес.

— Не бойтесь, сеньора, — сказал появившийся человек, в котором графиня сразу узнала цыгана. — Кан не делает вреда!

— Вы цыган, не так ли? — спросила Инес, которой понравился мягкий, приветливый голос старика.

— Да, сеньора, я старый странствующий цыган, меня зовут Цимбо!

— Вас удивляет, наверное, что ваш Кан нашел меня здесь? — сказала Инес, подходя ближе к цыгану, увидевшему с первого взгляда, что перед ним молодая, хорошо одетая сеньора. — Я заблудилась и, не зная, что делать, с горя начала молиться, а потом опустилась на мягкий мох и заснула! Поэтому вы и нашли меня здесь!

— Если смогу вам помочь, буду очень рад, все дороги здешние я хорошо знаю, — ответил цыган.

Инес задумалась.

— А в какую сторону вы направляетесь? — спросила она старика.

— Я иду на север, сеньора!

— Счастливая встреча! — воскликнула она. — Я тоже направляюсь на север, в Пуисерду!

Старый цыган с испугом и крайним удивлением взглянул на девушку, в которой и по речи, и по платью сразу видна была особа знатной фамилии.

— В Пуисерду? — повторил он. — Это слишком дальний путь, сеньора, для ваших маленьких ног!

— Но мне нужно. Ехать я не могу, у меня нет денег для этого! Да и потом я должна держаться в стороне от больших дорог, так как, вероятно, меня ищут, а я не хочу, чтоб меня нашли!

— Вы идете из Мадрида, сеньора?

— Да!

Цыган замолчал, очевидно, что-то соображая, что-то обдумывая, и наконец нашел разгадку, объяснение заинтересовавшей его ситуации.

— О! Позвольте мне идти с вами, — сказала Инес, протягивая руку старику. — Мы отправимся вместе на север, возьмите меня под свою защиту! Вы согласны?

— Но вы ведь не знаете старого Цимбо, сеньора? Может быть, он способен злоупотребить вашим доверием.

— Ваши седые волосы, ваша белая борода внушают мне доверие, — проговорила Инес дружеским голосом, — в вашем лице нет ничего отталкивающего, напротив, оно мне симпатично, да и зачем, за что вы причинили бы зло бедной, беспомощной девушке? Не за то же, надеюсь, что, находясь в безвыходном положении, она обратилась к вам!

При последних словах она протянула руку старику, которую он, наклонившись,

поцеловал.

— Вы правы, сеньора, — сказал он, — бедный, одинокий цыган не сделает зла бедной, одинокой девушке!

Пока они говорили, сделалось совсем светло.

— Так вы соглашаетесь взять меня под свою защиту? — спросила Инес, между тем как собака беспокойно ее обнюхивала со всех сторон.

— Если вы этого хотите, да будет так!

— Тогда идемте, идемте скорей, мне нужно быстрее оказаться в Пуисерде, — воскликнула Инес с нетерпением, почти с испугом.

— Идемте, сеньора, я готов!

— Странно, что вы не спрашиваете меня, кто я и как это случилось, что я одна пустилась в такой путь, что я так одинока и беззащитна?

Цимбо покачал головой.

— Что ж мне до этого, сеньора? — ответил он. Инес взглянула на старика, и он показался ей таким почтенным, внушающим доверие старцем, что она готова была открыть ему всю душу свою, хотя цыгане вообще не пользуются хорошей репутацией.

— Под вашей защитой мне не страшны никакие опасности, и я хочу отблагодарить вас за это, — сказала она. — Вот у меня немного денег, возьмите их, а в Пуисерде тетка моя заплатит вам за все!

— Я беден, сеньора, но мне не нужно вашего вознаграждения, — сказал старик с достоинством, почти обиженным тоном, — я рад услужить вам, провожать вас и защищать без всякого расчета! Идемте же, пора, солнышко уже высоко!

— Что, далеко я ушла от правильной дороги?

— Большая дорога лежит в полудне ходыбы отсюда, там, за горой, но мы в двадцати шагах от тропинки, которая ведет к ней через гору, на нее-то я и собирался выйти, когда Кан обнаружил вас, — говорил старик, выходя с Инес на тропу. — Вот теперь мы на верной дороге и нынче же дойдем до горного ущелья.

— Вы согласны и дальше идти не большой дорогой, а уединенными тропинками?

— Охотно, сеньора, если вы так хотите!

— Я не ошиблась в вас! Внутренний голос, голос сердца всегда подскажет, следует ли нам опасаться человека или можно доверять ему! Так и с вами! Вы пришли, когда я была в безвыходном положении, и сердце во мне радостно забилося, когда я увидела вас, я сразу решила идти с вами и никаких опасений не чувствовала, — говорила Инес, шагая по узкой лесной тропинке рядом со старым цыганом. — Почему я нахожусь в таком положении — не спрашивайте меня, я умолчу об этом. Достаточно сказать, что я бедная, беззащитная девушка, что я вынуждена бежать, что меня ожидает тяжелая участь, если меня найдут мои преследователи, что тогда все будущее, вся жизнь моя испорчены! Может быть, придет время, когда я смогу сказать вам все, тогда вы узнаете, что, взяв меня под свою защиту, вы сделали доброе, хорошее дело!

— Я слабый, старый цыган, сеньора, и моя защита, мое покровительство весьма незначительны!

— Меня зовут Инес, называйте меня этим именем, а не сеньорой!

При этом имени глаза старика блеснули, предположения его оправдались вполне, всякое сомнение исчезло, разговор инквизиторских агентов, подслушанный им, относился к ней.

— Да, сеньора Инес, — продолжал он, — защита, которую я могу предложить вам, весьма слаба, но, тем не менее, я готов защищать и охранять вас, насколько это в моих силах!

— Благодарю, от души благодарю вас!

— Не за что, сеньора, я исполняю только человеческую обязанность, да и кто знает, удастся ли мне оказаться вам полезным, — сказал он. — Но, во всяком случае, Цимбо будет вам верным проводником и не отойдет от вас ни на шаг!

— По вашим словам может показаться, что вы меня знаете.

— Причина тому — ваша собственная откровенность, сеньора Инес. В нашем дальнем путешествии я согласен быть вашим слугой, вашим проводником, и лучшей наградой для меня будет то, если я сумею довести вас до Пуисерды благополучно!

— О! Как я благодарю Бога, что он привел вас ко мне, добрый, почтенный старец!

— Вы, наверное, голодны и хотите пить, сеньора? — сказал Цимбо после краткого молчания, поднимаясь на гору и указывая на хижины, находившиеся недалеко от них. — Нам предстоит трудный путь, до вечера мы не встретим больше ни одной хижины, это последние дома с этой стороны.

Он пошел к хижинам и, взяв там питья и съестных припасов, принес их Инес, оба с аппетитом принялись за скромную трапезу; девушка заботливо накормила и собаку.

После этого они опять пустились в путь, поднимаясь все выше и выше, где были одни голые скалы без всякой растительности. Навстречу им подул холодный ветер, и Инес плотнее закуталась в свою накидку.

Дорога была так утомительна, что им пришлось еще раз отдохнуть, после чего, бодро отправившись дальше, они достигли наконец ущелья, а ближе к вечеру увидели внизу цветущие поля по другую сторону горной теснины и начали спускаться.

Наступили сумерки, стало быстро темнеть. Цимбо утешал, однако, Инес, что они успеют до наступления ночи добраться до одной гостиницы, в которой смогут переночевать совершенно спокойно.

Вскоре они спустились по склону до того места, где уже начинался лес, а через час подошли, как и обещал старый цыган, к дому, окруженному конюшнями и сараями, живописно расположившемуся у подножья гор.

По-видимому, гостиница была полна приезжих, так как перед ней толпилось множество народа, одни стояли, другие сидели, третьи вели навьюченных ослов к конюшне.

Подойдя к одному из больших деревьев, окружавших дом, цыган укрылся с Инес под его сенью и стал внимательно рассматривать людей, находившихся около гостиницы.

Вдруг быстрым движением руки он отодвинул Инес назад.

— Что там такое? — спросила она тихо.

— Лучше не показываться людям, сидящим тут, — ответил Цимбо глухим голосом, — мы подождем здесь, пока они уйдут спать!

Цыган узнал в одном из находившихся перед домом людей агента, разыскивающего Инес по поручению инквизитора. Не сказав графине ничего о подслушанном им разговоре и о том, что один из ее преследователей здесь, в гостинице, чтобы не пугать ее, он остался с нею под густой листвой дерева, пока толпа не разошлась с шумом и с песнями по своим местам. Одни направились в комнаты гостиницы, другие пошли искать ночлега в сараях и конюшнях.

Тогда только он вышел из убежища с Инес и с собакой и направился к дому. Встретив на пороге хозяина, он обменялся с ним несколькими словами, вложив ему в руку деньги, чтоб побудить к услужливости, и хозяин повел Инес вверх в маленькую комнатку.

Для старого Цимбо не оказалось места возле комнаты его протеже, ему пришлось ночевать внизу, в комнате хозяина на соломе.

Это очень огорчило старика: не то чтоб ему неприятно было спать на соломе, к этому он привык, как привык спать на сухих листьях под открытым небом, его беспокоило, что он вынужден был оставить Инес одну наверху.

Делать было нечего, иначе устроиться было нельзя. Инес утешала его и успокаивала, стараясь уверить, что она нимало не боится остаться одна на ночь. Она ведь не подозревала настоящей причины опасений старого цыгана.

Наконец он простился с нею, уговорив ее оставить возле себя собаку, которая, будто понимая слова своего хозяина, начала ласкаться к Инес, гладившей ее по спине.

Старик поцеловал руку молодой девушки, вышел от нее и начал спускаться по крутой, узкой лестнице вниз.

Инес, громко пожелав ему доброй ночи, заперла свою дверь на ключ. На душе у нее

было так легко и спокойно, как будто она находилась под самой безопасной и мощной защитой.

Кан улегся у двери, как верный сторож. Инес, уставшая после тяжелого, трудного путешествия, тоже не замедлила лечь в постель.

Через несколько минут и она, и собака спали крепким сном. Уснувшее животное громко всхрапывало, видно было, что оно тоже с удовольствием отдыхало от дневных трудов.

XXVI. Прегонеро

Ночлежка сеньоры Сары Кондоро все более и более заполнялась постояльцами, так как наступала ночь и каждый старался поскорее найти приют.

При входе в узкую дверь бедного низкого домишки расположился за маленьким столом прегонеро, на столе стояла большая жестянка. Прегонеро был шести футов росту и соответствующей этому росту толщины. Из-за таких колоссальных размеров прегонеро казался на вид старше своих лет. Ему можно было дать не менее сорока восьми — сорока девяти лет. На голове его, с сильно поредевшими черными волосами, была шапка, шея закутана пестрым платком, незавязанные концы которого висели спереди, старые темные панталоны придерживались на бедрах широким поясом, белая рубашка, довольно чистая, довершала костюм прегонеро, засученные рукава ее обнажали мускулистые, толстые руки с такими массивными кистями, которые могли, наверное, заменить хороший молот.

Лицо прегонеро было безобразно в высшей степени и столь же вульгарно. Широкие скулы, приплюснутый толстый нос, огромный рот и сплюснутая голова — все это вместе создавало отвратительную внешность, а налитые кровью тусклые глаза, отсутствие бровей и безволосый подбородок, совершенно гладкий, как у женщины, делали из прегонеро окончательное пугало.

Это пугало, этот урод, был доверенным лицом Сары Кондоро, и лучшего кассира, лучшего надзирателя для своей ночлежки она не могла бы найти. Утром он выметал полы, выбивал соломенные постели, одеяла, чистил лампы, после обеда он отдыхал, а вечером становился цербером у дверей, ведущих в ночлежку, содержательницей которой была, как мы уже сказали, Сара Кондоро. Сама она почти никогда не показывалась здесь. За всем смотрел, все делал прегонеро! Ее делом было только опорожнить кассу, то есть жестяную кружку, в которую верный прегонеро собирал плату с ночлежников. За эту работу она принималась ежедневно ближе к ночи и с большой любовью, потому что с годами сделалась ненасытно корыстолюбивой. Иногда, впрочем, она контролировала своего прегонеро, хотя он и пользовался ее доверием. Контроль заключался в том, что она пересчитывала сонных ночлежников и сравнивала их число с числом монет, вынутых из кружки. Эта проверка сердила прегонеро.

Впрочем, он был в некоторых отношениях действительно образцовым человеком, вина не пил, ни во что не играл, любовниц не имел — по-видимому, не имел никаких страстей, никаких склонностей, ничего не любил, кроме денег, которые копил поистине с любовью. Он был некогда гувернером, но, вынужденный бежать, простился со своим ремеслом! Потом работал в гавани, но и оттуда неизвестные обстоятельства заставили его бежать! Тогда он сделался матадором — и тут развилась в нем до крайних пределов та отвратительная, ужасная страсть, которая заставляла его бежать с одного места на другое, кидаясь от одного ремесла к другому. Об этой страсти, впрочем, мы скоро будем говорить подробно. Он хотел поступить в цирк, но там его не приняли, тогда он пристал к труппе странствующих акробатов, у которых служил в качестве прегонеро, зазывалы; с этой труппой он проехал почти по всей Франции и Германии, но тут опять, вследствие своей несчастной страсти, вынужден был внезапно скрыться и, пристав к другой труппе, вернулся через Швейцарию и Францию в Испанию.

Здесь случай свел его с Сарой Кондоро, которая с первого взгляда поняла, что он будет

ей полезен, и пригласила его стать ее фактотумом, доверенным лицом, за сто реалов в неделю, и сверх того, если он хорошо себя проявит, старая герцогиня обещала давать ему известную часть с доходов. Прежде всего она требовала следить, чтобы в ночлежке не было шума, драк и буйства, которые, при его силе, он сможет легко прекращать.

До сих пор он исполнял также обязанности ночного сторожа, от которых и сама герцогиня не отказывалась и всегда исполняла их охотно.

Ночлежники все продолжали прибывать, являясь в самых странных костюмах. Сунув в руку прегонеро монету, они приобретали право войти в ночлежку и занять койку. Туда вела дверь, которую входившим не нужно было затворять за собой, — она закрывалась сама с помощью подвешенной к ней гири.

Ночлежкой служил один зал, занимавший всю ширину дома; для большей прочности потолок был подперт посредине стойками. Там горели всю ночь две лампы, коптящие и дымящие, не гасили их потому, что свет был необходим для охраны порядка, за которым строго наблюдал верный фактотум, беспрестанно заглядывая в зал.

Между койками был оставлен крестообразный проход, деливший зал на четыре части. Одиночные койки были не больше корабельных коек или гробов, они отделялись одна от другой низкими перегородками из досок. Матрацами служили мешки, набитые соломой, одеяла прикреплялись к койкам в ногах, так что ночлежники могли только покрываться ими в случае холода, но не кутаться в них; впрочем, на холод никто не жаловался — в зале была невыносимая духота, а к утру прибавлялся еще угар от дымящих ламп, так что в зале, казалось, повисал густой туман.

Вечером койки занимались по порядку, одна за другой, так что ночлежники, пришедшие позднее, должны были пробираться на стоявшие ближе к стенам койки через тех, кто занял крайние от крестообразного прохода места. Мужчины, женщины, дети — все лежали вперемежку. При первом беспорядке, при первом крике или призыве о помощи являлся фактотум, строго внушал лежать смирно — и все утихло. Действительно, несмотря на такую свалку, здесь редко происходили скандалы.

Возле этого зала был еще один, хотя не такой большой; там тоже все койки были заняты каждую ночь, так что Сара не могла пожаловаться на недостаток доходов — у нее ночевало триста человек ежедневно.

Две ее собственные комнаты находились в передней части дома, окна их выходили на улицу, а прегонеро помещался наверху, над этими комнатами.

Когда зал уже почти заполнился ночными посетителями, а в кружке собралось порядочное количество монет, к дому приблизился человек высокого роста в черном платье.

Прегонеро взглянул на него вопросительно, так как с первого взгляда увидел, что перед ним не ночлежник; внешне, по крайней мере, он был вовсе не похож на обычных посетителей этого дома.

В каждом движении этого человека видно было достоинство. Несмотря на низко надвинутую шляпу, прегонеро заметил, однако ж, что у незнакомца прекрасная темно-рыжая борода, а выражение лица серьезное, почти строгое.

— Дома ли сеньора Сара Кондоро? — спросил он, подойдя к прегонеро.

— Вам угодно видеть ее саму, сеньор? — спросил фактотум, в свою очередь, незнакомца. — Если вы пришли на ночлег, то я должен вам сказать, что она не занимается гостями!

— Нет, я не за этим!

— Ого! Мне кажется, я знаю вас — не вы ли Христобаль Царцароза? — вполголоса спросил прегонеро, предупреждая вопрос.

Фактотум, обычно почтительностью не отличавшийся, оказался на этот раз предупредительным и смотрел, по-видимому, с большим уважением на прибывшего — да как могло быть иначе, во-первых, он был еще выше его, прегонеро, а во-вторых, этот гигант был еще и мадридским палачом.

— Так это вы, — проговорил он предупредительно и любезно. — Рад, что имею

счастье видеть вас! Герцогиня здесь, в своих комнатах, и ожидает вас!

— Ровно десять часов, я не опоздал ни на минуту!

— Да, сеньор, вы очень аккуратны, — подтвердил фактотум и проводил палача до дверей комнат Сары, и даже сам постучал.

На стук отозвался хриплый голос, приглашавший войти, и Царцароза вошел в маленькую переднюю комнату. Сара стояла у стола и при тусклом свете лампы считала монеты, завертывая их по счету в бумажки.

Когда дверь открылась, она оглянулась, сверкнув своими ястребиными глазами. «

— Ну, что случилось опять? — воскликнула она, загораживая собою стол, чтоб скрыть свои сокровища.

Палач вошел, а прегонеро затворил за ним дверь.

— Это я, — сказал Царцароза.

— Это ты, Тобаль, сынок мой милый, — запищала старуха, складывая руки, — хорошо, что пришел!

— Ты написала, что незнакомый благородный дон хотел опять сегодня прийти!

— Он уже пришел и ожидает тебя!

Палач осмотрелся кругом — в темной, низенькой комнате никого не было.

— Не здесь, — заметила старуха таинственно, — он там, напротив!

— Знаешь ли ты уже, кто он? — спросил Царцароза.

— Что ты, господь с тобой! Я ничего не знаю! Какое мне дело до этого, сынок! Он не хочет быть узанным — на нем черная маска!

— Проводи меня к нему!

— Постой, одно словечко! — прошептала старуха и потянула палача к себе. — Одно словечко, Тобаль, сынок мой! О двухстах дуро не говори ему ничего, слышишь, ни слова!

Палач, понимая причину этой просьбы, презрительно глянул на Сару — для него очевидно было, что она взяла с незнакомца гораздо большую сумму. Она хотела обмануть того, которого называла своим последним сыном.

— Я не хочу никаких денег, — ответил он, — и не знаю ни о каких деньгах, Сара Кондоро.

— Так, так, сынок, — проговорила с удовольствием старуха и потрепала палача по руке, так как ростом она была гораздо ниже его плеча. — Ты, должно быть, страшно богат! Возьми с него хороший куш и сделай то, о чем он просит, слышишь? Сделай же, смотри! Тебе ведь это не повредит. Он просит о сущем пустяке!

— За пустяки не платят!

— Да ведь, что для одного пустяка, то для другого может быть очень важно, Тобаль, сынок мой! Не будь же дураком, исполни его просьбу, да возьми хорошенькое вознаграждение. Я тебе добра желаю, ведь ты мой последний сынок! Из всех моих детей, насколько мне известно, ты один остался.

— Где незнакомец? Отведи меня к нему!

— Еще одно словцо! Обделай дело тихонько, слышишь? Не шуми, смотри! Все в доме спят!

— Что ты хочешь сказать этим?

— Я хочу сказать, чтобы ты не затевал ссоры с незнакомцем, пусть он идет своей дорогой! Это очень высокая, знатная особа! Он не хочет быть узанным!

— Где он?

— Пойдем, пойдем, сынок, я тебя проведу! Он там, в моей парадной комнате, в приемной, — сказала старуха.

— Вот тот, кого вы ожидали, благородный дон, — громко проговорила Сара, вводя Тобаля, своего сына, в приемную, где у окна стоял человек в маске, в шляпе и закутанный в темный плащ. Слабый свет лампы освещал фигуру незнакомца. Увидя палача, он слегка поклонился ему.

Царцароза посмотрел на него саркастическим, холодным взглядом.

- Что вам угодно, сеньор? — спросил он наконец.
- Вы Царцароза, мадридский палач, преемник старого Вермудеца, не так ли?
- Верно, сеньор.
- Так! А Сара Кондоро, герцогиня, ваша мать? — продолжал незнакомец, рассматривая с любопытством палача.
- Так она вам сообщила и это, сеньор? Обычно она умалчивает об этом.
- Она мне не сообщала, я узнал от других! Мне говорили о вас, как о человеке очень честном.
- Насколько может быть честным человек, занимающийся нечестным ремеслом, — ответил Тобаль Царцароза серьезно.
- Во всяком положении можно быть честным человеком, а равно и в вашем, хотя ваше занятие действительно не из приятных! Мне весьма интересно видеть вас и узнать поближе.
- Многие, глядя на меня, не подозревают, что им придется когда-нибудь познакомиться со мной ближе, чем они сами того желали бы!
- Как я должен понять вас?
- Я хочу сказать, сеньор, что не каждый знает, где ему придется умереть и кто закроет ему глаза!
- Это несомненно, но поговорим о деле, — сказал незнакомец, которому разговор палача не понравился, хотя самого его он продолжал рассматривать с большим интересом. — Вы пришли сюда по моей просьбе и, надеюсь, не откажетесь исполнить мое желание! Получили вы деньги?
- Ничего не знаю ни о каких деньгах и не прошу никаких, не заслужив их!
- А, стало быть, вы очень горды!
- Не хотите ли вы сказать, сеньор, что палач не имеет права быть гордым? — спросил Царцароза высокомерно.
- Но в настоящем случае дело идет не о подарке, деньги предлагались не даром, вас просят оказать услугу, а услуги даром никто не оказывает.
- Смотря по тому, какого рода услуга, сеньор!
- Разве Сара Кондоро ничего не сказала вам об этом? И не дала вам даже понять, в чем дело?
- Она говорила об отсрочке одной казни.
- Алано Тицона!
- Поджигателя и разбойника!
- Извините, — прервал палача незнакомец, — о разбойничестве Тицона ничего не сказано в приговоре, так как доказательств нет. Алано Тицон заподозрен только в поджоге!
- В поджоге с намерением кражи!
- В приговоре это значит, об этом не спорю, но ведь всегда так говорится в подобных случаях.
- А при поджоге погибли люди, — продолжал Царцароза.
- Не будем больше говорить об этом! Обвинения против Алано Тицона ничем не подтверждены и не доказаны. И потому по делу его будет проведено новое следствие, но для этого необходимо, чтоб исполнение приговора, которое, как я слышал, должно состояться на днях, было отсрочено.
- Казнь назначена на послезавтра!
- Ее нужно оттянуть на несколько дней или недель! Подумайте, ведь дело идет о спасении человеческой жизни! За эту услугу я предлагаю вам тысячу дуро, — сказал незнакомец и вынул из кармана пачку ассигнаций.
- Оставьте при себе ваши деньги, сеньор!
- Вы слишком поспешно отказываетесь. Не торопитесь, подумайте хорошенько.
- О подобных вещах нечего думать!
- Все зависит от отсрочки казни! Если это удастся, тогда Алано Тицон будет оправдан, правота его будет доказана! Вы поможете в этом случае правому, хорошему делу,

а не дурному, мастер Царцароза.

— Каким бы правым и справедливым оно ни было, сеньор, не в моей власти его отложить! Обратитесь в верховный суд, к министру, там могут разрешить эту отсрочку!

— Это не привело бы к цели, невозможно ничего добиться за такой короткий срок. Вы один можете спасти приговоренного, сказавшись больным и таким образом отсрочив его казнь!

— Вы ошибаетесь во мне, сеньор, я принадлежу к числу людей, считающих всякий обман, всякую ложь за грех!

— Мастер Царцароза, убеждения ваши хороши, но вы доводите их до крайности!

— Я жалею каждого, кто не доводит их до такой крайности, сеньор, — ответил палач. — Только строго придерживаясь этого правила, можно быть во всяком положении честным человеком, в чем, впрочем, нет никакого особенного достоинства и что составляет не более как долг каждого человека, сеньор!

— Стало быть, вы наотрез отказываетесь исполнить мою просьбу, отказываетесь от моего предложения? — спросил незнакомец.

— Вы должны были ожидать этого, сеньор, по отзывам, дошедшим до вас обо мне. Если вы слышали, что я человек честный, как же вы могли думать, что я соглашусь на дело нечестное, на услугу нечестную? А согласитесь, что вы от меня требуете нечестной услуги!

Слова эти, очевидно, неприятно подействовали на незнакомца, он сделал резкое движение.

— Стало быть, ничто не может заставить вас отступить от вашего решения?

— Ничто, сеньор.

— Даже если б вам угрожала опасность?

— Какая же опасность может мне угрожать, сеньор?

— Мало ли что случается на свете, можно ли знать, что ожидает нас завтра...

— Если вы так говорите, то, вероятно, знаете о каком-то злом умысле против меня!

— Я хотел лишь вас предостеречь.

— Благодарю вас и приму свои меры, чтобы ваше предостережение не сбылось.

— Итак, вы остаетесь при вашем решении, мастер Царцароза?

— Оно непреклонно и неизменно, сеньор.

— И Алано Тицон должен, стало быть, умереть послезавтра?

— Так указано в предписании, данном мне!

— Он будет казнен официально, открыто на площади Кабада?

— Да, это так.

— Алано Тицон уже передан в ваши руки?

— Да, сегодня вечером он был передан мне.

— Благодарю вас, мастер Царцароза, и сожалею, что мы с вами не нашли общего языка, — сказал в заключение незнакомец, протягивая руку палачу. — Будьте счастливы.

— Вы не сказали мне вашего имени, сеньор.

— Имя тут ни при чем, оно не имеет отношения к делу, я предложил вам оказать мне услугу, вы отказались, ну и прощайте, Господь с вами.

Царцароза поклонился незнакомцу, который, пройдя поспешно через комнату Сары, направился к выходу, видимо, торопясь скрыться в ночной тьме.

Палач твердо решил узнать, с кем он имел дело, кто был этот таинственный незнакомец, видимо, знатный человек, располагавший большими средствами и принимавший такое непосредственное участие... в ком же? В бездельнике! А потому, когда он вышел, Царцароза, намереваясь последовать за ним, незаметно направился через маленькую комнату Сары к выходу, но вдруг в ночлежном зале раздался такой ужасный, страшный крик, призыв о помощи, что он остановился как вкопанный в темном коридоре, где никого, кроме него, не было. Прегонеро, обычно находившийся тут, куда-то исчез.

Крик усиливался, за ним вдруг раздался свирепый рев, похожий на рычание дикого зверя.

Палач не мог понять, что происходит в ночлежке, и стоял в недоумении, как вдруг дверь из зала распахнулась под напором множества женщин, вырвавшихся оттуда с воплями и криками, давившихся и толкавших друг друга, чтоб поскорей выскочить на улицу. Одна из бежавших, заметив палача, крикнула ему:

— Он всех перебьет, помогите, он убивает направо и налево!

Царцароза запер дверь перед бежавшими.

— Что случилось? — спросил он. — Что там происходит?

В эту минуту в коридоре послышался голос герцогини. Она выходила из ночлежного зала с воздетыми руками, держа в одной из них горевшую свечу.

— Ах, я несчастная, — кричала она, — теперь все погибло! Он увидел кровь, все кончено, все пропало!

В эту минуту из зала вслед за женщинами повалили и мужчины, тоже с неистовыми криками, давя друг друга.

— Да что случилось, объясните мне, наконец? — спросил Царцароза у одного из них, обезумевшего и бледного от страха.

— Прегонеро! Прегонеро режет всех подряд, он бешеный! — закричали в ответ палачу несколько голосов.

— Прегонеро? Так что ж вы его не схватите?

— Да десять человек не удержат его, не сладят с ним с безоружным, а теперь у него в руках топор, он размахивает им направо и налево, рубит все, что попадет ему под руку! Поссорился каменщик с нищим и ранил его; прегонеро прибежал на шум и, как увидал кровь, словно взбесился, схватил топор, сперва убил каменщика и нищего, а там и пошел бить кого попало, с пеной у рта бросается на всех, как дикий зверь!

— Тобаль, сынок мой! — воскликнула старуха, пробиваясь сквозь толпу к Царцарозе. — Спаси меня, спаси мой дом! Ты один можешь сделать это! Он одержимый, как увидит кровь — кончено, всех перебьет! Два трупа под его ногами, он не остановится теперь, крови он не может видеть, он становится безумным!

— Пропустите меня! — громко проговорил палач.

— Что вы делаете? Вы безоружны! — воскликнуло несколько голосов. — Не подходите к нему, он совсем как дикий зверь!

Царцароза, не слушая предостережений, начал пробираться сквозь толпу, теснившуюся в дверях и в проходах между койками.

— Пропустите! — закричал опять Царцароза, с силой расталкивая толпу и пробираясь к тому месту, где стоял прегонеро.

Вид его был действительно ужасен.

В смрадном зале, при мерцающем свете ламп, между пустыми койками стоял он с топором в правой руке и сжав в кулак левую. Мускулы его сводили судороги, глаза налились кровью и вылезли из орбит, перед ним лежали в крови два трупа, и он, видимо, намеревался продолжить убийства; отвратительная, ужасная страсть его, возбужденная видом крови, овладела всем его существом. Обыкновенно смирный и тихий, он превращался в кровожадное, плотоядное животное, как только видел кровь.

Напрасно Сара Кондоро звала его и старалась увести, когда началась драка между каменщиком и нищим, поплатившимися жизнью за свою ссору. Прегонеро стиснул их в своих мощных руках и, не дав им опомниться, изрубил в куски. Тут уж им окончательно овладела его мания, и он с пеной у рта осматривался кругом, отыскивая новую жертву и рыча, как дикий зверь.

Припадок у него проходил только тогда, когда, утомившись от страшной работы, он падал в изнеможении на землю, но сейчас до усталости было далеко, так как с двумя своими первыми жертвами он расправился без всякого сопротивления с их стороны.

Размахивая топором, бросился он к мужчинам, столпившимся в проходе между койками, те с криком и воплями старались пробиться через толпу, никто не хотел оставаться последним.

В эту самую минуту Тобаль успел протиснуться сквозь толпу и встать лицом к лицу с сумасшедшим. Без всякого оружия, без угрожающих слов или жестов встал он перед бесноватым. Но на лице его было такое хладнокровное, спокойное мужество, такая железная, твердая воля, что прегонеро вдруг остановился, увидев его перед собой, в ту самую минуту, когда уже готов был броситься на ближайшего к нему человека.

— Назад! — воскликнул Царцароза. — Взмахни только еще раз своим топором, и в ту же минуту ты свалишься мертвым у моих ног!

— А, палач! — вскричал бесноватый, и по выражению, мелькнувшему на его лице, было ясно видно, что несчастный не впервые затевал такие кровавые сцены и что ему нелегко отступить от своей мании.

Он взмахнул топором с такой ужасной, зловещей улыбкой, что сам Царцароза содрогнулся, но в тот же момент нанес прегонеро такой удар кулаком, что тот повалился навзничь на перегородки, разделявшие койки, и голова его попала между окровавленными трупами, изрубленными им.

Тогда Царцароза, бросившись к нему, вырвал из рук топор и швырнул в сторону. Вслед за тем велел принести ведро холодной воды и вылил его на голову маньяка.

Радостный крик раздался со всех сторон, палача приветствовали, как героя, а он, ухватив своего противника за пояс и за рубашку, потащил его из зала. Прегонеро не оказывал никакого сопротивления.

Царцароза вытащил его на улицу, бросив на плиты мостовой, и пошел прочь от дома, где совершил такой геройский поступок.

Старая герцогиня, позаботившись прежде всего о том, чтобы спрятать в надежное место кружку, вернулась в ночлежный зал и начала уговаривать своих гостей не рассказывать о случившемся и не навлекать на ее дом несчастья.

Но следствие было неминуемо. В ее заведении лежало двое убитых людей, а, значит, ночлежному заведению Сары Кондоро грозила большая опасность.

Прегонеро, брошенный палачом на мостовую, исчез. Опомнившись, он, вероятно, счел за лучшее скрыться и избежать таким образом всяких следствий, суда и расправы.

XXVII. Гостиница у подножия гор

Глубокая тишина царила у подножия горной цепи, только ночной ветерок нарушал ее, играя листьями верхушках тополей и каштанов.

Над этой горной цепью, над лесом блестели звезды, и на безоблачное, ясное небо тихо, как будто вовсе не двигаясь, выплывала молодая луна.

Внизу темные тени скрывали уединенную гостиницу, возле которой совсем недавно толпилось множество погонщиков со своими выючными ослами и путешественников, пробиравшихся в Мадрид. Были шум, движение и крик.

Теперь все было тихо, ослы и экипажи были поставлены в надежные места, погонщики и проезжие путешественники спали крепким сном под гостеприимным кровом.

Гостиница эта была устроена в старом большом доме, внутри было множество маленьких комнат и чуланчиков, разделенных темными коридорами.

Везде было темно и тихо. Хозяин и прислуга, погасив огни и заперев часть дверей, тоже отправились на покой. Один только гость, старый цыган, не спал. Он лежал один в комнате хозяина, лежал и думал об одном: что если тот сыщик, которого он видел вечером возле гостиницы, заметил Инес и его! В том, что это был действительно один из двух агентов инквизиции, разговаривавших в трактире близ улицы Толедо, старик не сомневался, он узнал его.

После всего слышанного он не сомневался также и в том, что девушка, отдавшаяся под его защиту, была именно молодая графиня Инес, которую разыскивали эти агенты; чем больше он раздумывал о том, что они могли ее видеть и узнать, тем беспокойнее становилось у него на душе.

Долго лежал он в раздумьях, внимательно прислушиваясь ко всему, но в доме не слышно было ни малейшего шума, ни малейшего движения. Попытайся кто-нибудь пробраться к молодой графине, успокаивал он сам себя, Кан почует врага издалека и поднимет лай. Мысль о верном стороже, оставленном им наверху, так успокоила цыгана, что он заснул наконец крепким сном после дневных трудов и забот.

Глубокая тишина, царившая вокруг гостиницы и в ней самой, была вдруг нарушена в какой-то момент звуком, похожим на скрип двери, но затем опять наступила безмолвная, ночная тишина.

Скрип этот был действительно произведен отворенной дверью одного из низких сараев, окружавших гостиницу. Из этой двери вышел человек и, внимательно осмотревшись кругом, взглянув на окна дома, проворно исчез во мраке ночи. Скоро, выйдя из-под деревьев, к нему присоединился еще кто-то.

Это были Рамон и Фрацко. Внимательно прислушиваясь и осматриваясь кругом, стояли они во тьме, пока месяц не поднялся еще выше и не осветил своим холодным, бледным светом дом и все, что его окружало.

— Готов голову дать на отсечение, что это была она, — тихонько говорил Рамон. — По всему видно, что она не родня цыгану! Увидав между деревьями женскую фигуру, я сразу наострил глаза!

— Старик, ты говоришь, ожидал, пока все удалятся от дома? Да, все это весьма подозрительно! — заметил Фрацко.

— Вот потому-то я и спрятался там, за стволом дерева. И вижу, как все стихло кругом да все разошлись, вышли старик со своей товаркой и с собакой из-за деревьев и пошли к дому. Что она не цыганка — за это ручаюсь! Относился он к ней весьма почтительно, к тому ж она так же хороша и молода, как должна быть графиня Инес по приметам, которые нам дали.

— Мы нашли ее! Это она, она, наверняка!

— Нет ни малейшего сомнения! Она боялась, а цыган еще больше боялся, по-видимому, чтоб кто-нибудь их не заметил; он оборачивался, оглядывался во все стороны, не смотрит ли кто за ними. Когда на дворе показался хозяин, старик, переговорив с ним, сунул ему деньги в руку, чего графиня, впрочем, не заметила.

— Тебя она тоже не видела?

— Боже упаси! Я не показывался. Хозяин привел ее наверх, вот в эту угловую комнатку, маленькое окно которой выходит сюда, во двор.

— А где поместился старик со своей собакой?

— Внизу, в хозяйской комнате.

— Это отлично! В таком случае, мы доберемся до нее!

— Нужно стащить ее оттуда, хорошая добыча будет, — прошептал Рамон. — Кругом все спит крепким сном. Мы влезем в ее комнату, стащим ее сюда — и скорее назад в Мадрид!

— Я ее посторожу, а ты пойдешь к графу и скажешь ему, что я требую тысячу реалов выкупа.

— Он может дать и две!

— Конечно, — согласился Фрацко. — Только мы пойдем наверх не по внутренней лестнице дома, дверь свою, может быть, она и заперла, а приставим к окну лестницу, да по ней и взберемся!

— Молчи! Мы сделаем вот как! — тихонько заметил Рамон. — Ты влезешь через окно, а я войду в дом и, поднявшись наверх, встану у ее дверей. Вырвавшись от тебя, она попадет прямо в мои объятия, как думаешь, не лучше ли будет так?

— Согласен! — сказал Фрацко. — Так и сделаем. Там, у конюшни, стоит лестница, я пойду за ней, а ты ступай в дом. Пока ты подымешься, я доберусь до окна. В час обделаем все дело, а там и в Мадрид!

В это самое время Инес спала крепким сном на мягкой постели, в которой так

нуждалась после своего трудного путешествия. Она была полураздета, чтобы в случае опасности быть сейчас же на ногах.

Перед сном она поблагодарила Бога, что встретила на своей дороге цыгана, потом, взглянув в окно и увидев, что вокруг ни души, все тихо и спокойно, закрыла его и заперла дверь на задвижку.

Она чувствовала какой-то безотчетный страх, ей казалось, что ее ожидает какая-то опасность, может, это было оттого, что она все время ждала преследования, в чем почти не сомневалась, а может быть, ее пугала уединенная, мрачная гостиница среди леса и гор, небезопасная для одиноких путешественников.

Впрочем, убедившись, что вокруг все тихо, что все спят, она успокоилась и заснула на мягких подушках, забыв все свои тревоги и волнения.

Так проспала она до полуночи, как вдруг привиделся ей страшный сон, и она проснулась. С испугом осмотрелась она кругом, но глубокий, непроницаемый мрак, царивший в ее маленькой комнатке, был плохим средством для успокоения, она начала прислушиваться — все тихо, ничего не слышать. Наконец лунный свет проник в ее мрачную комнатку, и она несколько успокоилась. Инес старалась заснуть, но только закрывала глаза, страх опять овладевал ею. Мало-помалу она, однако ж, задремала.

Вскоре Кан тоже проснулся и начал прислушиваться: услышав легкое царапанье о стену с наружной стороны, он вскочил и тихонько заворчал.

Звук повторился, и собака заворчала громче, подняв голову к окну. Инес проснулась, страх все больше охватывал ее, хотя никакой видимой опасности она не обнаружила.

Собака тоже волновалась, она, не переставая ворчать, расхаживала по маленькой комнате, то протягивая шею к окну, то подходя к двери и прикладывая морду к затвору, и все время нюхала, как будто чуя поблизости врага.

Вдруг в окне показалось бородатое лицо. Фигура человека сначала имела вид темной, неясной тени, но потом луна осветила ее, и она обрисовалась яснее.

Инес вскочила со своей постели, оцепенев от испуга; она видела бородатое лицо, которое, плотно прижимаясь к окну, пыталось рассмотреть внутренность комнаты. Эта страшная, отвратительная физиономия, с огромной бородой и большими глазами, была ей совершенно незнакома, она ее никогда не видела. С ужасом и отчаянием Инес ждала, что будет дальше.

Собака, заметив в окне человеческую фигуру, бросилась туда со страшным лаем, и фигура тут же исчезла.

Инес оправилась от своего испуга и пыталась сообразить, что же ей делать. «Что бы это значило, — думала она, — зачем лез в комнату этот человек? Вор это или преследователь, сыщик, посланный меня отыскать? Нет, это не сыщик, — мысленно рассуждала она, — потому что до сих пор я не встречала никого, кто бы следил за мной, никто не видел меня, с какой же стати вдруг полезут мои преследователи искать меня в этой маленькой комнатке?»

Собака продолжала лаять изо всех сил, и графиня, чувствуя, что оставаться одной в этой ненадежной, незнакомой гостинице очень опасно, решила сойти вниз и отыскать старого Цимбо, хотя в настоящий момент опасность, по-видимому, миновала, и даже если бы ночной посетитель опять показался в окне, чуткий верный Кан был бы в состоянии защитить ее от нападения, так как он был очень силен и отважен. Инес благодарила Бога, что при ней оказался этот верный сторож, который своим лаем, видимо, нарушил планы злодея, пытавшегося к ней влезть, и раздумывала, не стоит ли ей остаться в своей комнате и дожидаться спокойно утра под защитой Кана. «Может быть, — говорила она себе, — этот человек был просто запоздавший постоялец, который, найдя наружную дверь запертой, хотел войти через окно в свою комнату и по ошибке подставил лестницу к моему окну».

Но как ни старалась Инес объяснить странное появление головы в ее окне какими-то естественными причинами, страх все больше овладевал ею, тем более что собака продолжала беспокойно бросаться то к окну, то к двери, заливалась неистовым лаем и злобно рычала.

Открыть окно и посмотреть, есть ли кто внизу, Инес не решалась, но страх не давал ей

покоя, и, измученная им, она уже хотела только одного — избавиться от него во что бы то ни стало. Для этого нужно было сойти вниз и отыскать старого Цимбо, с ним ей было не страшно.

Свечи у нее не было, пришлось бы идти ощупью по неизвестным ей темным коридорам, в которых не было ни окон, ни освещения, но это Инес узнала только тогда, когда, открыв дверь своей комнаты, увидела непроницаемую тьму, в которой ничего нельзя было различить в двух шагах.

Как только она приоткрыла дверь, храбрая собака рванулась из комнаты так быстро, что Инес не успела ее удержать, вслед за этим раздался лай, потом какой-то глухой удар, как будто обухом или поленом, собака вдруг взвизгнула и смолкла, а чей-то раздраженный голос злобно проворчал:

— Опять ты тут, бестия, на же тебе! Нельзя пошевелиться в доме, чтоб не набросилась на вас эта проклятая собака! Теперь ты будешь, каналья, молчать, не будешь больше бросаться на людей!

Послышался слабый визг, а затем все смолкло. Инес захлопнула поскорей свою дверь — значит, и в коридоре кто-то был, и этот кто-то убил собаку.

Кто он? Инес опять начала уговаривать себя, что, может быть, это хозяин, может быть, тот самый опоздавший постоялец, который хотел войти через окно.

Он убил собаку, это верное животное! В этом у нее сомнений не было, она ясно слышала жалобный визг!

Что ей теперь делать без своего храброго, верного защитника! Она жестоко упрекала себя за то, что отворила дверь и выпустила Кана из комнаты!

И вдруг сердце у нее дрогнуло... В коридоре послышались тихие, осторожные шаги! «Что это? — раздумывала она. — Мерещится это мне, или в самом деле кто-то расхаживает здесь наверху?»

Это была ужасная, страшная ночь! Взор ее то и дело останавливался на окне в ожидании опять увидеть там бородатое лицо! Теперь она была одна, Кана не было больше с ней.

— Я погибла теперь, — повторяла она в отчаянии, — до утра еще долго.

Что было делать? Начать звать на помощь, поднять шум, но в доме все так крепко спят, а комната ее так уединенна, так далека от нижних покоев — никто ее не услышит!

Изнемогая от страха, упала она опять на свою постель и в эту самую минуту снова увидела в окне голову незнакомца с черной бородой — кровь застыла в ее жилах — он плотно прижимал лицо к стеклу, чтоб рассмотреть хорошенько комнату...

Холодный пот выступил у нее на лбу, она старалась спрятаться в постели, чтоб ее не заметил страшный человек, чтоб укрыться от его взоров, и тут, в довершение ужаса, в коридоре ясно раздались чьи-то шаги, приближавшиеся к ее двери.

«Ну, теперь я погибла! Все кончено!» — мелькнуло у нее в голове.

Собрав всю свою волю, она еще раз взглянула на окно и увидела, что незнакомец старается открыть его; теперь она поняла, что это не вор, а сыщик, успевший выследить ее!

Заря, которой она ждала, как своего спасения, как избавления от опасностей, еще не занималась. До утра было далеко!

Вдруг раздался тихий стук в дверь, потом повторился сильнее, и голова в окне моментально исчезла.

— Сеньора Инес! — проговорил кто-то тихо у двери. — Отворите! Это я, старый ваш Цимбо!

Слова эти мигом подняли Инес с кровати! Она вскочила и одним прыжком очутилась у двери, но вдруг остановилась — а вдруг это не Цимбо, а кто-то другой, подделывающийся под него!

— Отворите, — повторил опять стоявший у двери, — я принес с собой свечу. Я услышал визг бедного Кана и понял, что здесь что-то случилось! Верная собака умерла!

Сомнения Инес исчезли при этих словах, и она отворила дверь. В ней показался цыган,

держа в одной руке свечу, другой он поддерживал собаку, которую нес под мышкой. Бедное животное еще корчилось в судорогах и тяжело вздыхало. В глазах Цимбо стояли слезы.

— О! Благодарю Господа, что вы здесь, с вами мне не так страшно, — сказала Инес, ухватив старика за руку и вводя его в комнату, дверь она тут же закрыла на задвижку.

— Я спал и вдруг услышал лай Кана, а потом его визг... С ним все кончено, — проговорил со слезами Цимбо. — Посмотрите, сеньора, с какой любовью он смотрит то на вас, то на меня, как будто прощается с нами, старый, верный мой Кан! Это страшный удар для меня... Он умирает, бедняга! Я — нищий, сеньора, но отдал бы последнюю рубашку, все, что на мне, все, что имею, Лишь бы он остался жив. Восемь лет он был моим неразлучным товарищем, ходил по пятам за мной!

— А причиной его смерти стала я, выпустив его неосторожно из комнаты, когда решила сойти вниз, чтобы разбудить вас! — и Инес рассказала о том, что с ней случилось.

— Я хотел скрыть от вас, сеньора, но это ни к чему не привело; я думаю, что преследователи ваши в гостинице, что они узнали вас и пытались похитить.

— Лишь бы вы были со мной, тогда я ничего не боюсь, — сказала Инес цыгану, опустившему на пол умирающую собаку и продолжавшему ее гладить и ласкать.

Обратившись к Инес, он сказал:

— Она была вернее, надежнее всякого друга, мне было бы тяжело оставить ее одну умирать! Она помешала вашим преследователям, и они убили ее! Но это не принесет им никакой пользы!

— Чтоб не бросать бедное животное, пока оно живо, и чтоб самим не подвергаться опасности, нам лучше остаться здесь до утра, днем с нами ничего не случится!

Цимбо встал и задумался.

— Не знаю, что лучше, — сказал он наконец. — Их двое, и они сильнее нас — как они убили Кана, так убьют и меня, если мы выйдем днем, а они последуют за нами.

— Как? Вы думаете, они могут убить человека?

— О! В этом не сомневайтесь, сеньора. И, если это случится, вы погибли!

— О Господи! Это ужасно!

— Поэтому, я думаю, не лучше ли нам уйти теперь, — продолжал цыган и, отворив окно, выглянул в него, — людей не видно, а лестница здесь... Но, верно, они внизу караулят нас! Нет, нам не уйти!

— Так подождем до утра и обратимся за помощью к хозяину или к другим каким-нибудь людям, — заключила Инес, — они заступятся за нас и арестуют этих негодяев!

Цыган покачал отрицательно головой.

— На это не рассчитывайте, сеньора. Во-первых, нет никакого законного предлога арестовать их, а уж они, разумеется, отопрутся от всего! А во-вторых, ни хозяин, ни кто угодно другой не захотят вмешиваться в это дело! Вы — молодая сеньора, совершенно им неизвестная, а я всего лишь старый нищий цыган, за которого ни один человек не скажет ни одного слова!

— Но ведь они убили вашу собаку!

— Для этого они найдут себе оправдание!

— Значит, у нас нет выхода?

— Мы должны оставаться здесь и выждать удобную минуту, чтобы скрыться незаметно.

— Пожалуй, и так, ну а тогда, как вы думаете, они ничего не смогут нам сделать?

— Надеюсь, сеньора!

— Из-за меня вы сами подвергаетесь опасности, из-за меня вы лишились дорогой вам собаки, а я ничего не могу для вас сделать, только искренно, от души поблагодарить вас за защиту, за покровительство, которое вы оказываете бедной, одинокой, беспомощной девушке.

— Оставим это, сеньора. Конечно, мне жаль моей собаки, но, кто знает, долго ли бы она прожила еще, она была очень стара! Ложитесь-ка спать, сеньора, я буду вас стеречь и

охранять! Вы молоды, сон необходим вам!

— Вы — добрый человек, Цимбо! Когда-то мне удастся отблагодарить вас за все, что вы для меня делаете? — сказала Инес трогательным, взволнованным голосом. Затем она прилегла и задремала.

Цимбо же отошел к окну и, пристально глядя в него, встал там неподвижно, как часовой.

Если бы, вместо того чтобы принять сторону Инес, он сговорился с ее преследователями, скольких опасностей он бы избежал, да еще и хорошую быдолою получил от награды, ожидаемой ими. А какая ему выгода оставаться и дальше быть сторожем и защитником сеньоры, которой он совсем не знает, какая выгода дальше мешать ее преследователям! Да, наконец, и может ли он спасти ее от них!

Вот мысли, которые вдруг охватили старого Цимбо, пока он смотрел в окно, а Инес спала.

XXVIII. Работник палача

Вечером, после кровавой бойни в ночлежном зале герцогини, прегонеро брел по одному из темных переулков Мадрида. Шапка его была надвинута низко на лоб, сам он, по-видимому, был погружен в глубокую думу, так как шел, ничего не замечая, не обращая ни на что внимания и тихо разговаривая сам с собой. Время от времени он делал какие-то жесты руками, но тут же быстро прятал их опять в карманы своих темных панталон.

Очевидно было, что он принял какое-то важное решение. Шел он возле самых домов, может быть, для того, чтоб укрыться в их тени от нескромных взоров прохожих.

В некотором отдалении следовали за ним два господина, плотно закутанные в темные плащи. Они, видимо, наблюдали за ним; как только он свернул в другой переулок, вслед за ним свернули и они, тихонько разговаривая между собой.

— Так ли это, полковник? — спросил один из них с выражением удивления в голосе и на лице. — Я не могу в это поверить. Мне кажется, это невозможно!

— Даю вам честное слово, принципе, что я не ошибаюсь.

— Как далеко вы дошли?

— До Логроньо, где ожидали дон Карлос и дон Альфонс, чтоб вместе с нами далее продолжать путь! Будьте уверены, принципе, Доррегарай не даст промаха, не беспокойтесь! Я слишком осторожен и, когда нужно, умею хитрить! Планы принца кажутся мне очень подозрительны и странны, особенно относительно вас, граф Кортесилла!

— Итак, чтоб вас подкупить и для большей уверенности, он сделал вас генералом?

— Да, принципе, и с правом самому набирать войска и увеличивать их по своему усмотрению; в настоящее время в моем распоряжении около четырехсот человек, которых я расположил около Логроньо, в лесу!

— И вы действительно уверены, что принц имеет планы, которые... — сказал с расстановкой Кортесилла.

— Я уверен, что принц хочет провести вас, что он не собирается жениться на графине, вашей дочери!

— Стало быть, он узнал о безрассудном поступке графини? Это невозможно, немисливо!

— Дело совсем не в том, принципе, принц намерен жениться на принцессе Маргарите Пармской, — прошептал Доррегарай.

— Из чего вы это заключаете, генерал?

— В Логроньо у него было секретное свидание с двумя благородными иностранцами, и он долго совещался с ними!

— Кто же были эти иностранцы?

— Я сумел проникнуть в эту тайну, принципе, и могу уверенно сказать, что это были братья принцессы Маргариты, герцог Пармский и граф Барди! Между ними произошло

очень важное совещание и назначено другое, они договорились встретиться по ту сторону границы.

Граф Кортесилла нахмурил брови, и взгляд его омрачился.

— В таком случае, я действительно был бы обманут, — проговорил он сквозь зубы.

— Во всяком случае, теперь вам все известно, — продолжал Доррегарай. — Гардунии все равно чрезвычайно выгоден союз с доном Карлосом, даже если предполагаемый брак не состоится!

Кортесилла, по-видимому, не разделял мнения своего товарища; сознание того, что корону отнимают, крадут у его дома, было ему нестерпимо! Душа его переполнялась горечью и раздражением, так как тщеславие его не знало границ и преобладало над всеми прочими чувствами.

— Я никак не могу поверить в возможность вашего предположения, — сказал он. — Как это может быть, чтоб после заключенного между нами письменного условия, заключенного не более как две-три недели тому назад, принц вдруг вздумал изменить свои планы и нарушить свое обязательство!

— Недалекое будущее покажет вам, принципе, ошибаюсь я или нет в своих предположениях относительно планов принца жениться на Маргарите Пармской; я убежден, что об этом давно идут переговоры между доном Карлосом и герцогом Пармским, что это задумано не вчера и не нынче.

— Стало быть, я был жертвой мистификации! Но это оскорбление, это позор для меня! — воскликнул Кортесилла глухим голосом.

— Оставьте это, принципе, вспомните об интересах Гардунии, которым мы все служим, которые должны быть для нас важнее всего прочего в этом мире, — заметил горячо Доррегарай. — Эти интересы не пострадают, если расстроится брак принца с графиней, вашей дочерью!

— Но они бы сильно выиграли, если б брак состоялся!

— Вы должны будете свыкнуться с мыслью, что он не состоится, и отложить всякие помышления о нем в сторону!

— О! Я не так скоро откажусь от этой мысли, как вы думаете, генерал!

— А если бы этого требовали интересы Гардунии? — спросил Доррегарай, наблюдая внимательно за выражением лица графа.

— Тогда, разумеется, принципе подчинится этим требованиям, — ответил граф Кортесилла, делая над собой очевидное усилие.

Он боялся или не смел, по-видимому, сознаться, что брак дочери с принцем был для него важнее интересов, о которых в таинственных выражениях говорил капитан.

— Почему вы так хотите короны для принцессы, чего вам недостает? Разве вы и без того не первейшее лицо в Испании, разве вы не всемогущий владыка, которому повинуются тысячи, десятки тысяч людей?

— Да, все это так, генерал!

— Смотрите, принципе, — заметил Доррегарай, прерывая вдруг разговор, — прегонеро свернул на прибрежную улицу!

— Мои предсказания оправдываются, — заметил граф.

— Он пошел направо, а там и находится дом палача!

— Рассказывая про вчерашний случай в доме герцогини, я заранее сказал вам, что он пойдет к палачу! А теперь я вам расскажу, почему я так решил. После моего разговора с Тобалем Царцарозой я был уверен, что он попытается узнать, кто был его тайный собеседник и непременно последует за мной.

Чтоб убедиться в своих предположениях, выйдя из дома, я спрятался поблизости. Тобаль Царцароза из дома не вышел, потому что в это время там случилось то, что я вам рассказывал и что возбудило во мне уверенность, что прегонеро, побежденный палачом, почувствует к нему сильнейшее влечение и уважение, как из-за его силы, так и из-за почтенного его ремесла, и непременно отправится его отыскивать.

— Верное заключение! Вы действительно не без основания сделались нашим принципе, граф Кортесилла, — заметил Доррегарай с непритворным удивлением.

— Это заключение немудрено было вывести, я давал лучшие доказательства своей сметливости! Прегонеро — маньяк и одержим в такой степени страстью к убийству, что, увидев кровь, становится бешеным, сумасшедшим, хотя в спокойном состоянии он человек скромный, тихий и покорный! Весьма естественно, что такой субъект, встречая человека отважного, сильного, способного удержать его во время припадка, привяжется к этому человеку, будет чувствовать к нему страшное влечение и подчинится ему вполне!

— В таком случае, прегонеро не может быть нам полезен, — заметил Доррегарай, поворачивая с графом вслед за прегонеро на прибрежную улицу.

— Почему же вы думаете, что он не может нам быть полезен, генерал?

— Если он подчинился палачу, чувствует к нему непреодолимое влечение, сможет ли он тогда поднять на него руку?

— Он подчиняется ему, он предан ему, как раб! А разве вы не знаете, что каждый раб ради сохранения своей жизни готов сбросить с себя удерживающую его цепь, что он способен при удобном случае сокрушить власть, лишаящую его свободы, хотя бы власть эту он признал над собой добровольно; для этого нужно только суметь пробудить в нем инстинкт свободы и направить на это его мысли, — сказал тихо Кортесилла. — То же самое случится и с прегонеро, если только внушить ему, что он может избавиться от тяготеющей над ним власти, что он не будет дышать свободно, пока не избавится от нее, что он теперь не более чем раб, тогда как мог бы сам быть господином; ему нужно внушить, что в случае смерти палача он может занять его место и тогда свою жажду крови, свою манию, он может удовлетворять под защитой закона, что только на этом кровавом поприще он будет чувствовать себя на своем месте.

— Да, принципе, вы правы; внушив ему это, рисуя пред ним возможность такой карьеры, можно его подтолкнуть на все! Удивляюсь вашей проницательности, вашему умению извлекать из всего пользу, удивляюсь вам, принципе!.. — воскликнул опять Доррегарай. — Это, конечно, отдаст его в наши руки, и он послужит нам орудием для осуществления наших планов!

Граф Кортесилла холодно улыбнулся восторженным похвалам генерала, как будто не придавая им никакого значения и даже пренебрегая ими.

— Все это так просто, что не много нужно сообразительности, чтоб придумать, — сказал он холодно, — не более, как прямая дорога к цели, которую всякий может видеть и найти!

Разговаривая таким образом, спутники продолжали следовать за прегонеро. Он уже дошел до конца улицы, миновал последние дома и круто повернул на дорогу, которая вела ко двору палача.

Некрасива эта прибрежная местность Мансанареса — ровная, песчаная пустыня, усеянная большими камнями; тяжелое, неприятное впечатление производит она как днем, так и ночью.

С одной стороны двора палача находилось несколько старых, обломанных, полусгнивших деревьев.

Пока прегонеро шел к воротам почерневшего забора, окружавшего двор, в глубине двора показались огоньки.

Шагая за прегонеро по глубокому песку, граф Кортесилла и его спутник прервали свой разговор и несколько минут шли в глубоком молчании.

— Что теперь будет, принципе, с вашим планом? — спросил наконец Доррегарай.

— Я решил исполнить его сегодня же вечером, так как наверняка знаю, что Тобаль Царцароза через два-три часа уйдет на площадь Кабада!

— Стало быть, виселицу для Алано Тицона устроят ночью!

— Я полагаю, что нам лучше всего здесь дожидаться ухода палача!

— И тогда вы сами пойдете к прегонеро?

— Нет, этого я не хочу! Вы пойдете туда, капитан!

— Я сочту за честь быть исполнителем вашего плана, принцпе. Я заставлю его действовать в наших целях — и тогда завтра в Мадриде не будет палача, а значит, казнь Алано Тицона отложится! Царцароза не согласился на нашу просьбу — так пусть поплатится за свое упрямство!

— Я не беру этого на себя, — проговорил тихо Кортесилла, слегка дрожащим голосом, — не хочу подстрекать прегонеро на это дело вследствие некоторых обстоятельств, о которых должен умолчать, а потому предоставляю вам сделать это!

— Не мое дело рассуждать, принцпе! Вы приказываете — я повинуюсь!

— Пойдемте туда, под деревья, дождемся ухода палача, и вы отправитесь во двор!

Граф со своим спутником направились к деревьям, а прегонеро в это время подошел к воротам и, найдя их запертыми, позвонил.

Во дворе ходили взад и вперед люди с фонарями и слышался страшный крик и шум.

На звон колокольчика один из этих людей подошел к воротам и отворил их.

Прегонеро хотел пройти мимо него.

— Ого, постойте! — вскрикнул тот. — Кто вы и что вам нужно?

— Мне нужен мастер. Где он?

Работник с изумлением смотрел на огромного человека, стоявшего перед ним, — прегонеро был выше его на целую голову.

— Зачем вам нужен мастер? — спросил он наконец великана.

— У меня к нему дело, о котором нужно переговорить наедине!

— Мастер занят, и, кроме того, уже ночь, почему вы не пришли днем?

— Значит, были причины прийти теперь, а не днем. Где мастер? Покажите мне, он знает меня.

— Он там, в доме напротив, где горит свеча, — ответил работник, указывая на известный уже нам домик, опутанный виноградными лозами.

— Бенито! Куда ты провалился? — кричали прочие работники, укладывавшие балки и веревки на большую телегу, стоявшую посреди двора. — Что там делает этот лентяй? Иди, что ли! Проклятый, вечно отлынивает от работы!

— Слышите, орут! — заметил Бенито, обращаясь к прегонеро. — Иду, иду! — закричал он потом товарищам. — Чего кричите, будто насмерть замучились работой.

— Он же еще ругает нас! Ах ты, дьявол проклятый! — воскликнули работники и пустили в ход кулаки, продолжая кричать и ругаться.

Прегонеро, не обращая внимания на драку, пошел к дому, расположенному в глубине двора.

Едва он приблизился к нему, как на крыльце показался Тобаль, быстро сошел с лестницы и, не замечая его, направился к работникам, на которых ему достаточно было прикрикнуть, чтобы они тут же успокоились. После этого он вернулся к своему жилью.

— Добрый вечер, мастер! — вдруг раздался возле него голос в темноте.

Царцароза с удивлением остановился и взглянул на гостя, явившегося перед ним так внезапно! Действительно, это могло изумить палача, так как в его дворе и днем-то посетителей не было, не то что ночью!

— Вы не узнаете меня, мастер? — спросил прегонеро, подходя ближе к Тобалю, который тут только узнал говорившего с ним человека.

— Это вы, зачем вы пришли сюда? — холодно спросил Царцароза.

— Я хотел вас видеть, мастер. Ваш образ преследует меня со вчерашнего дня, я не могу от него отделаться.

— Вы думаете, верно, что на моем дворе вы в безопасности? Прежде это было так, но нынче нет, вы ошибаетесь.

— Я пришел сюда, чтобы переговорить с вами, мастер. Выслушайте меня, только не здесь, а в доме; позвольте мне войти с вами.

— Ну, вы не очень-то приятный посетитель. Спокойнее видеть вас выходящим из дома,

чем входящим в него, — ответил Царцароза недоверчиво.

— Мне кажется, вы ошибаетесь во мне, мастер! Я только не могу видеть крови. Она, проклятая, губит меня! Спросите герцогиню, может ли она пожаловаться на меня. Из меня можно веревки вить, я смиренный, тихий человек, мастер! Вы, особенно вы, можете делать со мной, что хотите, вы меня победили, покорили, я теперь ваш раб.

— Но вы знаете, надеюсь, что вы — уголовный преступник?

— Вы говорите насчет вчерашних моих дел? Ну хорошо, если закон будет меня преследовать, вы можете похлопотать, чтоб меня оставили у вас.

— Зачем мне это?

— Я ожидал, что вы так скажете. Но у меня непреодолимое желание служить вам, быть у вас под рукой. Мне кажется, что здесь мои припадки не повторятся, что я излечусь от моего сумасшествия! Испытайте меня, мастер! Я чувствую страшное влечение к вам. Не отсылайте меня, это единственное место, где я могу прижиться.

— У меня достаточно работников, полный комплект, мне некуда вас взять.

— Я не хочу никакого вознаграждения, я буду даром служить вам, пока не освободится какое-нибудь место, дайте мне только угол и насущное пропитание, больше ничего не надо. Я всем буду доволен, лишь бы служить вам, быть возле вас; не найдется для меня какой-нибудь каморки, я готов спать во дворе у порога вашего дома, как собака.

— Ну, а как же быть с вашим последним делом?

— Что будет, то будет! Вы все напоминаете мне о нем, мастер...

— Потому что взять вас прежде, чем вы рассчитаетесь с судом, я не могу, мой двор не прибежище для преступников, укрывающихся от закона.

— Так вы не хотите меня взять? — спросил прегонеро.

— Я не могу этого сделать.

— Не отказывайте мне, мастер! Поверьте, вы будете мной довольны, не раскаетесь, что меня взяли; я чувствую, что только здесь я на своем месте и что только вы можете быть моим господином. Я чувствую превосходство вашей силы над собой, оно как будто давит на меня, но давление это мне не тягостно, я не страдаю от него. Я знаю, вы не понимаете моего чувства к вам, а я не могу, не умею вам его объяснить! Вы приобрели какую-то странную власть надо мной, не подчиняясь которой, вдали от вас, я не могу жить.

— Раскаялись ли вы в том, что наделали ночью?

— Это вопрос, в котором я сам себе еще не дал отчета! Представьте, что вас терзала жажда, и вы утолили ее! А я бы спросил вас, раскаиваетесь ли вы, что утолили ее? Но могли ли вы поступить иначе? Вот вопрос. Видите ли, я убегал всегда от всякого кровопролития, чтоб не видеть его, но если видел, то уже не владел собой.

— Находясь при мне, вам часто придется видеть кровь, стало быть, здесь-то именно вам и не место, — сказал Царцароза.

Прегонеро задумался на минуту.

— Нет, здесь подходящее место для меня, — сказал он наконец, — я буду помогать вам, буду утолять мою жажду под защитой закона, а ваше присутствие будет удерживать мою несчастную страсть, в вашем присутствии я не дойду до бешенства! Вы будете моим учителем, моим господином. Видите ли, мастер, я боюсь вас, вот настоящая причина.

— Ну, хорошо, оставайтесь здесь до моего возвращения, я поговорю с судьями! Ночной проступок ваш может быть оправдан тем, что нищий и каменщик сами затеяли кровавую драку между собой, а вы только вмешались в нее.

— Поверьте, что они и без меня убили бы друг друга, каменщик уже хрипел, когда я пришел.

— Весьма возможно, что судьи согласятся оставить вас здесь под моим надзором, впрочем, обещать вам это наверняка я не могу!

— Благодарю вас, мастер, я буду служить вам верой и правдой, вы увидите, что прегонеро будет слушаться вас, как ребенок, только вас одного и никого более.

— Дожидайтесь здесь, на дворе, моего возвращения, я должен отправиться на площадь

Кабада с моими работниками и пробуду там несколько часов. Как ваше имя?

— Меня зовут Оттоном Ромеро, мастер! Наконец-то и я стану человеком, пригодным на что-нибудь; все ведь зависит от того, на подходящем ли мы находимся месте или нет! Без вас я должен был погибнуть, мастер, потому что припадки, повторяясь, с каждым разом становятся все сильнее и сильнее, превращаются в постоянную болезнь, от которой нет уже возможности избавиться! Благодарю, благодарю вас, что вы оставляете меня у себя.

— Я вам еще ничего не обещал, вопрос этот решится только после моего возвращения домой.

— Вы не обещаете, вы делаете лучше — хотите выручить меня, помочь мне... впрочем, делайте, как хотите, мастер.

Тобаль Царцароза, на которого прегонеро произвел сильное, необыкновенное впечатление, задумчиво вошел в дом и, взяв плащ и шляпу, загасив свечи, снова вышел к прегонеро.

— Оставайтесь здесь, на дворе, — сказал он ему своим строгим, холодным тоном, — через час я вернусь.

Прегонеро остался около дома, а палач отправился к работникам, стоявшим вокруг нагруженной балками и веревками телеги, которую они успели уже подвезти к воротам. В телегу впрягли двух ослов, и вся компания выехала со двора.

Один из работников запер ворота и отправился вслед за остальными. Сильные животные медленно, с трудом тащили воз, вязнувший по ступицы в песке. Вся эта процессия отправлялась на площадь Кабада, чтобы поставить виселицу, на которой должен был быть повешен убийца и поджигатель Алано Тицон.

Прегонеро, оставшись один посреди темного, огромного двора, осмотрелся кругом, потом задумался.

— Понял ли он меня? — проговорил он тихо, сквозь зубы. — Одно из двух, или я должен ему служить, полностью подчиниться его воле, или должен освободиться от страха, который он мне внушает, то есть освободиться от него самого! Было бы лучше для нас обоих, если б он выбрал первое. Пока я не знал его, чувство страха, боязни, это невыносимое, ужасное чувство было неведомо мне; оно так мучительно, что жить с ним невозможно и нужно избавиться от него во что бы то ни стало!

— Итак, я работник палача! — прошептал он спустя некоторое время, расхаживая по двору. — Оставаться и дальше в ночлежке — дело неподходящее. Ее, конечно, и без моей проделки закрыли бы. Работник, помощник палача! Это нравится мне. А если он не возьмет меня? Ах, это было бы ужасно! Меня бы постоянно тянуло и тянуло сюда, как нынче тянуло и влекло. Он первый осилил и укротил меня, первый связал меня, вот почему я чувствую такую тягу к нему и одновременно — страх! Гм, прегонеро, подумай хорошенько, ведь скорее ты боишься себя самого, а не Царцарозу?

В этот самый момент разговор его с самим собой был прерван внезапно раздавшимся стуком в ворота.

Прегонеро был один во дворе и не знал, что ему делать, отворить или нет? Откликнуться или молчать? «Ведь ты — работник палача, — сказал он сам себе, — твое, стало быть, дело узнать, кто там. Пожалуй, еще кто-нибудь из них воротился с дороги, забыв захватить что-нибудь нужное для виселицы».

Стук усилился.

— Имейте же терпение, не ломитесь так! — воскликнул прегонеро. — Иду ведь уже!

Он приблизился к воротам.

— Кто там? — спросил он, не решаясь еще отворить их.

— Отворяйте, что ли! — закричал голос снаружи. — Дома ли Царцароза?

— Нет, сеньор, вы найдете его на площади Кабада, у виселицы, — ответил прегонеро.

— Благодарю вас, я не охотник до подобных вещей. Но, скажите, пожалуйста, не вы ли прегонеро?

Этот вопрос так смутил нового работника палача, что он изменился в лице, глаза почти

выкатились из орбит, ноздри широко раздулись. «Что за чудо, — подумал он, — верно, сыщик. Уж не сам ли Царцароза прислал его сюда? Ведь, кроме него, никто не знает, что я здесь. Скверная шутка!»

— Отворите, прегонеро, — продолжал посетитель, — не опасайтесь, я один-одинехонек и зла вам никакого не сделаю, я не сыщик, бояться меня вам нечего! — последние слова он произнес со смехом.

— Кто же вы? — спросил прегонеро.

— Имени моего вы не знаете, стало быть, если я вам и скажу его, это ничего не даст. Могу вас только уверить в одном, что я ваш друг!

— Мой друг? Очень любопытно было бы мне узнать вас! Но я уверен, что вы совсем незнакомый мне человек!

— Я вам принес доказательство того, что я ваш друг, а чтоб вы не сомневались, что я вас знаю, могу сказать, что в ночлежке герцогини была пролита человеческая кровь.

— Как, вы знаете это!

— Стало быть, знаю, если говорю. Откройте же ворота, прегонеро. Клянусь святым Франциско, что я не сыщик, не полицейский и пришел вовсе не за тем, чтобы арестовать вас.

— Вы напрасно думаете, сеньор, что я боюсь вас или кого бы то ни было. Я никого на свете не боюсь, кроме одного человека, — ответил прегонеро, отворяя ворота.

Доррегарай, плотно закутанный в плащ и в надвинутой на глаза шляпе, вошел на двор.

— Заприте ворота и идите за мной. Мне нужно с вами поговорить, а чтоб нам никто не помешал, посмотрите, все ли ходы заперты.

Прегонеро исполнил приказание незнакомца и последовал за ним, внимательно его рассматривая, наконец покачал головой, очевидно, удивляясь, что этот человек, которого он никогда прежде не видел, как он вполне теперь убедился, знал, однако, не только его самого, но и то, что случилось прошлой ночью в ночлежке.

— То, о чем я хочу говорить с вами и что привело меня сюда, гораздо важнее для вас, чем для меня, — сказал Доррегарай дружеским, доверительным тоном. — Из моих слов вы поймете сами, что я истинный друг ваш, хотя пока и не верите этому.

— Слова о дружбе делают меня недоверчивым, сеньор!

— Вы правы в этом отношении. Но нет правил без исключений. Если уж вы не верите, что я просто хочу оказать вам дружескую услугу, то должны поверить, если я скажу, что хочу оказать вам ее для собственной выгоды.

— Во всяком случае, скажите, что вас привело сюда, тогда я вам отвечу, верю ли я в вашу дружбу!

— Вы здесь не в безопасности, прегонеро!

— Вы думаете, что палач меня выдаст?

— Не сегодня, так как теперь у него много дела, но завтра — да, даю вам слово!

— Вы говорите, как будто знаете наверняка, что так оно и будет.

— Верьте моему слову! Если вы усомнитесь в моем предсказании, вы погибли, — продолжал горячо Доррегарай. — Говорю вам, берегитесь! Почему вы пришли сюда? Потому что вас тянуло, влекло сюда, потому что вы удивляетесь силе, мужеству и отваге палача, потому что вам нравится его ремесло! Главная же причина вашего неодолимого влечения к нему заключается в том, что он победил, взнуздал вас вчера.

— Может быть, вы отчасти правы, сеньор!

— Я вам больше скажу, прегонеро, вы хотите служить у него, служить ему, не так ли? Вы предложили ему быть его рабом?

— Откуда вы все это знаете?

— Как видите, знаю, и скоро убедитесь, надеюсь, что я желаю вам добра! Вы не только уважаете Тобаля, но боитесь его.

— Кто вам сказал это, сеньор? — воскликнул запальчиво прегонеро. — Я не боюсь никого на свете!

— Я лучше вас знаю, друг мой, что вы боитесь палача, потому что он дал вам

почувствовать свою силу — и физическую, и силу воли, и ума! Вас влекло сюда еще одно обстоятельство: мысль, что здесь вы можете безнаказанно проливать кровь; и сознайтесь, что эта мысль доставляет вам величайшее наслаждение! Слушайте дальше. Вы хотите сделаться рабом, работником палача, хотите видеть, как он исполняет свое дело, хотите стоять возле него, когда он поднимет свой острый, сверкающий топор и потом ловко отсечет им голову от туловища осужденного, хотите упиваться зрелищем потоков крови, текущей с подмостков!

Глаза прегонеро страшно сверкнули. Доррегарай заметил это и продолжал:

— Но вы — работник, раб, вы только присутствуете, но наслаждение от выполнения кровавой операции достается палачу! Не завиднее ли эта доля вашей? Не приятнее ли вам было бы самому встать на это место, самому сделаться мастером? Представьте себе, с каким наслаждением вы бы взмахивали топором и играючи рубили головы, проливали бы кровь — и, заметьте, безнаказанно, под защитой самого закона! Не правда ли, хорошо было бы вам получить эту должность? Подумайте, какой мощный, славный палач вышел бы из вас! Все смотрели бы на вас с восторгом и удивлением! А как бы это успокоило вашу страсть, утолило бы вашу жажду! Жертвами вашими были бы не невинные люди, а осужденные самим законом! Сколько потоков крови пролилось бы под вашим топором, из-под ваших рук!

— Да... да, вы правы, сеньор, это должно доставлять удивительное наслаждение! О, хорошо быть мастером, вы правы! — сказал прегонеро прерывающимся от волнения голосом.

— Место палача — это ваше место! Место же его работника, его раба, вечно находящегося в страхе, вечно трепещущего перед ним, — нет, прегонеро, это будет не жизнь, но каторга, мученье! От этого ига, от его власти над вами вы должны избавиться во что бы то ни стало!

— Да, сеньор, я бы рад был, но как? Я не могу преодолеть в себе это чувство!

— Вы можете убить одним ударом обоих зайцев, — вкрадчиво заметил Доррегарай, — можете одним ударом освободиться от вашего страха и получить место мадридского палача — все это возможно в случае смерти Царцарозы!

Прегонеро взглянул изумленными глазами на говорившего.

— В случае смерти Царцарозы? — спросил он.

— Да, если вы поможете ему умереть!

— Вы, верно, сам сатана, сеньор! Да, недаром говорят, что дьявол все еще ходит по земле, — пробормотал со злостью прегонеро, устремляя пытливый взор на искусителя.

Доррегарай засмеялся, но смех звучал принужденно.

— Так-то вы благодарите меня за мой совет? — спросил он. — Помните, что ваша судьба — в ваших собственных руках! Если вы не примете решения нынешней же ночью, Царцароза может передать вас в руки правосудия завтра, да он и сделает это наверняка, я вам ручаюсь, я знаю его хорошо! Ему нравится разыгрывать из себя честного человека, и будьте уверены, что он наведет на ваш след сыщиков и выдаст вас!

— И вы думаете, что я?..

— Я думаю, что вы должны его предупредить! Кроме меня, никто не знает, что вы здесь! Освободитесь от него одним ударом — и дело с концом. Как только его не станет, я обещаю вам, что; вы будете на его месте. Все зависит от вас! Минута твердой решимости, один хороший удар — и дело кончено... Вы достигаете желанной цели! Донесите высшей власти о кровопролитии в ночлежке, говорите, что слышали о смерти палача, и проситесь на его место! Ваша сила, ваши руки, ноги — достаточная рекомендация для этой должности. Когда вы встанете на подмостках этого театра, публика придет в восторг при виде вашей мощной, атлетической фигуры. Подумайте хорошенько о моем совете, прегонеро, но не раздумывайте слишком долго, а то ваша участь решится иначе, и тогда будет поздно!

Доррегарай устремил проницательный, испытующий взгляд на своего собеседника и заметил, что слова его не пропали даром; лицо прегонеро сильно изменилось и приняло совсем другое выражение, он дико смотрел вперед, глаза искрились зловещим блеском,

мышцы лица и шеи подергивались.

— Теперь выпустите меня, — сказал Доррегарай, — и приготовьтесь очистить себе дорогу! Через час Царцароза возвратится!

Прегонеро ничего не отвечал, как во сне следовал он за незнакомцем, нарисовавшим ему такой завидный план и указавшим возможность осуществить его. Ужас перед исполнением этого плана ослабевал в ярком блеске его последствий.

— Не теряйте даром нынешней ночи! Завтра будет поздно, — сказал искуситель, выходя из ворот. — Он продаст вас, вы увидите это, если не предупредите его! Сопоставьте ваше теперешнее положение раба под игом вечного страха с положением, ожидающим вас, если у вас хватит решимости удалить с дороги препятствие! Завтра же утром вы могли бы уже занять вакантное место палача, достичь всех ваших желаний!

XXIX. На лобном месте Мадрида

В начале девятнадцатого столетия площадь Кабада была уже местом казни. Там, где воздвигался эшафот, было пролито столько крови, что земля на несколько аршин в глубину была пропитана ею.

Пьеро, обессмертивший свое имя славной борьбой за свободу Испании, погиб тоже на этой площади от руки палача. Рассказывают, что когда по улицам Мадрида вели этого благородного человека, привязанного к хвосту осла, то народ громко радовался казни одного из лучших людей своей отчизны, приветствуя ее рукоплесканиями и криками одобрения. Только несколько лет спустя понял он свое печальное заблуждение, понял, что рукоплескал смерти своего лучшего, вернейшего друга! Перед казнью палач, отвязав благородного Пьеро от хвоста животного, не преминул отпустить кучу ругательств в его адрес. Топча его ногами, он воскликнул:

— Наконец-то ты, проповедник свободы, чертов сын, попался мне в руки, теперь ты поплатишься за все свои дела!

И поборник свободы и просвещения умер смертью злодея!

Вообще, с лобным местом Мадрида связаны воспоминания о тысячах жертв варварского невежества и грубого деспотизма, обогривших его своей кровью.

В прежние времена в Испании был обычай осужденных на смерть через повешение привозить на место казни на осле, которому обрезают уши, теперь обычай этот забыт, и привозят их обычно на позорной колеснице или же просто приводят под стражей.

В прошлой главе мы уже рассказали, что Тобаль Царцароза под покровом ночи отправился со своими работниками на площадь Кабада, чтоб поставить виселицу, на которой утром должен был быть повешен Алано Тицон.

Он не признался в преступлениях, в которых его обвиняли, никакие пытки не заставили его признаться, однако в мадридских кругах ходили слухи, что Алано Тицон принадлежал к очень многочисленному тайному обществу, которых в Испании и до того было много, а теперь стало еще больше, так как этому способствовали страшные беспорядки, творимые на севере бандами кар-листов, и разделение всего народа на партии.

Алано Тицон, не уличенный в преступлениях, а только подозреваемый в них, был приговорен, однако, к казни через повешение именно из-за слухов о его участии в тайном обществе, этой казнью правительство хотело запугать других! Единственные показания против него заключались в том, что его неоднократно видели в местах, где производились поджоги, и только на основании этих данных он был приговорен к виселице.

Итак, ночью началась работа на площади Кабада, работники палача в красных рубахах с засученными рукавами вырыли посреди площади три ямы и укрепили в них столбы. Глухо раздавались удары молотов, жалобно визжала пила в ночной тишине; прохожие останавливались на минуту, крестились и быстро шли прочь от неприятного места. Только немногие останавливались у забора, за которым кипела работа, и сквозь щели смотрели на возведение эшафота.

Поверх столбов были положены поперечные балки, посреди одной из них был ввернут железный крюк.

В первом часу ночи работа была окончена. Лестница, веревки и пила остались под виселицей, а работники со своей телегой отправились в обратный путь. Царцароза, строго осмотрев виселицу и убедившись в ее прочности, тоже направился домой.

Он обогнал своих работников и раньше них пришел к своему мрачному, пустынному двору.

Отворив ворота, он оставил их незапертыми и, войдя, осмотрелся кругом, очевидно, отыскивая оставленного им на дворе прегонеро, которым он интересовался больше, чем можно было бы заключить из его разговора с последним.

Не видя его нигде, он стал уже думать, что тот ушел. Это его удивило и озадачило; в раздумье посмотрев еще раз во все стороны, он поднялся на крыльцо и, отперев дверь, скрылся в темных своих комнатах.

Но, очевидно, он беспокоился, потому что через некоторое время вышел опять во двор и, еще пристальнее осмотревшись кругом, пошел искать по всем углам прегонеро. Чем это было продиктовано — желанием удостовериться в уходе последнего, недоверием к нему или просто участием, живым интересом к этому человеку — он не мог себе объяснить, но только был взволнован и долго ходил по двору, продолжая искать его в темноте, в которой, впрочем, проницательный взор палача очень хорошо все различал.

Вдруг он открыл предмет своих поисков возле самой лестницы своего домика, где прегонеро лежал, зарывшись в виноградные листья и плотно прижавшись к стене.

Царцароза подошел к нему, внимательно посмотрел, прислушался к его дыханию и убедился, что он спит крепким сном. По-видимому, палач был доволен своим открытием. Заметив, что работники все привели в порядок, а сами отправились в сарай, находившийся позади дома, он возвратился потихоньку к себе.

Тобаль Царцароза никогда не запирался на ночь, так и теперь, войдя в переднюю, уже известную нам, он оставил наружную дверь незапертой и прямо отправился в свой маленький кабинет, служивший ему и спальней.

Эта маленькая комната носила тот же отпечаток простоты вкусов хозяина, как и все прочее в доме. Постель состояла из твердого, жесткого матраца и грубого одеяла. Сын герцогини приучил себя к суровой жизни, он мог выносить всякие лишения и не позволял себе никакого комфорта, никакой роскоши. К уединению он тоже привык, привык жить отдельно от человеческого общества, он не искал его, не нуждался в людях, не особенно любил их, но и ненависти к ним не питал.

Погасив свечу, он лег в свою жесткую постель.

На дворе все было тихо. Как ему, так и его работникам оставалось мало времени для отдыха, рано утром они должны были быть опять на площади Кабада.

Но палачу, против обыкновения, не спалось почему-то в эту ночь, он лежал и думал. Вдруг ему показалось, что на дворе что-то скрипнуло, как будто хрустнул песок у кого-то под ногой, звук этот повторился на крыльце.

Палач не двигался, однако продолжал прислушиваться. Но больше ничего не было слышно, стояла мертвая тишина.

Может быть, он не обратил бы внимания на этот легкий, почти неуловимый звук, если бы не помнил о присутствии прегонеро возле его дома.

Наконец ему надоело лежать без сна, и он решил встать и дождаться утра не в постели, а на ногах; вдруг в эту самую минуту ему показалось, что отворилась дверь в переднюю с крыльца.

Царцароза знал, что ночью люди часто ошибаются, им может слышаться или привидаться то, чего вовсе нет; он не встал и продолжал прислушиваться. Вскоре он убедился, что дверь действительно открылась, так как потянуло свежим, холодным воздухом.

— Не ветер ли открыл ее? — думал он. — Да нет, это невозможно, на дворе тихо, ни

ветра, ни даже шелеста листьев не слышать.

Наконец в передней послышались шаги, дверь из нее в спальню была открыта, но из-за виноградных листьев, закрывавших окно, было так темно, что невозможно было ничего разобрать. Сомнений не оставалось, кто-то тихо крался через переднюю к его двери!

Наконец на пороге показалась фигура таких огромных размеров, что, несмотря на темноту, Царцароза сумел ее различить.

«У меня нет, — подумал он, — ни одного работника такого огромного роста!»

С напряженным вниманием он ждал, что будет дальше.

В это самое время в спальню проник первый слабый луч утренней зари. Это произвело, по-видимому, неожиданное впечатление на прегонеро, он отступил назад.

Царцароза, заметив в его руке топор, который тот достал из сарая, притворился спящим.

Прегонеро опять сделал шаг к постели, страсть к убийству, пробужденная в нем искусителем, вспыхнула вновь. Но вдруг он одолел ее, отшвырнул топор в сторону и бросился на колени перед постелью.

— Проснитесь, мастер, — воскликнул он, — проснитесь! Я должен вам признаться, что привело меня к вашему ложу! Я хотел убить вас, чтоб освободиться от вашего влияния надо мной, но нет, не могу, не в силах! Делайте со мной, что хотите, конечно, вы покорили, поработили меня!

— Зачем ты пришел сюда? Что тебе нужно? — спросил Тобаль Царцароза, притворяясь, как будто он ничего не видел и не понимает, что происходит вокруг него.

— Я хотел вас убить, потому что сюда ночью приходил один незнакомец и уверял меня, что если я это сделаю, то отделаюсь от чувства страха перед вами и займу ваше место, вот я и пришел с топором, но мне показалось, как будто я сам себя хочу убить, я и бросил его в сторону, мастер! Простите меня! Теперь отдаю в ваши руки свою жизнь.

— Чудной ты, странный человек, — сказал Царцароза, — сначала ты хочешь убить меня, потом падаешь в ноги, каешься, как перед Богом! Странного помощника послала мне судьба!

— Не отталкивайте меня, мастер!

— Да будет так, оставайся! — сказал он, наконец, после краткого раздумья. — Попробую, что из тебя выйдет!

— Благодарю вас! Я не дам вам повода раскаяться в вашем поступке, мастер!

Пока эта сцена происходила в доме палача, площадь казни начала оживать. Много любопытных спешило туда, чтоб не пропустить интересного зрелища и занять лучшее место; между ними были и женщины, в подобных случаях не уступавшие в любопытстве мужчинам.

Замечательно было то обстоятельство, что несколько сотен человек, все в темных плащах и шляпах, в кавалерийских сапогах, окружили эшафот со всех сторон. Некоторые из них разговаривали между собой, другие же, по-видимому, не знали друг друга. Между ними были, впрочем, и рабочие, и девушки, и другие любопытные, возле домов стояли даже экипажи, в которых сидели господа, тоже желавшие посмотреть казнь. На крышах и в окнах домов, окружающих площадь, зрители прибывали с каждой минутой, наконец вся площадь покрылась сплошной массой народа. От кружка стоявших вокруг эшафота людей в темных плащах с примешавшимися к ним работниками палача к узкому переулку, который выходил на площадь, потянулись два ряда людей в тех же костюмах; между этими двумя рядами оставался узкий проход вроде коридора. Впрочем, никто не обращал внимания на это обстоятельство, которое, если и заметить, можно было отнести к простой случайности.

Назначенный час приближался, полицейские агенты хлопотали и суеились вокруг эшафота, пытаясь осадить назад толпу, подступавшую все ближе и ближе к нему.

Раздался, наконец, заунывный звон колокола, возвещавший о приближении процессии.

Вдруг в толпе разнесся слух, что палач был убит ночью. Известие это произвело сильное впечатление, со всех сторон раздались голоса:

— Стало быть, казнь будет отложена! — говорил один.
— Не может быть! Не должно этого быть! — восклицали другие.
— Он должен быть повешен, можно и без Вермудеца обойтись! Другой может сделать это!

— Не напрасно же мы пришли сюда, — кричал громче других один толстый погонщик выючных ослов, — пришли смотреть на казнь, так и давай нам ее!

— Мы не позволим себя дурачить, — вторил ему красноречивый шалопай с распухшим от пьянства лицом, — что же мы, потеряем нынешний день напрасно? Ведь мы бросили работу для того, чтобы посмотреть, как он будет тут мотаться!

— Тихо, идет процессия! — вдруг пронеслось в толпе, и все поднялись на цыпочки, чтобы видеть лучше.

— Да он не умер, это ложь, он жив! — раздавалось со всех сторон и передавалось из уст в уста с невероятной быстротой.

— Видишь, идет с каким гордым видом, уверен, что добыча не уйдет от него!

— Посмотрите, какой красавец! Еще выше Вермудеца!

— Как его зовут?

— Христобаль Царцароза!

Процессия медленно продвигалась вперед среди густой толпы, с трудом раздвигаемой полицейскими агентами.

Против обыкновения, не было военной команды для водворения порядка, потому ли, что не ожидали, чтоб в столь ранний час собралась такая масса людей, или рассчитывали, что достаточно будет одной полиции, только расчет оказался неверен, и давка была страшная.

Алано Тицон, осужденный на смерть через повешение, был маленький человечек, лет двадцати, не более, он шел с поникшей головой между несколькими монахами. Перед ним шли тюремный священник и судья, позади палач, за которым следовали, не отставая ни на шаг, двое его работников. Кандалы были сняты с осужденного.

Проходя сквозь толпу, он украдкой бросал взгляд то в ту, то в другую сторону, как будто искал кого-то в толпе, потом быстро опять опускал голову. Страх и ожидание смерти, по-видимому, сильно на него подействовали — он был бледен и худ, как мертвец. Глядя на него, трудно было поверить, что он способен на злодеяния, в которых его обвиняли.

Наконец под заунывный звон колокола процессия приблизилась к виселице. Работники палача приставили к балке с крюком лестницу, и один из них, взобравшись по ней, прикрепил к этому крюку толстую веревку с завязанной на ней глухой петлей.

Судья передал палачу бумагу, заключавшую в себе приговор.

Толпа как будто замерла от ожидания, гробовое молчание царило кругом, все взоры были обращены на мощную фигуру палача и на маленькую, невзрачную фигурку преступника, который с безразличным видом слушал напутствия монахов и с очевидной неохотой преклонял вместе с ними колена для предсмертного покаяния и молитвы.

Когда, наконец, судья и прочие люди этой процессии отошли в сторону, передав осужденного в руки палача, и последний пробовал уже прочность петли, намереваясь накинуть ее на шею своей жертвы, толпа вдруг заволновалась, какое-то движение произошло в ней, и помощники Царцарозы схватили Алано Тицона еще крепче; на краю площади раздались крики: «Пожар, пожар!» Одновременно с этими возгласами действительно из окон и из труб какого-то дома повалили густые, черные клубы дыма.

В тот же момент все, стоявшие под виселицей и вблизи нее, были окружены цепью людей и так тесно зажаты этим кольцом, что вскоре все пустое пространство под виселицей заполнила плотная масса народа, давившего друг друга.

На площади из-за пожара началась неразбериха, поднялся страшный шум; под виселицей тоже закричали, завязалась драка, большинство находившихся тут людей не понимало, что происходит, из-за чего эта драка и этот гвалт.

Сумятица была страшная; осужденного вырвали из рук палачей, набросили на него

плащ и шляпу, какие-то люди окружили его и быстро вывели из этой давки. Он бросился бежать между описанными прежде двумя шеренгами, образовавшими проход, прямо в узкий переулок, выходивший на площадь; между тем преследователи, бросившиеся было вслед за ним, не могли прорваться сквозь толпу, и когда раздались крики, что преступник бежал, множество людей начало кидаться в разные стороны, чтобы отыскать его, но того и след простыл, никто не мог сказать даже, в какую сторону он побежал, так как в плаще и шляпе он ничем уже не выделялся из толпы.

Работники палача, полицейские агенты и чиновники, сам судья пытались задержать людей, ближайших к виселице, обвиняя их в освобождении преступника, но и они в общей суматохе терялись в толпе, на их месте появлялись новые, не хотевшие слушать никаких обвинений, да и действительно не имевшие никакого отношения к тому, что случилось, многие из них вступили в драку с представителями законной власти, пытавшимися схватить их и привлечь к ответственности. Схватка эта приняла, наконец, такие размеры, что на помощь правительственным агентам явилась военная команда. При появлении на площади штыков толпа вдруг начала быстро редеть, и военной силе пришлось защищать полицию и чиновников от невинных граждан и рабочих, ввязавшихся с ними в драку; будучи арестованы военной командой, эти люди представили ясные доказательства своей непричастности к делу освобождения Алано Тицона.

Тобаль Царцароза и один из его работников были ранены во время схватки.

XXX. Обманутый предатель

Возвратимся теперь к Инес, которая, как мы уже сказали, задремала, когда цыган остался у нее в комнате. В нем она не сомневалась, хотя и не отдавала себе отчета, почему так поверила в его доброе расположение, в его бескорыстную заботу о ней; это было тем более непонятно, что цыгане вообще известны как люди, готовые всегда предать ближнего ради личной выгоды.

Это мнение о них должно было оправдаться и теперь.

Старый Цимбо, лишившийся своей собаки из-за молодой сеньоры, за защиту которой он не предвидел никакого вознаграждения, лишь убедился, что опасности и неудачи уже начались, решил, стоя у окна и раздумывая обо всем случившемся, отступить от роли покровителя и защитника.

«Ради чего, — рассуждал он сам с собой, — буду я накликал на себя беды и напасти! Пожалуй, дорого еще придется поплатиться за это глупое покровительство. Взятся защищать чужую, неизвестную мне девушку, которой грозит только одно — что ее отвезут назад в Мадрид, мне-то придется похуже, если я не отступлюсь от своей глупой затеи.

Да и долго ли я смогу охранять и защищать ее, когда там двое преследователей! Не умнее ли будет с моей стороны выдать ее им да получить от них за это какое-нибудь вознаграждение. По крайней мере, можно будет считать, что я не даром лишился своей собаки, и спокойно отправиться к родному табору. С ней тоже ничего не случится дурного, отвезут ее в Мадрид. Да и что мне до нее? Передам ее им, возьму денежки — и дело с концом».

Он находил вполне естественным, что извлечет выгоду из своего предательства, и нимало не задумывался об этом.

Что до обещания, которое он ей дал, так не в принципах цыган заботиться об обещаниях, которые они всегда готовы нарушить при первом удобном случае!

«Нет, будет, — сказал он сам себе, вспоминая с сердечным горем о своей убитой собаке, — я и так пострадал!» Он тихо направился к двери, охваченный нетерпением поскорей исполнить свое решение.

Услыхав его шаги, Инес вдруг проснулась. С испугом она осмотрелась кругом, будто находясь под впечатлением тяжелого сна.

— Это вы! Как, вы хотите уйти? — спросила она взволнованным голосом.

Цимбо невольно остановился при этом вопросе.

— Вы хотите оставить меня, — продолжала она, — хотите отдать меня моим преследователям? Нет, нет, этого быть не может, вы не можете так поступить.

— Будьте спокойны, сеньора, спите, не опасайтесь ничего, все тихо кругом. Я хочу только посмотреть, не сможем ли мы пройти, — ответил старый Цимбо.

Инес посмотрела на него и замолчала, какой-то внутренний голос подсказывал ей, что Цимбо хочет предать ее, что она погибла.

— Так вы действительно уходите, вы оставляете меня одну? — спросила она замирающим от страха голосом.

— Если вы боитесь остаться, запирайте за мной дверь, сеньора. Я хочу только посмотреть, не сможем ли мы уйти, чтоб нас никто не видел. Скоро утро, тогда труднее будет выбраться незамеченными, — прошептал цыган успокаивающим тоном.

— Он уходит, — еле слышно прошептала Инес, — но он не предаст меня, этого не может быть, нет, тысячу раз нет! Не был ли он так долго моим верным защитником! Хотя я и не могу заплатить ему за его услугу, но он не оставит меня! Я должна доверять ему!

Цимбо тихонько отворил дверь, скользнул в нее и скрылся в темном коридоре.

Она явственно слышала его шаги, слышала, как, подойдя к лестнице, он вдруг остановился, а потом начал осторожно спускаться вниз.

О! Какой длинной казалась эта ужасная ночь, а ей все еще не видно было конца.

Инес поднялась со своей постели, чтобы запереть дверь. Подойдя к ней, она услышала шепот внизу у лестницы и высунула голову в коридор, стараясь подслушать тихий разговор. Она поняла только, что говорили трое, слова же их не долетали до нее. Мучительное сомнение овладело ею, неужто Цимбо и впрямь решился предать ее! При этой мысли она вся задрожала, но тут же взяла себя в руки: она должна проверить это. Тихими, неслышными шагами вышла она в коридор и подкралась к лестнице, тут она ясно услышала разговор, происходивший внизу.

Цимбо, голос которого она сразу узнала, произнес почти шепотом:

— Она запрется в своей комнате и пробудет там до утра, так она не уйдет от вас. Вы возьмете ее и увезете в Мадрид.

Инес побледнела, Цимбо действительно предал ее.

— Не забудь, — возразил другой голос, — что мы взяли бы ее и без тебя.

— Как бы там ни было, я все-таки надеюсь, что вы и мне выделите что-нибудь из ваших барышей. Вспомните, что я ведь лишился своей собаки, — возразил Цимбо.

— Ты был бы дурак, — вмешался третий голос, принадлежавший Фрацко, — если бы не взял хорошего куша, вызвавшись быть ее проводником! Ведь она графиня!

— Я ничего не получил, тогда как вы за эту добычу получите несколько тысяч реалов.

— Кто это сказал тебе?

— Бросьте спорить, — сказал Цимбо, — я знаю это. Из своих тысяч можете, я думаю, уделить мне сотню за то, что выдаю ее вам без всяких хлопот, без всякого шума.

— Как думаешь, Фрацко? — спросил Рамон своего товарища. — Должны мы ему дать сколько-нибудь или нет?

— Она еще не в наших руках, — ответил тот потихоньку, — подожди до завтра, возьмем ее, так и тебе дадим, никто же не платит зря денег.

— Я полагаю, что предложил вам верное средство взять ее. Это все равно, что она уже в ваших руках.

— Ведь тебе, я думаю, старик, не трудно подождать до утра, — заметил Фрацко, — тогда и дадим тебе, как только устроим дело.

— Фрацко прав, — подтвердил Рамон, — дождемся дня, и если она попадет нам в руки, ну, тогда и тебе будет награда.

Итак, Цимбо действительно предатель, сомнений больше не оставалось. Инес дрожала от страха. «Теперь, — думала она, — все кончено, я пропала».

Внизу ее преследователи продолжали торговаться со старым цыганом. Что оставалось

делать бедной Инес? Неслышно вернулась она в свою комнату и осторожно заперла за собой дверь.

В это время взгляд ее упал на окно, возле которого все еще стояла лестница; цыган же продолжал торговаться с ее преследователями.

Инес решила на отчаянный шаг. Она быстро подбежала к окну и открыла его. На дворе было тихо и пустынно. «Воспользуюсь этой минутой», — мелькнуло у нее в голове.

И тут в коридоре слышались шаги старого Цимбо. Медлить было нельзя. Она вспрыгнула на подоконник и вылезла в окно. Ее попытка должна была удалиться, сыщики, судя по всему, были в коридоре, наверху, вместе с Цимбо. Она прикрыла за собой окно и, благополучно спустившись по лестнице на двор, бросилась к деревьям и скоро исчезла за ними.

Старый предатель стоял у ее двери с Фрацко и Рамоном и тихо стучался. В комнате никто не отзывался на этот стук. Цимбо постучал сильнее.

— Откройте, сеньора! — воскликнул он наконец. — Это я, Цимбо, цыган!

— Не открывает, — прошептал Рамон, — что бы это значило? Не заметила ли чего-нибудь?

— Что бы она могла заметить? — сказал Фрацко. — Стучи громче, — добавил он, обращаясь к цыгану.

— Верно, заснула, — заметил последний, — она ведь очень измучилась, — и принялся стучать громче.

Когда и на этот стук ответа не последовало, Рамон забеспокоился.

— Что там с ней случилось? — сказал он шепотом. — Что стучать, надо надавить хорошенько на дверь. Времени у нас немного.

— Не может быть, чтоб она так крепко заснула, наверное, просто боится отпереть, — заметил цыган. — Сеньора, отворите, это я! — сказал он погромче.

— Я начинаю думать, что ты, старая лисица, нарочно держишь нас здесь! — воскликнул злобно Фрацко. — В комнате никого не слышно. Пусти-ка меня, я открою.

Он оттолкнул Цимбо и Района и всей тяжестью навалился на старую, плохонькую дверь, поднажал — и она отворилась с громким треском. Все трое вошли в маленькую комнатку.

Рамон и Фрацко сразу увидели, что в ней никого нет.

— Что же это такое, где она? Никого нет, кроме дохлой собаки, — проговорил с яростью Фрацко, указывая на Кана.

— Она ушла, — пробормотал Рамон. Цыган осмотрел все углы, заглянул под кровать, он не мог прийти в себя от изумления.

Фрацко посмотрел на него недоверчиво.

— Куда же делась графиня? — спросил он, обращаясь к нему. — Ты ведь хотел нам выдать ее, старая каналья!

— Ах ты, мошенник! Хотел деньги взять с нас вперед, да и удрать небось!

— Ну смотри, с нами шутки плохи. Говори, где графиня? — угрожающе воскликнул Фрацко. — Куда ты ее дел?

Цимбо стоял, окаменев от изумления.

— Ничего не понимаю. Это какое-то чудо! — проворчал он сквозь зубы.

— Я выбью из твоей головы это чудо, старый черт! — произнес Фрацко с яростью, толкнув старика к порогу. — Так ты вздумал обмануть нас! Ты хотел взять с нас деньги, да нас же после на смех поднять! Не так мы глупы, как ты думал!

— Говори же, где сеньора? — воскликнул Рамон, так треснув Цимбо кулаком, что у того потемнело в глазах. — Куда ты ее спрятал, признавайся?

— Признавайся сейчас же! — прошипел Фрацко, сбив старого предателя с ног. — Говори, где графиня?

— Не знаю, сеньоры, клянусь, что не знаю! Она была здесь, когда я пошел к вам.

— Так мы и поверили тебе, цыганская рожа, — сказал Рамон, — знаем мы ваше

отродье, всякого проведете, всякого норовите надуть! Сто реалов хотел стянуть. Нет, постой, брат, ты у меня за это заплатишься!

— Смилуйтесь, сеньоры, клянусь вам всеми святыми, Богом клянусь, что не знаю, куда она подевалась.

— Да разве для вашего цыганского племени есть что-нибудь святое? Смотри-ка, вздумал шутики шутить. Знаем мы, что значит цыганская клятва, — заметил Рамон, продолжая осматриваться в комнате.

— Она спустилась в окно! — вдруг воскликнул Фрацко, отворяя его. — Пока он болтал там с нами внизу, она преспокойно спустилась вниз и убежала.

— Так, так, ты прав, — согласился Рамон. — Надо поторопиться, чтобы не упустить ее. И оба торопливо начали спускаться через окно.

Цимбо был радехонек, что они отвязались от него. Но едва они скрылись, как в коридоре послышались шаги, там кто-то страшно ругался и кричал.

Это был хозяин, который, услышав наверху шум, позвал своего конюха и пошел узнавать, что случилось. В одной руке он нес фонарь, а в другой плетку.

— Что это за компания наверху?! — восклицал он, идя по коридору. — Шум какой подняли среди ночи! Ах, черти, дверь изломали мне! — закричал он еще громче.

Старый Цимбо поднялся с жалобной миной.

— Они выскочили туда, — сказал он, указывая на открытое окно.

— Да, это настоящие разбойники! — крикнул хозяин. — А все виновата эта сволочь — цыган! Держи старикашку, Бернард, другие улизнули.

Цимбо сжали здоровые руки.

— Пощадите, дайте мне сказать... — умолял он.

— Молчи, старый мошенник! Все вы, цыгане, воры и обманщики. Заплати мне за сломанные двери, а до тех пор — ни слова!

Цимбо все-таки пытался объяснить, в чем дело, но взбешенный хозяин ничего не хотел слышать.

— Деньги! — кричал он. — Ну погоди, ты у меня дешево не отделаешься! С тебя пятьдесят реалов.

— Но сжальтесь же, выслушайте!

— Без разговоров, цыган, — прикрикнул Бернард, — плати деньги или я переломаю тебе кости так, как ты сломал двери в доме моего хозяина!

— Меня тут не было, сеньор, двое незнакомых мужчин...

— Ты мне попался, ты и заплатишь за беспорядок. Давай деньги!

Цимбо вынужден был, жалуясь и охая, заплатить штраф за измену. Между тем, Рамон и Фрацко пытались обнаружить следы бежавшей, но ничего не нашли и решительно не знали, какого направления держаться. Куда пошла Инес? Далеко уйти она не могла, а скорей всего, спряталась где-нибудь в чаще леса, у подножия горы. Надо было во что бы то ни стало найти ее, и они уверены были, что найдут, так как она совершенно не знала местности, им же, напротив, знакома была каждая тропинка, каждая ямка.

Рамон и Фрацко составили себе план действий и принялись обыскивать чащу леса. Наступающее утро облегчало поиски. Теперь беглянке не миновать их рук.

Часть II

I. Карлисты

Глубокая темная ночь опустилась на волнистые равнины северной Испании, простирающиеся до самых Пиренеев.

Сочные луга и нивы, прежде так радовавшие крестьянина, теперь оставались невозделанными, о стадах нигде не было и помину. Все точно вымерло кругом.

Крестьяне едва решались выходить из своих селений, стояла стояли пустые, амбары тоже — на всем лежал отпечаток горя и нужды. Если где-нибудь слышалось мычание коровы, жадные карлисты тут же присваивали себе это последнее достояние какой-нибудь бедной вдовы или разоренного поселянина, они замечали все, чем можно было бы поживиться даже в самом скромном хозяйстве. И горе тому, кто осмеливался сопротивляться! Дерзкого тут же убивали как врага короля Карла VII, так называл себя дон Карлос.

Кровавая народная война принесла бедность и тяжелые страдания в города и селения. Банды дона Карлоса все прибывали на север Испании, и лагерь его растягивался дальше и дальше. Делясь на отряды, карлисты прятались в болотах и в лесах и, нападая оттуда, жгли и грабили окрестные городки и селения.

Дон Карлос создал свое министерство и правительство и позволил уничтожать все, что не хотело ему покориться.

Еще больше встревожило испанцев распространившееся в июле известие, что король Амедей с королевой и группой верных ему людей уехал из Мадрида к себе на родину, в Италию. Он отказался от трона, который, несмотря на стремление короля дать мир Испании, не принес ему ничего, кроме неблагодарности и тревоги за собственную жизнь.

Республика была неминуема. Во главе ее встал Кастелар, очень умный человек, глубоко уважаемый всеми партиями. Но народ пришел в уныние и потерял последнюю надежду; нужен был не ученый, пользующийся доверием известных партий, а человек, к которому бы с полным доверием отнеслась вся Испания, человек с железной силой воли и непоколебимой энергией, диктатор — второй Кромвель!

Карлисты, между тем, торжествовали и все смелее продвигались дальше. Их дела шли теперь как нельзя лучше. Единственный, кого они еще опасались, был Серрано, герцог де ла Торре, но он, казалось, уклонялся от деятельного вмешательства.

В Пиренеях шла оживленная жизнь. Граница кишела множеством авантюристов всех стран и наций, ряды дона Карлоса пополнялись. Этот безземельный принц, казалось, разом приобрел силу и значение! Беспреданно мчались поезда и тянулись суда с провиантом, амуницией и оружием, дон Карлоса и его брата Альфонса окружал многочисленный генеральный штаб, принц раздавал чины и должности, как будто уже был признанным королем Испании, Карлом VII. Такой оборот дела вызвал внимание и доверие банкиров, они стали вступать с ним в сотрудничество. Он сделал заем, позволяющий ему развернуться еще сильнее, и получил обещание на дальнейшие ссуды, когда перейдет границы Бургоса и Сарагосы и переправится через Дуэро.

Король Амедей уступил ему свое место, республиканские войска не слишком энергично продвигались вперед, его же банды были полны надежд на успех, что и самому дону Карлосу придавало уверенность в близости его торжественного въезда в Мадрид. У него было до восьми генералов и около десяти так называемых вождей, командовавших отдельными отрядами.

Прошло несколько месяцев со времени последних событий нашего рассказа.

В одну темную осеннюю ночь в прекрасной долине у Логроньо, окруженной лесистыми возвышенностями, ярко горели сторожевые огни. Здесь спали, пели, играли в карты и пили человек сто мужчин самой странной наружности: желтолицые, как турки, в костюмах всех видов, в шляпах, шапках, а то и с непокрытой головой. Это были карлисты. Многого еще недоставало в их снаряжении, но это только придавало им еще более страшный и воинственный вид. Они напоминали шайку разбойников, которых так много в горных лесах.

Однако же это были не разбойники, а войска его величества короля Карла VII, боровшиеся или готовые к борьбе за корону и святую церковь и по всей форме присягнувшие дону Карлосу. Около них лежало оружие всевозможных видов и систем, а в стороне паслось штук двенадцать худых, измученных кляч.

Шло шумное веселье, как будто это была не война, а какая-нибудь пирушка. Одни

жарили над огнем куриц, другие пели, третьи шумно спорили о деньгах, деля их по жребью, бутылки шли по кругу. Многие спали, накрывшись плащами, успев вдоволь попить с сельскими красавицами.

Карлистам жилось отлично, их банды увеличились еще больше с тех пор, как патеры стали всюду убеждать своих духовных детей поддерживать дело дон Карлоса.

Огонь ярко пылал посреди долины, в него беспрестанно подбрасывали сучья и ветви, и его прекрасный свет придавал картине живописный вид. Вверху, на возвышенностях, еле заметно для глаза, стояли караулы этого далеко растянувшегося форпоста карлистов. Несколько поодаль от огня спал начальник отряда Изадор Тристани.

Ему вполне подходила эта роль, так как он знал военную службу и обладал явным талантом шпиона.

Вдруг на высотах послышался оклик, щелкнули курки, и вскоре один из караульных подошел к отряду Изадора, ведя с собой солдата. В нем сразу можно было узнать карлиста по куртке и грибообразной шапке, отороченной по канту бахромой. Желтое лицо его обрамляла всклокоченная черная борода. Караульный, подойдя к Изадору, разбудил его.

— Что такое? — спросил Изадор, вскакивая.

— Посланный генерала Доррегара, — отвечал караульный, указав на стоявшего поодаль солдата.

— От Доррегара? Поди сюда, сын мой, — сказал Тристани, — что скажешь?

— Неужели вы не узнаете меня, капрал? — спросил карлист.

— Черт возьми! Как не узнать? Винцент?

— У вас хорошая память, капрал!

— Стрелял в короля, не попал, а я из-за этого попал в Адский замок, ха-ха! — посмеивался Изадор. — Как не узнать! Ну, какое известие принес?

— Тайное известие от генерала. Славная штука! Вы сразу можете попасть в командиры, капрал, вам ведь вообще везет!

— Лъстишь, сынок!

— Нисколько! Я принес такое известие, которое даст вам возможность попытаться счастья.

— Говори!

— Во втором часу утра в Риво приходит военный поезд... Риво — это маленькая станция по эту сторону Логроньо...

— Знаю, сынок, милях в двух отсюда!

— В этом поезде генерал Мануэль Павиа де Албукерке и бригадир Жиль-и-Германос с отрядом, за которым завтра последует еще большая партия их солдат. Они хотят выйти в Риво и, без сомнения, готовят атаку.

— Во втором часу? Теперь скоро полночь... Хорошо! — сказал Тристани.

— Генерал Доррегара велел напомнить вам, что поезд проходит по мосту через реку Риво, и с ним легко может случиться несчастье.

Изадор усмехнулся.

— Генерал напрасно беспокоился и напоминал мне об этом. Скажи ему, что у Тристани есть хороший план и он выполнит его.

— Дело отличное, завидую вам, капрал... Дон Карлос здесь недалеко, он едет, говорят, на границу с доном Альфонсом и со своим штабом, чтобы там жениться. Если дело с поездом удастся вам, капрал, вы вполне можете рассчитывать на богатое вознаграждение.

— Будем надеяться, сыночек, — отвечал Изадор. — Возвращайся же скорее к генералу и скажи ему, что я исполню его приказание, но прошу все-таки быть наготове. Он со своей тысячей теперь почти в шести милях отсюда, а если у нас дойдет до стычки, я со своей сотней окажусь в большом затруднении. С такой лошадей, как у тебя, ты через три часа будешь в своем лагере, а если в четыре вы выступите, так к десяти приедете в Логроньо, что и нужно, чтобы захватить второй поезд! Предусмотрительность часто ведет к неожиданным успехам!

— Доложу об этом, капрал.

— Торопись же, Винцент, ведь и тебе что-нибудь перепадет... Без награды или повышения какого-нибудь не останешься! — сказал Изи́дор.

Карлист еще раз поприветствовал капрала и быстро ушел.

Вслед за его уходом по долине раскатилось эхо барабана, и спавшие карлисты вскочили. Все схватились за оружие, и через несколько минут отряд был готов к выступлению.

Отдав приказание трем офицерам немедленно вести солдат к местечку Риво и спрятаться поблизости в роще, Изи́дор выбрал десять человек самых отчаянных и сильных храбрецов и отправился с ними верхом.

Сторожевые огни были потушены, караулы сняты, и три отряда двинулись в ночной темноте к городку Риво, куда направился и Тристани со своими всадниками.

Еще не пробило полуночи, когда отряды покинули лагерь. Им нечего было бояться встречи с неприятелем, он здесь еще не появлялся. Кроме того, офицеры хорошо знали окрестности и могли вывести отряды кратчайшей дорогой к роще, находившейся недалеко от городка. Но никто из них не знал цели экспедиции.

Один Тристани посвящен был в тайну Доррегарая, вошедшего в милость у дон Карлоса и произведенного им в генералы. И лучше Тристани для подобного дела Доррегарай не мог бы найти человека.

Изи́дор со своими всадниками мчались вперед, проехали селение, погруженное во мрак и сон, и, наконец, достигли рощи, через которую можно было выехать на станцию Риво.

Оставив одного из своих солдат в роще ждать подхода остальных, чтобы потом осторожно вывести их на дорогу, когда получит от него приказание, он поскакал дальше и скоро подъехал к железной дороге, идущей с юга, из Мадрида в Логроньо.

К часу они были у моста, соединяющего берега реки Риво, по которому шли поезда. Сторожевого домика поблизости не было, в этом Изи́дор удостоверился прежде всего. А если б и был, так ничего не стоило лишить сторожа возможности подать голос. Никакая война не несет столько бед, как народная.

Карлисты, прыгнув с лошадей, привязали их к телеграфным столбам и принялись за работу. Забравшись на насыпь железной дороги, они быстро начали разбирать путь прямо перед мостом.

Тристани подавал самый деятельный пример в этой ужасной работе. Никто им не мешал. Ночь была темная, безлунная, ни одна звездочка не осветила ее мрака. Вокруг пустота, кое-где торчал кустарник или дерево, как призрак, возносило к небу свою вершину. Поднявшийся ночной ветер тихо пел в телеграфных проводах, шелестел высокой травой, росшей по обеим сторонам железной дороги, пригибал ее к земле, и эти звуки заглушали шум работы карлистов.

Вдруг Тристани поднял голову, прислушиваясь. Ему показалось, будто кто-то вскрикнул. Но вокруг опять все смолкло, верно, прокричала какая-то птица. Они продолжали свою работу, и скоро все было готово. Поезд, подойдя на всех парах к мосту, перед которым у самого обрыва, круто уходящего к реке, были сняты рельсы, сорвется и полетит вниз с насыпи!

Тристани хорошо выбрал место, тут уж несчастным не было спасения! Выпрямившись, он довольным взглядом окинул дело своих рук. В эту минуту далеко-далеко впереди показался слабый свет... Изи́дор осклабился...

— Два часа, — сказал он, — поезд идет!

Отойдя с помощниками в сторону, он наслаждался картиной произведенного разрушения и пристально вглядывался в свет фонарей локомотива, приближавшихся как два огненных глаза.

Это огромное чудовище, пыхтевшее и свистевшее среди ночного безмолвия, было еще далеко, но с каждой секундой приближалось к своей гибели, к гибели и смерти всех тех, которые доверились ему...

Поезд подходил ближе и ближе...

II. Последняя ночь в монастыре

Прежде чем продолжать рассказ, вернемся к тому дню, когда Амаранту, в присутствии графа Кортесиллы, пытали водой, чтобы заставить отречься от дон Карлоса.

Мы видели, что она выдержала пытку и ее, потерявшую сознание, снова отнесли в мрачный каземат.

В коридоре за колонной стоял молодой патер не в обыкновенной монашеской рясе, а в широком черном одеянии. Он увидел искаженное страданием лицо Амаранты, когда ее понесли в подземную келью, и сердце его сжалось от сострадания...

Это был патер Антонио. Он узнал Амаранту и решил непременно помочь ей. Помимо того, что подруга молодой графини могла подсказать ему, где скрывается Инес, чувство сострадания к несчастной призывало его помочь ей. И он остался на время в монастыре, чтобы обдумать свой план действий.

У патера Антонио всегда и прежде была келья в монастыре, и он отправился туда сказать старшему в этот день патеру о своем прибытии.

Патер удивился, что Антонио, так давно служивший во дворце графа Кортесиллы, снова очутился в монастыре. Он сообщил о его возвращении великому инквизитору, но тот, оказалось, уже знал об этом.

Антонио держался в стороне от других монахов и большую часть времени проводил в заглушенном монастырском саду, углубившись в свои книги.

Старый привратник Эзебио, которого он знал много лет, рассказал ему, что Амаранта медленно поправляется от мучительной пытки, но так слаба, что едва может подняться с постели.

Через несколько дней Антонио ночью позвали в аббатство. Он еще не ложился и при свете маленькой лампы читал в своей келье, размышлял и думал об Инес.

Дежурный брат привел его в круглую комнату башни, где происходили заседания трех инквизиторов.

— Ты вернулся в монастырь, брат Антонио, — серьезно начал великий инквизитор, — ты ушел из дворца графа Кортесиллы после того, как порученная твоему надзору графиня внезапно и бесследно исчезла... Тебя подозревают в том, что ты знал о бегстве и способствовал ему.

Антонио серьезно покачал головой.

— Нет, достойнейшие отцы, — сказал он, — это подозрение безосновательно, я ничего не знал о намерениях графини.

— И не знаешь, куда она ушла?

— После того как граф бросился на меня со шпагой и велел мне оставить его дворец, я сделал все, чтобы отыскать молодую графиню, но мне не удалось, достойнейшие отцы! Теперь я решил остаться на некоторое время в монастыре, а затем снова продолжать свои поиски, иначе мне не будет покоя!

— Ты получишь наши указания на этот счет! А вот почтенный брат Бонифацио говорит нам, — с угрозой в голосе продолжал великий инквизитор, — что ты позволяешь себе недостаточно почтительно разговаривать! Не забывай, что ты дитя Ордена и не имеешь иной воли, кроме той, которая руководит тобой в этой благочестивой общине! Ты знаешь строгость святых обетов...

— И не нарушу их, достойнейшие отцы, но надеюсь, что вы не сделаете их невыносимым бременем для меня! Не мешайте мне уходить, когда меня тянет отсюда!

— Ты принадлежишь Ордену и должен быть глубоко благодарен ему, патер, потому что он заменил тебе отца и мать, приняв к себе бессловесным младенцем, воспитав тебя и дав такое положение, которому многие завидуют!

— Если уж ты сам затронул этот темный пункт моего прошлого, достойнейший отец,

позволь задать тебе несколько вопросов, которые так сильно волнуют меня! Однажды я уже слышал от тебя подобные слова, и они заронили в мою душу горькое чувство. Ты говорил, что мои родители, давшие мне жизнь, оттолкнули меня от себя! Скажи, правда ли это? Неужели меня отдали в монастырь, в чужие руки, когда родители еще были живы? Неужели они не захотели слюбовью взглянуть на свое дитя?

— Да, они были живы в то время, — отвечал великий инквизитор, — и отдали тебя в монастырь, зная, что здесь ты получишь лучшее воспитание и достойную цель в жизни. Что может быть выше той цели, которую они определили для тебя?

— Но как же сердце позволило им оттолкнуть от себя и отдать чужим родное дитя, не умевшее еще говорить? Так я могу заключить из твоих слов, достойнейший отец, и сознание этого причиняет мне горе. Они при жизни отдали меня! А теперь они живы?

— Не наше дело доискиваться этого, молодой патер!

— Ты этого не знаешь, а мне хотелось бы знать, достойнейший отец! Хотелось бы взглянуть на них, несмотря на то, что они отказали мне в своей любви. Кто они? Как их зовут?

Этот вопрос Антонио, казалось, сильно удивил трех инквизиторов и даже вызвал их негодование.

— Ты забываешь, что у тебя одна мать — церковь! — вскричал Бонифацио, строго взглянув на него. — Ты — дитя церкви и отказался от всего остального. К чему спрашивать о тех, кто совершенно тебе чужд, кто должен быть чужд тебе с той минуты, как ты вступил в нашу общину? Или ты изменил первым условиям нашего Ордена?

— Я знаю, что должен забыть отца и мать, братьев и сестер, достойнейший отец, знаю, что теперь между мной и ними стоит непреодолимая преграда, но мне хотелось бы знать имя моих родителей и хоть раз увидеть их!

— Это безумное, суетное желание! Вообще ты, кажется, очень любишь мир, — сказал великий инквизитор, начиная сердиться, — ты беспрестанно возвращаешься к прошлому и, доставляя себе напрасные страдания, упускаешь из виду обязанности, налагаемые на тебя настоящим!

— Прости, достойнейший отец, это не так! Я верен своему долгу и своим обетам, но если иногда в уединении и в тишине у меня является желание узнать свое настоящее имя...

— Разве тебя не удовлетворяет прекрасное имя Антонио? — прервал его Доминго.

— Да, оно прекрасно, но мне хочется знать имя, которое я получил от своих родителей, хочется услышать что-нибудь о них, увидеть место, где я родился...

— И это грешные желания! — вскричал Бонифацио. — Их не допускают твои обеты и отречение от всего мирского!

— Жестоки твои слова, достойнейший отец! Я знаю, ты имеешь право высказать мне это, но, тем не менее, это жестоко, в человеческом сердце есть чувства, которые невозможно искоренить. Мы должны отречься от всего, что нам было дорого, считать чужими отца и мать! Когда я произносил это, достойнейшие отцы, я был молод и так предан науке, что не думал о чувствах и не подозревал об их существовании. Да, я был ребенком, невинным ребенком, не спрашивающим о своем прошлом, о том, что было! Но наука породила во мне вопросы... много вопросов... из них возникли чувства... и, наконец, появилось желание узнать, кто мои родители!

— Так докажи свою нравственную силу, поборов в себе эти желания и чувства, молодой патер! Задача достойна тебя! Оставайся в своей келье, молись и кайся, чтобы одолеть суетные мысли. Тебе, видимо, предстоит высокое назначение, если ты покажешь себя достойным его! Углубись же в себя, молодой патер, вернись в келью и жди там нашего решения.

Антонио молча исполнил приказание. Он не возобновлял больше своих настойчивых расспросов и вернулся в крошечную комнатку, в которой провел юность.

Через несколько дней, сойдя в подземелье, патер Антонио вошел в мрачный каземат, где Амаранта лежала на скудной соломенной подстилке, уже немного окрепшая после

пыткок. Увидев патера, она заломила руки...

— О, сжальтесь, отдайте мне мое дитя! — вскричала несчастная.

Антонио подошел к ней со словами утешения, сказал, кто он, и обещал избавить ее от заточения. Затем он спросил, знает ли она, куда девалась графиня.

— Инес ушла? — вскричала Амаранта... — Еще один удар для меня! Теперь я понимаю, что она мне тогда сказала...

— Она ушла, чтобы избежать брака с доном Карлосом! Я везде искал ее, чтобы ей помочь, так как она теперь совершенно одинока и беззащитна, но нигде не мог найти...

— Не нашли!.. Бедная Инес! Я не знаю, куда она могла пойти!

— Я вас освобожу, и мы вместе отправимся на поиски. Хотите помочь мне в этом, Амаранта?

— От всей души, патер Антонио! Но вы подвергаетесь страшной опасности из-за меня!

— Обо мне не думайте и не беспокойтесь. Не бойтесь ничего, не тоскуйте! Может быть, объединив усилия, мы сумеем найти графиню Инес!

— Да, вы правы, патер Антонио, это моя святая обязанность!

— Вдвоем нам удастся напасть на ее след. Будьте же готовы в одну из следующих ночей уйти со мной из монастыря. Предоставьте мне позаботиться обо всем, и я избавлю вас от заточения! Не возбуждайте только подозрений привратника и не горюйте, помощь близка!

Амаранта поблагодарила его со слезами на глазах. Тут только Антонио увидел, как страшно она изменилась.

Привратник не знал о том, что молодой патер посетил келью Амаранты, потому что ключи от подземелий висели в столовой, чтобы патеры могли свободно входить к монахам, осужденным на тяжелое заточение, утешать их и выслушивать их исповедь.

Когда Антонио вернулся в монастырь, повесив ключи на прежнее место так, что этого никто не заметил, к нему вошел старший патер.

Инквизиторы поручили ему расспросить Антонио — у них, по-видимому, было для него какое-то важное задание, и они хотели его испытать. Антонио долго беседовал с патером, прохаживаясь взад и вперед по монастырскому двору.

Результатом их разговора было появление в келье Антонио патера Бонифацио; тот сообщил Антонио, к немалому его удивлению, что ему опять поручена миссия вне монастыря. На другой день ему велели готовиться к отъезду, а на следующий — патер Доминго сам пришел в его келью и объявил, что он избран для выполнения важной миссии. Завтра же ночью ему предстояло уехать на север, к дону Карлосу. Обязанность его состояла в том, чтобы всюду сопровождать принца, не выпускать его из виду и доносить обо всем происходящем.

Великий инквизитор дал ему письмо к дону Карлосу и пропускное свидетельство, открывающее дорогу всюду во владениях карлистов, затем большую сумму на проезд и приказание патерам всех монастырей оказывать брату Антонио всевозможную помощь и содействие.

Настоящая цель поездки должна была оставаться тайной для всех, а главное, Антонио должен был уехать ночью так, чтобы никто не знал.

Все это как нельзя более соответствовало его планам.

Зашив, согласно приказанию, необходимые бумаги и деньги в рясу, под которой совершенно скрывалось его обычное платье, Антонио простился вечером с великим инквизитором и старшим патером.

Он должен был уйти из монастыря по окончании полночной мессы, когда все кругом заснет.

Брат-привратник получил короткое приказание в назначенный час отворить ворота брату Антонио. Все было готово к отъезду, и молодой патер ждал только случая освободить Амаранту, чтобы вместе уйти из монастыря. Никто и не подозревал о его планах.

После полночной мессы, на которой он присутствовал с другими патерами и братьями в монастырской капелле, монахи разошлись по кельям.

Все стихло, благочестивые братья улеглись на свои жесткие постели, все огни погасли, только внизу, у портала, грустно и тускло горел фонарик привратника. Поверх своей дорожной рясы Антонио надел еще одну и тихонько прокрался в столовую, где в этот час ночи, конечно, никого не было.

Взяв ключ от подземелий, он пошел в аббатство.

На монастырском дворе было тихо, только ночной ветер шептался с листьями каштановых деревьев.

В коридорах аббатства тоже царил молчок. Конечно, можно было случайно встретить патера или дежурного брата, шедших на тайное заседание инквизиции в круглую комнату или возвращавшихся оттуда.

Но Антонио этого не боялся. Он хорошо знал все ходы и выходы и шел теперь по темным как могилы коридорам, ощупывая руками стены. Выйдя на старую широкую лестницу, он поднялся по ней и пошел к той, которая вела вниз, в комнаты пыток и в подземелья.

Но в ту минуту, как он уже собирался спуститься по скользким ступеням, под сводами коридоров послышался шум и вдали показался приближающийся свет.

Кто-то шел из подземелья — без сомнения, старый Эзебио.

Старик не должен был видеть его здесь в такой час, иначе завтра утром тотчас узнают, что Амаранту освободил Антонио.

Если ему удастся спрятаться, то осмотр келий старым привратником пойдет еще и на пользу молодому патеру; старик сможет тогда подтвердить, что после полуночи выпустил из монастыря патера Антонио, и никому в голову не придет заподозрить его в освобождении Амаранты.

Но как спрятаться в коридоре от Эзебио, когда тот с фонарем?

Антонио, не долго думая, вернулся и проскользнул в один из узеньких, темных боковых коридоров, куда редко кто заходил. Подождав здесь, пока Эзебио удалится, он вышел из своей засады и теперь еще смелее пошел к подземельям. Времени терять было нельзя!

Тихонько подойдя к двери и нащупав замок, он вставил в него ключ и осторожно повернул. Дверь отворилась.

— Кто здесь?.. Кто вы такой? — робко спросила Амаранта, в темноте не видя входившего.

— Вставайте! Это я, Антонио! Я пришел вывести вас из монастыря.

— Это вы!.. О святая Мадонна!.. Я боюсь до смерти... нас увидят...

— Не бойтесь, идите за мной!

— Из-за меня вы подвергаете себя опасности, патер Антонио! Лучше оставьте меня в моей тюрьме!

— Если вы не сбежите сегодня, то не выйдете отсюда никогда!

— Инес права! Вы благороднейший человек!

— Торопитесь, пора! Где вы? Тут так темно, хоть глаз выколи!

Амаранта протянула к нему руки.

— Я здесь, — прошептала она.

— Наденьте вот это, — сказал Антонио, накинув ей на плечи захваченную им вторую рясу, — она вам еще пригодится.

Теперь никто не догадался бы, что с патером идет женщина. Капюшон Амаранта надвинула на лицо.

— А мое дитя... — робко прошептала она, — что будет с моим мальчиком, которого у меня отняли?..

— Не горюйте, оставьте его пока здесь, за ним хорошо присмотрят, — отвечал Антонио. — Я сам воспитывался в монастыре с самого раннего детства.

— Я больше не увижу его...

— Никто не может отнять его у вас, если вы не захотите отдать его сами. Послушайтесь

меня, оставьте дитя пока здесь! Пойдемте же!

Патер запер келью и, взяв Амаранту за руку, повел ее к лестнице. Поднявшись по ней в совершенной темноте, они осторожно и неслышно вышли, наконец, из аббатства. Антонио провел Амаранту к дальней стене; тут, в тени каштановых деревьев, никто не мог ее увидеть.

— Подождите минуту, — шепнул он молодой женщине, оставляя ее одну.

Сердце ее сильно билось... Ей так хотелось на свободу... Она вполголоса читала молитву.

Антонио вернулся с маленькой лестницей, приставил ее к широкой толстой стене и взобрался наверх, за ним последовала и Амаранта. Тогда он опустил лестницу по другую сторону стены, шепнув Амаранте, чтобы она спускалась, а он присоединится к ней чуть позже.

Амаранта спустилась на улицу; тогда Антонио подтянул лестницу и, опустив ее в монастырский двор, сошел вниз, отнес лестницу на место, а ключ от кельи Амаранты — в столовую и вернулся во двор монастыря. Теперь молодая женщина была в безопасности.

Он постучал у двери привратника, который без слов с поклоном отворил ему и пошел со связкой ключей к наружным воротам. Отворив ворота, он еще раз поклонился.

— Да сохранил тебя Бог, брат мой, — сказал Антонио.

— Да не оставит Он и тебя вовеки своей милостью, — отвечал привратник.

Патер был на улице. Ворота за ним заперли. Когда шаги дежурного брата затихли на монастырском дворе, Антонию подошел кожидавшей его Амаранте, и два монаха направились по улице Гангренадо, окутанной безмолвием ночи.

III. Тайна герцогини

После описанного нами кровопролития ночлежку дукезы велено было закрыть. Старуха притворилась очень удивленной, когда альгвазилы объявили ей это. Затем в продолжение некоторого времени полиция являлась неожиданно, по ночам, чтобы удостовериться, соблюдается ли ее приказание, и, не находя больше ничего подозрительного, перестала тревожить дукезу.

Старуха перенесла этот жестокий удар безропотно и очень спокойно. У нее были уже другие, новые планы, для осуществления которых не хватало какой-нибудь тысячи дурос, но была уже готова очень крупная сумма.

Однажды, когда дукеза только что успела позавтракать в знакомой нам уже первой комнате домика, где она пересчитывала деньги, к воротам подъехал экипаж.

Осторожно выглянув в окно, она увидела несколько старомодное, но еще очень приличное ландо с хорошо одетым кучером.

В экипаже сидела или, лучше сказать, полулежала какая-то сеньора; на вид ей можно было дать от сорока до шестидесяти лет, но вообще, глядя на черный цвет ее крашенных волос и сильно набеленное и нарумяненное лицо, возраст ее определить было трудно. На ней была модная парижская шляпка с дорогими французскими цветами, огромная яркая, пестрая шаль и до того пестро убранное платье, что не было возможности определить его настоящий цвет. Рядом с этой сеньорой сидел маленький человечек, напоминающий хомяка своим красненьким, безбородым лицом с длинными бакенбардами. Он был в белом жилете, таком же галстуке и нарядной летней накидке.

Увидев, что сеньор вышел из экипажа и подошел к воротам, дукеза поспешно оправила свое старое атласное платье и взглянула в маленькое туалетное зеркало. Оно дало ей удовлетворительный ответ. В это время у двери раздался резкий голос, спрашивающий, дома ли дукеза Кондоро?

— Дома, сеньор, — отвечала Сара, отворяя сама за неимением прислуги.

Крошечный господин в модной, гладкой как зеркало . шляпе вернулся к ландо и ловко, несмотря на свои годы, помог выйти даме. При этом она кокетливым движением руки, обтянутой сиреневой лайковой перчаткой, приподняла платье, так что можно было видеть

богато вышитые белые юбки и хорошенькие ботинки. Затем, оглядев невзрачный домик и узкую, низенькую калитку, она жеманно спросила супруга, пропустившего ее вперед:

— Туда ли мы пришли, Капучио?

— Да, душечка, дукеза отворила дверь и отвечала на мой вопрос.

— Сама? — удивленно спросила сеньора, спуская немного с плеч темно-красную шаль.

— Сама, — подтвердил супруг, любезно наклоняя голову в завитом парике.

Оригинальная пара вошла в дом. Кучеру было велено заняться лошады; кучера хороших домов никогда не стоят у подъезда, а ездят шагом взад и вперед по улице, чтобы лошадь не застоялась. И этот кучер сделал так же, хотя его лошадь горячностью не отличалась.

Следуя приглашению дукезы, сеньора и за ней сеньор вошли в комнату. Последний снял шляпу и провел рукой по волосам, чтобы удостовериться, крепко ли сидит темно-рыжий парик.

— Позвольте представиться, сеньора дукеза, — сказал он, слегка кланяясь, и прибавил, указывая на, видимо, разочарованную супругу, а потом на себя: — Сеньора Капучио, сеньор Капучио!

— Очень приятно, чему обязана честью? — отвечала Сара Кондоро со всеми манерами прежней герцогини.

— Сама дукеза? — с непостижимым нахальством спросила сеньора, слегка указывая пальцем на старую Сару.

— Да, душечка, — отвечала последняя, показывая на себя, — сама дукеза Кондоро, не прежняя, конечно, но все-таки дукеза!

Сеньор Капучио, видимо, был сконфужен манерами жены. Он казался образованнее ее, а она же сильно напоминала особу с сомнительным прошлым, разыгрывавшую из себя сеньору.

— Мы пришли кое-что предложить вам, сеньора дукеза, — сказал он.

— Прежде всего, — прервала жена, схватив его за руку, — позвольте нам сесть, сеньора дукеза!

— Пожалуйста, — отвечала Сара, указывая на старую коричневую софу.

Сеньор взял себе стул, любезно предоставив дамам место на софе.

— Да, предложить кое-что, сеньора дукеза, — продолжала его жена, — но мне все кажется, что мы...

Капучио видел, что его дражайшая половина все еще недоверчиво оглядывает убогую комнату и готовится опять сделать какое-нибудь неприличное замечание, но он знал, что у нее бывают страшные припадки гнева и что с ней надо действовать крайне осторожно.

— Я хозяин большого кафешантана на улице Сиерво, — перебил он ее. — Салон Капучио принадлежит к самым элегантным в Мадриде.

— В целом свете! — вскричала сеньора с уверенной, самодовольной улыбкой. — Что перед ним «Клозери де Лиля», «Шато де Флер»... Я все это видела... Что все эти кафе! Помойная яма, сеньора дукеза, мусорная яма!

— Вы, конечно, знаете мое заведение? — снова вмешался супруг. — Мой салон великолепен, у нас ангажированы самые хорошенькие, интересные певицы.

— Вчера, например, две цыганки! — вскричала сеньора, целуя кончики пальцев. — Прелесть!

— И танцовщицы тоже, — продолжал Капучио. — Каждую ночь заведение полно народу!

— На улице Сиерво? — спросила дукеза. — Это таверна где-то во дворе?

— Салон Капучио не таверна, — отвечала оскорбленная сеньора.

— Нельзя сказать, чтобы он был во дворе, — старался змять резкое замечание супруги сеньор Капучио. — Вход находится между двумя домами, а за ними, в глубине, и само заведение с прекрасным садом.

— А, знаю, знаю! — сказала дукеза. — Я на прошлой неделе видела его — маленький,

закоптелый зал с четырьмя отдельными кабинетами и бильярдной; перед окнами сад, не больше этой комнаты...

— О, гораздо, гораздо больше! — вскричала сеньора.

— Да, больше, — подтвердил, улыбаясь, сеньор Капучио. — И у нас всегда такая отличная публика. Мы слышали, сеньора дукеза, что вы хотите устроить такое же заведение, а мы хотим продать наше, так не угодно ли вам будет взглянуть на него?

— Вы хотите продать его, сеньор Капучио?

— Настоящее золотое дно, — отвечал он с грустной миной и пожимая плечами, — но сеньора хочет уехать!

— Нам это уже надоело, сеньора дукеза, — подтвердила жена. — Мои нервы больше не выносят такого шума! У нас хорошенькое имение в Аранхуэсе, мы уедем туда!

— Да, хотя салон очень прибыльный, — сказал сеньор Капучио, — нам хочется отдохнуть; мы еще, конечно, не стары, но нервы моей жены...

Капучио снова пожал плечами в знак сожаления.

— Я действительно хочу устроить большое заведение, — отвечала Сара Кондоро, говорившая очень мало и сдержанно, — но гораздо больше и изящнее вашего!

— Его можно увеличить, и денег много не понадобится для этого.

— А какова цена, сеньор Капучио?

— Двадцать тысяч дуро, с полной обстановкой.

— Пустячная цена, конечно, — прибавила сеньора, — но, повторяю, мы уезжаем, мои нервы требуют этого.

— Ну вот, и меня нервы заставляют продать ночлежку...

— И заменить ее салоном, где постоянно будут петь и танцевать? — пошутил сеньор Капучио.

— Непременно! Я продам этот дом и ночлежку или отдам их внаем...

— Так, очень жаль... а я думала... — с улыбкой сожаления сказала сеньора, вставая.

— Двадцать тысяч дуро чистыми деньгами, — повторил муж, взявшись за шляпу.

— Подумаю. Во всяком случае, мне надо решить дела с этим домом, — сказала дукеза, — и тогда уж начать действовать. Вы ведь немножко уступите, сеньор?

— Конечно, сеньора дукеза, если вы купите на чистые деньги. Но уверяю вас, это настоящее золотое дно; если с умением взяться за дело, можно удвоить доход от него. А если к тому же его хозяйкой станет дукеза, салон через несколько месяцев получит огромную известность, сделается местом сбора всей знати... О, да, одним словом, не пересчитать всего, что может принести этот салон, сеньора дукеза!

— Я думаю, мы сойдемся, — отвечала Сара Кондоро, провожая чету Капучио до двери.

— Мне больше всего хотелось бы продать свой салон вам, — любезно сказал супруг, кланяясь дукезе.

Сеньора Капучио простилась с ней дружески снисходительным жестом, который, по ее мнению, должен был показать, что она знатная дама, но вышло совершенно наоборот.

Супруги уехали.

— А ведь покупка-то была бы славная, — прошептала дукеза, жадность которой вновь пробудилась после этого разговора, — тут может выйти отличное дельце! Но двадцать тысяч дуро! Черт возьми! У меня не будет и четвертой доли! Сколько я тогда насчитала? Надо еще раз пересчитать. Салон Капучио... Салон дукезы! Последнее совсем иначе звучит. Кафешантан... балы... маскарады...

Отвратительное лицо старой сгорбленной дукезы оживилось при этих словах. Она заперла на ключ дверь маленькой комнатки и достала из-за софы большой сундук, при виде которого глаза ее засветились любовью и радостью, — тут были ее деньги!

— Непременно устрою это! Еще раз поживу!.. Балет — красивые мужчины! Пение... Живые картины, разумеется, самые соблазнительные!.. Гроты с нимфами и сильфидами... Хорошенькие девушки, одетые баядерками...

Глаза дукезы сверкнули.

— Устрою что-нибудь вроде цыганских вечеров в Москве, — так, чтобы внешний вид не бросался в глаза, а внутреннее убранство горело и сияло, чтобы везде были бархат и шелк, и всюду — красивые мужчины и женщины. Да, непременно устрою, как в Москве. Я мастерица на эти вещи! Но прежде всего — сосчитаю...

Старуха таяла от блаженства при мысли, что еще раз увидит деятельную чувственную жизнь, красивых мужчин и женщин.

Открыв сундук, она достала оттуда сверток из газетной бумаги и принялась перебирать костлявыми пальцами банковские билеты. Ее красное лицо сделалось еще краснее. Прежде, вся в золоте, она мотала его, а теперь — не могла наглядеться на скопленные деньги.

Повторяя шепотом суммы, чтобы не забыть, она стала вынимать один за другим кошельки и свертки с золотом, но вдруг остановилась и выпрямилась.

Уже наступал вечер — лучше закрыть ставни и запереть двери. Так она и сделала. Потом зажгла лампу и, запершись в маленькой комнатке, уже спокойно продолжала свое занятие. Теперь уж никто не потревожит ее.

Эта сгорбленная старуха, длинными цепкими пальцами перебиравшая золото, широко раскрыв глаза, словно хотела вобрать его все в себя, выглядела как алчная, отвратительная колдунья.

Огромную сумму она насчитала — четыре тысячи дууро! Но если даже за продажу дома она выручит еще несколько тысяч, все же этого будет недостаточно для покупки и отделки нового заведения.

В это время, когда все ее богатства были разложены на столе, раздался звонок.

Сара Кондоро вздрогнула, точно ее застали на месте преступления, и застыла, не решаясь отворить. Но звонили все настойчивей; прикрыв золото платком, старуха вышла с лампой в переднюю.

— Кто бы это был? — говорила она. — Верно, прегонеро! Кто тут? — спросила она, подойдя к двери.

— Отворите! Дома ли сеньора дукеза?

Старуха не отвечала, припоминая, чей это мог быть голос.

— Здесь живет сеньора дукеза Сара Кондоро? — нетерпеливо повторил между тем голос.

— Где же она его слышала?

— Кто вы, сеньор? — спросила она вместо ответа.

— Отворите, пожалуйста! Я не могу сказать вам своего имени.

— Какая-то тайна, — прошептала дукеза, — а мои деньги! Вдруг он сквозь какую-нибудь щель...

— Да отворите же! — громче повторил голос. — Мне сказали, что здесь живет сеньора дукеза, у меня для нее важное известие, но могу передать только ей самой.

— Ловушка, — усмехнулась Сара. — Дукеза живет здесь, — громко сказала она, — но говорит только с теми, кого знает.

— Гм-м... — в затруднении протянул стоявший за дверью. — Так позовите сеньору дукезу!

— Это я сама!

— Будьте добры, сеньора дукеза, отворите, я принес важное известие. Вам нечего бояться!

— Ну, посмотрим, — пробормотала старуха, — можно не впускать его в другую комнату!

Она отворила. Перед ней стоял пожилой человек, завернутый в плед, как путешественник; поля черной шляпы совершенно закрывали его лицо.

Взглянув на дукезу при свете лампы, он как будто испугался и, внимательно всматриваясь в нее, спросил с некоторым удивлением, но почтительно:

— Простите... вы... сеньора дукеза?

— Да, да, дукеза Кондоро, сеньор, — отвечала старуха, усмехаясь и разглядывая

гостя. — Но подойдите поближе!

— Простите... я совсем не узнал вас, — отвечал он, проходя за старухой в другую комнату. Поставив лампу на стол, она указала незнакомцу стул.

— Садитесь, — сказала она, — что привело вас сюда?

Гость продолжал смотреть на дукезу...

— Странно, — в недоумении сказал он, — неужели я ошибся... Или вы так изменились?..

— Да скажите, пожалуйста, сеньор, кто вы? — сказала наконец Сара Кондоро, смутно припоминая что-то и складывая руки. — Где-то я видела вас давно, прежде... да, да... У нас тогда был слуга, очень похожий на вас...

— Ну, так я не ошибся! Меня зовут Рикардо Малеца, сеньора дукеза!

— Рикардо! Святой Антонио, как ты постарел, Рикардо! — вскричала дукеза. — У тебя совсем седые волосы, и с этими длинными баками ты совершенный англичанин-путешественник...

— Двадцать лет, сеньора дукеза, как я не имел чести видеть вас, — отвечал Рикардо, обращаясь к ней с прежней почтительностью, несмотря на удивительную перемену дукезы, поразившую его гораздо сильнее, нежели перемена в нем поразила ее.

— Двадцать лет! Да, двадцать лет, как мы разошлись с герцогом! Садись, Рикардо. Откуда ты?

— Издалека, очень издалека, сеньора дукеза!

— А герцог? Жив он еще? Ты все у него служишь? Как хорошо, что ты навестил меня, Рикардо!.. Двадцать лет! Господи, Боже мой! — тараторила она. — А я-то все еще живу, как видишь!

— И совсем одни? — спросил Рикардо, манеры и наружность которого сразу выдавали камердинера или дворецкого из знатного дома, где он приобрел некоторый лоск.

— Да, — смеялась дукеза, — у меня уже больше нет многочисленной прислуги, сеньора дукеза сама себе прислуживает. О, прежде бывало и хуже... ну, да что об этом! А скажи-ка, ведь меня трудно было тебе узнать, а?

Рикардо смущенно улыбнулся.

— Столько времени прошло... мне много приходилось путешествовать.

— Ну да, да! Я тоже состарилась, но еще не чувствую этого!

— Приятно, когда человек может это сказать, сеньора дукеза!

— Приятно, когда еще живется... Гадко, когда жизнь делается в тягость, Рикардо!

— Но ведь у вас до того не дошло!

— Доходило, и как еще! Но теперь нет! У меня столько планов, и для выполнения их нужно столько сил! А скажи, однако ж, жив ли герцог?

— Точно так, сеньора дукеза.

— Здоров, весел? — спрашивала Сара Кондоро таким тоном, как будто дело шло о совершенно постороннем человеке.

— Его светлость немного слаб и болеет.

— Так, так! Ведь ему уже за семьдесят?

— Шестьдесят восемь, насколько я знаю.

— Ах, да, правда, мне ведь шестьдесят шесть минуло в прошлом месяце. Где же он живет?

— На востоке, сеньора дукеза, этого требует его здоровье.

— А ты у него больше не служишь?

— Я дворецкий его светлости.

— Ишь, как славно продвигаешься! А что герцог — не приехал сюда погостить?

— Нет, сеньора дукеза, его светлость остались на востоке и поручили мне устроить здесь некоторые дела.

— Верно, денежные? — сказала старуха с подавленным вздохом. — И что он делает теперь с таким огромным богатством, когда некому больше тратить его?

Рикардо тихонько усмехнулся.

— Его светлость и теперь живут совсем одни, — отвечал он.

— И ты пришел ко мне по собственному побуждению?

— Не совсем, сеньора дукеза.

— Герцогу так не терпелось узнать, не умерла ли уже та, что носит его имя?..

— Меня не это привело сюда, сеньора дукеза, — вежливо поспешил объяснить Рикардо. — Его светлость, напротив, надеялся, что я найду сеньору дукезу в полном здравии!

— Надеялся... ну, и я желаю ему еще долго пожить, передай от меня это герцогу Кондору.

— Его светлость уж несколько лет сильно грустит, — сказал Рикардо. — Полное одиночество, мысль, что когда-то у него был сын, беспокойство о его участи...

Лицо Сары изменилось.

— А, значит, у него болит сердце, — сказала она довольным тоном, — я предвидела это!..

— Его светлость поручили мне спросить у сеньоры дукезы, на каких условиях ей угодно будет сказать, как найти сына светлейшего герцога...

— Так, так, — пробормотала старуха, — насколько я знаю, Рикардо, этот сын умер! Я уже раз передавала это герцогу; у меня было много детей — одиннадцать человек, и все сыновья! Число не маленькое, а? Но жив из них только один!

— Один... Где же он?

— Его зовут Христобаль Царцароза, но это не тот, о котором ты спрашиваешь, Рикардо; он родился гораздо раньше моего замужества с герцогом. Отец его был алькальд, он умер, несколько лет тому назад! Затем у меня было два сына от арендатора Альмадо — и отец, и дети давно умерли. Потом еще от министра Брильяра, за которым я была замужем перед тем, как сделалась герцогиней Кондору. Министр уехал на Кубу и там давно уже умер, дети умерли раньше него. Наконец, у меня была связь с графом Вэ; один из двух моих сыновей от него убит в битве с карлистами, а другой не знаю куда исчез. Вероятно, и он умер, потому что со дня смерти графа Вэ я нигде больше не слышала его имени.

— Но остался еще дукечито Кондору!

— Единственное дитя от брака моего с герцогом, но ты знаешь, Рикардо, что дукечито был слабый, болезненный ребенок! Расставшись с герцогом, я взяла мальчика к себе и, не имея средств воспитать его, отдала в пансион, откуда получила известие о его смерти.

— Простите, сеньора дукеза, — несколько смущенно сказал Рикардо, — но я должен высказать вам мнение его светлости... Светлейший герцог говорит, что вы всеми средствами старались скрыть все, что касалось дукечито.

— Очень возможно, Рикардо, очень возможно!

— И я имею поручение во что бы то ни стало узнать эту тайну.

— Если только тебе это удастся, Рикардо.

— Я рассчитываю на доброту сеньоры дукезы.

— Обманчивая надежда, Рикардо, я и сама ничего не знаю о дукечито.

— Его светлости угодно отыскать дукечито, сделать его своим единственным наследником, а сеньоре дукезе назначить большую сумму.

Эти слова заставили Сару Кондору с большим участием отнестись к делу.

— То есть герцог хочет купить у Меня тайну, — сказала она, — и, судя по его обещанию, готов хорошо заплатить за нее, так как он страшно богат.

— Сумма будет соответствовать богатству его светлости.

— Интересно знать, Рикардо, во сколько герцог оценивает эту тайну? — спросила старуха.

— Мне поручено предложить двадцать пять тысяч дуэро и выплатить их в тот день, когда дукечито найдется.

— Двадцать пять тысяч дуэро! Сумма большая, — сказала старуха, кивая головой, — но

увы, дукечито умер!

Рикардо понял, что дукеза действительно старается сохранить тайну, окружающую сына герцога, и не удовлетворена предложенной суммой.

— Я думаю, — сказал он, — его светлость с радостью заплатит вдвое больше, чтобы отыскать дукечито; Ведь и в самом деле жаль было бы допустить, чтобы все эти богатства перешли по частям к дальним родственникам. Со смертью дукечито даже его законная часть наследства переходит обратно к его светлости, а значит, все богатства достанутся боковым линиям.

Последнее замечание дворецкого заставило дукезу задуматься.

— Вы думаете, что после дукечито ничего бы не осталось? — спросила она.

— Если он умер, то первый наследник после него — светлейший герцог.

— А если он жив?

— Тогда у него будут оспаривать наследство, если его светлость при своей жизни не переписшет все на его имя.

— Значит, все зависит от моей тайны? — прошептала довольная дукеза.

— Какой ответ угодно будет сеньоре дукезе дать мне? — спросил Рикардо.

— Пока еще никакого. Я подумаю, припомню прошлое, а ты можешь между тем продолжать свои личные розыски...

— Так приказывал мне и светлейший герцог, и мой долг исполнить его приказание!

— Ищи же хорошенько, а не найдешь, приходи ко мне.

— Я приложу все свои старания, потому что речь идет не только о счастье дукечито, но и о горячем желании его светлости, — сказал Рикардо, вставая. — Честь имею кланяться сеньоре дукезе!

Сеньора Кондоро кивнула дворецкому и заперла за ним дверь.

— Вот теперь все в моих руках, — сказала она, улыбаясь и останавливаясь посреди комнаты. — От моей тайны зависит судьба герцогских богатств! Если б он знал, что вся тайна состоит в том, что дукечито умер! Но надо, в конце концов, заменить его кем-нибудь, подыскать какого-нибудь молодого сеньора, подходящего к этой роли... Все это надо обдумать и рассчитать!..

IV. Дон Карлос и Маргарита

На севере Испании, недалеко от Памплоны, у подножия могучих Пиренеев стоит огромный старый замок, окруженный густыми лесами и оврагами. Своей архитектурой он напоминает могучие постройки средних веков и в продолжение многих столетий использовался для королевской охоты. После того он перешел в руки какого-то неаполитанского принца, который в начале нынешнего столетия заново отстроил его в современном стиле.

Затем замок перешел к одному из его сыновей — графу Фалькони, до сих пор живущему там со своей женой и многочисленной прислугой.

Два принадлежащих замку селения лежат в нескольких милях от него, и граф нисколько не заботится об их состоянии. Всем занимается его управляющий и время от времени представляет графу отчет.

Местоположение замка романтично: он стоит на холме, у подножия гор, густо поросших лесом. Перед ним сияет большое светлое озеро, и все это великолепие обрамляет лес, который тянется до самой Памплоны.

Позади замка расположены хозяйственные угодья, амбары, помещения для егерей и лесничего, пекарня, а дальше — конюшни и сараи.

Огромный замок имеет два этажа, середину его занимает капелла, золоченый купол которой высоко поднимается над плоской крышей здания. В нижнем этаже помещаются великолепные арсеналы, коллекция древностей и дорогих картин. Одним словом, это небольшой музей, полный таких редкостей и драгоценностей, какие едва ли нашлись бы и в

королевском дворце.

Наверху — комнаты графа, графини, приемные, гостиные и, наконец, комнаты для приезжих. Внутри двора живет прислуга.

Великолепный сад террасой поднимается от озера к portalу. Экипажи должны подъезжать к замку сбоку.

В то время, о котором мы говорим, обыкновенно тихий и молчаливый замок был очень оживлен — приехали знатные гости из Италии, родственники графини, герцог Пармский с сестрой Маргаритой и братом графом Барди. Им отвели часть бесчисленных комнат во флигеле для гостей и делали все возможное, чтобы они не скучали в замке. Устраивали охоту и поездки в горы, а в один из вечеров граф Фалькони пригласил к себе большое общество самых знатных дворян, живущих по соседству.

Кроме того, ждали еще двоих гостей, приезд которых граф Фалькони считал для себя большой честью. Предназначенные им комнаты были убраны с царской роскошью.

Блестящее общество уже собралось; веселый, живой граф Фалькони и его супруга приветливо встречали всех.

Графу было лет пятьдесят, он был в мундире неаполитанского генерала, не имевшем никакого значения после падения королевства, и в орденах, пожалованных монархами, уже сложившими с себя короны, поскольку герцоги Пармы и Модены отказались от престола. Графиня была немногим моложе своего супруга, это была настоящая аристократка, строго придерживающаяся правил этикета.

Ее желтое атласное платье, кружевная накидка и бриллианты уступали в роскоши наряду и бриллиантам лишь одной дамы в этом обществе — молодой принцессы Маргариты.

Маргарите Пармской было лет двадцать. Молодость и прелесть костюма скрашивали некоторое несовершенство ее красоты. Белые цветы перехватывали на белой атласной юбке светло-голубые подзоры, богато украшенные кружевами. В темно-русых волосах сияла бриллиантовая диадема, шею охватывало бесценное жемчужное ожерелье.

Герцог Пармский и граф Барди были в партикулярном платье с орденскими лентами в петличках. Они были несколькими годами старше сестры и приехали с ней к графу Фалькони потому, что здесь должна была решиться ее судьба.

Несколько бледное, тонко очерченное лицо принцессы Маргариты отличалось холодным, надменным выражением, так же как и лица ее братьев; оно не оживлялось даже при разговоре. Большие глаза можно было бы назвать прекрасными, если бы в них было больше жизни и тепла.

Гостей представили друг Другу, и они перешли в бальный зал, залитый ослепительным блеском люстр; в галереях развевались знамена не только Неаполя и Пармы, но и той Бурбонской линии, к которой принадлежал принц Карлос.

Никто, однако же, не знал, кому именно готовились оказать такое внимание, и гости шепотом делились своими догадками, поскольку тут собрались истые приверженцы старых династий.

Слуги разносили на золотых подносах прохладительные напитки, вино и конфеты.

Камердинер доложил графу Фалькони о новых гостях. Старик радостно поспешил из зала, через переднюю, на лестницу. По ней поднимались в генеральских мундирах со звездами королевских принцев дон Карлос и дон Альфонс в сопровождении двух адъютантов.

— Как я счастлив и рад, — вскричал граф Фалькони, — что имею честь приветствовать в своем скромном доме ваше величество и ваше высочество.

Дон Карлос ответил ему любезным приветствием и подал руку, дон Альфонс взял его за другую — и Фалькони повел гостей через галерею в назначенные им комнаты.

Адъютанты следовали на некотором расстоянии.

— Часть верных приверженцев вашего величества собралась у меня, чтобы встретить вас и выразить свою преданность, — сказал граф.

— А герцог Пармский? — спросил дон Карлос.

— Герцог, как и светлейшая принцесса и граф Барди, горят желанием приветствовать ваше величество И ваше высочество.

— Очень хорошо, любезный граф! Мы принимаем ваше гостеприимство и просим вас вернуться к гостям, мы скоро выйдем. Только я желал бы, чтобы вы представили меня гостям как принца Карлоса Бурбонского!

— А меня как принца Альфонса Бурбонского, — прибавил брат претендента на престол.

Граф Фалькони поклонился и, попросив их распоряжаться комнатами как своими, проводил адъютантов в отведенное им помещение. Он был в прекрасном расположении духа: в его замке собрались самые знатные, высокие гости, и, по его мнению, он должен был войти в историю. Старик мечтал, что дон Карлос в скором времени вступит на престол Испании. Он вернулся в зал, где быстро распространилось известие о приезде двух принцев.

Молодой герцог Пармский сообщил сестре, что нынче вечером должна решиться ее судьба. У него с братом уже было частное свидание с доном Карлосом в Логроньо, где они провели тайные переговоры.

Между тем в зале играла прекрасная музыка; граф Фалькони выписал целый оркестр из Памплоны.

Двери балкона, живописно убранного тропическими растениями и освещенного китайскими фонариками, были открыты, чтобы в зал шла прохлада.

Графиня, разговаривая с племянником, молодым графом Барди, таяла от блаженства при мысли, что у нее собралась такая знатная гости.

Остальные мужчины и дамы прохаживались по залу и ждали появления дон Карлоса, мысленно готовя слова, чтобы приветствовать его.

Но вот распахнулись обе половины дверей, граф Фалькони махнул музыкантам и поспешил навстречу входившим.

Зазвучали трубы. На пороге показались гордые фигуры дон Карлоса и дон Альфонса. За ними шли адъютанты.

Все поклонились. Принцы подошли к хозяйке дома, принявшей их по всем правилам этикета и самым приветливым образом. Затем они обменялись приветствиями с герцогом Пармским и графом Барди, и те представили их принцессе Маргарите.

Осушили бокалы шампанского за победу карлистов, потом стали говорить о скором и удачном окончании борьбы за трон и святую церковь; дон Карлос оживленно рассказывал о своих смелых планах, демонстрируя непреклонную решимость, и этим еще больше воодушевлял своих приверженцев. Лицо его дышало уверенностью в успехе, большие темные глаза горели. Он был мужественно хорош в эти минуты и казался еще выше ростом от гордого сознания, что сам начал борьбу.

А рядом с ним стоял принц Альфонс, волосы и борода его были медно-желтого цвета, лицо покрыто веснушками. Его банды уже прославились несколькими жестокими поступками, и он давал понять, что жестокости эти еще увеличатся, если карлистов будут раздражать сопротивлением.

Все одобряли принца и соглашались с ним, дивились отваге дон Карлоса, не переставая верить ему в своей преданности.

Сам дон Карлос был настолько убежден в правоте своих притязаний и святости своей борьбы, что его вполне можно было бы назвать фанатиком. Поглощенный одной идеей, шедший к ней, не считаясь со средствами, он считал, что этим служит Богу и выполняет свой долг.

Но такие люди самые опасные, потому что не дают себе отчета в своих действиях и непоколебимы в решениях. Они не остановятся ни перед грабежом, ни перед убийством, чтобы достигнуть своей цели.

В этом они сходны с иезуитами. Те так же фанатично ведут борьбу за свое господство, только делают это тайно. Это-то и сблизило с ними претендента на престол, и, таким образом, личная борьба Карлоса стала борьбой за трон и церковь.

Дону Карлосу такое сближение было очень выгодно: оно доставляло ему деньги из иезуитской казны и обеспечивало другие вклады, превращавшиеся в порох и пули, которыми он испепелял города и селения — и все во имя трона и церкви!

Сначала у него в Испании было очень немного приверженцев; испанцы не хотели, чтобы ими управлял Бурбон. Но по мере того как росли его успехи на севере, росло и число приверженцев, как это всегда бывает. Этому способствовали родственные связи, различные надежды и виды на будущее и тому подобное, так что, наконец, он мог уже открыто действовать здесь, организовывать войска и устраивать склады.

Он рассказывал теперь графу Фалькони и герцогу Пармскому, что собрал уже три отряда тысяч по пять превосходно вооруженных солдат, что создаст еще столько же, давая понять, что готовит планы решительных атак, которые покажут искусство его и его генералов.

Принцесса Маргарита и графиня Фалькони стояли недалеко от них. Последняя с удивлением и восхищением смотрела на молодого героя, слушая его рассказы.

Дон Альфонс рассказывал по залу с графом Барди.

— Так это правда, — спрашивал последний, — что Медина отправился к праотцам?

— Да, мне недавно сообщили о его смерти, — отвечал дон Альфонс, — он был ведь уже просто развалиной — прежде слишком хорошо жил!

— Так герцогиня теперь молодая вдова?

— Самая очаровательная! — прибавил дон Альфонс.

— О, герцогиня, еще будучи доньей Бланкой де ла Ниевес, стояла в ряду первых красавиц, и я помню, дорогой принц, как тогда уже поговаривали о том, что вы равнодушны к ней.

— Это правда, я ею интересовался.

— Всех очень удивило, когда она вышла за герцога.

— Старый дон Мигель желал этого.

— Ну, теперь герцогиня свободна и долго носить вдовье покрывало не станет, — сказал граф Барди.

— Кто знает! — усмехнулся некрасивый, рыжий дон Альфонс. — Уж, конечно, она никогда не любила своего старого мужа!

Тщеславный и, как многие некрасивые люди, уверенный в своей неотразимости, брат дон Карлоса сказал это таким тоном, который ясно показывал, что он уверен в ее любви к нему. Глупец! Если среди множества своих интриг она и отличала его или подавала втайне надежду, так единственно потому, что считала его, в крайнем случае, пригодным на роль любовника, который может помочь ей добиться власти. А этот отвратительный и, как мы увидим позднее, бессердечный брат дон Карлоса мечтал, что его любит роскошно-прекрасная Бланка Мария! Рассмеялась бы она, если бы услышала об этом; она, у ног которой лежали самые красивые мужчины Мадрида, которой подчинялся Мануэль Павиа де Албуерке! Да, она рассмеялась бы, но не стала бы отнимать у него этой уверенности!

Дон Карлос между тем воспользовался случаем, чтобы подойти к принцессе Маргарите. Он уже обговорил условия с герцогом, ее братом, и в этот вечер надо было окончательно решить дело. Принц не любил этой холодно улыбающейся принцессы — у него были чисто политические соображения. Об Инес он и не думал, да и никогда серьезно не собирался жениться на дочери какого-то миллионера с несколько темным происхождением. Принцесса Маргарита Пармская казалась ему более достойной разделить с ним трон Испании. Кроме того, союз с ней обеспечивал ему постоянные денежные источники. Что ему было за дело до договора, заключенного с графом Кортесиллой! Он отказывался от него и от помолвки с его дочерью, а в случае необходимости, если иначе нельзя будет сделать, вернет данные ему миллионы. А пока они оказали хорошую услугу этому донжуану, и это было главное!

Принцесса Маргарита не знала прошлого принца Карлоса Бурбонского, да если бы и знала, так не испугалась бы — что ей до прошлого! Ей сказали, что, сделавшись супругой

дона Карлоса, она станет сначала герцогиней Мадридской, а затем — испанской королевой. В этой перспективе для принцессы с мраморным сердцем заключалось все. Ее привлекало будущее, манившее королевской короной!

— Как я счастлив, что имею наконец удовольствие видеть вас и говорить с вами, принцесса Маргарита, — говорил дон Карлос, идя с ней по залу. — Уже давно я ждал этого случая и сегодняшний вечер считаю счастливейшим в моей жизни!

— Меня удивляет, принц, как можно желать встречи с кем-нибудь, кого совсем не знаешь!

— Виноват, дорогая принцесса, я имею удовольствие знать вас.

— Невозможно! Тогда и я имела бы честь... — недоверчиво усмехнулась Маргарита.

— Это мой секрет, принцесса. Вы видите меня сегодня в первый раз, но я видел вас и раньше.

— Вы говорите это из любезности, принц... Но мне все-таки хотелось бы знать...

— Вижу, дорогая принцесса, что вам хочется разгадать загадку, и считаю своей обязанностью помочь — у меня есть ваш портрет!

— Опять новая загадка! Кто вам дал его, принц?

— Вам неприятно, что он у меня?..

— Нет, но все-таки...

— Вы хотите знать виновного, кто дал мне его? Я назову этого виновного — герцог уступил моим бурным просьбам.

— Мой брат? Он ничего мне об этом не говорил.

— Вы на него сердитесь?

— К чему бы это привело, принц?

— О, благодарю вас, принцесса, за позволение оставить у себя ваш портрет! Позвольте мне сказать вам, что я часами глядел на него. Вы не видели моих глаз, вы не слышали тех слов, которые у меня вырывались... но пойдемте на балкон, там прохладнее, — прибавил он, подводя принцессу к дверям ярко освещенного, уставленного душистыми цветами балкона, от которого гости стали теперь почтительно отходить. — Что за прелестный уголок! — продолжал принц. — Как тут прохладно, как хорошо!

— Это правда, принц, здесь очень свежо, — согласилась Маргарита.

— И никто не наблюдает за нами, и не слышит нас, дорогая принцесса... Я страстно ждал этой прекрасной минуты!

— Что такое? Что с вами, принц?

— Ничего, кроме желания, чтобы вы выслушали меня, Маргарита! — вскричал дон Карлос, сдерживая голос и упав на одно колено... — О, скажите одно слово, хотите ли вы быть моей? — прибавил он, страстно схватив ее руку.

— Но так скоро, так страстно, принц...

— Простите нетерпение, с которым я спешу высказать вам мою любовь! Увидев ваш портрет, Маргарита, услышав о вашей доброте, наконец, увидев вас сегодня, — я забыл всякий этикет! Я у ваших ног и прошу вашей руки и сердца! Вы одна можете осчастливить меня, вы рождены для того, чтобы разделить со мной трон Испании. Теперь вы знаете все — осчастливьте же ответом, хотите ли принадлежать мне?

— Да, — прошептала принцесса. — Но встаньте, принц, вас могут увидеть.

— О, теперь, когда вы дали согласие, все должны знать о моем счастье! Пойдемте, дорогая Маргарита, и позвольте мне представить вас нашим приверженцам как мою избранницу, как возлюбленную невесту. Я все равно ведь не в состоянии был быскрыть от них своего счастья!

И дон Карлос вышел с Маргаритой Пармской в зал, где уже все с нетерпением ожидали их.

Через несколько минут бокалы были наполнены шампанским и провозглашен тост за здоровье жениха и невесты! Со всех сторон выражались пожелания счастья принцу и принцессе.

V. Неожиданное свидание

На платформе северной железной дороги в Мадриде стояли совершенно готовые к походу против карлистов солдаты республики, во главе которых встал Кастелар. Длинный состав готов был отправиться.

Солдат провожали родные и близкие. Мать совала сыну последние скопленные гроши, сестра спешила пожать руку брату, молодая жена, рыдая, бросалась в последний раз в объятия мужа, невеста долго прощалась с женихом, который уходил от нее на войну, чтобы, может быть, никогда больше не вернуться!

Это были душераздирающие сцены! Но вот солдаты вырвались из объятий, крикнули на прощанье еще несколько утешительных слов, кое-где слышались даже шутки, но они были только на словах, в душе многих из них говорило другое. Они сели в вагоны. Это происходило вечером, накануне той ночи, когда Тристан со своими карлистами разобрал рельсы у моста.

В вагонах где-то раздавалась веселая солдатская песня, где-то шла по кругу бутылка, там какой-нибудь разудалый солдат целовал хорошенькую буфетчицу, да так быстро и крепко, что пока она собиралась обороняться, его уже и близко не было...

Никто не подозревал о несчастье, ожидавшем всех в эту ночь, никто не думал, что у моста через Риво они должны погибнуть все разом по расчету карлистов.

В поезде шло веселье! Ранцы еще не опустели, жалованье и материнские гроши еще звенели в карманах, походная бутылка была полна, солдаты еще не уехали из Мадрида, еще не раздавался гром пушек...

И все эти сильные, мужественные люди должны были погибнуть из-за мошеннической проделки, не имея даже возможности защищаться! Карлисты ждали, притаившись, как гиены, — нет, и с гиенами их нельзя было сравнивать, потому что животные повинуются только инстинкту, а карлисты были людьми и обладали разумом!

Но вот раздался сигнал, солдаты поспешили в вагоны, офицеры заняли отдельные купе. Генерал Мануэль Павиа де Албукерке и Жиль-и-Германос сели в передний вагон, за ними адъютанты и остальное начальство команды.

Дверцы с шумом захлопнулись.

Военные музыканты грянули песню, и поезд тронулся.

На платформе еще стояла тесная толпа, кланяясь, махая платками, крича последнее «прости»...

Последнее! Вглядитесь в эти уносящиеся от вас милые лица, издали кивающие вам на прощанье, взгляните в эти черты, чтобы они не стерлись в вашей памяти, — вы видите их в последний раз! Вы навеки прощаетесь с ними!

Раздался резкий свисток... локомотив зашипел, выпуская клубы дыма, колеса завертелись быстрее и быстрее... Поезд исчезал из глаз; солнце начало клониться к горизонту.

Родные и близкие расходились. Матери утешали плачущих невест, говоря им о радости свидания, о том, что война ведь долго продолжаться не может, и толпа постепенно рассеялась.

Только одна бледная, поникшая женщина стояла неподвижно, глядя вслед удалявшемуся поезду. Он уносил ее мужа, отца ее детей, их кормильца. Она отдала ему с собой последнее, что у нее было, чтобы он не нуждался в дороге, и теперь осталась одна, беспомощная, покинутая... Предчувствие говорило ей, что больше им уже не свидеться, вот почему она все стояла тут, пристально глядя на поезд, как будто хотела удержать его.

У нее больше не было слез; покрасневшие веки говорили, что в эти последние ночи она выплакала их все.

В ту минуту, как поезд двинулся, она готова была броситься на рельсы, если бы не мысль о детях, о несчастных покинутых детях! Нет, она не смела даже подумать о том,

чтобы найти забвение в смерти, доступной каждому в часы отчаяния.

Бледная жена солдата все глядела вдаль, где в тумане исчез поезд, хотя уже наступил вечер и тьма окутала окрестности.

Вдруг она с испугом опомнилась, ей надо было спешить к детям, к своим бедным детям! Она должна жить ради них!

Еще один, последний взгляд в ту сторону, куда ушел поезд, — и бедняжка, шатаясь, побрела домой...

Что почувствовал бы Изидор Тристани, увидев эту бедную женщину, неужели не бросил бы он своего проклятого дела?

Каменное сердце и то было бы тронуте ее видом, но у Тристани и его соратников не было сердца, они не знали сожаления, как мы увидим дальше.

Мануэль сидел в одном купе с Жилем. Он откинулся на подушки сиденья, а Жиль смотрел в окно.

— Странно, — начал последний после нескольких минут молчания, — что все наши старания отыскать молодую графиню остались безуспешны. Куда она могла уйти?

— Она просто не хочет, чтобы мы ее отыскиали, — серьезно и тихо сказал Мануэль. — Это ясно!

— Я по-прежнему уверен, что она в Мадриде, — продолжал Жиль, — оттого мы и не смогли напасть на ее след. С каждым днем, чем больше я обдумываю это дело, тем сильнее становится мое убеждение.

Жилю очень хотелось вывести друга из его мрачной задумчивости, и это сделало его разговорчивее, чем когда-нибудь.

— Ты говорил еще о чем-нибудь с графом Кортесиллой? — спросил он.

— Только о том, что тебе уже известно.

— А в последнем разговоре?

— Когда я ему объявил, что ничего не знал о намерении графини и о том, куда она пошла, что не хочу и не должен драться с ним на дуэли, потому что люблю, уважаю, боготворю его дочь, он повторил все-таки свой вызов. Я отвечал, что та же любовь не позволяет мне принять на себя кровь отца девушки, которой принадлежит все мое сердце, так как, разумеется, не я, а он будет убит.

— И он успокоился?

— Ушел, и с тех пор я его больше не видел.

— Станный, таинственный человек этот граф Кортесилла; никто не знает, кто он и откуда его богатства... Ты хорошо сделал, отказавшись от дуэли, — сказал Жиль, — тем более, что вы ведь ничем друг друга не оскорбили!

— Разве что он меня, — отвечал Мануэль, снова сделавшийся лаконичным и задумчивым.

— Знаешь, Мануэль, а я очень рассчитываю на Антонио, может, ему удастся найти графиню? Наш неизменно серьезный патер, увидев тебя сегодня, от ужаса забыл бы свою серьезность.

— Отчего же?

— Оттого, что ты сделался мрачнее и серьезнее его! Это мне очень не нравится, Мануэль, — отвечал Жиль со своей обычной откровенностью, — нам надо поговорить прямо, и ты должен объяснить причину такой перемены. Одно бегство графини Инес не могло произвести ее в тебе. Тут кроется еще что-то. Куда девался наш прежний веселый, беззаботный Мануэль, любимец дам, первый гость во всех салонах? Господи, помилуй! Что с тобой сделалось! Ты будто на смерть идешь!

— У меня именно такое чувство, Жиль!

— Черт возьми, откуда и с каких пор у тебя эти черные мысли? Это все из-за твоей любви к молодой, прекрасной графине!

— Меня мучает странное тяжелое предчувствие, Жиль!

— Ну вот, еще новости! Предчувствие! Уж не скажешь ли, что видел какой-нибудь

страшный сон!

— Не шути! У меня такое чувство, будто мы идем на смерть!

— На смерть? — вскричал Жиль. — Каким это образом? Или ты думаешь, что с поездом может случиться несчастье? Каждый день ходит множество поездов, и ни с одним ничего не происходит, почему же именно с нашим должна быть беда? Нет, Мануэль, будем уповать на Бога! У нас святой долг впереди — защита родины, и Бог не даст нам умереть, когда мы его еще не исполнили.

— А между тем мне тяжело, у меня на груди словно камень. Ведь предчувствия, ты знаешь, не в моем обыкновении, — отвечал Мануэль. — Мне кажется, что мы должны со всем проститься и что мне не суждено больше видеть графиню Инес!

— Пустяки! Нам, наверное, предстоит еще долгая, веселая жизнь! Вот скоро мы поколотим проклятых карлистов, а затем выпьем на твоей свадьбе с графиней за многочисленное потомство! Так-то я думаю, Мануэль!

Становилось темно. На следующей станции в вагонах зажгли лампы.

— Странная вещь — человеческое чувство, — сказал Мануэль после продолжительного молчания. — Сколько раз я думал, ухаживая за той или другой красавицей в гостиных, что это и есть настоящая избранница моего сердца, и твердо был в этом убежден; мне казалось, что ей принадлежит вся моя жизнь, потом начинал думать то же самое о другой, третьей... Но ни одна из них не была настоящей избранницей, Жиль!

— Ну, так почему же ты думаешь, что графиня Инес — настоящая? Как поручиться, что и о ней через какое-то время ты не скажешь того же?

— С другими я не испытывал того, что с Инес. То, что прежде я принимал за любовь, было только минутной вспышкой. Теперь — другое, теперь я люблю, Жиль! Я чувствую, что могу быть истинно счастлив только с Инес! Но она потеряна для меня!

— А по-моему, нет еще, мой друг! По-моему, Инес своим опасным и решительным шагом только дала тебе прочное и сильное доказательство своей любви!

— Ты так думаешь? Мне эта мысль тоже не раз приходила в голову.

— Это ясно, как Божий день, — отвечал Жиль. — Ей предстояло замужество с доном Карлосом, а она любила тебя и решилась на самую крайнюю меру, на какую может решиться девушка: ушла из отцовского дома, одна, без защиты, не зная куда.

— Я должен признаться тебе, что недавно узнал кое-что, успокоившее меня, но одновременно вызвавшее некоторую тревогу!

— Наконец-то разговоришься!

— Но это ведь только предположение, Жиль, у меня нет доказательств.

— А любящее сердце, я слышал, всегда много значит в подобных случаях, — заметил Жиль.

— У графини Инес на севере, кажется в городке Пуисерде, есть тетка, сестра ее покойной матери. Может быть, она там.

— Ну конечно, тут и сомнений не может быть!

— Эта мысль кажется мне тем более правдоподобной, что между графом Кортесиллой и его свояченицей очень натянутые отношения.

— Так нечего и думать! Конечно же, она у тетки в Пуисерде. Чего ж тогда бояться!

— Но ты забываешь, мой друг, что именно там-то и расположились или по крайней мере скоро расположатся карлисты. В таком случае Инес придется уйти от тетки, а тогда ее ждут еще худшие опасности!

— Не предавайся бесполезным тревогам, отгони предчувствия и опасения! Не лучше ли надеяться, чем бояться? Так выберем же первое.

— Согласен, Жиль, — отвечал Мануэль, крепко пожав ему руку, — но ведь человек не может прожить без горьких мыслей. Так и со мной случилось сегодня. Ну, теперь кончено! Прочь всякий страх! Жизнь наша в руке Божией, и Бог будет над нами.

— Вот и хорошо! — вскричал Жиль. — Согласен с этим! Что же касается меня, не будь я Германос, если не сделаю все, чтобы соединить вас с Инес!

— Послушай, — сказал Мануэль, — еще около двух часов осталось до приезда в Риво, Расскажи мне о происхождении герцогини Медины и о ее прошлой жизни, ты ведь родился на португальской границе. Мне давно хотелось спросить тебя об этом.

— Охотно. Ты помнишь португальского узурпатора дона Мигеля?

— Этого принца, выросшего в Бразилии, сына короля Иоанна VI Португальского и испанской инфанты Иоахимы?

— Того самого. Когда дон Мигель приехал в Португалию, мать восстановила его против отца, который по слабости не принимал решительных мер. Маркиз Лулэ, посовещавший королю быть осторожнее, был убит по приказанию Мигеля 1 марта 1824 года, после этого Мигель стал действовать смелее и уже открыто стремился взойти на престол, как теперь у нас дон Карлос.

— Но ведь старый король был еще жив?

— Несмотря на это, Мигель велел арестовать министров, принял на себя звание генералиссимуса; короля по его приказанию стерегли в его собственном дворце. Тут, однако же, французский посол серьезно предостерег короля, и дон Мигель был вынужден наконец сознаться в своей вине и просить помилования. Его изгнали, и он жил в Париже и в Вене, где вел сильно разгульную жизнь.

— Так этот дон Мигель...

— Позднее принял частное имя де ла Ниевес.

— И Бланка Мария Медина?..

— Его дочь, следовательно, кровная принцесса! Но слушай дальше; теперь ведь все это уже давно забыто, и полного рассказа больше нигде не услышишь.

— Говори, говори, Жиль, меня это очень интересует. Так этот самый дон Мигель — отец Бланки Марии?..

— После смерти старого короля, кажется, в 1826 году, возник спор о престолонаследии между Мигелем и его братом, императором Педро Бразильским, заявившим свои притязания на престол в качестве старшего сына и первенца. Он отказался, однако же, от этой короны в пользу своей старшей дочери, доньи Марии Глории, и, чтобы положить конец спору, предложил дону Мигелю жениться на ней. Последний согласился, обручился с племянницей, и в 1827 году дон Педро провозгласил его регентом. Такой оборот дела не понравился, однако же, старой королеве, и по ее наущению дон Мигель объявил себя законным королем Португалии. Вследствие этого дон Педро расстроил предполагаемый брак и выслал войско против Мигеля, но Мигель разбил его и стал действовать, как самый гнусный узурпатор, убивая и губя все, что сопротивлялось ему. Он был истинным тираном по отношению ко всем, даже к своим сестрам. Наконец, в 1834 году он был с позором изгнан из Лиссабона. Отправившись в Геную, а затем в Рим, он некоторое время еще продолжал именовать себя королем, большей же частью назывался доном Мигелем де ла Ниевес⁷.

— Ну, — заметил с улыбкой Мануэль, — уж чистой-то как снег его жизнь никогда не была!

— Через несколько лет он женился и жил то в Германии, то в Испании. От этого-то брака и родилась прекрасная донья Бланка Мария, вышедшая замуж за герцога Медину, а теперь овдовевшая. Следовательно, как ты видишь, она кровная принцесса по отцу, который, однако же, в Испании никогда не назывался королем Мигелем; многие даже не знают, что дон Мигель и дон де ла Ниевес — одно и то же лицо. Я мог бы рассказать тебе много фактов из жизни этого дона Мигеля, умершего восемь лет тому назад, фактов возмутительных, унижительных, доказывающих, что он был тираном без души и сердца, но мы оба, я вижу, устали. Отдохнем немного до приезда в Риво.

— Спокойной ночи, Жиль, — сказал Павиа, и друзья заснули, прислонясь к подушкам сидений.

⁷ Де ла Ниевес означает «снежный»

Здоровяк бригадир Германос храпел и пыхтел по обыкновению, а Мануэль спал спокойно, ему снились Инес и Бланка Мария, стоящая в окровавленном платье на поле, усеянном трупами; дон Мигель, громко одобрявший ее, дон Карлос, дон Альфонс и страшный шум битвы...

Карлистов было больше, чем республиканцев, и они бились с ожесточением. Мануэль видел, что его смерть близка, но все продолжал продвигаться со своим отрядом. Тут ему вдруг показалось, что он окружен какой-то пестрой толпой, которая теснила его со всех сторон и шумела... Все кричали... Раздались отдельные голоса... Явственно послышалось восклицание Инес...

— Что случилось? — Мануэль вскочил, огляделся... Проснулся и Жиль. Поезд шел все медленнее и медленнее. Его останавливали с такой силой, что вагоны скрипели и качались из стороны в сторону.

— Что это? Мы уже в Риво? — с удивлением спросил Жиль.

— Нет, нет... С поездом несчастье... Но, Боже мой! Не во сне ли это?.. Откуда этот голос? Слышишь, Жиль?

— Да, черт возьми! Откроем вагон.

— Благодарю тебя, святая Дева! — раздалось чье-то восклицание. — Он спасен... Спасен!

— Стой! Рельсы сняты! — кричал какой-то человек в монашеской рясе.

— Клянусь душой, это Антонио!.. — сказал Жиль, выскакивая вслед за Мануэлем из вагона. — Эй, Антонио!

Поднялся страшный шум и гам... Вагоны опустели... Офицеры кричали и теснились к генералу... Машинисты и кондуктора бросились осматривать локомотив и рельсы... Патер Антонио поддерживал какую-то молодую донью, лишившуюся чувств от волнения и страха; около нее хлопотала другая донья, стараясь привести ее в сознание.

Жиль подбежал к патеру.

— Это в самом деле ты... Ты спас поезд! — вскричал он. — Дай обнять тебя, старый друг! Но как ты здесь очутился?

В эту минуту подошел и Мануэль, собиравший свои отряды.

Увидев Амаранту, Инес и патера Антонио, он не мог удержаться от радостных слез: дорогим для него женщинам он обязан своим спасением, и теперь они не одни, с ними Антонио!

Инес пришла в себя. Она лишилась чувств из-за тревоги и страха, оттого, что пришлось долго бежать навстречу поезду и кричать, пытаясь остановить его. Увидев Мануэля, она с невыразимой радостью подняла глаза к небу и молитвенно сложила руки.

Антонио между тем рассказал Жилью, что ночью пришел сюда с девушками, намереваясь обойти линии карлистов, и вдруг увидел по ту сторону моста несколько человек, снимающих рельсы.

Так как один он ничего бы не смог сделать, то поспешил со своими спутницами навстречу поезду. Девушки не помнили себя от ужаса. Все трое остановились, наконец, на открытом месте и, когда поезд стал приближаться, замахали платками и закричали, чтобы привлечь внимание.

— И в результате спасли нас, патер Антонио, — прибавил Жиль, обняв друга. — А теперь надо посмотреть, нет ли где поблизости злодеев, ведь это наверняка шутка карлистов! Оставайся пока здесь, — шепнул он Мануэлю, — я поведу отряды к Риво и захвачу мошенников.

В ночном безмолвии и мраке раздались команды, и солдаты двинулись вперед, а Инес и Мануэль праздновали свое короткое, но полное горячей, трогательной любви свидание! Всего рассказать не было времени, По уже то одно утешало и успокаивало Мануэля, что Антонио был все это время защитником девушек, долгое время скрывавшихся под монашескими рясами.

Отряды перешли мост. Мануэль с Инес, Амарантой и Антонио хотели следовать за

ними в Риво, как вдруг раздались выстрелы.

Девушек охватил страх... Инес держалась за Мануэля... Начиналась атака, где-то в засаде скрывались карлисты, и Мануэлю нужно было спешить к своим отрядам!

Увидев, что поезд готовится в обратный путь, он решил, что Антонио лучше взять с собой девушек и уехать... Наскоро они простились, последний раз помахали рукой на прощанье, локомотив свистнул, и поезд ушел.

Догнав солдат, Мануэль увидел, что на них напал отряд карлистов из соседней рощи.

Жиль вел колонны прямо к месту засады, и атакующие, казалось, начали отступать, потому что огонь ослабел.

Мануэль тотчас повел другую колонну в обход, чтобы напасть на неприятеля с фланга, — вскоре, несмотря на сумрак, загremели выстрелы, завязался горячий бой.

Подкрепление к Изидору Тристани могло подойти не раньше утра, а его небольшой отряд не выдержал бы до рассвета, поэтому он быстро стал отступать, проклиная свою неудачу.

Республиканцы между тем прекратили преследование неприятеля, уложив большую часть его солдат, и пошли в Риво, где расположились на квартирах.

Тристани, потеряв двадцать человек, вернулся в горы, расставил караул и стал ждать прибытия Доррегарая.

VI. Рикардо Малеца

Прежде чем мы расскажем, каким образом Инес оказалась под защитой Антонио, вернемся на некоторое время к тому персонажу нашего романа, на долю которого выпала очень трудная задача, а именно, к дворецкому старого герцога Кондоро.

Герцог ждал известий о своем сыне и наследнике с нетерпением и страхом, что часто случается с богачами в старости, когда их начинает заботить судьба накопленных богатств.

Герцог, почувствовав угрызения совести, послал своего верного Рикардо на поиски дукечито. Он дал ему право распоряжаться огромными суммами, выдал большие полномочия и приказал не возвращаться без дукечито или, по крайней мере, без определенного известия о его участи.

Сам герцог не хотел ехать в Испанию, особенно в Мадрид. Он боялся за свое здоровье и хотел бы избежать встречи с дукезой, он стыдился этой женщины, так как знал о ее постепенном падении.

Преданный Рикардо Малеца не только обещал своему господину сделать все, чтобы отыскать молодого герцога, но и дал себе самому слово ничего не упустить при розысках. Однако он даже не знал, жив ли дукечито! Дукеза сказала ему и, как мы видели, сама считала, что мальчик умер. Но дворецкий не полагался на слова дукезы, поскольку знал, что она в прежнее время вовсе не заботилась о дукечито и его судьбе. Старик хотел удостовериться хотя бы в его смерти, чтобы принести герцогу какое-то верное известие.

Где искать? С чего начать? Мадрид велик, а с тех пор, как ушла дукеза, прошло целых двадцать лет. Она ушла ночью, после очередной сцены с герцогом, и унесла с собой дитя. Ее отыскивали и потребовали, чтобы она отдала ребенка, но она отказала и отдала его в пансион, куда — никто не знал! При ней остался также и бывший воспитатель ее сына, очень молодой, но удивительно статный и крепкий мужчина. В пансионе, как она уверяла, дукечито умер, и это было очень похоже на правду, потому что мальчик всегда был нежным и слабым ребенком. Между дукезой и бывшим гувернером тоже не обошлось без ссоры, и они разошлись. Никто не знал, куда он потом девался; о нем-то прежде всего и вспомнил теперь дворецкий. Гувернер, думал он, был в таких близких отношениях с дукезой, что непременно должен был что-то знать о мальчике. Рикардо припомнил не только лицо, но и некоторые случаи из его жизни в доме герцога.

Гувернер был странным молодым человеком. Всегда тихий, благовоспитанный, трудолюбивый и аккуратный, он однажды вдруг пришел в такое страшное волнение, увидев

кровь, хлынувшую носом у одной из служанок, что его с трудом могли успокоить. Он весь дрожал, как в припадке. Рикардо с ужасом вспоминал об этом.

Хотя все потом и забыли о происшествии, у старого Рикардо оно не выходило из головы. Лицо молодого человека в эти минуты настолько страшно изменилось, что старик не мог его забыть.

Дворецкий тотчас приступил к своим розыскам и начал с того, что отправился к священнику церкви, где крестили молодого герцога. Перерыв все церковные книги, с большим трудом нашли документ, в котором были записаны имена свидетелей священного обряда, под ним подписались: всемогущий тогда Эспартеро, герцог Риансаресский, супруг королевы Христины, генерал Наварес и несколько других влиятельных лиц. Мальчику дали имя Викториет Клементо Ильдефансо Родриго.

Вот все, что можно было узнать. О смерти его никаких сведений дать не могли, так как Рикардо не знал ни года, в который она последовала, ни церкви, ее засвидетельствовавшей.

Не надеясь получить сведений от дукезы, он отправился в тот дом, где она жила после размолвки с мужем. Тогда она существовала на средства, которые давал ей герцог, и не жалела их, как известно было Рикардо. Ему удалось найти там одного старика, помнившего еще дукезу.

Заметив, что он нуждается, Рикардо предложил ему деньги, и старика так обрадовала эта неожиданная помощь, что он даже заплакал.

— Я вам расскажу все, что знаю, сеньор, — сказал он, — и это, верно, наведет вас на след. Герцогиня занимала бельэтаж; обстановка у нее была царская. Она жила с ребенком, молодым гувернером, лакеем и горничной. Вскоре я услышал, что у нее с гувернером вышла ссора и он оставил дом...

— А вы не знаете, куда он ушел?

— Пойдите, сеньор... надо припомнить... Ведь это было давно, очень давно, но тогда об этом много говорили... Пойдите... Да, да! Говорили, что гувернеру наскучило его занятие, затем разнесся слух, что он и дукеза дошли до ужасной крайности... А потом я услышал, что он нанялся в вольтижеры!

— Значит, его след пропал!

— Через некоторое время герцогиня увезла свое дитя, и уезжала она куда-то далеко...

— Значит, дукечито не в Мадриде?

— Нет, нет, сеньор, она его увезла отсюда, но куда, никто тогда не знал. Через несколько дней герцогиня вернулась без маленького герцога и стала вести самую разнузданную жизнь! Ну да вам-то нечего рассказывать, вы сами знаете. Прислугу отпустила, квартиру пришлось освободить! Меня интересовала эта герцогиня, я узнавал потом, что с нею случилось. Она жила уже на чердаке, а через год и совсем нигде не жила, так, ночевала то там, то тут!

— Это ужасно! — сказал Рикардо.

— Да, и я тогда очень удивился такой перемене. Больше, сеньор, я ничего не могу вам сообщить.

— Дайте, мне, пожалуйста, адрес того дома, где жила потом дукеза, — попросил Рикардо, и старик сказал ему улицу и номер дома.

Поблагодарив обрадованного деньгами бедняка, Рикардо отправился по его указанию. Но дом был теперь заново отстроен и отделан, жильцы были новые, и никто ничего не мог рассказать о давно прошедшем времени. След был опять потерян!

Всю дорогу Рикардо пытался вспомнить имя гувернера, но никак не мог, и это сильно затрудняло его поиски.

Тем не менее верный слуга герцога еще раз вернулся в тот квартал, где герцогиня жила с ребенком и гувернером.

Отыскав справочную контору, он обратился с вопросами к одному из чиновников. Но чиновник, пожимая плечами, отвечал, что все это было слишком давно и теперь розыски не приведут ни к чему. Однако ж, когда Рикардо объявил, что герцог Кондоро обещает тысячу

дуро тому, кто найдет гувернера, и две тысячи тому, кто отыщет дукечито, чиновник сделался сговорчивее. Он выяснил у Рикардо подробности, принес старые документы и списки и нашел-таки журнал того года, о котором шла речь.

Долго перелистывал он пожелтевшие страницы, пока не отыскал, наконец, имя дукезы Кондоро. Она с дукечито, гувернером сеньором Оттоном Ромеро и прислугой действительно жили в одном доме. Рикардо еще на шаг продвинулся вперед!

Теперь он знал имя гувернера.

Чиновник стал думать, как же напасть на след этого молодого человека. Услышав от Рикардо, что гувернер бросил свою профессию и нанялся в вольтижеры, он подумал, что, может быть, стоит в таком случае поискать сведения о нем в главном управлении, в списках арестованных или находившихся под подозрением.

Отправились туда, опять стали перерывать старые акты. Труд был громадный, на это ушел не один день, но тысяча дура сильно привлекала чиновника, получившего разрешение на поиски от своего главного начальства, и он продолжал розыски. Наконец, в одной запыленной кипе бумаг нашлись сведения, что Оттон Ромеро был замешан в драке, где дело дошло до кровопролития, и затем оставил Испанию. После того, уже в других документах нашлись указания, что Оттона Ромеро взяли за убийство. Тут уж были записаны все места ареста и все преступления бывшего гувернера до самого последнего времени; не раз приходилось ему иметь столкновения с законом. В журнале в разделе об «опасных» рядом с именем Ромеро стояло: «Одержим страстью к кровавым сценам».

Но этот совершенно обнищавший в конце концов молодой человек, сделавшийся потом прегонеро, никогда не подвергался серьезному наказанию, Большой частью он попадался за участие в драках, несколько раз его высылали из Испании, но затем он снова возвращался. В одной из последних записей значилось, что прегонеро стал зрителем ночлежки дукезы Кондоро. Для Рикардо это было важным указанием. Значит, бывший гувернер и герцогиня опять сошлись.

Последние сведения, найденные чиновником в бумагах, показывали, что Оттон Ромеро принимал участие в кровавой драке в ночлежке, вследствие чего ее закрыли, а палач Царцароза взял его к себе работником.

Обрадованный таким успехом, Рикардо отсчитал чиновнику тысячу дура и отправился к палачу.

Дукеза и бывший воспитатель ее сына, все больше и больше опускаясь, встретились опять в самом низу, в грязи, как когда-то на самом верху: она — знатной дамой, он — служителем науки! Теперь ничто в них не напоминало о прежнем высоком положении. Обоим много пришлось пережить до своей второй встречи! Занятый такими мыслями, Рикардо шел узкими, грязными, смрадными переулками к дому палача, где надеялся найти наконец бывшего гувернера и получить от него необходимые сведения.

Спрашивая у прохожих дорогу, он пробирался по тем закоулкам, где, скрываясь, живет порок, где из-за пестрых занавесок показывались полные плечи и смеющиеся лица женщин, весело кивавших ему, где беспрестанно попадались грязные старухи и разные подозрительные, оборванные личности, и очень обрадовался, выбравшись наконец на свежий воздух набережной.

У берега стояло несколько гондол. Рикардо спросил гондольера, как пройти к палачу Царцароза. Тот с удивлением взглянул на него, указал дом, который все обходили стороной, и долго смотрел с товарищами ему вслед, качая головой. «Что могло понадобиться этому человеку в иностранном костюме у палача?» — спрашивали они друг друга.

Рикардо смело пошел вперед и вскоре увидел черный забор, цель своего путешествия. Как-то жутко и неловко стало ему, когда он приближался к дому, но старик преодолел робость, повторяя себе, что это самый важный шаг, он может помочь исполнить волю и горячее желание герцога. Он хотел после того еще раз пойти к дукезе, надеясь, что, получив большую сумму и узнав, что он говорил уже с прегонеро, она не станет больше скрывать от него истины. Ему все казалось, что у дукезы есть свои тайные причины скрывать дукечито.

Он не мог отрешиться от этой мысли, хотя не имел никаких доказательств верности своего предположения.

Подойдя к забору, он позвонил у калитки; через несколько минут она отворилась, и на пороге показался высокий стройный мужчина с темно-русой бородой и серьезным благородным лицом.

— Кто вам нужен, сеньор? — спросил он Рикардо, глядя на него с удивлением.

— Позвольте вас спросить, — сказал дворецкий, — есть в вашем доме кто-нибудь по имени Оттон Ромеро?

— Оттон Ромеро? — повторил палач, а это был он. — Я не припомню имен всех моих слуг, но мне кажется, сеньор, что вы не туда обратились!

— Нет, я не ошибаюсь и помогу вам припомнить. Я ищу того, кто в последнее время назывался просто прегонеро!

— А, да, прегонеро здесь, сеньор!

— Мне нужно переговорить с ним о важном деле, — сказал Рикардо.

— Хорошо, пойдемте! — коротко отвечал палач и, заперев калитку, повел Рикардо к домику. — Подождите здесь, я позову прегонеро.

Он ушел, и через минуту прегонеро вышел к дворецкому, а Тобаль Царцароза вошел через заднюю дверь обратно к себе в домик. Увидев огромного человека с геркулесовским сложением и безбородым, отвратительным, почти зверским лицом, Рикардо не мог прийти в себя от изумления. Правда, бывший гувернер и прежде обещал сильно развиться, но старик все-таки не ожидал того, что увидел теперь перед собой! Засученные рукава и панталоны открывали икры ног и рук с сильно развитыми мускулами.

— Это к вам меня послал хозяин? — спросил прегонеро, уставившись на Рикардо.

— Да, сеньор Ромеро, я хотел сказать вам кое-что наедине!

— Ого... а откуда вы знаете мое имя? — вскричал прегонеро с удивлением и внимательно посмотрел на него.

Рикардо не мог без содрогания видеть этого человека, он помнил слова, которые чиновник прочел о нем: «Одержим страстью к кровавым сценам».

— Вы сейчас это узнаете, сеньор Ромеро, — отвечал он. — Отойдите немножко от дома. То, что я вам скажу, должно остаться между нами.

— Ого, тайна, значит! — заметил прегонеро, недоверчиво поглядывая на собеседника; ему пришло в голову, что это посланец от того человека, который в один таинственный вечер склонял его к покушению на Царцарозу. — Говорите, сеньор, но прежде объясните, откуда вы знаете мое имя?

— Неужели вы не узнаете меня, сеньор Ромеро? Тот смотрел на него во все глаза.

— Нет, — проговорил он басом, — я не припомню, чтобы где-нибудь видел вас. Впрочем, став прегонеро, я объездил много мест... не были ли вы содержателем цирка в Лионе? Да, да, верно, это вы... Рикардо покачал головой.

— Нет, сеньор Ромеро, — сказал он.

— Нет? Так я вас не знаю.

— Но вы узнаете, если я вам напомним кое-что. Не были ли вы много лет тому назад воспитателем маленького герцога Кондоро?

Прегонеро еще с большим удивлением уставился на него.

— Откуда же вы все это знаете? Ведь мое звание неизвестно никому, кроме меня самого и...

— Сеньоры дукезы, вы хотите сказать... Но, как видите, и я тоже знаю.

— Так старуха разболтала! К чему?

— Сеньора дукеза ничего не разболтала, я — Рикардо Малеца; в то время как вы были воспитателем дукечито, я был слугой в герцогском дворце!

— И смогли узнать меня? Странно, сеньор Рикардо, потому что я вас совсем не помню.

— Узнать и я бы вас не узнал, но припомнил, — отвечал Рикардо.

— Как же вы меня нашли?

- С большим трудом, сеньор Ромеро, но вы мне были очень нужны.
- Много чести! С тех пор прошло столько времени... и многое изменилось.
- Да, очень многое, сеньор!
- Кто бы тогда мог это предвидеть!
- Я должен задать вам один вопрос от имени его светлости, — начал, понизив голос, Рикардо.
- Много чести! Неужели его светлость еще помнит меня?
- Мне поручено спросить у вас по секрету об одном обстоятельстве... Дело давнее, но вы должны это хорошо помнить. Герцог назначил за разъяснение этого обстоятельства значительную сумму, несколько тысяч дуро...
- Возможно при его богатстве... посмотрим! Скажите, в чем дело.
- Вам не трудно будет заслужить деньги, сеньор Ромеро. Герцогу нужны сведения о его сыне! Он хочет отыскать его живого или мертвого.
- Вот как? Так спешно понадобилось?
- Его светлость давно и горячо желает этого.
- А сколько герцог назначил за сведения?
- Двадцать пять тысяч дуро, сеньор Ромеро!
- Двадцать пять тысяч!.. — вскричал с удивлением прегонеро. — Сумма не пустяшная! Стоит приняться за дело.
- В таком случае скажите, что вы знаете о судьбе дукечито?
- Разве этого будет достаточно, чтобы получить условленную плату?
- Нет, надо отыскать дукечито.
- А!
- Что же вы мне скажете, сеньор Ромеро?
- Я знаю, что маленький герцог после размолвки герцогини с его отцом остался у матери и оставался еще тогда, когда я ушел из ее дома.
- Это мне уже известно.
- Затем дукеза отдала его в пансион, в... — прегонеро никак не мог припомнить, куда, и с досады топнул ногой.
- Позабыл, черт возьми! — со злобой сказал он.
- Так нам недостает главного!
- Но я припомню! Дукечито отдан был в пансион, где вскоре, как я слышал, умер.
- Это точно?
- Я не сомневаюсь в этом.
- В таком случае надо найти место, где он жил и умер, потому что герцог хочет отыскать хотя бы могилу дукечито, а значит, надо найти свидетельство о его смерти по церковным книгам. Этого герцогу будет достаточно.
- Правда ваша!
- Мне поручено выдать двадцать пять тысяч дуро тому, кто приведет дукечито или принесет церковное свидетельство о его смерти.
- Я устрою это, сеньор! Но сегодня, во всяком случае, еще ничего не могу сказать. Мне надо самому разведать кое-где втихомолку...
- «Ага! — подумал Рикардо. — Он хочет поговорить с дукезой! Это хорошо; может, ему удастся вытянуть из нее правду».
- Сколько времени вы пробудете здесь, сеньор? — быстро спросил прегонеро; обещанные деньги не замедлили оказать на него свое влияние.
- Я не уеду до тех пор, пока не найду дукечито.
- Ну и хорошо, потому что я не знаю сейчас, когда смогу сообщить результаты моих поисков.
- Не беспокойтесь, сеньор Ромеро, дня через четыре я сам зайду сюда.
- Хорошо, сеньор, хорошо! Положитесь на меня, я помогу вам. До свидания!
- Прегонеро проводил Рикардо до калитки и запер за ним дверь.

— Вот дельце! — пробормотал он, когда дворецкий ушел. — Надо переговорить со старухой, конечно, не объясняя ей ничего, она расскажет мне! Славная шутка! И он, посмеиваясь, ушел в глубину двора.

VII. Снова найдена!

С рассветом, счастливо выбравшись из гостиницы, Инес бежала дальше. Она благодарила небо, что наконец вырвалась из этого ужасного места, и не спрашивала себя, куда теперь пойдет; она только бежала, как преследуемая лань, как тень, убегающая от лучей солнца.

В чаще леса, где оказалась Инес, было темно; платье мешало ей, постоянно цеплялось за сучья. Она подхватывала его и опять бежала без отдыха, без оглядки. Но вдали, как ей казалось, раздавались крики преследователей. Страх ускорил ее бег.

Но что это, воображение ли пугает ее или сыщики в самом деле напали на ее след? Недалеко слышалось уже, как кто-то бежит за ней, слышалось так ясно, как будто вот сейчас она должна попасть в руки преследователей.

Грудь ее тяжело вздымалась, дыхание становилось все прерывистее, пот струился по лицу, распутившиеся волосы развевались на ветру... Она стрелой летела дальше, а шаги все приближались, и ужас охватывал ее...

Между тем наступило утро; лучи солнца осветили лесной сумрак... Инес чувствовала, что силы отказывают ей... Вот уже совсем близко слышны голоса сыщиков... Еще минута, и она не в состоянии будет бежать дальше. Наконец, бросившись в сторону, она упала между кустами...

Она не помнила, сколько времени пролежала, а когда очнулась, солнце стояло уже высоко над горизонтом; в огромном лесу царила торжественная тишина, преследователей больше нигде не было слышно.

Но теперь Инес почувствовала голод и жажду. Ягоды и плоды не спасали. Пройдя еще немного, она увидела стоявший посреди леса хорошенький домик. Какая-то старушка, выйдя из него, прошла в хлев, потом вернулась и принялась за хозяйство.

Наружность ее внушила Инес доверие, и она подошла к женщине. Попросив дать ей чего-нибудь поесть и напиться, графиня в виде платы предложила свое кольцо, так как денег у нее больше не было. Но старушка отказалась от вознаграждения, накормила девушку и предложила остаться переночевать. Это была жена лесничего, которого часто по несколько дней не бывало дома.

Инес с благодарностью воспользовалась ее добротой и осталась в домике еще на целые сутки, чтобы восстановить силы, затем отправилась дальше, от души поблагодарив жену лесничего, указавшую ей дорогу к ближайшему городу.

С горем и страхом в сердце пошла Инес в указанном ей направлении и через несколько часов добралась до города.

Она попыталась обдумать свое положение. Если б даже, продав свои серьги, она решилась войти в какую-нибудь гостиницу — за кого бы ее приняли? Что, кроме неприятностей, могло ее ожидать в этом случае!

Инес уже решилась, наконец, продать кольцо и взять билет на поезд, чтобы скорей уехать на север, в маленький городок Пуисерду. Она отправилась на станцию узнать, когда отходит ближайший поезд, и пришла как раз в тот момент, когда подошел поезд, останавливающийся на несколько минут в этом городке. Из вагонов стали выходить пассажиры, и среди них Инес узнала патера Антонио!

Страх овладел ею, она подумала, что он ищет ее по приказанию отца. Дрожа от ужаса, Инес уже хотела поскорее уйти, но Антонио увидел и узнал ее. Он побледнел и с секунду неподвижно смотрел на девушку, потом быстро подошел...

— Слава Богу! — вскричал он. — Наконец я вас нашел, донья Инес!

— Оставьте меня, патер Антонио, умоляю вас, оставьте меня здесь! — просила молодая

графиня.

— Вы не должны отталкивать моей помощи, вы одни и беззащитны!

— Нет, нет! Я не хочу и не могу вернуться в Мадрид!

— Своей цели я отчасти достиг, я нашел вас, донья Инес! Теперь мне остается только проводить вас, куда вы хотите.

— Так вы не возвращаетесь в Мадрид, отец Антонио?

— Донья Амаранта тоже здесь, — сказал Антонио с сияющим взором, поспешно направляясь к вагону.

В это время из него вышла Амаранта, и девушки бросились в объятия друг друга. Поезд ушел.

— Богу угодно было, чтобы я нашла тебя и отца Антонио, — вскричала Инес. Обе сбивчиво, торопясь, рассказывали о своих злоключениях.

— Я тоже вынуждена была оставить Мадрид, — завершила Амаранта свое повествование, вызвавшее у Инес глубокое сострадание и сильнейший гнев, ибо она считала дон Карлоса причиной всех несчастий. — Этот честный человек, отец Антонио, спас меня, переодев в монашескую одежду, и увез с собой! Он тоже вынужден был оставить Мадрид и спешить на север! Вдвоем мы надеялись отыскать тебя, а теперь...

— Теперь мы вместе, — прервала Инес свою подругу, — отец Антонио защитит нас! Мы вместе пойдем на север, и он проводит нас до Пуисерды! Все заботы и опасности теперь позади! Не правда ли, отец Антонио, вы берете нас под свое покровительство?

— Прошу вас верить, донья Инес, что цель моей жизни — служить вам и защищать вас!

— О! Примите мою сердечную благодарность за эти слова, полные любви! Но послушайте, — обратилась она к Амаранте и Антонио, — поступок дон Карлоса в отношении Амаранты такая неслыханная, позорная низость, что наши проклятья и наша ненависть должны преследовать его! Он должен знать и чувствовать, что за эту подлую измену его ждет кара! Твой образ, Амаранта, будет вечным укором его совести за то, что так бесчеловечно отплатил он тебе за твою любовь. Но вот что я еще хотела сказать, отец Антонио: мне кажется, что опасно ехать на север по железной дороге, нам лучше пробираться проселочными дорогами. Я боюсь, что нас и теперь будут искать и преследовать!

— Да, да, ты права, — согласилась Амаранта, боязливо осматриваясь. — Послушайте совета графини, отец Антонио. Лучше воспользоваться другим путем, а не железной дорогой. Я боюсь преследования не только из-за нас с графиней, но и из-за вас, потому что, защищая нас, вы сами подвергаетесь опасности!

— Хорошо, будем продолжать путь на лошадях, — согласился отец Антонио, — а для большей безопасности наденьте эти монашеские рясы.

Инес с удовольствием приняла это предложение. Антонио, оставив девушек на станции железной дороги, сам поспешил в город и купил там трех сильных, смирных лошадей; с наступлением вечера он забрал девушек, и они, закутавшись в темные монашеские рясы, оседлали с его помощью своих лошадей.

После этого все три всадника покинули город, следуя обходными путями и направляясь на север.

Никто теперь не смог бы их узнать в патере и двух монахах. На своих сильных лошадях путешественники быстро продвигались вперед и на следующий день прибыли в городок, где и остановились для отдыха. Потом они снова продолжили путь, и отец Антонио был счастлив, что ему удалось исполнить свой долг — защитить Инес и Амаранту от опасности. Он хотел доставить их в Пуисерду, а затем следовать в соответствии с распоряжениями своих отцов.

Без всяких приключений путешественники быстро ехали вперед и в один из следующих дней прибыли в местечко, где услышали, что этой ночью генерал Павиа прибывает с отрядом на поезде в Логроньо.

Ближе к вечеру беглецы оставили местечко и ночью добрались до моста через Риво, по которому шли проезжая и железная дороги. Тут и увидели они карлистов, снимавших рельсы с железнодорожного полотна.

Инес невольно вскрикнула, ей представилась неизбежная гибель дон Павиа, этот крик и услышал Тристан.

Антонио и обе девушки в страхе рванулись навстречу приближающемуся уже поезду, чтобы спасти его от неминуемой гибели.

В трех разных местах стояли они около рельсов, махали белыми платками и кричали. И они сумели остановить поезд, приближавшийся к своей гибели.

Как благодарили они Бога за то, что им удалось отвести страшную опасность, угрожавшую поезду, на котором они теперь возвращались на предыдущую станцию.

Но как велика была новая тревога, охватившая Инес при мысли о начавшейся битве, в которую ринулся ее возлюбленный!

Антонио пытался утешить и ободрить ее. Вскоре они уже подъезжали к ближайшей станции, к тому местечку, из которого они ушли вечером, оставив там своих лошадей.

Здесь они вышли из вагонов и поспешили туда, где привязали лошадей. Уже рассветало, когда они добрались до места; Инес и Амаранта закутались в свои рясы, все трое верхом направились в Логроньо.

Скоро услышали они вдали нарастающий шум битвы, и тревога снова вкралась в их сердца, но там была и гордость: ведь Мануэль выполнял высокий долг перед своим отечеством, и там была радость, потому что он вел свои войска против презренного изменника, предавшего Амаранту и обрекшего ее на гибель.

Так продолжали они свой путь, становившийся все опаснее и опаснее по мере приближения к местам, наводненным карлистскими бандами; каждую минуту они могли очутиться в руках кровожадного, ничего не щадящего сброда. Единственное, что внушало им надежду попасть в Пуисерду, безопасно миновав карлистские линии, это бумаги отца Антонио, в которых ему предписывалось присоединиться к генеральному штабу дон Карлоса.

VIII. Арфист

Сара Кондоро после того, как ее посетил Рикардо, тут же начала думать, как ей заполучить награду, назначенную герцогом тому, кто найдет дукечито, и вскоре она нашла решение, которое давало ей возможность достичь заветного желания: приобрести богатую, роскошную обстановку для ее нового заведения.

Одно обстоятельство казалось ей еще не совсем ясным, но в следующую ночь, большую часть которой она провела, не смыкая глаз, ей пришла мысль, безгранично ее обрадовавшая, которой она даже гордилась, потому что в этом случае можно было не бояться разоблачения. Она нашла способ наверняка достичь цели, то есть получить максимально возможное вознаграждение. Восхищенная дукеза решила немедленно отправиться к Рикардо, надела свое шелковое, затканное цветами платье, завернулась в шелковый темно-синий платок и надела старую соломенную шляпу, потом тщательно заперла все двери своего домика и отправилась в гостиницу, где остановился гофмейстер двора герцога Кондоро.

Но там, к своему неудовольствию, узнала, что его нет, тогда она велела передать гофмейстеру, чтобы он посетил ее как можно скорее, так как у нее есть для него очень важные сведения, а сама, продолжая обдумывать свои алчные планы, отправилась домой.

— Он ищет, подслушивает везде, старая лисица, — бормотала она, — но все напрасно! Только от дукезы ты можешь что-нибудь узнать, только с ее помощью чего-то достигнешь, если не пожалеешь денег! Да, дукеза откроет свою тайну, но только тогда, когда ей хорошо заплатят! Лучше тайны не найти, — самодовольно посмеивалась она, поворачивая на улицу, где стоял ее низенький старый домишко.

— Ого! Кто это там перед моей дверью? Что такое? Клянусь всеми святыми, да это прегонеро!

Она ускорила шаг.

— Не стучи, — кричала дукеза издали, — не стучи, никого нет дома!

Прегонеро обернулся.

— Теперь и сам вижу, что нет, — сказал он.

— Что привело тебя сюда, прегонеро? — спросила Сара Кондоро не очень любезно. — Ты мне и так уж испортил дела своей проклятой кровожадностью и сам себя приведешь когда-нибудь на виселицу, да, да!

— Чем же я виноват, — возразил прегонеро, — когда это сильнее меня? На виселицу, думаешь ты? Пожалуй, да только пока что я сам могу другим предложить виселицу!

— Значит, Тобаль тебя принял? Прегонеро утвердительно кивнул:

— Да, принял! Отопри же, — добавил он, — мне нужно переговорить с тобой!

«Со мной переговорить? Это недурно!» — думала; старуха, входя в дом со своим прежним любовником.

Это была такая парочка, в обществе которой любой чувствовал бы себя не очень хорошо, парочка, представлявшая собой воплощение всех темных тайн большой столицы.

У прегонеро было сегодня особенно отталкивающее выражение. От быстрой ходьбы рубцы на его широком отвратительном лице стали огненно-красными, глаза блуждали. Он сел на один из старых стульев, который подозрительно заскрипел.

— О-о! — запричитала дукеза. — Это чудовище переломает мне все. Ты мог бы сесть поосторожнее, старый дружище!

— Все будет вознаграждено, — бормотал прегонеро себе под нос. Он сегодня был в особенно хорошем расположении духа. Обратившись к дукезе, он громко прибавил: — Садись рядом, Сара, я должен спросить тебя об очень важном деле!

— Это любопытно, — сказала старуха, последовав его приглашению, — в чем же дело?

— Ночью я вспомнил кое о чем, что мне не дает покоя, — начал прегонеро, — и поспешил к тебе сюда, чтобы спросить... Собственно, я вспомнил, что ты тогда дукечито...

Старуха с удивлением посмотрела на бывшего возлюбленного, и лицо ее приняло хищное выражение.

— Что ты тогда... давно уж это было, когда с тобой разошлись... выпроводила дукечито из своего дома, — продолжал прегонеро.

— Ну, что же о дукечито?

— Я об этом думал ночью.

— Что это вдруг?

— Иногда ведь вспоминаешь разные разности из прошлого, так вот я невольно думал о дукечито и что именно вышло из него...

— Что такое ты там толкуешь?

— И я решил спросить тебя, где остался этот несчастный мальчик, которого я как-никак воспитывал?

— Ай-ай? Вдруг жалко стало дукечито, так что ли?

— Ведь он же мне был поручен. Захотелось узнать, где он шатается?

— А! Значит, где он шатается? Это я тебе могу совершенно точно указать — сыночек мой умер!

— Умер! Куда же ты его тогда дела?

— Видно, хочешь к его могиле на поклонение отправиться, а?

— Где же он умер?

— Я верю, что ты бы очень хотел это знать, хитрая бестия, — воскликнула дукеза с саркастическим смехом, — посмотрите на этого тихого молодца! Ты думаешь, я не знаю, откуда взялось твое участие и сожаление, старый дружище? Старый Рикардо, видно, и тебя разыскал, а?

— Разве он был и у тебя?

— Во всяком случае, раньше, чем у тебя! Ты у меня хотел выведать! Хотел сам получить деньги и посмеяться над глупой Сарой? Это была бы злая шутка с твоей стороны!

— Чего же ты сердишься, старая? Разве ты дала бы мне что-нибудь из барыша, а? Раз он и у тебя был, то мы оба имеем равные части в деле, и мне кажется, было бы лучше, если бы мы действовали сообща и поделились барышом. Ты ведь от этого ничего не потеряешь! Пусть платит побольше! Можешь ты хоть раз поспособствовать моей выгоде, не твои ведь деньги! Такой случай, могу тебя уверить, представляется только раз в жизни!

— В этом ты совершенно прав! Не часто предлагают продать тайну какого-то дукечито.

— Будем себе на уме, Сара! Рикардо предлагает двадцать пять тысяч; разделим деньги пополам и откроем ему нашу тайну, — доверчиво сказал прегонеро.

— Нашу тайну? — спросила дукеза, вытаращив глаза. — Разве у тебя тоже есть тайна?

— Мы вытянем из него пятьдесят тысяч дуро, и ты, вероятно, не откажешь мне в половине?

— А ты хитер! — воскликнула старуха.

— Ты говоришь, что дукечито умер, — продолжал прегонеро. — За свидетельство о смерти он так много дать не захочет, а если ему вместо мертвого доставить живого дукечито? Что тогда? Он с радостью заплатит вдвое, могу тебя уверить! И если мы оба будем говорить одно и то же, то он скорее поверит, чем одному из нас! Ты должна согласиться на дележ, иначе я сам приведу ему дукечито, тогда он отнесется с недоверием и не поверит никому!

Старая Сара Кондоро надолго задумалась, наконец она медленно заговорила:

— Пусть будет так, пусть и тебе что-нибудь достанется. Сделаем дело сообща. Я тоже думала доставить ему дукечито, ха-ха-ха, славная будет шутка, могу тебя уверить! Настоящий наследник умер, почему же деньги должны достаться отдаленным родственникам герцога? Лучше осчастливим бедняка, подставим поддельного вместо настоящего дукечито!

— Верно, — согласился прегонеро, — верно! Это можно сделать, если мы будем действовать сообща!

— Мне ночью вспомнился один, который отлично пригодился бы для этой роли! Он немного моложе настоящего дукечито, в метрические книги не внесен, о его прошлом и его имени не знают ничего, кроме того, что я его родила и я его мать.

— Ты думаешь о Клементо? — спросил прегонеро, широко раскрыв глаза.

— Да, именно о нем!

— Клянусь спасением души моей, это славная мысль, Сара! Что, Клементо еще в Мадриде?

— О ужасный отец! Не знаешь даже, где Клементо!

— В Мадриде, или нет, не знаю! Я хорошо знаю, что он таскался с арфой, но уже довольно давно я его не видел!

— Ты совершенно не заботился о нем, и теперь это нам на руку, потому что он и не подозревает даже, кто его отец. Он знает только, что я его мать!

— Черт возьми, это будет отчаянное дело! Ведь выходит, что мы заботимся о сыне, как самые примерные родители!

— Он знает одну кличку: Клементо, и всему миру он известен только под этим именем, другого у него нет! Кстати, дукечито получил тогда имена: Клементо Ильдефансо Родриго, — сказала старуха.

— Это кстати! И он нигде не записан?

— Нигде, ты ведь сам это знаешь!

Прегонеро вскочил, сделал несколько крайне неуклюжих прыжков, от которых задрожали стены.

— Да ведь дом рухнет! — вскричала дукеза.

— Дай же простор моей радости! Нет ли у тебя чего такого, что бы я разорвал своими руками, мне нужно хоть что-нибудь уничтожить!

— У него опять эта безумная ярость, — дрожа, заметила старуха. — О святой Франциско!

— Клементо-арфист станет дукечито! Это будет для нас золотое дно! — воскликнул прегонеро.

— Да, так-то так, — бормотала старуха, — да ведь тогда ты для меня будешь всю жизнь как пиявка, как вампир, ты воспользуешься моей тайной!

— Отыщем Клементо! И сейчас же сообщим о том Рикардо...

— Ты с ума сошел, что ли? Нельзя так скоро! Предусмотрительность необходима прежде всего! Предусмотрительность и обдуманность!

— Ты права, Сара, предусмотрительность и обдуманность! Все должно быть своевременно!

— Клементо играет по дворам и площадям. Правда, у него не все дома, но он мягкосердечен и добродушен сверх всякой меры!

— Это он от меня унаследовал!

— Люди думают, что он немного свихнулся и называют его юродивым Клементо! Он теперь таскается в той стороне, в восточном квартале! Я только что была у Рикардо и передала, чтобы он пришел сюда! Ты пока сходи и отыщи Клементо; если отыщешь, ничего ему не говори, но иди скорее сюда за мной и за Рикардо, чтобы мы его нашли все вместе! Когда вернешься, то скажи только, что ты нашел его следы. Слышишь, больше ни слова, сам понимаешь!

— Он не будет сомневаться, и мы подставим Клементо вместо мертвого дукечито! Из арфиста Клементо получится молодой, пропавший без вести герцог, — воскликнул прегонеро, — и ты выхлопочешь нам пятьдесят тысяч дуро!

— Поспеш, — приказала Сара Кондоро и выпроводила из дверей своего прежнего возлюбленного. — Смотри, не проговорись, — крикнула она ему вслед.

— Нельзя было иначе устроить, — бормотала она, оставшись одна, — другого выхода не было, но его сообщничество может быть для меня пагубным! Да ведь Клементо его плоть и кровь; впрочем, что ему до этого, когда помимо выгод он не видит ничего, уж я-то его знаю! Он совершенно прав, Рикардо будет нам больше доверять, когда услышит от нас обоих одно и то же, а уж я постараюсь, чтобы у него исчезли последние сомнения, его нужно убедить, что он нашел дукечито, от этого зависит все. О рождении Клементо не знает никто, кроме прегонеро и меня. Он не крещен при рождении, нигде не записан, лишь несколько лет спустя его крестили, но при этом никто уже не мог выяснить его происхождения. Теперь явлюсь я со своей тайной, и выяснится, что какой-то юродивый арфист... Тише, кажется кто-то стучит?..

Сара Кондоро выглянула в окно.

— Это Рикардо, — пробормотала она, — очень кстати! Она вышла в переднюю и отперла дверь... Старый

гофмейстер герцога, поклонившись, вошел. Старуха заперла двери и предложила Рикардо пройти в комнату.

— Сеньора дукеза спрашивала меня? — спросил он, и в голосе по-прежнему слышалось почтение, несмотря на нынешнее положение его бывшей госпожи.

— Я была у тебя, Рикардо, потому что ночью я, наконец, решилась, — ответила Сара Кондоро.

— Дай Бог, чтобы ваше решение позволило мне выполнить желание его светлости!

— Я все думала, что для меня выгоднее, потому что, видишь ли, Рикардо, когда человек так стар, как я, он должен заботиться о своей выгоде! Я взвешивала, в каком случае больше выиграю — сохранив свою тайну или продав ее тебе теперь же? Ты сказал, что герцог облек тебя широкими полномочиями?

— Конечно, сеньора дукеза, его светлость этим поручением дал мне новое доказательство своего доверия, и я всеми силами постараюсь его оправдать.

— И ты говорил, что уплатишь двадцать пять тысяч дуро и можешь даже удвоить эту

сумму, если я наведу тебя на верный след дукечито, так что дальше тебе будет уже нетрудно найти его!

— Так дукечито жив! Я надеялся на это, — сказал, обрадовавшись, Рикардо... — Сумма чересчур велика, сеньора дукеза, но его светлость пойдет на любые траты, лишь бы отыскать молодого герцога и назвать его своим сыном.

— Получение этой суммы лишает меня моих прав навсегда, — сказала Сара Кондоро, — поэтому она не так уж велика.

— Именем его светлости обещаю вам выплатить всю сумму сполна, после того, как вы укажете мне, где искать дукечито, и у меня не останется ни малейших сомнений в том, что это действительно он, сеньора дукеза, — заключил Рикардо.

Старуха старалась подавить свое возраставшее нетерпение.

— В таком случае, я должна тебе признаться, — сказала она после небольшой паузы, — что дукечито живет здесь, в Мадриде, и мы с ним в самых лучших отношениях!

— И дукечито знает, что он сын герцога? Сара Кондоро отрицательно покачала головой.

— Это ему неизвестно, Клементо знает только, что он мой сын!

— Несчастный молодой герцог! — Для того, чтобы у тебя не возникало сомнений, я вызвала сюда бывшего воспитателя дукечито Оттона Ромеро, который подтвердит тебе мои показания; он сказал, что недавно ты сам был у него.

— Я исполняю свой долг, сеньора дукеза!

— Я сегодня поручила бывшему воспитателю дукечито отыскать его и дать нам знать сюда, чтобы мы вместе могли отправиться за ним!

— Так вы в самом деле хотите обрадовать герцога Кондоро, воздать ему его сына и наследника...

— За назначенное мною вознаграждение, Рикардо!

— Я с радостью вручу сеньоре дукезе расписку на эту сумму и уплачу ее сразу, как найду дукечито!

— Ты, возможно, удивишься и ужаснешься, увидев его, и не признаешь его за дукечито, но доказательством того, что это действительно мой сын, послужит наша встреча с ним, Рикардо!

— Я бы хотел скорей получить это доказательство!

— Я думаю, что моя встреча с дукечито, помимо моего свидетельства и свидетельства бывшего воспитателя, убедит тебя в том, что это он, и развеет последние сомнения. Само собой разумеется, что судьба преследовала его не менее...

— К чему вы хотите меня приготовить, сеньора дукеза... было бы ужасно, если бы единственный сын и наследник его светлости... я не могу даже выговорить... если бы единственный отпрыск его светлости унизили до преступления! Этот удар мой господин не перенес бы никогда!

— Нет, нет, дело не так скверно, Рикардо, — успокоительно проговорила старуха, — об этом и речи нет! Дукечито Клементо — бедный арфист...

— Арфист!

— ...который, с трудом зарабатывает кусок хлеба, но честь его ничем не запятнана!

— Слава Богу!

— Он обижен природой, и к тому же обстоятельства не давали мне возможности сделать для него что-нибудь, но я уверена, что при других условиях дукечито изменится в лучшую сторону!

— Это ужасно... но ярадуюсь одному, что светлейший герцог избежит страшного горя: быть свидетелем его... арфист... собиратель милостыни...

— Но не преступник!

— Конечно, при нынешних обстоятельствах и это утешение, сеньора дукеза, вы правы. Я радуюсь уже т ому , что нашел дукечито. Значит, он знает, что его м ат ь сеньора дукеза? — спросил Рикардо.

— Ты сам это увидишь! Но это все, что ему известно о его прошлом!

— А суд?

— Ему тоже об этом ничего неизвестно. В это время кто-то постучал.

— Позволь мне открыть, — сказала старуха, — я уверена, что это бывший воспитатель дукечито.

Она вышла и оставила за собой дверь открытой. Тут же в дом вошел прегонеро.

— Подойдите поближе, сеньор Ромеро, — торжественно и вместе с тем дружелюбно проговорила дукеза. — Что вы узнали?

— Уже и Рикардо здесь, это очень кстати, — сказал прегонеро. — Я только что нашел Клементо!

— Дукечито...

— Он играет на арфе, сейчас он на маленькой площади Карбонес и окружен многочисленными слушателями, — подтвердил прегонеро.

— Если хочешь, Рикардо, то отправимся, — обратилась Сара Кондоро к глубоко растроганному гофмейстеру. — Если тебе неловко идти вместе с нами на площадь Карбонес, то следуй за нами на таком расстоянии, чтобы ты мог все видеть и слышать! Да это и лучше, если ты не будешь рядом со мной, потому что Клементо стесняется в выражении своих чувств, он какой-то странный в этом отношении.

— Делайте, как вам угодно, сеньора дукеза, я согласен на все! Вы лучше знаете, как надо!

— Итак, вперед! Сделаем бедного арфиста Клементо сыном герцога, — воскликнула Сара Кондоро и в сопровождении обоих мужчин вышла из дома. Уже наступали сумерки. Она с прегонеро шла впереди, а сзади, на расстоянии нескольких шагов, — Рикардо.

Вскоре они были уже на маленькой грязной площади Карбонес, окруженной серенькими, низкими домишками. Площадь эту называли угольной, потому что сюда днем в открытых повозках свозится огромное количество угля. В районе этой площади живут преимущественно рабочие, мастеровые, мелкие торговцы и нищие.

Сейчас на краю площади стоял, сгорбившись, молодой человек с серовато-желтой безбородой физиономией, окруженный толпой ребятишек. На вид он казался моложе, чем был на самом деле, ему можно было дать лет двадцать с небольшим, но его вялость заставляла предполагать, что он много старше.

У него была большая старая арфа, на которой не хватало половины струн, но юноша своей беглой игрой так искусно скрывал этот недостаток, что его положительно никто не замечал. На нем была старая испанская шляпа, серый сюртук и панталоны из темного бархата. На груди висела большая ладанка.

Арфист Клементо старательно играл и, казалось, совсем не замечал окружающих слушателей, но время от времени он прерывал игру, чтобы принять от кого-нибудь монету, и прятал ее в карман.

Сара Кондоро подошла к Рикардо.

— Вот дукечито, — прошептала она.

Старый гофмейстер с глубоким умилением сложил руки и остался стоять в стороне.

— Сейчас ты получишь еще одно доказательство, — сказала старуха и подошла к арфисту.

— Эй, Клементо, — воскликнула она, — как поживаешь? Ты хорошо играешь, мой сынок, право, хорошо!

— Матушка Сара! — проговорил арфист, и его застенчивая физиономия несколько оживилась, он перестал играть, закинул арфу на спину и поспешно подошел к дукезе. — Матушка Сара, я давно не видел тебя и не был у тебя с тех пор, как ты меня...

— Родственников не принимают, — прервала его старуха.

— Но я рад, что вижу тебя, матушка!

— Это он... это дукечито, — бормотал Рикардо, полностью убежденный словами Клементо, и последовал за дукезой, прегонеро и арфистом в дом Сары, чтобы принять того,

кого с таким трудом наконец разыскал.

IX. Привидение на свадебном пире

Обручение дона Карлоса с принцессой Маргаритой Пармской открыло ему не только новые денежные источники, но и новый круг родных, которые могли оказать ему большую поддержку. Дон Карлос добивался этого союза не ради глубокой сердечной привязанности, но ради личных выгод, и его признание в любви на пиру у графа Фалькони было не более как посредственно разыгранная комедия, потому что все заранее было решено между доном Карлосом и братьями принцессы.

Маргарита была старшей дочерью герцога Фердинанда Карла III, убитого в 1864 году, и принцессы Луизы Бурбонской, сестры графа Шамбора, который тщетно добивался французского престола.

Последним действительным королем, носившим имя Карлоса, был Карл IV, который был принужден к отречению Наполеоном I в 1808 году и одиннадцать лет спустя умер в Риме.

Старшего его сына и наследника, Фердинанда VII, за произвол и жестокость называли человеком с бычьей головой и сердцем тигра. Фердинанд не хотел, чтобы после его смерти престол наследовал младший брат дон Карлос, родившийся в 1788 году, поэтому он отменил в 1830 году введенный его предком Филиппом V закон, по которому только мужская линия могла наследовать престол; сделал он это потому, что сам не имел сыновей, и потому, что хотел оставить корону дочери своей Изабелле.

В 1833 году после смерти Фердинанда дон Карлос объявил себя претендентом на престол, назвавшись Карлом V. Первая карлистская война тянулась до 1839 года, когда генерал Эспартеро вынудил противника Изабеллы оставить Испанию.

Этот дон Карлос умер в Триесте в 1855 году, 10 марта, передав свои притязания на престол старшему сыну Карлосу, родившемуся в 1818 году. Карл VI, как он был назван своими приверженцами, долго жил в Бургосе под именем графа Монтемолин и оттуда бежал в Триест в сентябре 1846 года. Отсюда с братом своим Фердинандом Гортосским он пытался 3 апреля 1860 года свергнуть Изабеллу, королеву Испанскую. Попытка эта кончилась смертью генерала Ортеги и пленением обоих братьев. Они были освобождены с условием полного отказа от притязаний на престол, но, едва увидев себя вне опасности, братья взяли назад свой отказ под самым неблагоприятным предлогом. Вскоре после того они оба умерли, а также и жена старшего из них, Каролина Неапольская, сестра Христины, королевы Испанской.

Так как Карл VI умер бездетным, то притязания на престол перешли к его брату дону Жуану, который, в свою очередь, уступил их в 1868 году после изгнания королевы Изабеллы своему старшему сыну, дону Карлосу. Таким образом добрались мы до Карла VII. Этот дон Карлос, родившийся 30 марта 1848 года, и есть тот самый, о котором мы повествуем, тот, который изумил Европу своими притязаниями и своими ужасными действиями. Он, родственник графа Шамбора! И родственник не только через Маргариту Пармскую, но через свою мать, принцессу Беатриче Моденскую, младшую сестру претендента на французский престол.

После этого краткого отступления мы вернемся к нити нашего рассказа. Женитьба дона Карлоса на Маргарите Пармской была так поспешна, что после обручения немедленно произошло венчание. Долго совещались насчет того, где отпраздновать торжество, и решили наконец сыграть свадьбу скромно, в местечке Лескар, близ По, где находился новый замок с собором и могилами Маргариты Валуа, Екатерины Наваррской, Иоанна д'Альберта и других герцогов.

Казалось, что дон Карлос забыл все обещания, данные им графу Кортесилле, и все свое прошлое; он с железным упорством добивался исполнения своих честолюбивых планов. Ради них он жертвовал всем: своим именем, своим словом, своими чувствами, своей честью!

Он считал себя ничем не связанным, забыл свое прошлое. Итак, он обвенчался с Маргаритой Пармской, принявшей титул герцогини Мадридской.

За исключением родственников, на венчании в соборе присутствовали граф Фалькони со своей супругой, граф Казертский, младший брат короля Франца II Неапольского, Киралет, министр иностранных дел дон Карлоса со своей супругой, Игнасио Пиана, впоследствии его военный министр, и несколько знатных басков.

Из собора все поехали в замок, где и состоялся роскошный свадебный пир.

Гости сидели за богато убранном столом, образуя громадный круг; бесчисленное количество тостов было провозглашено за Карла VII, короля Испании, и королеву Маргариту. Вино лилось рекой, и необузданное веселье все больше охватывало новобрачных и их гостей.

В просторной и высокой столовой, с галереи которой раздавалась свадебная музыка, все окна были завешены плотными занавесями; таким образом была устроена искусственная ночь, освещаемая множеством ламп и свечей. Сновали слуги, наполняя бокалы и предлагая гостям новые блюда. Между тем в салоне никто не замечал наступления вечера. .

В конце пира, когда был подан десерт вместе с пенящимся шампанским, отворились двери соседнего зала, и все увидели изумительно сделанные живые картины в духе верноподданства дону Карлосу.

Перед зрителями предстал храбрый карлист — герой, попирающий своих врагов, держа в одной руке поднятый меч, а в другой — знамя; потом последовала картина из детства принцессы Маргариты; потом демонстрация Испанией верноподданства дону Карлосу — беспримерная ложь, потому что вся Испания сопротивлялась стремлению этого претендента взойти на престол; и, наконец, представлено было коронование дон Карлоса.

Понятно, что вся эта лесть очень нравилась новобрачным.

По окончании представления все поднялись.

Этой ночью новобрачные должны были уехать, а за ними и гости. Дон Карлос хотел только проводить свою супругу на морские купанья и тут же вернуться к своим войскам вместе с братом Альфонсом.

В просторном зале при звуках музыки, приятно беседуя, гости сидели за кофе; кое-где образовались группы, обсуждавшие происшествия дня.

В это время один из слуг подошел к дону Карлосу, разговаривавшему с герцогиней Маргаритой Мадридской и Пармской, и шепотом доложил ему о чем-то. Слова слуги, казалось, удивили принца, но он быстро овладел собой и вполголоса ему что-то ответил.

Снова повернувшись к герцогине, будто ничего не случилось, он продолжал прежний разговор. Но как только представился случай, дон Карлос направился к одной из роскошно убранных галерей, в которых царил нежный полумрак.

Он быстро шел между колоннами, осматриваясь по сторонам. Ожидание и удивление читались на его лице, когда спешил он через пустую галерею... Вдруг он остановился и попятился...

Из-за колонны, прошуршав платьем по мрамору, вышла высокая женская фигура в черном.

Как привидение, как гневная богиня мести появилась она перед доном Карлосом. Лицо было закрыто черной вуалью. Дон Карлос стоял неподвижно, пристально всматриваясь в нее...

— Кто вы такая, и что вы здесь ищете? — спросил он наконец.

— Тебя я ищу, — отозвался голос, при звуках которого кровь застыла в жилах принца... Женщина отбросила вуаль.

Дон Карлос узнал Амаранту; она явилась, как привидение, как укор его совести, — и в такой момент! Она, которую он считал устраненной! Как попала она сюда? И действительно ли это она?..

Никогда дон Карлос не принадлежал к числу тех, кто верит в появление духов или теряется в неожиданных ситуациях, но сейчас он в первый раз ощутил ледяной холод и

какое-то странное чувство, которое не в состоянии был объяснить себе в первое мгновение...

Он, не отрываясь, смотрел на Амаранту; больше всего поразила его ее красота, никогда не сиявшая так, как теперь, когда она вся была в черном. У него потемнело в глазах от этих до совершенства правильных очертаний, от этих глаз, полных страдания и ненависти, от этой величественной осанки; им овладело чувство, победившее и поработившее его в одно мгновение, — желание обладать этим прекрасным существом, которое он оттолкнул от себя!

Никогда он не видел ее такой, никогда в такой степени не возбуждалось в нем желание, значение которого оставалось еще неясным ему. Им овладели сожаление и тоска, отнявшие способность владеть собой в эту минуту.

Поодаль, в стороне, скрытые полумраком, стояли отец Антонио и Инес, бывшие свидетелями этой встречи!..

— Ты отшатнулся, ты боишься, потому что я явилась в этот час, как привидение, — говорила Амаранта. — Ты думал, что убрал меня со своего пути и покончил все счета со мною, потому что публично отрекся и назвал меня обманщицей. Смотри же! Это я, Амаранта, я снова перед тобой, чтобы еще раз спросить: ты и теперь отказываешься от меня? Ты оттолкнул меня, ты убил во мне последнюю искру любви. Ты хладнокровно обрек меня на гибель, лишь бы устранить меня! Все это будет прощено тебе, все, что ты сделал мне, потому что я принимаю это как страшную казнь за свое преступление! Но ты отрекся от своего ребенка, от плоти и крови своей и принял ложную присягу, мерзавец, ты отказался от невинного мальчика, которого я в страданиях родила, — это не простится тебе никогда! Позор тебе и проклятье за эту низость! Все получают прощение у престола Бога, все преступники и злодеи найдут милость, но не ты, который не пощадил даже своего ребенка, отняв его у меня и заклеив печатью греха! Да падет на тебя это клеймо, и мой последний вздох будет проклятием тебе, низкому игроку человеческими сердцами, делающему теперь еще одно существо несчастным, благословляющему своей преступной рукой новую несправедливость!..

— Я хочу говорить с тобой в другом месте, не здесь должны мы вести переговоры... — отвечал дон Карлос глухим голосом, оглядываясь по сторонам.

— Вести переговоры? — спросила Амаранта с презрением. — О чем еще должны мы говорить после того, как ты отказался и от меня, и от ребенка своего, после того, как ты пыткой хотел вынудить меня к ложному признанию, когда ты подкупил того негодяя, чтобы он принял на себя твое преступление! О чем осталось нам вести переговоры, подлец...

— Молчи! Или не знаешь, где ты?

— Возле зала торжества, в котором ты сочетаешься браком с другой, возле торжественного зала, откуда доносятся радостные крики. Ты страшишься меня... Я стою на твоей дороге. Так зови своих слуг, dokonчи дело, прикажи вытолкать меня за порог, как навязчивую просительницу. Ты не боялся отречься и обмануть меня, да, ты не постыдился поднять на меня свою руку! С пылкой любовью я принадлежала тебе; не имя, не положение твое влекли меня, я их не знала! Я любила тебя, потому что верила твоим словам, потому что рядом с тобой была невыразимо счастлива! Я была невинной девушкой, полной доверия, но ты подло злоупотребил и моим доверием, и моей любовью. С холодным расчетом предал ты меня, ты пришел ко мне с намерением обмануть и покинуть меня, в каждом слове твоим была ложь...

— Ты должна знать все! Я отыщу тебя... но только не здесь, — воскликнул дон Карлос, стремясь оправдаться...

— Ты боишься стыда, ты боишься, как бы гости твои не увидели и не услышали меня...

— Я готов на всякую жертву!

— Я презираю тебя и твои жертвы, негодяй! Но бойся меня! Как голос твоей совести, как дух мщения буду я являться тебе! И везде, где ты меня увидишь, везде проклятие будет преследовать и настигать тебя! Трепещи! Не надейся и не рассчитывай на прощение, не думай, чтобы в сердце моем нашелся хоть след любви, что ты сможешь смягчить меня...

— Несмотря на все это, я хочу, я должен поговорить с тобой!

— Это тебе не удастся! Между нами лежит бездна, через которую невозможно перешагнуть! Или ты хочешь обманывать и ту, с которой обвенчался сегодня? Едва прозвучала клятва, данная тобой твоей новой возлюбленной, а твоя черная душа уже стремится нарушить ее, как это всегда было с тобой! Другое дело, если она отдала тебе свою руку, чтобы вместе с тобой сидеть на троне, — о, тогда, конечно, она, не чувствуя ни малейшей любви к тебе, не будет страдать, если ты ей изменишь!

— Постой! Назначь мне свидание! Я должен еще раз переговорить с тобой, — воскликнул дон Карлос, рванувшись к ней.

— Не смей приближаться ко мне, — отвечала Амаранта угрожающим тоном. — Я снова повторяю — между нами непреодолимое препятствие! Ты муж другой. Я знаю, что ты обманешь и ее, как обманул меня, и я не завидую несчастной. Когда-то ты отыскивал меня в моем уединенном жилище, ты убедил меня своими ложными словами и клятвами, ты оторвал меня от бесконечно любящего сердца моей старушки-матери, которая, не вынеся моей беды, моего позора, сошла в могилу... Ты обольстил меня и сумел рассеять мои тревоги, ты клялся мне в любви и верности — и я, бедное, ослепленное дитя, ни разу не слыхавшее притворной речи мужчины, прельстилась тобой... Это было самое безбожное дело в твоей жизни! Но ты спешишь от одного греха к другому и не останавливаешься ни перед какими преступлениями! Земля испанская, которую ты называешь отечеством своим, землей своих предков, дымится от крови убитых тобой. Как когда-то со мной — ласками и клятвами заманив меня в свои объятия, уверяя в любви и в то же время замышляя низкий обман, — так теперь ты поступаешь с несчастной страной, которая отворачивается от тебя, потому что видит насквозь твои планы и намерения! Кровь и пламя отмечают твой путь... Но бойся суда небесного! Как для того, чтобы сломить меня, ты обратился к помощи церкви, так и теперь ты используешь церковь как щит, прикрывающий твоё истинное намерение — поработить Испанию; для этого написал ты на знаменах своих: «За трон и алтарь!» Это низкая ложь, негодяй! Не за церковь и алтарь сражаешься ты, но за свою корыстную цель, и как только достигнешь ее, первой твоей заботой будет предать и обмануть, как и меня, тех, которые теперь верят тебе и стоят за тебя!

— В твоём голосе я слышу невозможность примириться и все-таки говорю, что должен еще раз увидеть тебя! — воскликнул дон Карлос глухим голосом. — Ты бледна от гнева и все же до того хороша, что я не слышу, а только вижу тебя. Ты никогда не была так дивно хороша! Я должен еще раз увидеть тебя, и даже если б мне это стоило жизни, я все равно найду тебя, потому что теперь во мне внезапно проснулось то, что я никогда не чувствовал! Выслушай меня! Назначь мне только одно свидание, ты должна это сделать, ты должна дать мне возможность объяснить тебе все, что случилось!

— Ты еще увидишь меня, только я приду как дух мщения и проклятия, везде преследующий тебя, — сказала Амаранта и отвернулась от дон Карлоса, который смотрел на нее пылающим взором...

Была ли это рассчитанная лесть, чтобы снова привлечь ту, которая клялась ему в вечной ненависти, а потом уничтожить, или силы небесные, для того чтобы сильнее наказать его за подлую измену, вызвали в нем внезапно мучительную страсть — трудно решить.

Амаранта исчезла между колоннами полутемного зала.

Дон Карлос стоял как вкопанный, с ощущением, что все это было во сне...

Х. Ночное нападение

После битвы у железнодорожного моста близ Риво Мануэль Павиа и Жиль-и-Германос расположились со своими войсками в маленьком городке.

Небольшая карлистская шайка под началом Тристани была разбита и обращена в бегство. Первой заботой Мануэля было восстановить поврежденный участок дороги; затем произведена была рекогносцировка в окрестностях, в то время как сам он хлопотал об обеспечении безопасности его отряда и размещении прибывшего к вечеру резерва в

ближайшем селении. В Риво было расквартировано около шестисот солдат. Обыватели городка, напуганные последним сражением и всеми ужасами междоусобной войны, приняли их с испуганными и озабоченными лицами.

Положение республиканских войск было и вообще невыгодно, а на севере страны в особенности. Полагаться на указания местных жителей и брать их проводниками было невозможно, потому что никогда не было уверенности в том, что они не состоят в тайной связи с карлистами. В гористой местности немислимо было двигаться развернутым фронтом; на возвышенностях же беспрестанно встречались пещеры, позволявшие карлистам скрываться без риска быть атакованными.

Здесь был доступен единственный способ войны — двигаться по равнине небольшими отрядами, отыскивая неприятельские шайки. Это обстоятельство, вследствие непривычки регулярных войск к таким военным действиям, сильно вредило им, облегчая в то же время действия карлистов, не привыкших к войне другого рода и извлекавших из него все возможные выгоды для себя.

С наступлением сумерек на расстоянии одной мили от Риво, по горной дороге, поросшей молодыми деревьями и густым кустарником, скакал всадник, пригнувшись к шее лошади. По обеим сторонам дороги возвышались скалы, тянувшиеся до Логроньо, большого города на севере Испании.

Всадник прищипывал своего коня и беспрестанно оглядывался по сторонам, готовый в любой момент отразить нападение; поводья он держал в левой руке, а заряженное ружье — в правой. В кобурах седла виднелось два пистолета. На нем была синяя карлистская шапка, старая куртка и поверх всего плащ, развевавшийся за плечами.

Его косые глаза посматривали по сторонам; гладко выбритое лицо было худощавым, коротко остриженные волосы взъерошены.

Через некоторое время он пустил своего коня тише, потому что подъехал к плоскому, открытому месту, расположенному между хребтами гор. Прежде чем выехать со скрывавшей его дороги в долину, он осмотрел ее. Убедившись, что все тихо и безопасно, всадник быстро пересек открытое место в уже спускавшихся густых вечерних сумерках.

Вскоре доехал он до старого, обросшего мхом и сорной травой развалившегося колодца.

— Его еще нет, — пробормотал всадник, спрыгивая с коня; это был Изи́дор Тристани. Он набросил поводья на остатки развалившейся стенки колодца, вытащил фляжку и сделал изрядный глоток. — Солнце зашло. Вероятно, его задержал лесничий. Или полковник настолько горд, что не желает слушать планы капрала? Во всяком случае, если он не приедет, то Изи́дор сделает попытку и без него. А лучше и вернее было бы, если бы он был тут со своими людьми... но сколько же ждать?.. Ведь ночь пройдет, а ее никак нельзя пропустить!

Изи́дор подошел к своему коню, потрепал его по загривку и пустил щипать молодую траву, росшую вокруг колодца.

Вдруг он остановился и прислушался: ему послышалось ржанье лошади. Еще положительно ничего не было видно. Тогда Изи́дор лег на землю и приложил к ней ухо. Наконец, он уловил глухие удары копыт.

— Кто-то едет, должно быть, это он, — бормотал Изи́дор, вставая с земли.

Через несколько минут он разглядел неясные очертания приближающегося всадника.

На небе появилось уже несколько одиноких звезд.

Изи́дор сделал несколько шагов навстречу всаднику и начал махать ему рукой.

К колодцу подскакал Доррегарай. На нем была плоская шапка и суконный плащ, обшитый по краю бахромой. Капрал поздоровался с вновь прибывшим без всякого подобострастия.

— Благодарю вас, господин полковник, что вы приехали, — воскликнул он, — а то я уже не надеялся, что вы будете.

— Я был бы здесь четвертью часа раньше, если бы не встретился с неприятельским

разъездом из двух кавалеристов, — отвечал Доррегарай, соскакивая с коня. — Я должен был прежде разделаться с ними. Негодяи раздобыли фураж.

— Вы обоих, конечно, уложили! Это славно! — сказал Тристани со смехом. — Напрасно же будет Мануэль де Албукерке ожидать их возвращения.

— Он их заставляет на славу рыскать по всем окрестностям, — продолжал Доррегарай. — Где ваши люди, капрал?

— В получасе отсюда, в лесной чаще, господин полковник, в одной миле от Риво.

— Их там разыщут!

— Будьте спокойны! Тристани до тех пор не оставляет своих людей, пока не уверится окончательно в их безопасности! На меня вы можете положиться: я отлично знаю всю окрестность и линейную службу. То, чем я теперь занимаюсь в карлистских войсках, я давно уже освоил в Мадриде.

— Я понимаю! Ваши действия в последнюю ночь не могут остаться без награды!

— Благодарю вас, господин полковник! Я знаю, что вы всегда заботитесь о своих служащих.

— Что вы хотите сообщить мне? — спросил Доррегарай.

— Я хочу устроить внезапное нападение, при котором мы захватим большую добычу, рискуя пустяками. Но это надо сделать как можно скорее.

— Что вы имеете в виду?

— Речь не о разведках, а о самом решительном нападении, господин полковник. Мы должны это устроить непременно сегодня ночью.

— Вы так думаете?..

— Само неожиданное появление наше в Риво, господин полковник...

— Но силы республиканцев гораздо больше наших.

— Во всяком случае, ночь будет нашим сильным союзником, господин полковник. Ночь и сон сыграют нам на руку. План следующий: после полуночи окружить Риво со всех сторон, быстро подойти, снять расставленных часовых и ворваться в городишко. Застигнутые во время сна солдаты не смогут устоять против нашего натиска, и мы их поколотим прежде, чем они как следует проснутся. Я бы не хотел оставаться вечным капралом, господин полковник; невозможно достичь чего-то существенного, следуя заведенному порядку, и я решил отличиться, чтобы получить повышение!

— Это похвально, капрал.

— Лучшего случая трудно ожидать, господин полковник.

— Я сомневаюсь в успехе нападения, — сказал задумчиво Доррегарай, — оно может стоить многих жертв и не принести никакой пользы.

— За успех, господин полковник, я ручаюсь вам своей жизнью, — запальчиво сказал Изи́дор Тристани. — Но если вы не примете участия в нападении, то сюда явится вся неприятельская армия.

— Вы мало сражались, капрал, я это вижу по вашей самонадеянной уверенности...

— Внезапное нападение удастся наверняка, господин полковник, я за это отвечаю головой.

— Если храбрость ваша и ваших людей так же велика, как и самонадеянность, то, может, стоит попробовать.

— Мои люди сгорают от нетерпения идти за мной в огонь.

— В таком случае, пусть будет так, — согласился, наконец, Доррегарай. — До самого последнего момента все должно происходить как можно тише. Мы должны появиться, как молния в ночную пору, только в этом случае можно рассчитывать на победу.

— Как молния в темную ночь, как волк в стадо, бросимся мы, — сказал, задышавшись, Тристани. — Так оно должно быть, и именно так оно и будет, господин полковник. Чудесная будет ночька!

— Вы должны уйти из городка как можно раньше утром, тогда вблизи найдете и меня. Риво должен быть окружен без малейшего шума... Да, вот еще что, капрал: солдаты должны

уважать как граждан, так и их собственность.

— Насколько это возможно, господин полковник.

— Я буду на месте, — закончил разговор Доррегарай. Капрал отдал ему честь. Полковник вскочил на коня и быстро ускакал.

— Лавры не должен пожинать ты один, старый дружище, — ворчал Изи́дор. — Хотя мне и известно, что дон Карлос произвел тебя в генералы, для меня ты все-таки остаешься мексиканским полковником. Если я буду величать тебя генералом, то ты, по меньшей мере, должен называть меня бригадиром, и обоим будет хорошо.

Ха-ха! Вот было бы красиво, если бы я побывал здесь и остался тем, чем прежде был в линейных войсках в Мадриде! Для чего же и идут в карлистские войска? За короля Карла VII? За таких дураков мы друг друга не считаем! Мы служим делу ради собственной выгоды, и я надеюсь, что добьюсь чего-нибудь вроде генерала! Ночь должна показать это! Вперед, Изи́дор! Через час после полуночи мы должны быть в Риво!

Карлистский капрал вскочил на коня, повернул его налево кругом и поскакал в направлении, противоположном тому, которым отправился Доррегарай. Топот копыт раздавался в долине, освещенной теперь лунным светом; кругом все было тихо и пустынно, как и прежде.

Через полчаса Тристани был уже среди своих людей, разложивших сторожевой огонь и с нетерпением ожидавших возвращения своего начальника. Он сообщил, что скоро наступление, и известие это было встречено громким «ура». Необходимо было действовать очень осторожно и тихо, и Изи́дор призвал своих людей к благоразумию. Огни были потушены, отряд выступил в поход на Риво под прикрытием ночной темноты. Местечко покоилось в глубокой тишине.

Отряд Мануэля и Жилия давным-давно отдыхал. Улицы были тихи и пусты. Нигде не видно было ни одного огонька. Республиканские войска и жители совершенно не ожидали нападения. Городок спал; солдаты, по обыкновению, спали полуодетые, готовые в любую минуту собраться и выступить по сигналу тревоги. Ружья и прочее они держали около себя, чтобы во всякое время иметь их под рукой. Зачастую солдаты спали до десяти человек в одной камерке, укладываясь вплотную друг к другу на пшеничной соломе. У квартир старших офицеров и у городских ворот стояли или прохаживались взад и вперед часовые, завернутые в свои плащи, с ружьями на плечах.

Конные разъезды возвратились перед наступлением ночи в Риво, ровно ничего не узнав про карлистов. Поэтому в республиканских войсках решили, что здесь безопасно и можно позволить себе хорошенько отдохнуть; предосторожности найдены были излишними; между тем они были крайне необходимы на таком близком расстоянии от врага.

Мануэль Павиа де Албукерке поджидал в Риво подкрепление, по прибытии которого рассчитывал отправиться искать карлистов. Кроме того, он горел желанием снова увидеть Инес. Его возлюбленная, которой он обязан был жизнью, не выходила у него из головы; мечтой его жизни было навеки соединиться с нею, ведь она дала такое трогательное и высокое доказательство своей любви к нему. Он чувствовал, что она уже принадлежит ему, но, несмотря на это, хотел устранить все препятствия, еще лежавшие между ними.

Из боязни быть обвенчанной с тем, кого она не любила, Инес обратилась в бегство... Теперь она была под защитой Антонио и рассчитывала отправиться к своим родным в Пуисерду. Она любила Мануэля... но собственный отец стал преградой для ее любви. Граф Кортесилла ненавидел того, кого любила его дочь, и можно было быть уверенным, что он никогда не даст своего согласия на брак графини с Мануэлем Павиа де Албукерке, несмотря на то, что лелеемый им расчет относительно Дона Карлоса провалился окончательно. Мануэль знал, что Инес относилась к своему отцу с уважением и преданностью, что она никогда не решится бежать за границу и там обвенчаться со своим возлюбленным против воли графа.

Лежа без сна в своей квартире в этот роковой вечер, Мануэль думал об опасностях, которые подстерегают Инес, и искал способ облегчить ее положение; мучительные мысли

одолевали его. Наконец он заснул. Во сне он видел Инес, он объяснялся ей в любви и был счастлив, что может назвать ее своею.

После полуночи городок, погруженный в глубокую тишину и мрак, со всех сторон начали окружать враги. Тихо пробирающиеся закутанные фигуры, как привидения, мелькали то тут, то там.

Внезапно раздался сигнал горниста, и в то же мгновение карлисты со всех сторон ринулись в городок, убивая часовых, встречавшихся на их пути...

Ни одному часовому не удалось сделать ни одного сигнального выстрела, чтобы поднять на ноги караульных и ударить тревогу, предупредить об опасности. Все они пали под ударами прикладов своих врагов, которые, ворвавшись в улицы, бросались в дома.

Началась ужасная резня, страшный бой завязался в темноте, сражались во дворах, в жилищах, где квартировали республиканцы, поднятые со своих постелей. Полуодетые, не в состоянии различить друг друга, солдаты резали своих. Раздались выстрелы с той и с другой стороны, полилась кровь, плач и вопли перепуганных детей и женщин сливались с грохотом и треском ежеминутно усиливавшегося боя.

Часть солдат успела выскочить из домов, заняв оборону на площади; кучка их росла, но медленно, потому что приходилось прорываться сквозь карлистов; солдаты дрались отчаянно, и карлистов пало очень много. Нападение было настолько внезапным, что у республиканцев возникла страшная неразбериха.

Тревожный звон колокола сливался со звуками труб и криком людей на улицах городка. Городские жители попрятались в погребах, чтобы укрыться от кровопролитного боя.

Тристани с группой самых смелых карлистов проник в дом, где беззаботно спал Мануэль. После мгновенной свалки часовые, стоявшие перед его домом, были перебиты, и вскоре карлисты, предводительствуемые Тристани, уже взбегали на крыльцо.

При первом шуме Мануэль вскочил с постели и подбежал к окну, чтобы посмотреть, что случилось. А неприятель уже проник в комнату и с криками «ура» бросился на беззащитного.

— Хватайте! Берите его в плен! — кричал Тристани, и приказание его было немедленно исполнено. С головы до ног вооруженные карлисты тесно обступили Мануэля.

Он пытался защищаться, но был осилён многочисленными врагами; отчаянное горе охватило его, когда он понял, что городок в руках неприятеля. От гнева и боли он не помнил себя; у него не было возможности избавиться от этого позорного плена; предусмотрительные карлисты позаботились не подпустить его к оружию и, чтобы окончательно лишить его возможности сражаться, ранили его в правую руку. Убийственно действовали восторженные крики на отважного, а теперь беспомощного Мануэля. Его вывели из дома; на улице ему стало ясно, что в такой непроглядной темноте нечего и думать об освобождении, ночное нападение удалось карлистам как нельзя лучше.

Шум, стрельба, крики — и все это в полной темноте, сумятица и неразбериха усиливались с каждой минутой. Разобраться во всем этом не было никакой возможности.

Тристани вывел Мануэля из городка под сильным прикрытием и приказал конвою отвезти его в недавно оставленный лагерь.

Мануэля усадили в повозку, изъятую у обывателя; три карлиста сели с ним, а конвойные расположились по бокам, и они направились в лагерь.

В это время в квартиру, где остановился Жиль-и-Германос, тоже ворвались карлисты, но он успел схватить свое оружие и с таким остервенением и силой кинулся на окруживших его врагов, что в несколько мгновений уложил троих на месте, а остальные сами бросились бежать от него.

Через минуту Жиль был уже на улице.

Карлисты звали на помощь, и она немедленно явилась, но Жилью и нескольким солдатам, рубившимся неподалеку от него, удалось осилить врага и пробиться через густую толпу карлистов к площади, на которой собралось уже много солдат, сдерживавших натиск

кар-листов.

Жиль и его сподвижники были встречены дружным «ура»; с их прибытием уличная резня приняла совершенно другой оборот.

С ожесточением бросились республиканцы на карлистов, начали теснить, а вскоре уже немилосердно гнали их и, наконец, очистили городок от неприятеля. Жиль и несколько всадников преследовали бегущих, продолжая сеять смерть, мстя за ночное нападение.

Теперь только стало ясно, что Мануэль Павиа пропал. Его искали между убитыми, но тела не нашли и решили, что он уведен карлистами в плен.

Поутру оказалось, что те, кто устроил резню, ограбили не только многих граждан, но и городскую кассу, находившуюся в Риво.

XI. От греха к греху

Дон Карлос прибыл в лагерь своих войск, расположившихся в палатках недалеко от границы. Осмотрев лично вновь набранные войска, он объявил им, что их ждут награды и слава, он поведет их на Мадрид, и они уничтожат врагов.

Карлисты в ответ на это кричали громкое «ура» своему монарху, королю Карлу. В обширном лагере царило веселое оживление, все ждали скорого получения оружия, день прибытия его был уже известен.

Пока военный министр дона Карлоса был в состоянии аккуратно выплачивать жалованье, в войсках если и не было особенного повиновения и дисциплины, то все-таки видна была храбрость и готовность сражаться; солдаты ждали военных действий, надеясь на хорошую добычу.

Желающие сражаться за дона Карлоса все прибывали на север Испании, и уверенность претендента на корону росла день ото дня. Его вербовщики работали усердно: им щедро платили; делом этим занимались преимущественно офицеры, в обязанности которых входило раздобыть оружие и пушки; они без усталости разъезжали по тем местам, где поддерживали карлистов.

Силы дона Карлоса крепили, и он наслаждался своим растущим успехом. Женитьба на Маргарите Пармской открыла ему новый источник, который он немедленно обратил в свою пользу. Он получил огромные суммы, и это чрезвычайно увеличило его силы.

Понятно, что не любовь заставила его жениться на принцессе; точно так же, не по любви, женился бы он и на графине Инес. Один расчет, никогда его не покидавший, руководил им, в жертву ему шло все.

Вскоре после свадьбы дон Карлос отвез принцессу, получившую титул герцогини Мадридской, на воды во Францию; там он простился с ней и вернулся в Испанию, чтобы принять на себя командование войсками. Понятно, что разлука была нетяжела для обоих, и если они как-то скрывали холодность своих отношений, то это ради этикета. Король без короны и трона окружил свою супругу и себя всевозможной роскошью и пышностью, создав всю видимость и порядки королевского двора. Он назначил министров и советников, организовал канцелярию, приказал издавать газету, в которой печатались его приказы и сообщения, и создал генеральный штаб, который должен был повсюду сопровождать его.

Итак, был король и нечто вроде правительства, недоставало только страны, которой бы они правили.

Испания единодушно не признала его притязаний на трон и решила с оружием в руках принудить его отказаться от попытки силой захватить корону.

Но дон Карлос не собирался так просто отказываться от своих намерений. Он рассчитывал захватить свободный трон Испании с помощью шайки необузданных удальцов, жаждущих добычи. Он хотел возложить на себя корону против воли всей страны, основываясь на своем давно утраченном праве, которого никто, кроме него, не признавал. Он думал силой, при помощи меча, добиться трона и устилал дорогу к нему трупами; он хотел быть королем Испании, хотел называться отцом народа и ради этого разорял и опустошал

страну, ничего, кроме ненависти, не питавшей к нему. Могла ли Испания любить дон Карлоса, страна, ввергнутая им в войну, познавшая все ее ужасы, истребление полей и нив? И этой страной он хотел править? Вместо преданности и любви он добился проклятий от испанского народа!

Но ослепление этого человека, переполненного тщеславием и жаждавшего почестей, было так велико, что он ни о чем не думал, кроме своей власти, все принес ей в жертву, добываясь ее любой ценой. Он не пренебрегал никакими средствами. Да, человек этот был так глубоко убежден в своем праве, что считал законными любые свои действия и любые средства, ведущие к цели.

Дон Карлос находился в своей палатке, он только что закончил совещание с генералами и стоял один около походного стола, на котором лежали развернутые планы.

Честолюбие рисовало ему картины победы. Он не сомневался в ней, тем более что число его войск росло с каждым днем. Он не сомневался в исполнении своих ужасных, кровавых намерений, тем более что бессовестные льстецы, окружавшие его и рассчитывавшие впоследствии получить щедрую награду и теплые места, поддерживали в нем уверенность в победе и в законности его прав.

Наряду с честолюбивыми планами в душе дон Карлоса горело тайное желание, проснувшееся в нем в тот вечер, когда он снова увидел Амаранту. До того времени, пока она не появилась перед ним, он не вспоминал о ней, захваченный своими планами, но с того вечера родилось в нем неодолимое желание видеть ее опять своей. Ее красота, ее обольстительный стан зажгли в нем могучую страсть; Амаранта, прекрасная в своем гневе, заставила его чувства пылать гораздо сильнее, чем в то время, когда она любила его. В нем проснулась мучительная любовь, неодолимое влечение к Амаранте; ни того, ни другого не было в нем прежде.

Было ли это наказание свыше за его измену?

Теперь он любил с неукротимой страстью ту, которую так подло оттолкнул от себя! Он постоянно видел ее перед собой: когда оставался один, когда ложился в постель, образ ее не покидал его и во сне, и тогда он простирает к ней свои руки с мучительной страстью; образ Амаранты всюду преследовал его. Он проклинал себя за то, что не может теперь обладать ею...

Неподвижно стоял он, задумавшись, в своей палатке, неотрывно глядя в одну точку, и снова Амаранта как живая предстала перед ним во всей обольстительной, дивной ее красоте, с ее навсегда исчезнувшей любовью...

Занавес над входом в палатку заколебался... Вошел адъютант и остановился у входа, приняв почтительную позу.

— Что там такое? — отрывисто спросил дон Карлос.

— Бывший капрал Тристан, произведенный в капитаны по приказанию вашего величества, просит аудиенции, — доложил адъютант.

— Он хочет поблагодарить меня за повышение в чине, — отвечал дон Карлос, — он заслужил его внезапным нападением на гарнизон в Риво, и я принимаю его благодарность! Передайте это ему.

— Ваше величество, позвольте доложить, что капитан Изидор Тристан утверждает, будто у него важное донесение.

— Снова задумал что-нибудь?

— Он говорит, что свое сообщение хотел бы лично доложить вашему величеству!

Дон Карлос был недоволен причиняемым ему беспокойством, он немного помедлил и, быстро обернувшись к адъютанту, с недовольной миной сказал:

— Пусть войдет, но только скорей!

Офицер вышел из палатки, и вскоре худощавая, гибкая фигура Изидора появилась на пороге.

— С позволения вашего величества... — сказал он, поклонившись, и закрыл за собой занавес у входа.

Его косой взгляд выжидательно остановился на доне Карлосе, который внимательно рассматривал непрошеного гостя.

— Вы капитан Тристани? — спросил он.

— По милости вашего величества, — отвечал Изидор. — Я надеюсь, что ваше величество не изволили забыть меня! Тристани и Изидор — одно и то же лицо.

— Что привело вас сюда? — помедлив, быстро спросил Карлос, напоминание об Изидоре не очень-то понравилось ему.

— Тристани, командир отряда карлистов, хочет принести вам благодарность за все ваши милости...

— Я уже знаю, — прервал Карлос, отворачиваясь, — есть другой способ вместо пустых слов! Я принимаю вашу благодарность!

— Я бы не хотел навлечь на себя недовольство вашего величества, — быстро проговорил Изидор, — но я все-таки считаю своей обязанностью сообщить вам об одном случае, который имеет большое значение как для вашего величества, так и для меня!

— Говорите скорей!

— Внезапное нападение на Риво, которое было придумано мной...

— Все это я уже знаю! Смертный приговор дону Мануэлю Павиа уже подписан!

— В таком случае, вашему величеству известно, что в ту же ночь городская казна в Риво была похищена, — продолжал Изидор, несмотря на нетерпение дон Карлоса. — В городской казне было около семи тысяч дур о! Похищенное было вывезено, но между тем никто из нас не получил ничего!

— О казне ничего не известно и в штаб-квартире, — сказал дон Карлос, становясь более внимательным. — Что вы знаете об этом происшествии?

— Да будет известно вашему величеству, что внезапное нападение было придумано мною одним, но не один я участвовал в нем!

— Кто же еще, кроме вас?

— Генерал Доррегарай.

— Что это значит? Вы, кажется, обвиняете генерала?

— Сохрани Бог, ваше величество! Я хочу только сказать, что как я и мои солдаты не принимали участия в грабеже кассы, так и солдаты генерала Доррегарая ничего не знали о деньгах. Только два ривосских жителя, спрятавшихся в ту ночь в винном погребе недалеко от здания банка, говорят, что видели, как в дом вошел кто-то из высших военных чинов и с ним еще восемь человек.

— Этот офицер был из моих? '

— Жители говорят, что так, и по описанию... я не смею всего говорить вашему величеству...

— Но я хочу знать, и приказываю вам ничего не утаивать!

— Боязнь заслужить немилость вашего величества... Опасность...

— Ничего не бойтесь, я не буду взыскивать с вас за это.

— По описанию, — сказал, понижая голос, Изидор, — это был генерал... но я не говорю ничего!

В подобострастной фигуре Изидора было что-то неприятное, отталкивающее. Так подумал и дон Карлос, взглянув на него.

— Счастье ваше, что я дал слово не накладывать взыскания, — сказал он мрачно.

— Я считал своей обязанностью сообщить вашему величеству все, несмотря на опасность. Я не верю никому и считаю, что всегда лучше все знать и за всем наблюдать. У меня есть еще донесение...

— Если это опять какое-нибудь обвинение, так поберегите его для себя, — сказал дон Карлос.

— Это касается частных дел вашего величества, и я прошу милостиво простить меня, если мое сообщение окажется не к стати. За эти дела ваше величество одно время платили мне, и потому я считаю до сих пор своим долгом служить вам. Ваше величество, может

быть, помните девушку...

Дон Карлос насторожился. Изидор, наблюдавший за ним, заметил эту перемену в его лице.

— ...Амаранту Галло, — продолжал он, — ее увели в монастырь, но она каким-то чудом скрылась оттуда.

— Как вы это узнали, капитан?

— Ваше величество, я случайно видел ее сегодня утром.

— Видели? Где же? — поспешно спросил дон Карлос.

— Я шел через Ирану — это небольшое местечко милях в двух отсюда.

— Амаранта в Иране?

— Могу заверить ваше величество, что я не ошибся, у меня хороший глаз! Это точно была Амаранта, она стояла на коленях перед изображением пресвятой Мадонны.

— Одна?

— Одна!

— Видела она вас?

— Изидор предпочел остаться незамеченным. Я тотчас же решил донести об этом вашему величеству, ведь кто знает, какие намерения...

— Видели вы, куда потом пошла эта девушка? — перебил дон Карлос.

— Как же, ваше величество, я аккуратен в подобных случаях! Амаранта пошла в одну из улиц предместья, где много садов, к небольшому домику. Ее встретила какая-то сеньора, которой я не мог разглядеть, и они вместе вошли в дом, они обе живут там.

— Можете вы описать мне этот дом?

— Это низенький домик с оленьими рогами на верхней части фронтона.

— Знаете вы, кто там живет, кроме них?

— Какая-то вдова-старушка, больше никого.

— Ступайте к своему отряду, — сказал дон Карлос, — и продолжайте так же усердно служить, как служили до сих пор.

Изидор поклонился и вышел.

— В Иране... — прошептал дон Карлос. — Я должен ее отыскать сегодня же вечером! Не могу дольше переносить этого мучительного желания снова увидеть ее! И что меня так тянет к ней? Вся кровь кипит, как вспомню эту девушку. Никогда она еще не была так прелестна, как теперь, так обольстительна! Нет, она моя, она должна быть моей. Сейчас же еду туда и снова страстно обниму ее! На коня! В Ирану! К Амаранте!

Дон Карлос вышел из палатки, велел оседлать лошадь и объявил адъютанту, что поедет один. Уже был вечер, когда он отправился.

Осень вступала в свои права, и на смену летнему зною пришла благотворная свежесть ее вечеров.

Дон Карлос свернул на узенькую дорожку.

В полях царил глубокая тишина. Нигде не видно было стад. Жители селений большей частью оставили свои жилища и, захватив имущество и скот, спешили уйти от карлистов. Все бежало от ужасов народной войны, грозившей охватить весь север.

Дон Карлос не обращал внимания на эти явные предостережения. Что ему до участи городов, селений и их жителей? Он сурово преследовал только свои честолюбивые цели.

Не прошло и часа, как уже показались сады и засеянные поля, а вскоре в вечернем сумраке можно было различить маленькие домики городка — цель его поездки. Соскочив с лошади и привязав ее к дереву, он пошел по узенькой улочке, вившейся между деревьями.

Вдали видны были еще девушки у колодца, в садах гуляли люди, пользуясь тихим, прохладным вечером, чтобы отдохнуть перед сном от дневных трудов. Густые деревья так затеняли улицу, что дон Карлос легко мог оставаться незамеченным. Иногда он останавливался, чтобы осмотреться и разглядеть дома.

Свернув в узенькую боковую улицу, он вдруг услышал недалеко от себя голоса. Быстро прижавшись к дереву, он увидел в ближайшем к нему садике две фигуры — две девушки,

гуляя, разговаривали между собой.

Не отрываясь от дерева, он постарался рассмотреть их. Холодная улыбка скользнула по его губам, когда в одной из них он узнал Амаранту. Но кто была другая?

Между тем девушки, дойдя до противоположного конца сада, повернули и пошли обратно, приближаясь к дону Карлосу. Каково же было его удивление, когда при слабом свете месяца он узнал в спутнице Амаранты графиню Инес!

В первую минуту он подумал, что ошибся, но затем, услышав голоса, перестал сомневаться.

Это было неприятно ему — графиня мешала его плану. И как Инес попала сюда? Что так тесно связывало ее с Амарантой? Они казались двумя сестрами, доверчиво разговаривавшими между собой.

Кругом все было тихо, ночь заявляла свои права. Девушки повернули домой. Дон Карлос поспешно отправился за ними, прячась в кустах и очень осторожно ступая; они не слышали легкого хруста песка под его ногами. Он видел, как, войдя в прихожую, они поцеловались, прощаясь на ночь, затем Инес вошла в комнату налево, а Амаранта — направо.

Значит, у них были отдельные спальни; это отвечало страстным желаниям Карлоса.

Окно комнаты Амаранты осветилось: она, войдя, зажгла свечу, потом опустила наружный занавес и закрыла окно.

Тихонько прокравшись между кустами к дому, дон Карлос встал под окном девушки и осторожно приподнял край занавеса.

Теперь он мог видеть внутренность комнаты. Тут было три-четыре старых стула, недалеко от окна — стол, на котором горела свеча, небольшой шкаф, скромная постель и над ней несколько пестро раскрашенных образов.

Прекрасная девушка расстегнула корсаж и стала снимать крошечные башмачки. Глаза дон Карлоса загорелись, он мог теперь беспрепятственно любоваться этими чудными формами. Кровь в нем закипела, он дрожал всем телом.

Амаранта распустила густые волосы, упавшие на обнаженные плечи, и начала молиться. Слезы струились из ее поднятых к небу глаз, и это придавало ее лицу какое-то невыразимо лучезарное выражение.

Но дон Карлос не обращал внимания на глубокое страдание Амаранты, его горящие глаза видели в ней лишь красоту форм, он наслаждался видом ее тела. Она была теперь так близко! Лицо его дрогнуло, белки глаз налились кровью, ударившей в голову.

В эту минуту свет в комнате погас, и Карлос опустил занавес.

Амаранта легла в постель. Он хотел подождать еще несколько минут и потом войти к ней, просить ее любви, любви женщины, которой он когда-то обладал и которую так бессовестно оттолкнул! Ему хотелось обнять ее, сказать, что он не знает покоя с той поры, как снова ее увидел. Он был так ослеплен, что надеялся вернуть любовь обманутой, брошенной им женщины, надеялся, что она выслушает и снова обнимет его! В случае же сопротивления этот человек решил овладеть ею насильно, потому что не в силах был справиться со своим желанием.

Сознание близости молодой женщины наполняло его блаженством. Горя нетерпением, он подождал, пока графиня заснет, и наконец взялся за ручку двери. Она была только притворена, в этом городке никто не запирался на замок.

Открыв дверь, дон Карлос остановился на пороге; слабый свет, проникнув с улицы, дал возможность разглядеть Амаранту. Она спала спокойно, ничего не подозревая, и была так хороша!

Затворив за собой дверь, он с минуту стоял неподвижно; сердце у него замерло при мысли, что эта прекрасная женщина, цель его желаний, в его руках.

В эту минуту он напоминал кровожадного тигра, склонившегося над своей жертвой, зная, что она не уйдет от него, и нарочно выжидая, чтобы распалить свой голод и увеличить наслаждение.

Подойдя к постели Амаранты, дон Карлос прислушался к ее ровному дыханию. Невыразимое блаженство доставляла ему эта близость любимой женщины, но, наконец, бешеная страсть овладела им. Он прижался губами к ее губам...

Раздался тихий, приглушенный крик.

Амаранта, еще не вполне очнувшись от сна и грез, но инстинктивно чувствуя страшную опасность, отталкивала его.

Кругом было темно. Она ничего не могла различить, а чьи-то руки уже обхватили, и кто-то привлек ее к себе. Невыразимый страх овладел ею, только теперь она начала ясно понимать, что случилось.

— Святая Мадонна! — вскричала она. — Ступайте прочь! Кто вы, кого вам надо?

— Тише, тише! — шептал Карлос. — Разве ты не узнаешь меня? Это я!

Услышав его голос, Амаранта сначала подумала, что это во сне, а потом ею овладело невыразимое отчаяние.

— Ты? Это ты? — вскричала она в ужасе. — Прочь от меня, презренный, или я позову на помощь!

— Никого здесь нет! Отдайся мне, я с ума схожу от страсти!

— Прочь! Когда я любила тебя, ты меня обманул, а теперь опять вернулся ко мне? Ступай вон!

— Постой! Выслушай!

— Прочь, или...

— Не зови — выслушай!

— Я проклинаю тебя, богоотступник! Вспомни, что ты сказал мне в монастыре Святой Марии! Ты отрекся от своего ребенка...

— Я не могу жить без тебя!

— Теперь моя любовь превратилась в ненависть! — вскричала Амаранта, изо всей силы оттолкнув дон Карлоса. Ей, наконец, удалось вскочить. — Я ненавижу тебя, презираю, негодай! И ты смел прокрасться сюда, снова прийти ко мне?

— Ты должна быть моей, хотя бы это стоило мне жизни! — прошептал он в диком порыве страсти и сжал в своих объятиях Амаранту.

Она сопротивлялась, как могла; страх удесятил ее силы. Но, наконец, молодая женщина почувствовала, что ей не устоять. Она громко закричала, зовя на помощь.

— Молчи, — прошипел Карлос, — или ты умрешь. Выбирай — быть моей и жить или умереть!

— Лучше умереть, — вскричала она, задыхаясь, и снова оттолкнула его, еще раз громко позвав на помощь.

На этот раз ее зов услышали. Послышались шаги.

— Змея! Так умри же! — сказал дон Карлос, вырвав из-за пояса кинжал.

У ворот дома уже были слышны шаги бежавших на помощь.

Обезумев от страсти и ярости, он ударил кинжалом Амаранту, бессильно упавшую на пол, выбежал из комнаты, оттолкнув кого-то, и исчез в темноте ночи.

ХII. Дукечито

— Это славно! Рикардо Малеца, мне каждый день будут подавать шоколад на завтрак? — спрашивал бывший арфист Клементо, с удовольствием прихлебывая шоколад из золоченой чашки.

На нем было нарядное темное бархатное утреннее платье, панталоны самого тонкого сукна и красные кожаные сапожки.

— Ваша светлость все изволите забывать, что вы дукечито, единственный сын и наследник богатого герцога Кондоро, — отвечал Рикардо.

— Да, да, дукечито! Это правда! Видите ли, чтобы привыкнуть к такой перемене, нужны не одни день, не одна неделя! Дукечито! Так, так! Но право, я никогда не думал, что

буду каждый день пить шоколад и есть за обедом по десять блюд, право, никогда не думал, Рикардо! Но теперь я дукечито! Ха-ха-ха! — смеялся дурачок Клементо, ощупывая свое платье, глядясь в зеркало и необычайно радуясь сам себе. — Этим я обязан моей матери, дукезе. Очень благодарен ей, что она моя мать, Сара Кондоро. Вы говорите, герцог Кондоро мой отец? Похоже, очень похоже!

— Когда ваша светлость прикажете готовиться к отъезду? — спросил Рикардо, всеми силами стараясь приучить дукечито к новой обстановке.

— О каком отъезде вы говорите, Рикардо?

— Об отъезде к светлейшему герцогу, которому очень хочется увидеть дукечито.

— Так, так, к герцогу! Так ему хочется увидеть меня? Это замечательно, Рикардо, ему хочется меня видеть, а между тем он ведь меня совсем не знает!

— О, как можно! Светлейший герцог знает дукечито, — отвечал старый дворецкий, сильно радуясь, что пропавший сын герцога, наконец, найден.

— Будто? — сказал Клементо, с удивлением взглянув на Рикардо. — А я его совсем не знаю!

В каждом слове, во всех манерах этого арфиста, так внезапно превратившегося в сына герцога, видно было отсутствие не только всякого воспитания, но и всякого природного развития. Нельзя сказать, что Клементо вовсе был лишен разума, но его круглое лицо и бессмысленный взгляд без всякого выражения указывали на очень слабые умственные способности. В народе его иначе не называли, как «дурачок Клементо».

Стоило взглянуть, как он радовался своему новому положению, с каким удовольствием рассматривал себя, чтобы тотчас заметить недостаток его ума. Часто даже страшно было слышать его бессмысленный смех и видеть его кривлянье перед зеркалом.

— Я не знаю герцога, — повторил он, — а он меня знает, говорите вы? Да, меня знают многие!

— Светлейший герцог — отец ваш, и ему очень бы хотелось видеть вашу светлость.

Клементо задумался на минуту.

— Мой отец... а дукеза — моя мать, — пробормотал он, — но почему же мать Кондоро я знаю, а отца Кондоро — нет?

— Светлейший герцог живет не в Мадриде.

— А! Так где же он? — спросил с удивлением Клементо.

— Светлейший герцог с нетерпением ждет дукечито, поэтому я осмелился спросить, когда мы будем собираться, — отвечал Рикардо.

На лице Клементо выразилось неудовольствие.

— Собираться? — спросил он. — Мне бы хотелось остаться здесь, мне нравится, как я теперь живу!

— Но светлейший герцог!

— Пусть он сюда приедет! Отчего его здесь нет?

— Он слишком слаб для путешествия, мы должны сами ехать к светлейшему герцогу.

— Только не сегодня, милый Рикардо, только не сегодня, — просил дукечито.

— Ваша светлость говорили это вчера и третьего дня.

— Говорил, Рикардо? Уж я этого не помню теперь!

— Бедный герцог, — прошептал старый дворецкий, грустно глядя на дукечито, жадно допившего шоколад и вылизавшего даже блюдечко. — С позволения вашей светлости, — остановил его старик, — этого не надо делать, лучше я велю подать вам еще чашку, но с блюдечка не годится...

— Еще чашку! — вскричал обрадованный Клементо. — Отлично, милый Рикардо, принесите мне еще чашку! Я прежде никогда не пил шоколада, я пил только воду из колодца.

Дворецкий позвонил и велел вошедшему слуге принести еще чашку, а сам между тем обдумывал, как бы ему уговорить дукечито поскорее уехать из Мадрида.

Пока Клементо жадно пил принесенный шоколад, Рикардо начал так:

— Вот уж у светлейшего герцога, вашего отца, будет вдоволь шоколада и разных сластей!

Дукечито поднял голову.

— Что же еще такое у него есть? — спросил он.

— Все, что вам так нравится есть и пить, ваша светлость, — и прекрасное пухеро, и конфеты из апельсинов, и вино!

— И вино?

— Какое только пожелаете, ваша светлость!

— Ну, так мы лучше отправимся туда, — решил Клементо.

— Значит, завтра можно, не правда ли?

— Да, завтра, Рикардо! Только мне кажется, я не смогу идти так далеко, у меня разболелись ноги, — сказал дукечито, вообразивший, что они пойдут пешком.

— Но мы ведь поедем по железной дороге, — объяснил Рикардо.

— Я еще никогда не ездил в этих летящих вагонах!

— Но так удобнее и быстрее ехать, ваша светлость!

— Я боюсь, милый Рикардо!

Новое препятствие. Клементо не хотел ехать по железной дороге, а ехать на лошадях было гораздо дольше.

— Все ездят так, ваша светлость, и не боятся, — успокаивал Рикардо, — и вам понравится, когда вы попробуете.

— И не говорите об этом, мне страшно подумать, — говорил Клементо с невыразимым страхом на лице, — я хотел однажды посмотреть на эти вагоны, да пришлось скорей убежать — не могу их видеть!

— Но я буду с вами, ваша светлость, попробуйте!

— Ах, не говорите об этом, милый Рикардо! — просил Клементо, и лицо его исказилось от страха.

— Святой Антонио, — шептал старик, — что я теперь буду делать?

— Доставьте-ка мне лучше удовольствие, Рикардо, — сказал снова просиявший Клементо, подходя к нему.

— Что прикажете, ваша светлость?

— Вы взяли у меня мою арфу — отдайте мне ее, мою старую, милую арфу!

— Она была расстроена, ваша светлость, — отвечал Рикардо и прибавил, принеся ему из другой комнаты прекрасную, новую: — Вот эта лучше!

— О, нет, не эту!

— Но эта лучше, ваша светлость!

— Дайте мне мою старую, я не хочу новую! — кричал Клементо, отворачиваясь от красивого инструмента в богатой золоченой отделке.

Рикардо покачал головой и принес старую арфу.

— О, благодарю вас, добрый Рикардо! — вскричал Клементо, засмеявшись и радостно захлопав в ладоши.

Он схватил грязную, расстроенную арфу, в которой не хватало половины струн, осмотрел ее со всех сторон и, забившись в угол прекрасно убранной комнаты, принялся сначала тихо трогать струны, потом громче и громче бить по ним.

Рикардо стоял поодаль, смотрел и слушал — грусть и сожаление выразились на морщинистом лице старого слуги. Так вот он, дукечито, наследник миллионов, надежда и последняя отрада больного старого герцога! А дукечито и не знал, и не понял бы того, что чувствовал Рикардо. Сидя в углу со своей ободранной арфой, он вспоминал о старой жизни, которая, несмотря на все ее лишения, была мила ему. Хотя теперь у него было все, чего бы он ни пожелал, его опять тянуло на улицу, потому что эта перемена не давала ему истинного удовольствия, он почти не понимал ее!

Старый Рикардо с тайной грустью думал о герцоге. Его потерянный сын найден, но в каком виде!

Горькие думы дворецкого были прерваны стуком в дверь. Он отворил.

— Это я, я, Рикардо, — сказала, входя, сгорбленная дукеза. — Мне хотелось посмотреть, как идет дело! Вот он — играет, милый человек этот Клементо, такой кроткий, непритязательный — и такой богатый! — Сара Кондоро указывала удивленному и смущенному ее появлением Рикардо на Клементо, который не видел и не слышал ее, продолжая спокойно играть. — Мое сердце не выдержало, — продолжала дукеза, — я не могла больше скрывать истину. Пусть мальчуган будет счастлив! А герцог не заслуживал, чтобы я отдала ему сына. Но я не злопамятна. Прошлое забыто и похоронено! Но что же это у вас такой вид, как будто надо горевать, а не радоваться?

Рикардо не решился высказать свои мысли и чувства. Он молча пожал плечами.

— Вы не благодарите меня, что я открыла вам свою тайну, — продолжала Сара Кондоро, — а?

— Я сожалею, сеньора дукеза, что воспитание дукечито было так заброшено! Это очень огорчит светлейшего герцога!

— Да кому же было заботиться о его воспитании, уж не мне ли? — горячо спросила Сара Кондоро. — Я сама нуждалась во всем, рада, что он хоть жив-то остался! А вы еще с выговорами!

— Я думаю только о светлейшем герцоге.

— Светлейший герцог, все герцог! — с неудовольствием сказала дукеза. — Прежде говорили, что герцог умер бы, если б не нашел своего сына! А теперь его же жалеете, когда этот сын возвращен ему!

В эту минуту Клементо услышал наконец голос старухи и обратился к ней.

— Матушка Кондоро! — вскричал он, протягивая ей одну руку, а другой держа арфу. — Ты здесь, матушка Кондоро?

— Пришла взглянуть, каково тебе здесь, сыночек!

— Хорошо, очень хорошо, матушка Кондоро, у меня и моя старая арфа, видишь? Только знаешь ли, — прибавил он, дружески подмигнув ей, — надо ехать по железной дороге, спроси старого Рикардо, вот история-то будет!

— Уж я знаю, вам не сладить с ним.

— Отчего нам не остаться здесь, матушка Кондоро? Здесь так славно!

— Уговорите, пожалуйста, дукечито, ради герцога, сеньора дукеза, — тихонько попросил Рикардо старуху, — времени нельзя терять.

— Что делать! — сказала Сара Кондоро. — Клементо, несмотря на свою кротость, тоже бывает настойчив!

— Я просто не знаю, что делать!

— Верю, верю, Рикардо, да ничего поделать нельзя. Уговоры ни к чему не приведут, уж я его знаю.

— Мне здесь дают вкусный шоколад, матушка Кондоро, — продолжал Клементо. — А посмотри только, как я нарядно одет!

— Совсем не узнать тебя, сынок!

— А когда мне теперь отдали мою старую арфу, так мне больше ничего и не надо, я совершенно доволен!

— Как он скромн! — расхваливала Сара Кондоро. — Милый Клементо! Его можно вокруг пальца обвести! Рада, рада твоему счастью, сыночек! Но о путешествии и не заикайтесь, — прибавила она, обращаясь к Рикардо, — на это и не рассчитывайте.

— Так что же это будет? Я в большом затруднении, сеньора дукеза! Будьте добры, посоветуйте.

— Ну уж в этом мне нечем помочь вам, Рикардо! Но, послушайте, отчего бы вам не поехать на лошадях?

— Путешествие заняло бы не один месяц!

— Кроме того, Клементо не выдержит жизни в чужой стороне. Он затоскует. Не правда ли, сыночек, ведь ты не хочешь уезжать из Мадрида?

— Нет, матушка Кондоро, здесь лучше всего!

— Но светлейший герцог, ваш отец... — проговорил Рикардо, взглянув на Сару, как бы ожидая от нее совета.

— Поезжай с добрым Рикардо к герцогу, — сказала она, — а потом вернешься в Мадрид.

— Да, да! Вот это славно, милый Рикардо! — согласился Клементо. — Мы вернемся сюда после! Ведь и арфу я возьму с собой?

— Ваша светлость, можете взять все, что хотите, вам стоит только приказать.

— Что хочу? — с довольным смехом сказал Клементо. — Э! Да это хорошо! Но мы ведь вернемся?

— Ну, вот вам, — обратилась дукеза к дворецкому, — долго жить у вас он не останется! Во всем же остальном он настоящий ягненок! Ну, сынок, теперь я видела тебя, знаю, что тебе хорошо, прощай же, мне пора идти.

— Прощай, матушка Кондоро! — равнодушно отвечал Клементо, снова взявшись за арфу и наигрывая на ее немногих оставшихся струнах.

Дукеза ушла, поклонившись старому слуге и унося с собой убеждение, что Клементо надолго не уедет из Мадрида. А это входило в ее тайные планы.

На следующий день все повторилось. Клементо опять давал обещание уехать завтра, хотя сначала, по-видимому, вполне осознал необходимость ехать к отцу, к герцогу.

Старый Рикардо был в отчаянии, он отправился к себе в комнату, чтобы придумать какой-нибудь решительный план, как вдруг к дому подъехал экипаж, и старик услышал, что слуги побежали встречать приезжего.

Подойдя к окну посмотреть, что за знатный гость приехал, он остановился в изумлении, не веря своим глазам. С запяток соскочили двое слуг герцога и откинули подножку. Во втором экипаже были чемоданы.

— Его светлость, сам... — пробормотал в испуге Рикардо.

Слуги высадили между тем болезненного старика, и тут только дворецкий, опомнившись, бросился встречать его.

Герцог Кондоро был высокий, худощавый гранд, правда, годы сильно согнули его. На нем был широкий сюртук, плед, меховые сапоги и серо-зеленая дорожная шапка с огромным козырьком.

У него было морщинистое лицо, впалые щеки, заострившийся нос, седые усы и длинные бакенбарды.

Увидев Рикардо, он оживился, даже глаза заблестели, так ему не терпелось узнать, что же с дукечито.

— А, и ты здесь! Помоги-ка мне, — крикнул он Рикардо.

— Ваша светлость... приехали... — сказал Рикардо.

— Нашел ты его? — спросил герцог, опираясь на своего поверенного и поднимаясь с ним по лестнице, между тем как слуги спешили приготовить для него комнаты и сутились около чемоданов.

— Точно так, ваша светлость, — отвечал Рикардо, зная наперед, какое горе предстояло старику.

Неописуемая радость выразилась на лице герцога при этих словах.

— Нашел!.. Дукечито здесь! Слава пресвятой Мадонне! Я предчувствовал это и не мог спокойно ждать, сам поехал сюда!

— Но болезнь вашей светлости!

— Я ее теперь и не чувствую, Рикардо! Где же он? Где дукечито?

— На верхнем этаже!

— Веди меня к нему, Рикардо! Мое старое сердце дрожит от нетерпения увидеть дукечито!

Рикардо не отвечал, помогая герцогу подниматься по ступеням. Он не решился подготовить его к предстоящему удару и вместе с тем боялся той минуты, которая должна

будет разочаровать его!

Отец надеялся увидеть цветущего юношу, если и бедного, то все-таки одаренного всеми умственными способностями, и вдруг встретит несчастное существо, обиженное и природой, и воспитанием!

— Что это за странные звуки? — спросил герцог. — Уличная песня, но какая скверная, крикливая музыка, и инструмент совсем расстроен! Что за несносная музыка! Кто это здесь играет?

— Дукечито, — ответил Рикардо. Герцог посмотрел на него во все глаза.

— Дукечито? — спросил он, останавливаясь у дверей своих комнат, чтобы перевести дух. — Где ты нашел его, Рикардо? Ты колеблешься? Говори, я все хочу знать!

— На улице, ваша светлость! Старый гранд содрогнулся.

— Этого и надо было ожидать, — сказал он тихо. — Кем же он был? Ведь, конечно, не...

— Арфистом, ваша светлость.

— И этого можно было ожидать! — отвечал герцог, боявшийся, не преступник ли его сын. — Это тяжело, но еще не так ужасно.

Слуги отворили двери, и Рикардо ввел гранда в комнаты, смежные с теми, которые занимал сам с Клементом.

Старый герцог с минуту стоял неподвижно, прислушиваясь к нестройным, неприятным звукам, доносившимся из соседней комнаты, но эта ужасная музыка начинала теперь казаться ему совсем иной — отцовская любовь отыскала мелодию в самых нестройных звуках. Он молча прислушивался, и вдруг глаза его наполнились слезами... Он задрожал...

— Пойдем, Рикардо... пойдем к моему сыну, — проговорил он и направился к двери.

Растроганный слуга отворил ее.

Клементо не заметил вошедших, весь поглощенный своей арфой, он, вероятно, представлял себя снова на улице, перед толпой, теснившейся к нему послушать его музыку, и кривлялся...

Несмотря на то, что Рикардо позаботился придать его наружности, насколько это было возможно, благопристойный вид, герцог был поражен, увидев дукечито — несчастного идиота!

Этого уж гранд никак не ожидал! Удар был слишком жесток для сердца старика. Глубоко потрясенный, он закрыл лицо руками и не сказал ни слова.

Рикардо отвернулся, чувствуя, что у него на глазах выступают слезы.

Седой сгорбленный герцог выглядел в эту минуту таким несчастным, что верный старый слуга не мог этого вынести. Подойдя к дукечито, он сказал ему вполголоса несколько слов и взял арфу.

Клементо осмотрелся, вытаращив глаза, и встал в сильном смущении.

— Так вы... вы мой отец? — открыто спросил он, с удивлением глядя на герцога, старавшегося скрыть свое горе, боясь огорчить этим своего сына. Он думал, что тот мог заметить и понять его чувство!

Старик раскрыл ему объятия и прижал его к сердцу. Тут уж горе или тяжесть разочарования взяли верх — крупные слезы потекли по его седой бороде.

— Вот это хорошо, сеньор, что вы приехали, — сказал дукечито, — отлично! Теперь ведь мы уже не уедем отсюда, не правда ли?

— Да, сын мой, я приехал сюда, потому что мне хотелось поскорей увидеть тебя!

— Вот славно! Так мы не уедем? А мне здесь очень нравится. Рикардо отдал мне мою старую арфу, мне. дают шоколад, а он такой вкусный...

Старый герцог все смотрел на дурачка Клементо, сделавшегося разговорчивее. Он был так мал ростом, что герцогу приходилось смотреть на дукечито сверху вниз. Так вот дукечито, его сын, наследник его огромного богатства и герцогского титула! «Но он ли это? — спрашивал себя герцог. — Возможно ли, чтобы это был так давно отыскиваемый дукечито?»

После первых приветствий, которые со стороны Клемента были совершенно холодны, герцог попросил Рикардо рассказать ему, что он знает о найденном дукечито, и внимательно выслушал рассказ старика о дукезе и бывшем гувернере.

Сомневаться больше было невозможно — Клемента действительно дукечито! Старый герцог, в первую минуту отшатнувшийся от него, пересилил себя, чтобы не дать заметить этого Клемента. Он решил, что должен любить его как сына, и сожаление понемногу уступило место сочувствию. Недостатки сгладились в глазах старика, и тайная грусть смягчилась утешительным сознанием, что ведь все-таки дукечито найден.

Трогательно было видеть, как старик принуждал себя любить сына, чтобы вознаградить его за долгое время лишений. Он даже решил некоторое время тайно пожить в Мадриде, чтобы избавить дукечито от ненавистного ему путешествия, и велел Рикардо отдать приказание слугам не разглашать его приезда, чтобы к нему не стали съезжаться прежние знакомые.

Тяжко ему было видеть, что дукечито даже не сознает того, что он для него делает, и не любит ничего, кроме старой арфы. И этому, однако же, герцог нашел причину: Клемента слишком долго был одиноким и заброшенным, поэтому не может сразу привязаться к кому-нибудь. Он все извинял своему сыну и заботился только о том, чтобы окружить его всем тем, чего он был лишен волею обстоятельств, но потерянное не восстанавливалось, и дукечито Кондоро по-прежнему оставался несчастным существом, не жившим, а лишь прозябавшим.

ХIII. Последняя ночь

Карлисты с пленным генералом Мануэлем Павиа остановились сначала в брошенном лагере, в лесу, и здесь ждали Тристани с его отрядом. Отряд этот, обращенный в бегство, через несколько часов в беспорядке начал прибывать в лагерь.

Жиль преследовал их и Доррегарая с его кавалеристами и совершенно разбил их.

Быстро отступая к северу, карлисты тащили за собой и пленника, которому приходилось терпеть страшные оскорбления и лишения, но он переносил их с мрачным спокойствием.

Изидор Тристани послал дону Карлосу верховых сообщить о результатах атаки и о захвате в плен Мануэля, потом велел завязать последнему глаза, чтобы он не знал численности их войска и чтобы не видел дороги, по которой они шли.

Отступление совершалось день и ночь с такой поспешностью, которая доказывала, что карлисты находятся в большой опасности. Это пробудило в Мануэле надежду, что Жиль освободит его, но вскоре надежда исчезла, так как он слышал, что маленький отряд Тристани увеличивается и карлисты громко ликуют.

Они хвастались атакой, говорили о новых нападениях и клялись не оставить в живых ни одного республиканца. Это было для Мануэля тяжелым ударом, и он просил Тристани дать ему какое-нибудь оружие, чтобы поскорее покончить с собой.

Но Изидор отвечал смехом,

— Такая геройская смерть не для вас, генерал Павиа! — говорил он презрительно. — Вы пленник короля Карла VII, и военный суд определит, быть вам расстрелянным или вздернутым на дерево. А пока вы пленник Тристани. Вот ведь судьба-то как изменилась, генерал! Капрал, которого вы прежде едва удостоивали взглядом, теперь ваш начальник, и вы должны относиться к нему с величайшим почтением, а? Кто бы мог ожидать? Не хотел бы ябыть в вашей шкуре! Что вы узнали? — обратился он к двум подошедшим карлистам.

— Не так далеко отсюда, капрал, есть старый замок, — сообщил один из них, — владелец уезжает в Мадрид и оставляет его в полное наше распоряжение. Тут можно устроить отличную тюрьму.

— Только бы нам покрепче запереть пленника, тогда он не станет больше задерживать нас! Вы уверены, что замок надежен?

— Его очень хорошо будут стеречь, а вверху, под крышей, есть комнаты, из которых

бежать невозможно, — отвечали оба карлиста.

— Ну, так пусть пленник там ожидает приговора. Кто живет в этом замке?

— Теперь никто, кроме старого кастеляна.

— Отведите туда генерала Павиа Албукерке, да стерегите хорошенько! Вы отвечаете мне за него жизнью!

— Не беспокойтесь, капрал, оттуда не уйдет!

— Завяжите ему сначала глаза, — сказал Тристани. Карлисты увели Мануэля в старый замок, находившийся недалеко от Ираны.

Это было здание старинной архитектуры, в Испании еще встречается очень много подобных построек.

На нем не было никаких украшений, толстые, крепкие, грязно-серые стены его поднимались у подножия крутого горного хребта, поросшего деревьями. Здание имело всего три этажа, окна верхнего и нижнего несколько выдавались вперед. Портал и окна среднего, в котором жил обыкновенно сам хозяин, имели стрельчатую форму. Комнаты здесь были высоки и обширны, как залы.

Тяжеловесные каменные ступени лестницы были так же грубы и лишены украшений, как и стены.

Невысокие окна нижнего этажа, занимаемого обыкновенно прислугой, а теперь одним стариком кастеляном, были заделаны крепкими решетками. На внутреннем дворе, куда выходило широкое мощеное крыльцо, находились конюшни и разные хозяйственные постройки.

Владелец мрачного замка предпочел уехать в Мадрид от беспорядков войны, взяв с собой семейство и драгоценности.

Хозяин рассчитывал, что старый замок, добровольно оставленный карлистам, будет сохранен от разрушения. Замок окружали вековые деревья парка, а невдалеке шла дорога в Ирану. Теперь по ней никто не ездил, кроме карлистских отрядов.

Здесь предстояло Мануэлю ожидать своего приговора и умереть преждевременной насильственной смертью!

Вооруженные с головы до ног карлисты привели его в замок с завязанными глазами. Там их ожидал еще третий.

— Ну что, Джулио? Как дела? — крикнули они ему, подходя.

— Это вы, Педро и Фернандо? Все хорошо, — отвечал он, идя к ним навстречу. — Что это за птицу вы привезли?

— Его надо запереть там, наверху, — сказал Фернандо, — и мы втроем будем стеречь.

— О, да это генерал! — вскричал Джулио. — Я уже вижу по пестрым перьям. Ну, теперь конец его командованию, теперь мы командиры!

— Ха-ха-ха! — смеялся Педро. — Птица-то онемела, не поет!

— Говорил ты с кастеляном? — спросил Фернандо.

— Все устроил. Мы можем распоряжаться и верхним, и нижним этажами, — отвечал Джулио. — В доме много хлеба, вина и мяса, кастелян готов поделиться с нами, а в лесу — бездна дичи.

— Ну и прекрасно, — сказал Педро. — Ступайте, — прибавил он, повернув Мануэля за плечо и подтолкнув к portalу.

Там было совершенно тихо и пусто, так как кастелян поселился в маленькой комнатке нижнего этажа и не показывался оттуда.

— Где ключи от верхней комнаты? — спросил Фернандо у Джулио.

— Там, в двери, — отвечал последний.

— Отведите скорей пленника, закройте его хорошенько, да возвращайтесь, можем поиграть в карты. У меня еще есть несколько реалов, а пока в моем кошельке деньги, я играть не перестану.

— Позаботься о вине, пока мы отведем пленника, — сказал Педро, и Мануэля повели к

узенькой каменной лестнице. На площадке перед лестницей, которая вела в верхний этаж, была неуклюжая, толстая дверь, что очень обрадовало карлистов. Они отворили ее и, пройдя наверх, ввели Мануэля в маленькую комнатку. Толстые стены и крепкий замок не позволяли и думать о бегстве отсюда.

В комнате был сводчатый потолок, как в монастырских кельях, кровать с одеялом, стол, несколько старых стульев и низенький шкаф. Свет поступал через небольшое окно. Эта комната производила мрачное, неприятное впечатление, как настоящая древняя тюрьма. Из окна, находившегося как раз под плоской крышей, виден был только кусочек голубого неба.

Бесчисленное множество пауков опутало своими тонкими сетями потолок, все углы и рамы окна, отчего в комнате казалось еще темнее, тем более что пленника привели сюда уже вечером.

Развязав ему глаза, карлисты вышли из комнаты, заперли ее на ключ и сошли вниз к ожидавшему их Джулио. Он уже приготовил вино и карты, и все трое начали играть, пить, ругаться, стучать кулаками и петь.

Мануэль стоял со сложенными на груди руками и неподвижно смотрел в одну точку. Лицо его было мрачно. При нем не было даже оружия, чтобы он мог покончить с жизнью! Это, впрочем, была бы не слишком почетная смерть. Подойдя к окну и сняв паутину, он посмотрел на вечернее небо, загоревшееся первыми звездами. Долго стоял он в глубокой задумчивости, и, наконец, сердце его стало биться спокойнее, хотя грудь по-прежнему тяжело вздымалась. Он решил безропотно перенести все, даже смерть, потому что погибнет за родину, а что лучше такой смерти?

Он не увидит больше Инес, прекрасная девушка останется одна на свете, эта мысль заставляла его страшно страдать! Инес потеряла отца, должна была уйти из отеческого дома, а теперь, с его смертью, лишится последней опоры и всех надежд в жизни. Конечно, патер Антонио готов для нее на любую жертву, но Мануэля она любила со всем жаром первой любви! Его смерть будет для нее сокрушительным ударом! Он не мог даже проститься с ней.

Единственный выход из замка выводил на открытую лесную поляну, где его тотчас настигли бы пули карлистов.

Мануэль молча глядел на звездное небо, мысленно прощаясь со своей любимой. Наконец сон начал одолевать его, он лег и заснул.

На другое утро Педро принес ему хлеб, воду и фрукты. Он ни слова не сказал пленнику и, казалось, еще не опомнился от вчерашней попойки или остался в проигрыше, это заметно было по налитым кровью глазам и черным кругам под ними.

Мануэль подкрепился. Теперь, при дневном свете, он мог лучше рассмотреть свою комнату, а открыв окно, рассмотрел, насколько было можно, и местоположение старого замка.

Он не знал, в каком направлении его вели, но догадывался, что находится недалеко от Логроньо, и твердо знал, что в этой местности сосредоточены главные силы дона Карлоса, так как иначе его не привели бы сюда.

В полдень Педро снова явился, принес дичь, добытую его товарищами. Мануэль слышал их выстрелы, но приписал их начинавшемуся где-то сражению. Следующие два дня по очереди дежурили Джулио и Фернандо.

Дни проходили за днями в томительном однообразии. Пленнику уже делалось невыносимо, приговор дона Карлоса слишком долго заставлял себя ждать. Наконец однажды послышался топот лошадей, а затем громкие приказания. Немного погодя у его дверей раздались шаги и голоса.

— Отвори дверь, — раздался голос Тристани. Наступила наконец решительная минута! Карлист Педро, открыв дверь, встал на пороге с большим подсвечником в четыре свечи.

Вошел Изидор Тристани с двумя карлистскими офицерами. Мануэль с достоинством встретил их, стоя у окна.

— Мануэль Павиа де Албукерке, — начал Тристани, — я пришел объявить вам приговор! Его величество, всемилостивейший король Карл VII, приказал расстрелять вас

завтра рано утром здесь, в лесу, как вождя бунтовщиков, идущих против него с оружием в руках. Следовательно, эта ночь будет для вас последней!

— Я готов умереть за родину, — отвечал Мануэль.

— Мы привели вам патера, который проведет эту ночь вместе с вами и приготовит вас к смерти, — продолжал Тристан и прибавил, обращаясь к Педро, — принеси сюда вина и свечей. Ступай!

Карлист ушел за офицерами, поставив на стол подсвечник.

Мануэль стоял неподвижно. Итак, судьба его решена! Он должен умереть. Смерть была ему не страшна, его мучила только мысль об Инес.

Вскоре ключ опять повернулся в замке, и вошедший карлист пропустил маленького, откормленного монаха, поставил на стол кувшин вина и вышел, запев дверь.

Монах откинул капюшон и, взглянув на Мануэля, серьезно поклонился ему. У него было круглое лицо и скудный венчик коротких, темных волос вокруг гладко выбритой, огромной лысины. Он опустился на стул, тяжело дыша, — высокая лестница утомила его.

— Я пришел приготовить вас к последнему пути, а завтра, рано утром, приобщить святых тайн, генерал, — сказал он наконец, и таким равнодушным тоном, как будто говорил о самых обыкновенных вещах, но уж никак не о смерти. — Я останусь у вас всю эту ночь, хоть это и нелегко для меня, потому что я болезненный человек, но так повелевает мне святой долг!

Толстяк все продолжал сидеть, по-видимому, сильно утомившись ходьбой. Его лицо отличалось добродушием и очень красным носом.

Вино, стоявшее на столе рядом с подсвечником, казалось, больше всего его привлекало; он беспрестанно поглядывал на кувшин, как будто пытаясь по запаху оценить достоинство вина.

— Несмотря на свою слабость, я решился ехать с этим отрядом благочестивейшего короля Карла, чтобы напутствовать умирающих, — продолжал он. — Лучше было бы, если бы бунтовщиков не существовало, но если уж иначе не может быть, так они должны погибнуть, это их собственная воля!

Мануэль терпеливо выслушал его, не говоря ни слова. Он знал, что невозможно заставить патера изменить свое мнение. Мадридские инквизиторы повелевали всем служителям церкви на севере признать дон Карлоса королем и содействовать всеми силами его планам. Приказание это исполнялось со слепым повиновением.

— Раскайтесь и принесите покаяние перед смертью, — продолжал монах деловым тоном нараспев. — Вся сила в покаянии. Сохрани Бог предстать перед вечностью нераскаявшимся грешником! Да, сын мой, это ваша последняя ночь. Искупление близко! Смерть не должна пугать вас, потому что за воротами ее блаженство... но позвольте один вопрос, не выпьете ли немножко из этого кувшина? Тогда и я позволю себе сделать глоток. Я долго шел по пыльной дороге, и у меня пересохло горло!

Монах придвинул к себе кувшин и с видимым удовольствием стал тянуть вино.

— Мы, люди, должны заботиться о подкреплении сил во время нашего земного странствия, — заговорил он снова, прищелкивая языком, — но вы завтра уже будете у цели его! Послушайте моего совета, раскайтесь! Вы согрешили, поднимая оружие на своего короля и повелителя, но раскаявшемуся грешнику прощаются все грехи, когда он искупает их смертью. Да, сын мой, я обязан возвращать грешников на путь истины, хотя это и очень мне трудно, силы мои слабы! — и монах снова поднес к губам тяжелый кувшин, довольно долго подкрепляя свои слабые силы, и основательно подкрепил их! Когда он поставил кувшин на стол, тот был наполовину пуст.

Мануэль, стоя поодаль, смотрел на него.

— Свет полон лжи и зла, — продолжал монах, — и потому часто приходится применять наказания. Много крови прольется, но это необходимо для примера! Людей поражает ослепление и безумие, они не хотят признать своего короля! Это-то и терзает мне душу, сын мой! Раскайтесь же и принесите покаяние!

Еще раз подкрепившись вином, монах уже не мог продолжать своих увещаний, у него заплетался язык, и около полуночи ему уже хотелось спать.

— Видите, какой я хилый, — сказал он слабым голосом. — Если вам не нужна постель, я бы прилег на несколько часов, чтобы потом с обновленными силами приготовить вас к предстоящему последнему пути.

— Я не могу спать, — отвечал Мануэль.

Монах улегся, вздохнул, еще раз пожаловался на свою слабость и хилость и заснул.

Свечи догорали и понемногу потухли совсем. В замке царила глубокая ночь. Кругом было совершенно темно, все спало, под сводами комнаты Мануэля слышался только равномерный храп крепко спавшего монаха. Вино так разгорячило его, что он не только не накрылся одеялом, но откинул даже и свою рясу.

Мануэль думал об Инес, о завтрашней смерти — и глядел в темную ночь, окружавшую его со всех сторон.

Эта последняя его ночь наполовину прошла, а утром он будет расстрелян.

XIV. Салон дукезы

Сеньор Капучио и его супруга договорились с Сарой Кондоро насчет покупки их салона на улице Сиерво, и дукеза, наконец, купила его на деньги, полученные от Рикардо за найденного дукечито.

Она добилась своей цели и тотчас приступила к устройству заведения, еще не виданного в Мадриде. Прежде всего она сняла старую вывеску с надписью черными буквами и прибила новую, золоченую, на которой было написано: «Бальный салон дукезы».

Это было благозвучнее, нежели «Салон Капучио». Капучио — такое обыкновенное имя! Но «Салон дукезы» — совсем другое: сюда пойдет знать, этот салон много обещает!

Хитрой старухе, умеющей обдѣлывать дела, удалось выгодно продать свою ночлежку, и она тотчас же приступила к отделке заведения, ничего не жалея на его убранство.

Между тем сеньор и сеньора Капучио осуществили свой план — уехали к себе на виллу, около Аранхуэса, чтобы наслаждаться полным спокойствием. Они не заботились больше о своих бальных залах, с помощью которых, да еще сводничества, составили себе изрядное состояние.

Что касается декоративного убранства салона, дукеза многое решала сама, припоминая виденное в былое время при дворе, она сама приглашала танцовщиц и певиц, слуг и служанок, выбирая непременно красивых.

Затем она занялась своим костюмом, чтобы выйти на сцену достойной хозяйкой, наняла метрдотеля, который должен был заправлять всем от ее имени, сама же она хотела оставаться только главной распорядительницей.

На открытие салона съехалось много знати. Дукеза достигла своей цели, спустя долгое время опять получила возможность вволю наслаждаться издавна любимым напитком — шампанским, конечно, только в торжественных случаях! Но эти торжественные случаи у нее почти не прекращались, и она блаженствовала.

Салон вызвал общие похвалы в высших кругах аристократии. Все восхищались его убранством.

Главный зал, где давались балы, был убран с восточным великолепием. Пунцовые с золотом обои покрывали стены, в которых сделаны были ниши, закрывавшиеся при желании портьерами. В промежутках между нишами били маленькие фонтанчики или львиные головы выбрасывали воду из пастей. С прекрасно расписанного потолка спускалось множество люстр, зеркала в глубине зала увеличивали его до бесконечности.

Внутренность каждой ниши была отделана пунцовым бархатом, там стояло несколько кресел. С потолка спускалась круглая лампа, а в стене был сделан звонок, чтобы вызывать прислугу.

С одной стороны зала, на галерее, помещался оркестр, а высокая дверь под этой

галереей вела в стеклянный, или театральный, зал.

Если бальный зал можно было назвать верхом великолепия, то этот был поистине волшебным.

Нигде не видно было ни одной лампы, а между тем зал был залит морем света. С трех сторон стены обвивала искусственная зелень, с четвертой находилась сцена, предназначенная для танцовщиц и певиц. Верхнюю часть зала занимали ложи, богато украшенные тропическими растениями, потолок и стены были стеклянные, и, глядя сквозь них, гости дукезы переносились в какое-то царство фей. Тут горели мириады разноцветных огней и фонарей, качались высокие пальмы, на освещенных месяцем водах красовались цветы лотоса, и тенистые своды зелени уводили куда-то вдаль. Местами поднимались живописные группы скал и виднелись каменные гроты, освещенные красными и зелеными огнями. Раздвижные двери, искусно устроенные в зелени по углам залы, вели в другие комнаты меньших размеров и отдельные маленькие кабинеты, устроенные со всевозможным комфортом; всякий мог найти здесь то, чего желал и что ему нравилось.

Дукеза при устройстве своего салона позаботилась о том, чтобы они были доступны только высшей знати и первым богачам Мадрида.

Во время длинных осенних и зимних вечеров сюда приезжали посмотреть танцовщиц и послушать певиц или посидеть за бутылкой вина. Скоро салон дукезы стал постоянным местом встреч первых грандов и богачей столицы. Каждую ночь собиралось множество посетителей, а чтобы дать возможность и знатым дамам познакомиться с удовольствиями этого запретного для них места, по временам давались маскарады; под маской они могли беспрепятственно смотреть на прекрасных танцовщиц и слушать певиц, собранных со всей Европы. В большом балльном зале между тем звучали кадрили и полонезы — одним словом, все способствовало развлечению и удовольствию.

Дукеза же, роскошно одетая, сидя в своей ложе, наблюдала за всем и пила вино. Сюда к ней заходили обычно некоторые из посетителей похвалить ее салон, стремясь стать здесь своими людьми, или просто ради забавы посмотреть на оригинальную герцогиню.

На один из маскарадов дукезы съезжались в ее салон любопытные, жадные до удовольствий посетители. У большого подъезда останавливались великолепные экипажи, слуги с галунами бросались откинуть подножку и принять платье.

На этот раз съезжались, как водится, не только мужчины и женщины полусвета, но и графини и герцогини, чтобы собственными глазами взглянуть на прославленные вечера дукезы и на великолепие ее комнат, рассказы о которых возбуждали их любопытство.

Везде шуршали атласные, шелковые, бархатные платья, шитые золотом и серебром, горели бриллианты и драгоценные камни на костюмах, специально для этого вечера выписанных из Парижа. Здесь ведь труднее было блеснуть нарядом, а тем более соперничать, чем на балах в богатейших дворцах: всем известно, что дамы полусвета могут гораздо больше истратить на свой туалет, чем дамы самого высшего круга, самого древнего рода. Поклонники первых не решаются экономить на своих возлюбленных, которые в таком случае тут же покажут им спину. С женами же подобных опасений не существует. Чем дороже наряд какой-нибудь из красавиц, тем выше торжество ее обожателя. Это мало-помалу породило соперничество, которое довело роскошь до высшей степени и сильно почистило карманы молодых богатых донов.

Дукеза, улыбаясь, смотрела из своей ложи на пеструю толпу. Какая разница между ее салоном и прежней ночлежкой! А между тем ей невольно подумалось, что многие из этих дам, разодетых в бархат и усыпанных бриллиантами, вынуждены будут искать убежище в тех же ночлежках, когда пройдут их красота и молодость!

Толпа перетекала под чарующие звуки музыки в большой бальный зал, кто-то, ища прохлады, переходил в стеклянный зал, двери которого были открыты настежь. Все смеялись, шутили — самое заразительное веселье царило кругом.

Выбор маскарадных костюмов как нельзя лучше характеризовал место, где все это происходило, — место, единственным лозунгом которого было бесконечное наслаждение

жизнью. То там, то тут беспрестанно появлялись эльфы, танцовщицы или сильфиды в таких открытых костюмах, которые давали полнейшую возможность любоваться их прекрасными формами; они могли служить моделью художнику или ваятелю и возбуждали тайную зависть во многих графинях и герцогинях, выражавших друг другу шепотом свое справедливое негодование.

В соблазнительных сценах также не было недостатка, они напоминали самые дикие оргии и вакханалии, потому что шампанское, лившееся рекой в нишах и отдельных кабинетах, заставляло переходить последние границы приличий. Везде раздавался веселый смех, слышались шутки, пары обнимались и целовались при всех в бешеном разгаре чувственности и жажды наслаждений.

Салон дукезы предназначался для знатной молодежи и высших сфер полусвета; те же, кого влекло сюда любопытство, не должны были возмущаться, наталкиваясь на не совсем приятные для себя вещи. Несколько поодаль от толпы, в глубине зала, стояли рядом два домино, одно очень богатое, а другое гораздо попроще. В последнем зоркий наблюдатель тотчас узнал бы подчиненное лицо. Оба с интересом рассматривали зал и толпу посетителей, потом направились в стеклянный зал, где в эту минуту было пусто, так как на сцене еще никого не было.

Вдруг богатое домино остановилось, взглянуло на ложу, в которой сидела дукеза с раскрасневшимся лицом, еще более отвратительным, чем всегда, напоминавшая хищную птицу, и шепнуло, наклоняясь к своему спутнику:

— Посмотри, только чтоб никто не заметил, на эту ложу вверх, это ли дукеза?

— Точно так, ваша светлость, это сеньора дукеза.

— Я узнал ее только по твоему описанию, в ней нет ничего от прежней дукезы, ни одной сходной черты; мне очень хотелось видеть ее здесь, — сказал старый герцог. — Она выставила на позор мое имя, но я уж не обращаю больше на это внимания, в старости делаешься снисходительнее и равнодушнее. А много здесь народа! Дукеза Кондоро недурно рассчитала.

В эту минуту раздался звонок, и толпа поспешила в стеклянный зал.

Занавес поднялся. На сцену вышли две очень красивые цыганки и стройный цыган. Загремев тамбуринами и защелкав кастаньетами, они начали свой страстный танец. Дамы и мужчины были в восторге: гитанам громко аплодировали, бросали не только венки и цветы, но даже кошельки с деньгами.

Девушки продолжали танцевать еще оживленнее; их слегка прикрытые тела были так гибки, так эластичны и притом так красивы, что танец вызывал все более и более оглушительные аплодисменты.

За ними на сцену вышла парижанка, пропевшая одну из тех двусмысленных шансонеток, которые так легко запоминаются и приобретают таким образом совсем незаслуженную популярность.

Француженка пела прекрасным голосом и с обычной рассчитанной небрежностью, присущей французам, придавая песне особый шарм мимикой и жестами, вызывавшими громкие взрывы смеха.

По окончании шансонетки маски снова вернулись в большой зал, где двадцать человек в польских костюмах танцевали полонез.

Вокруг танцующих составилась большой круг зрителей. Только несколько пар ходило взад и вперед по залу.

К высокой маске в рыцарском костюме времен Людовика XIV, стоявшей поодаль, скрестив на груди руки, подошел дон, одетый странствующим певцом.

Рыцарь вопросительно и зорко посмотрел на него.

— Твою руку, маска, если смею просить, — сказал певец и написал на поданной руке Р. и С.

— Это вы, капитан? — спросил рыцарь.

— Точно так, принцпе, я явился по вашему приказанию.

- Давно вы здесь? — сказал граф Кортесилла.
- Около двух часов.
- Что скажете?
- Мало хорошего, — отвечал капитан Мигель Идесте, который, как мы помним, и прежде тайно встречался с графом. — Несмотря на поиски всей северной Гардунии, до сих пор следов графини отыскать не удалось.
- А в Пуисерде? — поспешно спросил Кортесилла.
- И там нет.
- Непостижимо! Мне кажется, компаньерос теперь уже не так ревностны, как прежде, — мрачно сказал граф, — иначе они отыскили бы какой-нибудь след. В прежнее время не было ни одной норки, в которую бы не пробралась Гардуния, капитан.
- Начальник Доррегарай, пользующийся теперь полным доверием дон Карлоса, произведен им в генералы, он продолжает искать графиню и скоро надеется достичь успеха.
- Получили вы от него какие-нибудь сведения?
- Точно так, принцпе, он сообщает вам, что слухи о браке дон Карлоса справедливы.
- Он уже совершен, значит?
- В замке близ По, по ту сторону границы. Принцесса Маргарита Пармская отдала ему свою руку. После того дон Карлос уехал к своим войскам, а супруга его — на воды во Францию.
- Дальше, дальше? — поспешно сказал граф Кортесилла, чтобы скрыть действие, произведенное на него этим известием.
- Затем начальник сообщает, что Мануэль Павиа де Албукерке взят в плен и приговорен к смерти.
- Этому я очень рад!
- Доррегарай ожидает ваших дальнейших приказаний, принцпе!
- Пусть пока старается усилить расположение к себе дон Карлоса и продолжает способствовать проникновению членов Гардунии в ряды карлистов. Сообщал он вам, сколько у него компаньерос?
- Больше восьмисот, принцпе. Деньги государственной казны в Риво будут выданы Толедскому правителю по квитанции.
- Хорошо. На рассвете вы опять должны уехать, капитан.
- Ожидаю ваших приказаний, принцпе.
- На востоке, преимущественно в Картахене, набирает силу новая партия. Поезжайте к правителю Картахены и передайте ему мое приказание поощрять эту партию и тайне поддерживать ее.
- Что это за партия, принцпе?
- Недовольные, коммунары! Вы сами должны примкнуть к ним, капитан, и поджигать их недовольство..., но, тише... за нами следит вон та группа...
- Донья и двое мужчин в плащах?
- Да.
- Разве вы их не узнаете, принцпе?
- Только сейчас заметил.
- А я видел и раньше. Это овдовевшая герцогиня Медина с доном Альфонсом и своим духовником. Герцогиня и брат дон Карлоса — жених и невеста. Об этом уже говорят в лагере карлистов.
- Пойдемте в стеклянный зал, капитан, — сказал, понижая голос, граф Кортесилла. — Смешайтесь с толпой и уезжайте — вы теперь знаете мои приказания.
- Серебряные звуки колокольчика снова позвали публику к сцене.
- Капитан Мигель Идесте исчез в толпе и уехал вместе с принцпе тайного общества, к которому принадлежал и которое чрезвычайно осторожно выбирало места своих сходов. Принцпе назначал их всегда там, где они меньше всего привлекали внимание и где члены общества могли свободнее действовать. В этот вечер салон дукезы был очень удобным

местом.

Занавес поднялся. На сцену вышли четыре пары, готовясь исполнить танец, едва ли заслуживающий этого названия, одним словом — канкан! Этот танец отличается полнейшим отсутствием всякой деликатности, всякого приличия.

Сумасбродная выдумка парижан воспроизводилась здесь, в Испании, в салоне дукезы четырьмя француженками и четырьмя французами именно в том духе, как она исполнялась в Париже, в «Клозери де Лиля».

Чтобы дать понятие об этом танце и о представителях коммуны, приводим рассказ одного парижского корреспондента венской газеты.

«Как известно, — пишет он, — у Парижской коммуны есть свое министерство. Министры соперничают в нравственной и внешней беспорядочности. Грязь и неопрятность считаются высшим шиком. Исключение допускается только в дипломатии, перед глазами Европы; тут представители коммуны являются не только в сюртуках, но даже во фраках, даже в белых галстуках, не только в перчатках, но даже с новыми платками в карманах! Невозможно только найти между ними такого, у которого, в довершение ко всем этим достоинствам, хватило бы духу еще и умываться в особенных, торжественных случаях.

На рассвете одного прекрасного утра министры Парижской коммуны, отягченные своими великими заботами, провели целую ночь в пирушке с дамами полусвета, известными под названием кокоток; один из министров пожаловался этим дамам на то, что правительство все еще не в полном составе, так как не могут найти подходящего министра иностранных дел.

Дамы всегда придумывают что-нибудь удачное там, где мужчины заходят в тупик, так и эти дамы вспомнили, что один из их близких знакомых был очень подходящий для данного случая человек. Он был мал и худ, но тем не менее очень мил и красноречив, и хотя природа упорно отказывала ему в бороде, зато прачка каждый день давала напрокат чистый галстук и жабо; образованность его доказана, он сообщал парижским листкам множество самых разнообразных сведений об убийствах, самоубийствах и тому подобных вещах.

Правительство, разумеется, не могло найти лучшего человека для предполагаемого важного поста; оставалось теперь решить великий вопрос, куда его в настоящую минуту закинули бури непогоды.

— Который час? — спросила одна из дам.

— Четыре, — отвечал министр.

— Ну, так теперь он, наверное, в «Клозери де Лиля», — сказала она, и через несколько минут все высшее министерство коммуны мчалось в указанное место.

«Клозери де Лиля», последнее слово в танцевальных вечерах, принадлежит к достопримечательностям Парижа и славится канканом, доведенным до высшей степени совершенства. Залы, в клубах табачного дыма, всегда набиты народом.

Вот и теперь танцующие едва могли поворачиваться, остальные сторонились, чтобы их не задели в этих витиеватых плясках. Голов женщин было почти не видно, чаще всего мелькали их открытые ноги, а мужчины скакали не только на ногах, но и на руках. Министры коммуны пробрались, наконец, в «Клозери», окунувшись в веселье, шум и гам. Дамы, составлявшие авангард, скоро увидели предмет своих поисков. Он в эту минуту, стоя на руках, выделялся в воздухе соло ногами.

Как кошка, прыгнула к нему одна из кокоток и, громко смеясь, дала такого пинка, что он перекувыркнулся.

Вскочив, взбешенный танцор готов был ответить на милое приветствие, но тут выражение гнева на его лице сменилось выражением восторга, перед ним стояло с полдюжины дружно хохотавших знакомых кокоток.

— Ну-с? Паскаль Груссе, — вскричала маленькая кокотка, вдруг делаясь серьезной, — мы пришли говорить с вами о деле. Перед вами славные министры коммуны, им нужен еще министр иностранных дел, и я рекомендовала вас.

И Паскаль Груссе прямо из «Клозери де Лиля» отправился в министерство

иностранных дел, где на другой день занял свой пост».

Испания готовилась к подобному состоянию, коммуна уже поднимала в ней голову, в салоне дукезы канкан танцевался совершенно так, как на танцевальных вечерах в латинском квартале Парижа. Наконец пляска кончилась к величайшему сожалению публики, и маски снова перешли в бальный зал, где начались танцы.

Три маски в шелковых плащах стояли несколько поодаль, это были герцогиня Бланка Мария со своим духовником Иларио, не отходившим от нее ни на шаг, и дон Альфонс.

— Вы умно придумали, принц, выбрать это место, — сказал патер Иларио. — Здесь нас никто не узнает, и вы можете говорить обо всем без помехи.

Принцесса и Альфонс, казалось, едва выдерживали присутствие навязчивого монаха.

— Мы договорились уже относительно всех пунктов, — отвечал дон Альфонс.

— Можно и мне тоже узнать о них?

— Нет, к чему же? Это касается только нас с герцогиней.

— Прошу не забывать, принц, что я — поверенный, советник и духовник светлейшей герцогини, и мне вполне подобает...

— Ждать, пока нам заблагорассудится посвятить вас в нашу тайну, патер Иларио, — с досадой перебила его Бланка Мария. — Кто имеет право вмешиваться в подобные дела?

— Никто, светлейшая герцогиня. Но вашему постоянному советнику и духовнику, знающему все ваши тайны, может быть сделано исключение.

Герцогиня едва сдержалась при многозначительных словах патера.

— Вы знаете все тайны герцогини? — сказал Альфонс. — Странно!

— Не удивляйтесь, принц! Все мы нуждаемся в утешении и поддержке, особенно в тяжелое время жизни! Поддержку эту я, по мере сил, оказывал герцогине как до смерти герцога, так и после. Надеюсь, ее сиятельство не оттолкнет и теперь моей руки!

— А если б оттолкнула? — разгорячился Альфонс. Бланка Мария украдкой сжала ему руку, чтобы сдержать его.

— Если б оттолкнула, — повторил Иларио, — тогда я пожалел бы не себя, а ваше дело, принц!

— Что вы этим хотите сказать, патер?

— То, что вы всегда и во всем можете рассчитывать на меня, пока будете следовать моим советам. Если же гордость заставит вас отвернуться от меня, это может иметь дурные последствия для вас и даже для самого короля Карла. Вспомните императора мексиканского;; Максимилиана, принц!

— Отчего это вы напоминаете мне о нем?

— Оттого, что и его дело решилось, когда он отвернулся от нас. Следовательно, моя просьба основательна, принц!

— У вас, добрый патер, всегда найдется пример, чтобы, так сказать, запугать. В таком случае, если мы должны остаться в будущем добрыми друзьями, будьте осторожнее и сдержаннее, — заключил Альфонс. — То, что было условлено между доньей Бланкой Марией Мединой и мной, уже совершилось, и я предоставляю герцогине сообщить вам об этом, если она сочтет нужным. А теперь, надеюсь, вы благополучно доставите ее сиятельство во дворец. До свидания, дорогой друг, — обратился он к Бланке Марии, целуя ее руку, — до скорого свидания! Он уехал. Герцогиня была, по-видимому, в самом дурном расположении духа.

— Уведите меня, патер Иларио, — шепнула она повелительным тоном.

— Повремените несколько минут, ваше сиятельство, этого требует крайняя осторожность. Принца могут узнать.

— В таком случае, только вы могли выдать его, — сердито сказала Бланка Мария.

— О, какой жестокий упрек, ваше сиятельство! Как мог заслужить его я, ваш верный слуга и советник? Я ожидал скорей благодарности и доверия! Вы предполагаете в самом непродолжительном времени соединиться браком с доном Альфонсом, не так ли?

— Опять вы подслушивали?

— Вот еще жестокий упрек, герцогиня! Я не подслушивал, а говорю то, что вижу!

— Я хочу принять участие в борьбе короля Карла, — решительно сказала Бланка Мария, — что вскоре случится, вы увидите.

— Вы бы не должны были избегать моих советов и лишать меня вашего доверия, герцогиня. Подумайте, что могло бы быть, если бы я перестал заботиться о вас и доверять вам? — тихо, с ударением сказал Иларио. — Помните сцену вечером в спальне герцога, я был свидетелем поневоле...

— Молчите! — шепнула сквозь зубы Бланка Мария. — Вы мой злой демон... и молчите!

— А я надеялся быть скорей вашим добрым гением, который бы охранял вас и руководил вами, герцогиня, — мягко сказал Иларио, подавая руку молодой женщине. — Угодно вам уехать?

— Он знает тайну той ночи... я у него в руках, — прошептала Бланка Мария. — Но если он смеет напоминать мне об этом, он умрет... Пойдемте, почтеннейший отец, — прибавила она громко, обращаясь к Иларио, — и простите мои необдуманные слова; мы останемся друзьями, и вы всегда будете моим советником.

XV. Чудесное избавление

Окрестности Ираны и лес, тянувшийся до самого замка, были погружены в глубокое ночное молчание. Только легкий ветер шелестел засохшими листьями, разбрасывая их по земле, окутанной мраком.

Наступало время осенней сумрачной погоды и частых дождей. Облака неслись по небу, и лишь изредка сквозь них выглядывал серп луны.

Старый замок на опушке леса казался какой-то рыцарской крепостью прошлых времен, в темноте он производил еще более мрачное впечатление. Окна и ворота были заперты. У ворот не было ни одного карлиста. Они все спали в галерее, так что пришлось бы наступить на них или разбудить, чтоб пройти. Трое лежало внизу у крыльца, а остальные девять, два офицера и начальник отряда Тристани помещались в комнатах верхнего и нижнего этажей.

Все давно спали; утром надо было рано встать, казнь Мануэля Павиа была назначена на семь часов утра на лесной поляне.

Кругом было темно, но нет, в самом верхнем этаже под крышей мелькнул огонек. Не в окне ли пленника? Нет, этого не могло быть. Вот огонек потух, потом сверкнул в другом окне. Кто-то шел наверх со свечой.

Внизу, однако, царила прежняя тишина, даже крика ночной птицы не раздавалось в чаще леса. Напрасно ждал и надеялся пленник, что вот-вот раздадутся сигналы и выстрелы его солдат!

Да и откуда могли знать его друзья и подчиненные, что он в плену в уединенном замке. Кроме того, вокруг стояли карлисты, превосходившие их и численностью, и силой.

В Мадриде все колебались, не решаясь на крайние меры, и дошли наконец до того, что карлистов стало столько и мощь их так возросла, что теперь победить их было гораздо труднее, чем вначале.

Мануэль смотрел в окно на темную ночь. Монах храпел на постели, свечи давно потухли. Уж и полночь прошла, всего несколько часов жизни осталось! Сознание этого даже для самых отважных, самых преданных и готовых умереть за родину страшнее, чем встреча со смертью на поле сражения лицом к лицу. В сражении гром выстрелов и необходимость действовать не дают человеку задуматься, он, презирая опасность, идет на врага, готовый победить его. Здесь же другое! Мануэль ожидал смерти в одиночестве и бездействии. Другое дело, если б он мог выйти на врагов с оружием в руках и с честью отдать жизнь за родину, но ему в этом было отказано.

Его мучило сознание того, что он пленник. Он не заслужил этого, он стал жертвой какого-то несчастного случая; эта мысль не выходила у него из головы.

Но тут встал перед ним образ его Инес. Воспоминание о ней согнало мрачную думу с его лица. Любовь этой девушки была бальзамом на раны его сердца. Но и с ней ему приходилось расстаться, даже не простившись, не взглянув на нее последний раз!

Он знал, что эта вечная разлука будет и для нее тяжелым ударом, осиротит ее! А как хороша и полна могла быть их жизнь!

Мануэль все смотрел в темную ночь. Он задумался о вечности...

Облака, затемнявшие небо, на мгновение разорвались, месяц и две-три звездочки блеснули, оживив безотрадный мрак, затем снова все погрузилось во тьму... Мрачно было и на душе пленника: смерть забирала его, полного молодых сил, жаждущего смелых, отважных подвигов, жаждущего жизни и счастливой любви! Монах, вместо того чтобы утешать его и готовить к смерти, спал крепким сном. Мануэль рад был этому: он мог, по крайней мере, беспрепятственно отдаваться своим мыслям, утешения и увещания патера не принесли бы ему ни малейшей пользы.

Вдруг послышался легкий шум, будто кто-то шел к его комнате. Мануэль прислушался. Шум стих. Мануэль стоял недалеко от постели монаха и смотрел на дверь. Ключ тихонько повернулся в замке, и дверь без шума отворилась...

На пороге стояла женская фигура в белом, освещенная, как сиянием, свечой, которую держала в руке. Это была Инес, его милая Инес! Не сон ли это? Он неподвижно смотрел на нее, она искала его глазами... Нет, нет! Это не сон, она действительно пришла... верно, проститься с ним... как она узнала о приговоре? А если монах проснется и увидит ее?

Мануэль внимательно посмотрел на него и тихо подошел к Инес, протягивавшей ему руку.

— Ты здесь, моя возлюбленная! — прошептал он, целуя ее. — Ты пришла проститься со мной?

— Спасти тебя... — тихо отвечала она дрожащим от волнения голосом. — Это единственная цель моего прихода.

— Тише, милая, — предостерег пленник, — со мной здесь патер.

Тут только Инес увидела монаха и вздрогнула от ужаса.

— Слава Богу, он спит! Иди скорей!

— Ты подвергаешь себя опасности из-за меня, ведь внизу карлисты!

— Не беспокойся, их нам нечего бояться, — прошептала Инес, — я поведу тебя той дорогой, которая им не известна, по которой я и пришла сюда.

— Но скажи, как ты узнала о моем плене?

— Антонио устроил меня и Амаранту здесь недалеко, в Иране, у одной старушки-вдовы. Тут я и узнала от проезжавших карлистов, что ты в плену... и... о, я не могу и выговорить этого! Уйдем скорей отсюда!

— И ты решилась идти, чтобы спасти меня?

— Не спрашивай, иди за мной, время дорого нам.

Твоя великая жертва напрасна, моя возлюбленная! Если даже нам удастся уйти из замка, то за его воротами я попаду в руки карлистов, они здесь повсюду.

— Умоляю тебя, беги... а чтоб тебя не узнали по мундиру... вот... — сказала Инес, взглянув на монаха, — его ряса может прикрыть тебя.

Опять вернуться к войскам и вести их против этого разбойника, дона Карлоса... Да, ты права, я должен бежать! — с воодушевлением вскричал Мануэль. — Монах пьян и спит, — прибавил он, указывая на патера — можно попробовать взять у него рясу. Выйди со свечой в коридор, чтоб он не увидел тебя, если проснется!

— Торопись, каждая минута дорога, — просила Инес.

— Ты явилась мне сегодня ночью, как ангел-избавитель! Как я тебе благодарен! — прошептал Мануэль.

Инес ушла в коридор, притворив за собой дверь. Монах все храпел. Желание свободы охватило Мануэля. Он осторожно стал вытягивать рясу из-под патера, но тот всем телом лежал на одном ее конце.

Монах забеспокоился, перевернулся на другой бок и прижал теперь тот край рясы, который был прежде свободен. Мануэлю пришлось начинать сначала. Он стал вытягивать другой конец. Но тут уж монах проснулся совсем.

— Где я?.. Кто вы такой? — вскричал он, озираясь в темноте. — А, это вы! Теперь я вас узнаю. Я немного вздремнул, кажется? Ну, теперь я опять бодр!

Это было вовсе не утешительно для Мануэля. Он проклинал свою попытку.

— Зачем вы потушили свечи, сеньор? — спросил монах.

— Они сами потухли, — отвечал Мануэль. —• Здесь очень холодно, и я хотел взять вашу рясу.

— Возьмите, мне очень жарко... только вот пить хочется.

Эти слова снова пробудили в Мануэле надежду.

— В кувшине осталось вино, святой отец, — сказал он. — Я уступаю его вам.

— Так, так, сынок! Я старше вас, мне оно нужнее. Мануэль подал кувшин монаху, сидевшему на постели.

— Хорошо, хорошо, — похвалил он, — добрый знак, я вам за это после скажу еще утешительное слово.

Выпив вино и пробормотав еще несколько увещеваний, монах наконец уснул снова. Мануэль, завернувшись в его рясу, нетерпеливо следил за ним. Время шло. Инес ждала в коридоре.

Но наконец желанная минута настала. Убедившись, что монах спит крепко, Мануэль вышел в коридор, заперев за собой дверь на ключ. Карлистам осталось только ломать голову над тем, как ушел их пленник. Инес уже начала беспокоиться, свеча ее почти догорела.

В замке никто еще не просыпался, хотя ночь наполовину прошла.

— Пора, пора, завернись хорошенько в рясу, — прошептала она, ведя своего жениха по узкой лестнице к противоположной части замка. Они спустились в нижний этаж, прошли через низенькие ворота и вышли на улицу.

Почувствовав свежий утренний воздух, Мануэль вздохнул свободнее и, глубоко взволнованный, обнял свою спасительницу. Вскоре они уже были далеко от замка.

XVI. Бланка и Альфонс

— Вашему сиятельству пора было бы снять вдовье покрывало, со смерти вашего супруга прошел уже не один месяц, — говорил патер Иларио Бланке Марии, сидевшей напротив него в своей комнате. — О мнении света заботиться нечего, люди суетны и любят болтать. Мы отвечаем за наши поступки только перед Богом!

— Благодарю вас за эти слова, патер Иларио! Я действительно собираюсь второй раз выйти замуж за дона Альфонса!

— Как могло это укрыться от меня? — с циничной улыбкой сказал монах. — Хотя людские страсти чужды мне, тем не менее я хорошо умею угадывать их в других. Ваше расположение к принцу Альфонсу теперь совершенно ясно для меня, и ваш выбор радует меня. Принц — настоящий герой, энергичный и мужественный. Именно такой супруг вам и нужен!

— Вы правы, патер Иларио, и я буду поддерживать в нем эту энергию и мужество! Самое горячее мое желание — принять участие в делах дона Карлоса и дона Альфонса. Я не рождена для спокойной, мирной жизни. Скакать на бешеной лошади рядом с супругом, поощрять войска словом и делом, наказывать изменников и бунтовщиков, жечь их дома — вот удовольствия для дочери дона Мигеля, вот истинная жизнь Бланки Марии де ла Ниевес; вот за что дон Альфонс полюбил меня и предлагает мне свою руку.

— И я могу принимать участие во всем этом, могу оставаться при вас?

— Если желаете, отчего же, патер Иларио, — отвечала принцесса, чтобы обмануть его, — мне очень нужен рядом такой верный советник и благочестивый патер. И вам тогда найдется много дела, потому что, если Бланка Мария будет заодно с доном Карлосом и его

партией, дела пойдут с такой силой, которая поразит Европу и приведет в ужас его врагов. Дон Карлос победит только тогда, когда с неустрашимой энергией пойдет к Мадриду по трупам неприятелей. Полумерами он не сделает ничего. Бланка Мария придаст этой войне тот характер, который она должна иметь, и тогда братья победят!

— Все кровь и ужасы! Тяжело мне это будет, но не могу не согласиться, ваше сиятельство, — отвечал с глубоким вздохом Иларио. — Лучше разом, с большими жертвами достигнуть цели, чем двигаться понемногу и в результате в сотни раз увеличить число жертв. Ваши принципы заслуживают полного одобрения, ваше сиятельство, и вы можете рассчитывать на всевозможную поддержку.

— Вы сегодня рано утром были в монастыре Святой Марии, патер Иларио, — сказала принцесса, — какие известия вы принесли оттуда?

— Очень хорошие для вас. Дон Альфонс опять будет сегодня вечером в Мадриде, а вчера он прислал почтенному патеру Доминго гонца спросить, угодно ли будет ему совершить бракосочетание.

— Что же ответил достойнейший отец?

— Он согласен исполнить ваше желание.

— Патер Доминго сказал вам, когда он думает благословить наш брак? — спросила Бланка Мария, не показывая вида, что ее в высшей степени удивили такие подробные сведения Иларио о самых тайных ее планах.

— Так как дон Альфонс подвергается большим опасностям, оставаясь в Мадриде, то достойнейший патер Доминго решил сегодня же ночью совершить священный обряд.

— И вам поручили пригласить меня?

— Да, и проводить вас после полуночи в монастырскую церковь, — отвечал Иларио.

— И вы сообщаете мне такое важное известие в последнюю очередь?

— Мне хотелось знать, пользуюсь ли я снова доверием вашего сиятельства.

— Я вам дала новое высокое доказательство этого, — отвечала Бланка Мария. — Вы хотели испытать меня, я выдержала испытание, сказала вам все.

— И это очень радует меня, — отвечал патер, угадавший ее тайную мысль. — Я ведь столько лет был поверенным ваших тайн! А теперь прошу позволения вашего сиятельства проводить вас сегодня около двенадцати часов ночи в монастырь Святой Марии.

— Буду ждать вас! Отдайте приказания прислуге приготовить к этому часу закрытый экипаж, пусть он ждет меня у заднего крыльца. Дон Альфонс привел с собой свидетелей?

— Нет, принцесса, свидетелями будут почтенные патер Доминго, Амброзио, Бонифацио и неизменный духовник вашего сиятельства.

— Хорошо! Так до свидания!

Иларио поклонился и, неслышно ступая, ушел к себе.

— Ты в моих руках, — шептал он, уходя. — Ты, кажется, забыла о той ночи, когда герцог так внезапно заболел, и о вечере, предшествовавшем этой ночи? Ты даже попробовала отдалить меня, но я сейчас напомнил тебе, что знаю все, теперь ты меня боишься и, конечно, воспользуешься любым случаем, чтобы избавиться от меня, но я буду тоже настороже и заставлю тебя послужить нашему ордену! Мы хорошо знаем друг друга, Бланка Мария!

— Я чувствую твои когти, — думала в то же самое время Бланка Мария, со страшной ненавистью глядя вслед уходившему патеру. — Ты мне их беспрестанно показываешь! Ты знаешь мою тайну, ты мне опасен, и ты умрешь! Но пока я еще нуждаюсь в тебе и буду с тобой добра, чтобы усыпить твою бдительность, а потом разом уничтожить и сделать безвредным. Сегодня же ночью я сделаю первый шаг к цели, которая меня так влечет, тотчас после свадьбы вон из Мадрида, от этой спокойной, бездеятельной жизни, в битву, а когда дон Карлос вступит на престол, Бланка Мария, жена его брата, сумеет взять над ним власть!»

Она ушла в будуар и велела камеристке Фелине достать белое атласное платье и дорогую кружевную вуаль. Потом открыла резной ящичек с драгоценностями и вынула оттуда бриллиантовый головной убор, стоивший целое состояние.

Прислуге велено было укладывать в чемоданы все вещи госпожи, цели этого она не объяснила.

Фелина зажгла в будуаре канделябры, Бланка Мария поужинала, а затем стала одеваться к венцу. Камеристка все еще ничего не понимала. Она заметила только, что в этот вечер, несмотря на все свои старания, никак не могла угодить своей госпоже.

Бланка придавала сегодня особенное значение своему туалету/ что еще больше подстрекало любопытство камеристки, которая наконец начала догадываться, в чем дело. Госпожа велела ей укрепить в своих чудесных волосах диадему, украшенную множеством бриллиантов, и миртовой веткой приколоть сзади длинную вуаль.

Тут Фелина уже не могла дольше сомневаться, но не смела спросить, особенно после того, как госпожа приказала ей ничего не рассказывать об этом остальной прислуге. В двенадцатом часу Бланка Мария была готова. Фелина поправила ей длинный шлейф и складки вуали.

В этом наряде Бланка была еще величественнее. Она взглянула в зеркало, чтобы убедиться в безукоризненности туалета. Это была настоящая королева, только не милостивая и кроткая, а жестокая и властная, ожидающая только минуты, когда сможет произнести какой-нибудь кровавый приговор.

Даже Фелину испугало ледяное выражение ее лица. Никогда еще ее госпожа не была такой! Казалось, теперь только она стала сама собой, такой, какой назначила ей быть судьба, теперь только обнаружились ее наклонности и развились вполне мрачные стороны ее характера. Она хотела прославиться и действительно прославится, все узнают Бланку Марию, но имя ее будут произносить с ужасом и отвращением! Не будем, однако, забегать вперед. Дочь дона Мигеля Португальского еще не вступила на свое кровавое поприще.

Через несколько минут, когда стрелка золотых часов на мраморном камине будуара почти подошла к двенадцати, камеристка доложила о патере Иларио.

Монах знал, как держать себя в подобных торжественных случаях. На нем была теперь хотя и простая черная ряса, но сшитая из самой дорогой материи, и совершенно новая, так же как и башмаки, и перчатки.

Он молча поклонился Бланке Марии, пораженный ее величественным видом.

— Я готова, патер Иларио, пойдемте, — сказала она и велела камеристке подать карету к заднему крыльцу. — Неси шлейф! — прибавила она. — Вашу руку, патер Иларио, если позволите.

Иларио с ловкостью и грацией придворного подал ей руку, камеристка взяла шлейф, и они, к новому удивлению последней, прошли через внутреннюю маленькую дверь будуара. Значит, собирались идти задними ходами, чтоб незаметно выйти из дворца. В коридорах не было никакой прислуги, кроме выездного слуги.

Посадив Бланку в карету, патер сел напротив нее, вполголоса велел кучеру ехать на улицу Гангренадо.

Узенькая улица, на которую выходило заднее крыльцо дворца, была совершенно пуста в этот час ночи, никто не видел Бланки.

Карета поехала переулками и наконец остановилась у ворот монастыря Святой Марии

Полуночная месса уже кончилась, братья разошлись по кельям, огни погасли. Только окна маленького монастырского храма были еще ярко освещены.

Иларио позвонил. Брат-привратник отпер ворота, и патер, высадив из кареты принцессу, провел ее через монастырский двор в храм.

Карета осталась на улице, ворота затворились снова.

Бланка и Иларио вошли в храм. Легкий запах ладана встретил их. Принцесса и патер совершили короткую молитву, потом к ним подошел инквизитор Бонифацио и, поклонившись, повел Бланку к ступеням ярко освещенного, обитого пунцовым сукном алтаря; в то же время с другой стороны Доминго и Амброзио подвели дону Альфонса. Жених и невеста, рука в руку, подошли к алтарю, и сам великий инквизитор Доминго начал священный обряд.

Обменялись кольцами, произнесли обычные обеты, Доминго благословил союз, и церемония кончилась.

Патер Иларио первый поздравил новобрачных, и рыжий дон Альфонс на этот раз преодолел свою неприязнь к нему. Затем поздравили остальные патеры, жених и невеста записали свои имена, подписались свидетели, и молодая чета в сопровождении Иларио вышла из храма. Условившись заранее, дон Альфонс и Бланка Мария в четвертом часу утра встретились на станции Северной железной дороги, взяв с собой только самые необходимые вещи. Неотвязный патер Иларио должен был сопровождать принцессу. Прислуги не брали. Каждый приезд дон Альфонса в Мадрид грозил ему опасностью, и потому он рад был поскорее уехать из столицы во владения карлистов. В Мадриде у него теперь ничего не оставалось, так как молодая жена уже была с ним.

Закутавшись в плащи и пледы, новобрачные сели в отдельное купе и помчались на север.

— Когда мы вернемся в Мадрид, дон Альфонс, — сказала Бланка, — мы вернемся через триумфальные ворота или по трупам убитых.

— Да, милая супруга, — отвечал дон Альфонс, — мне приятно слышать это от тебя.

— Но я повторю еще раз мою прежнюю просьбу, — продолжала Бланка. — Ты не должен увозить меня, как твой брат сделал со своей супругой, куда-нибудь в тихое место, где я буду мучиться бездействием и тревогой. Я всегда хочу быть возле тебя. Никогда ты не услышишь от меня жалоб на неудобства лагерной жизни, даю тебе слово!

Мне не нужно экипажей: я буду ездить верхом рядом с тобой, воодушевляя солдат, даже в битвах они будут видеть меня рядом с тобой. Это моя цель, она составляет мое счастье, дон Альфонс! Обещаешь ли ты исполнить мою просьбу?

— С радостью, милая супруга! В этой просьбе я слышу новое доказательство твоего мужества и горячей преданности нашему делу. Я знаю, что ты всей душой отдашься ему.

— С каким блаженством я поеду рядом с тобой во главе твоего отряда! — с пылающим взором воскликнула Бланка. — Я буду вместе с тобой въезжать в покоренные города и первая бросать факел в мятежные селения, превращая их в груды пепла.

— Твое воодушевление и мужество восхищают меня! — вскричал Альфонс. — Твой героический дух будет иметь необыкновенное влияние на войска. В тебе воскреснет новая Орлеанская дева!

— Я забуду, что я женщина, и не допущу в себе женской слабости. Я буду сильна и неумолима, как мужчина. Пусть никто не скажет, что Бланка Мария поддалась чувству! Только наедине с тобой, в твоей палатке, ты найдешь во мне женщину. Однообразная, пустая жизнь со старым герцогом никогда не удовлетворяла меня и не делала счастливой! Только теперь, принадлежа тебе, Бланка Мария станет такой, какой она хочет быть!

— Благодарю тебя за эти слова, они невыразимо радуют меня! — вскричал Альфонс, схватив ее руку. — Возле меня ты найдешь все, что может доставить тебе счастье. Через несколько часов мы будем перед нашими войсками, жаждущими войны, и они встретят тебя громкими приветствиями. Мы будем служить делу моего брата с хладнокровием, которое всегда ведет к цели. Враги не дождутся от нас пощады!

Некрасивое лицо Альфонса, усыпанное веснушками, горело при этих словах, глаза его сверкали злобещим огнем. Вид этой четы говорил, что она сдержит свое грозное слово и станет бичом страны, в которой она готовилась сеять ужас и несчастья.

Иларио слышал этот разговор. Ему поручено было следить за их планами, и он одобрял их, ведь дон Карлос боролся не за один свой трон, но и за власть духовенства, с которым вступил в союз, чтобы приобрести больше силы.

К вечеру проехали Риво и в скором времени были в Логроньо. Тут уже почти миновала всякая опасность, и новобрачные могли остановиться на несколько часов.

Они отправились к ферме, находившейся недалеко от города, где, как было условлено, их ожидали адъютанты принца Альфонса с лошадьми, каретой и слугами.

Утро чуть брезжило. Донья Бланка приняла поздравления офицеров, и сама

приветствовала их. Ей предложили карету, чтобы ехать в ближайший лагерь карлистов, но она отказалась, заявив, что поедет верхом, вместе с супругом. В экипаж сел один патер Иларио.

По приказанию Альфонса Бланке привели красивую вороную лошадь. Принцесса попросила мужа дать ей выбрать что-нибудь для себя из его костюма и, надев голубой карлистский берет на свои роскошные волосы, вскочила на лошадь. Она так превосходно управлялась с лошастью и сидела в седле так красиво и смело, что вызвала общее изумление и восторг.

Поклонившись офицерам, она поехала с принцем впереди всех. Свита и экипаж следовали за ними. Эта поистине живописная кавалькада вызывала удивление у жителей селений, по которым они проезжали.

Через несколько часов они прибыли в лагерь карлистов, растянувшийся на большое расстояние по откосу холма. Бланка Мария махнула своим голубым беретом в знак приветствия, и отряды отвечали громким «виват» принцу и его супруге. Это зрелище должно было вызвать восторг у приверженцев дона Карлоса.

Авантюристы дивились, глядя на донью Бланку, смело сидевшую на лошади и каждым взглядом, каждым движением доказывавшую свой воинственный характер.

Подъехавшим офицерам она объявила, что будет жить в лагере и делить с ними все лишения и невзгоды. Это вызвало бурные восклицания восторга, и дон Альфонс сразу понял, что такой пример супруги будет оказывать сильное влияние на войска, воодушевляя их и вдохновляя на храбрость.

Он отвел Бланку в свою палатку, стоявшую в середине лагеря; она хотела разделить ее с ним и просила дать ей в распоряжение отряд солдат.

Альфонс охотно исполнил ее желание, у него было сто человек зуавов-телохранителей, он дал такой же отряд и ей, тут же представив ее солдатам.

Бланка выразила желание всегда оставаться во главе их, и начальник отряда, голландец Авилльс, поблагодарив ее от имени солдат за честь и выбор, обещал всегда быть достойным его.

Кроме того, Альфонс командовал еще двумя батальонами пехоты, человек в шестьсот.

Бланка велела сшить себе нарядный мундир зуавов, и этот алжирский костюм с голубым или пунцовым беретом, а иногда с шапочкой, шитой золотом, так шел ей, что дон Альфонс пришел в восторг. Ее появление в лагере каждый раз вызывало громкое «виват».

Образ жизни этой четы носил самый романический характер. Ночь они проводили под кровом палатки, а весь день — верхом на лошадях.

Вскоре о донье Бланке говорили повсюду, жители Валенсии рассказывали чудеса о молодой чете, которую беспрестанно видели то там, то тут верхом на лошадях.

Вечера Бланка и Альфонс проводили в палатке, обсуждая свои планы. Они делили с солдатами их часто очень скудный стол и тяготились только присутствием Иларио, который неотступно следил за ними.

Избалованная дочь дона Мигеля, бывшего португальского претендента на престол, принцесса, привыкшая к всевозможным наслаждениям жизни, поистине вызывала удивление! Она делила все с мужем и карлистами и не хотела никаких привилегий!

Раз вечером, незадолго до заката солнца, в палатку принца, где он сидел с Бланкой, вошел офицер и доложил, что карлистский начальник отряда Тристани приехал с несколькими своими солдатами и просит быть допущенным к дону Альфонсу и его супруге.

Едва вошел офицер с этим донесением, как вслед за ним неслышно проскользнул и патер Иларио, чтобы из угла незаметно наблюдать за всем, вызвав страшный гнев Бланки Марии, который она, однако, подавила, сделав вид, что не замечает ненавистного монаха.

— Пусть Тристани войдет, — приказал Альфонс. Через минуту Изидор быстро вошел в палатку и поклонился принцу и Бланке.

— Вы — начальник отряда, Тристани? — спросила она с изумлением.

— Точно так, ваше сиятельство! Изидор Тристани, произведенный в капитаны за то,

что взял в плен Мануэля Павиа де Албукерке. Я счастлив, что вижу высокую супругу дон Альфонса...

— Мы немного знакомы, — сказала Бланка, обращаясь к супругу, — сеньор Тристани был в штате моего отца, короля дон Мигеля.

— Имя вашего сиятельства, — продолжал Изидор, — переходит из уст в уста; во всех лагерях, во всех отрядах говорят о вас; я счастлив, что в настоящую минуту могу принести к вашим стопам мои верноподданнейшие чувства...

— К делу, к делу! — перебил его Альфонс. — Что вы имеете сообщить мне?

— Я со своими солдатами иду в замок, недалеко от Ираны, принц, и пользуюсь случаем сообщить вам известие, которое вас заинтересует.

— Вы хотите сказать о завтрашней казни генерала? — спросил Альфонс.

— Вашему высочеству это известно? Я иду объявить генералу приговор, который будет приведен в исполнение в лесу, недалеко от замка. Но есть еще новость! Замок, в котором заключен генерал, находится недалеко от местечка Ираны, а в этом местечке недавно поселилась домике одной старой вдовы графиня Инес де Кортесилла с другой испанкой, неизвестной нам...

— Как, графиня Инес? Возлюбленная этого генерала? — вскричала Бланка Мария.

— Она самая, принцесса, я сразу ее узнал.

— Она уже давно пропала из замка отца, и ее никак не могли до сих пор отыскать. Так вот где эксцентричная маленькая графиня! Она, конечно же, ушла за генералом Мануэлем Павиа! Ну, это известие важнее, чем я ожидала, потому что если графиня решилась убежать из дома отца, так, наверное, решится на самый отчаянный поступок ради своего возлюбленного.

— Ваше сиятельство не ошиблись!

— Как, неужели попытка устроить побег? — спросил Альфонс.

— Нельзя знать... — сказал, пожав плечами, Изидор.

— От графини Кортесиллы можно всего ожидать, — сказала Бланка. — Я знаю, она по уши влюблена в этого генерала Павиа и не остановится ни перед чем, чтобы спасти его от опасности.

— Так велите усилить караул, — поспешно сказал Альфонс.

— Эта мера уже принята, ваше высочество, только я велел стеречь не пленника, а графиню.

— Это лучше и умнее, — подтвердила Бланка. — Пусть наблюдают за графиней, а ночью или к утру донесут мне о том, что узнают. Графиня, услышав, что сегодня последняя ночь ее возлюбленного, не станет спокойно сидеть в Иране; ступайте теперь в это местечко и прикажите караульному, которому вы поручили стеречь графиню, сообщить мне, что заметит, около четырех часов утра.

— Куда прикажете ему явиться, ваше сиятельство?

— Куда ему прийти, дон Альфонс? — спросила Бланка, обращаясь к мужу и искоса взглянув на патера, стоявшего, как черное привидение, в глубине палатки и слушавшего их разговор.

— Я отдаю это на ваше усмотрение, — любезно отвечал дон Альфонс.

— Так скажите вашему караульному, который, конечно, должен быть вполне надежен, — продолжала Бланка, — чтоб он не являлся с донесением сюда, в лагерь, а пришел на то место дороги между Ираной и старым замком, которое находится на скалистой возвышенности, недалеко от обрыва, где виден между скалами черный крест...

— Я знаю это место, принцесса!

— Ну, так мы будем ждать там вашего солдата! А теперь торопитесь, скоро ночь, а вам еще целый час езды. Смотрите же, в точности исполните мое приказание...

— Слушаюсь, принцесса! Можно ли надеяться, что я буду иметь честь приветствовать ваши высочества завтра при совершении казни?

— Выслушав донесение караульного графини, мы приедем в замок, — отвечала

Бланка. — Казнь генерала — это событие, и мы будем присутствовать при ней.

Изидор с поклоном вышел. Начинало темнеть, слуга принес свечи.

Патера, казалось, удовлетворил услышанный разговор; он подошел к принцу и донье пожелать спокойной ночи и вышел из палатки. Как только дверь за ним закрылась, Бланка быстро схватила руку Альфонса.

— Завтрашнее утро избавит нас и от него, — сказала она, понизив голос, — он умрет по своей же вине, именно из-за своей страсти шпионить!

— Как я его ненавижу!

— И я тоже, поэтому мы должны избавиться от него. Теперь представляется удобный случай.

— Как же это можно сделать?

— Иларио слышал разговор с ристани, и я голову даю на отсечение, что завтра, в четвертом часу утра, он будет на том месте, которое я назначила солдату.

— Да, но я не вижу, как это поможет нам избавиться от него?

— Недалеко от того места, где стоит старый черный *K rest*; — тихонько отвечала донья Бланка, — есть дорога к маленькому мостику, он перекинут с одного выступа скалы на другой и едва держится. На рассвете, когда Иларио проберется туда подслушивать, мост проломится под ним, и монах упадет в расщелину...

— План хорош, если удастся... Но как же мы сами пройдем к назначенному тобой месту в скалах? — спросил дон Альфонс.

— Есть еще другая дорога, по ней мы доедем до подножия крутого обрыва, потом взберемся на него, и когда удем подъезжать к замку, несносного патера, наверно, уже не будет на свете!

— Только бы все это удалось!

— Разумеется, удастся, как же иначе, дон Альфонс? — сказала с удивлением Бланка Мария. — Надеюсь, завтра с нас свалится тяжелое бремя, а пока спокойной ночи!

XVII. Штаб-квартира

Лагерь дона Карлоса тянулся до самой Памплоны, а полученные в последнее время средства дали возможность растянуть его еще дальше.

У принца, кроме министерства в полном составе, был тут еще маленький генеральный штаб, а при нем двести конных телохранителей и отряд зуавов, множество флигель-адъютантов, камергеров, егерей, военные казначеи и, наконец, два патера.

Задумав выпускать газету, где печатались бы сообщения из его лагеря и приказы, он сам набрал людей для этого.

У него были фельдъегеря, служившие курьерами там, где не имелось телеграфного сообщения. Одним словом, все было продумано безукоризненно, и так как лагерь бесперебойно снабжался провиантом и амуницией, то все шло наилучшим образом, обещая большой успех.

Сам дон Карлос, заботившийся главным образом об усилении артиллерии, был полон уверенности в успешном осуществлении своих планов. Из-за границы он получал большую поддержку не только деньгами, но и оружием, и вскоре его войска были настолько хорошо вооружены, что он с гордым самодовольством смотрел на дело своих рук.

Его штаб-квартира находилась в усадьбе около самой Памплоны, владельцы ее уехали со всей прислугой. Дон Карлос и его свита занимали весь огромный дом с прилежащими к нему мелкими строениями и службами, остальной же штат располагался в палатках, недалеко от усадьбы.

Дом, в котором жил дон Карлос и где проходили совещания его министров и генералов, соответствовал своему назначению блестящей обстановкой. Находясь в центре территории, занимаемой карлистскими отрядами, он был очень удобен для осуществления связи между ними и командованием.

Окрестные жители частью из страха, частью из корыстных расчетов без неприязни относились к претенденту на престол.

Дон Карлос только закончил длительное совещание с военным министром и министром финансов и ушел к себе в комнату, как вошедший флигель-адъютант доложил, что дозорные у Памплоны остановили ехавшего патера и провели на главную квартиру, так как он требовал, чтоб его доставили к дону Карлосу.

— Вы его видели и говорили с ним? — спросил принц.

— Да, ваше величество! Он называет себя патером Антонио и говорит, что при нем есть бумаги, предназначенные для передачи вашему величеству, которые могут объяснить, кто он такой.

— Патер Антонио... не из Мадрида ли?

— Из монастыря Святой Марии в Мадриде.

— Пусть войдет, я хочу поговорить с ним, — сказал дон Карлос, подходя к большому круглому столу, на котором лежало множество разных бумаг и карт.

В то время как он, бегло просмотрев некоторые документы, подписывал их, вошел патер Антонио.

Серьезный юноша, почти одних лет с доном Карлосом, нисколько не изменился. В его спокойном достоинстве, удивительном в такие молодые годы, было что-то располагающее. Продолговатое, бледное лицо носило отпечаток самообладания и мягкости характера, а тонкая черта около губ показывала, что у него в жизни было больше горя, чем радости, и что он приучил себя к лишениям.

Антонио в последние месяцы сделался еще серьезнее и еще красивее прежнего. На его лице, отражавшем всю красоту его души, лежал отпечаток беспредельной покорности провидению, доказывавший его истинную, глубокую набожность. Он был, как и во дворце Кортесиллы, уже не в монашеской рясе, а в черной одежде светского духовенства.

Когда дон Карлос поднял на него глаза, он поклонился.

Принц с видимым интересом смотрел на молодого патера.

— Мне сказали, что вы хотели быть представлены мне, — начал он. — Кто вы такой?

— Я патер из монастыря Святой Марии, ваше высочество, зовут меня Антонио, — отвечал совершенно спокойно молодой священник.

— Не жили ли вы в монастыре Гангренадо, молодой патер? Я как будто видел вас там.

— Прошу простить, ваше высочество, в последнее время я не был в монастыре.

— Так, вероятно, я видел вас до вашего поступления туда... Вы, кажется, принадлежите к знатной фамилии. Как ваше настоящее имя, патер Антонио?

— Не знаю, ваше высочество.

— Как не знаете? Я спрашиваю, как зовут ваших родителей?

— Не знаю, ваше высочество, — с невозмутимым спокойствием отвечал Антонио.

— Понимаю, поступая в монастырь, вы окончательно отказались от прошлого и не хотите говорить своего прежнего имени...

— Простите, ваше высочество, мне действительно неизвестно, кто были мои родители и как я очутился в монастыре; точно так же я не знал никогда другого имени, кроме того, каким называли меня монахи.

— И довольны этим? Вам можно удивляться, патер Антонио, до такого высокого самоотречения не многие могут подняться! Но где же вы были до сих пор? Я вас уже не первый раз вижу.

— Я жил целый год во дворце графа Кортесиллы в Мадриде.

— Кортесилла... да, да, я вас там и видел, — отвечал дон Карлос, для которого, казалось, это воспоминание было неприятно. — Вы были...

— ...воспитателем графини Инес, ваше высочество.

— А, графини Инес... скажите, пожалуйста, — вы лучше, чем кто-либо, можете мне объяснить — что это за внезапный отъезд графини? Ходили слухи о каком-то похищении...

— Это ложь, ваше высочество, — твердо и строго отвечал Антонио. — Графиня уехала

из-за грустной размолвки с графом, ее отцом!

— Дочь, которая из-за размолвки уезжает из дома отца, патер Антонио, не заслуживает, чтобы вы ее защищали. Для меня подобный поступок имеет одно значение.

— Графиня спасалась бегством от такой участи, которая навсегда разрушила бы счастье ее жизни! Графиня — ангел, ваше высочество...

— С каким воодушевлением вы защищаете ее! У вас глаза горят, а между тем вы защищаете дочь, бежавшую из дома отца! Согласитесь, подобный поступок непростителен и бросает тень на ее репутацию.

— Репутация графини Инес и ее поступок не подлежат обыкновенному суду, ваше высочество!

— Но тем не менее общество осудило ее, а это влечет неприятные последствия, в чем ей не позавидует ни одна донья.

Антонио побледнел.

— Простите, ваше высочество, — сказал он дрожащим голосом, — каждая донья имеет основание не осуждать графиню Инес, а удивляться ей: ее душа так же чиста и прекрасна, как ее наружность, им не подняться до нее, она стоит слишком высоко!

Теперь уже дон Карлос побледнел. Он не привык к такому разговору и хотел уже дать понять патеру, что тот зашел слишком далеко, но против обыкновения сдержался. Антонио оказывал на него какое-то особенное действие. Он как будто чувствовал превосходство патера над собой и влечение к нему. И у таких натур бывают минуты, когда возникает потребность в дружбе и осознание, что вокруг них — все ложь и корысть.

Это-то и влекло к нему в данную минуту дон Карлоса.

— Какова же цель вашего прихода сюда, патер Антонио? — спросил он.

— Желание видеть ваше высочество и быть выслушанным вами, — отвечал Антонио, подавая ему письмо великого инквизитора.

Дон Карлос распечатал и прочел.

— Вы будете хорошо приняты, патер Антонио, — сказал он через минуту. — Вы прибыли сюда, чтобы войти в мой штат, не так ли?

— На этот вопрос я пока не могу ответить, ваше высочество, я пришел сюда, чтобы услышать именно от вас, что меня ожидает? — отвечал Антонио.

В этих словах чувствовалось некоторое высокомерие, и дон Карлос заметил это, но ничего не сказал, опять поддаваясь влиянию, которое оказывал на него этот серьезный молодой человек.

— Я исполню ваше желание, патер Антонио, — сказал он, — и в нескольких словах объясню, что ожидает Испанию. Я хочу утвердить свои законные права на престол, а так как против меня восстанут, то я начну борьбу за корону и святую церковь!

— Борьбу, ваше высочество, в стране, которой вы хотите управлять и которую думаете ошастлиивить?

— Если не слушают моих воззваний, тогда поневоле должна заговорить сила. Я решил ничего не щадить ради этой цели и пойду во главе своих войск с мечом в руке, уничтожая все, что будет сопротивляться. От меня не увидят снисхождения и пощады! Чем непримиримее я буду к врагам, тем вернее приду к цели!

— Но как же народ и несчастная страна, ваше высочество?

— Народ за меня, против меня только одна мятежная партия, которую я должен уничтожить. Страна давно нуждается в энергичном властителе и страдает от неурядиц. Я тот властитель, который после короткой борьбы принесет ей мир и истинное благоденствие.

— Но как решить, на чьей стороне право, ваше высочество?

— Решит оружие! Я не отступлю ни от чего и буду безжалостно преследовать своих врагов.

— Но эта несчастная борьба не поведет к цели, ваше высочество! — вскричал Антонио, подходя ближе к дону Карлосу. — О, выслушайте мою просьбу, откажитесь от своего плана!

— Как вы смеете, молодой человек...

— Я у вас в руках, ваше высочество, по одному вашему знаку меня могут схватить! Но я все-таки хочу предостеречь ваше высочество от несчастной войны, на которую вы решаетесь. Какой-то внутренний голос заставляет меня сделать это. Умоляю, ваше высочество, не отвергать моей горячей просьбы! Всякое обращение к силе с вашей стороны погубит Испанию! Еще есть время, откажитесь от своих планов, дайте народу самому

выбрать себе властителя. Если вы начнете войну, она будет бесконечна, а последствия ее ужасны! Я заранее вижу горящие города и селения, несчастных, бегущих от пожара, поля, усеянные трупами, везде стоны и проклятия, которые достигают неба; вечный Отец слышит их и отворачивается от этого зрелища ужаснейшей из войн, войны народной!

— Вы прекрасно обрисовали то, что ожидает Испанию, патер Антонио, — но и это не остановит меня! Испания, или скорей мятежная партия, хочет войны, и я начну ее и поведу с железной настойчивостью и неумолимостью. Если не хотят слушать моих слов, так пусть за меня говорят мои пушки! Оставим этот разговор, — сказал дон Карлос, ослепленный своим честолюбием, в жертву которому готов был принести все.

— Умоляю, ваше высочество, не навлекайте на себя проклятия целой страны и целого народа! Побойтесь гнева Божия, не отвергайте моей просьбы! — вскричал Антонио, в порыве своей любви к родине падая на колени.

Дон Карлос с гневом вскочил и протянул уже руку к звонку.

— Вы говорите, как изменник!

— Убейте меня, но сжальтесь над Испанией!

— Вон отсюда! — повелительно сказал дон Карлос, оставив звонок. — Только ваш сан спасает вас от смерти! Вы заслужили ее своими словами.

Антонио грустно поднялся.

— Мои просьбы отвергнуты, — сказал он, — страшная судьба Испании и ваша свершатся! Я ухожу!.. Но когда в тишине ночи, после жестокой битвы, перед вами начнут вставать тени убитых и протягивать к небу окровавленные руки, вспомните мои слова! Вы человек и не избежите общей человеческой участи, позаботьтесь о своей душе, дон Карлос! Подумайте о своем последнем часе и суде Божиим!

Антонио вышел из комнаты.

Карлос неподвижно смотрел ему вслед и вдруг схватился за пистолет, заткнутый за пояс. Но, казалось, какая-то невидимая сила удержала его руку. Человек, не останавливавшийся ни перед каким кровавым делом, изменил теперь своему обыкновению... И это был последний проблеск человеческого чувства, впоследствии дон Карлоса не сдерживало уже ничего, он уничтожал все, что мешало достижению его честолюбивой цели!

XVIII. Ночь в Альгамбре

Перенесемся с севера Испании на юг, в благословеннейшую из ее провинций — Андалузию.

Над этой полосой земли расстилается вечно голубое, безоблачное небо; здесь гитана наигрывает на своей гитаре то бешено веселые, то грустные песни, нежась под тенью густых каштанов; здесь прекраснее цветут апельсиновые и миндальные деревья, роскошнее распускаются розы, и пальмы качают своими вершинами над душистыми, цветущими кустарниками.

Куда ни обернись — везде сияние солнца и аромат! Вечером в тени деревьев и на берегу реки гуляют красивые девушки и сильные, статные мужчины.

Андалузцы, так щедро оделенные всеми дарами природы, совершенно особенный народ. Беззаботные, довольные малым, радующиеся свету солнца и аромату воздуха, они ведут поистине завидную жизнь.

Кусок хлеба, сигарета, возможность лежать и мечтать — и андалузец счастлив, ему больше ничего не надо.

Гранада! Севилья! Кто не слышал названий этих городов! Окруженные садами, они

лежат, как два бриллианта в золотой оправе. Сыны этой любимой солнцем земли беззаботно полагаются на ее плодородие и не любят работать.

С высоты холма на прекрасную старую Гранаду смотрит Альгамбра — живописное, древнее произведение архитектуры.

И теперь еще стена с множеством башен окружает огромную цитадель. Прежде здесь была крепость мавританских королей, владевших этой частью Испании, и до сих пор она осталась крепостью.

За ее огромной стеной скрывается множество строений. Кроме знаменитого мавританского королевского дворца тут есть храм, бывший монастырь, несколько домов и недостроенный дворец Карла V, начатый вместо разрушенного по его приказанию зимнего дворца мавританских королей.

Великолепный парк отделяет Альгамбру от Торрес Бермаяс, другого форта, выстроенного еще, вероятно, финикийцами.

Сам дворец, архитектурные украшения которого показывают, что тут уже не соблюдался больше прежний строгий запрет на скульптурное изображение живых существ, включает в себе два двора, один из них называется Львиным, потому что там устроен прекрасный фонтан с фигурами двенадцати львов. В эти дворы выходят хорошенькие крылечки с колоннами, их окружают садики с журчащими ручейками, прохладные домики с балконами на наружной стороне; с этих балконов открывается очаровательный вид на окрестные ландшафты и на Гранаду.

Но снаружи Альгамбра имеет строгие, несколько тяжелые очертания, сам дворец давно необитаем, теперь это только памятник давно минувшим дням. С пустынной, обширной равнины, по которой идет дорога в Альгамбру, красные стены ее видны издалека.

На огромном протяжении нет ни холмика, ни леса — только трава, выжженная солнцем, да кое-где маленькие возделанные клочки земли, на которых пытаются выращивать маис, виноград и оливки. Не попадется тут и ни одного селения, никакого человеческого жилья. Разве только изредка по дорогам, перерезающим эту пустыню, тянутся караваны мулов и слышатся однообразные крики погонщиков. Только те места, где проложены железные дороги, немного более оживлены.

Трудолюбие, конечно, могло бы оживить всю эту пустыню, стоило только провести сюда воду, и это было бы щедро вознаграждено, но андалузцы не такой народ. Они лучше уйдут из того места, где надо помочь земле, чтобы она дала все, что им нужно, но обрабатывать ее они не будут.

По этой-то пустынной равнине поздно вечером ехали два всадника, завернувшись в легкие, короткие плащи. Они направлялись от одной из ближайших станций железной дороги туда, где вдаль виднелись Альгамбра и Гранада.

Солнце готово было закатиться, и его огромный, пламенный шар окрасил все вокруг в изумительные цвета. Пустыня тонула в море лучей.

Кругом царила торжественная тишина. Становилось свежо. Наступило то время года, когда после заката сразу делается холодно. Вдали вырисовывались мрачные силуэты красного замка и его огромные стены.

— Все готово, принцпе, — сказал один из всадников, — теперь достаточно будет малейшего знака, и мятеж вспыхнет.

— Вы позаботились, чтобы часть провинции приняла в нем участие, капитан Идесте?

— Все сделано по вашему приказанию, принцпе; вся провинция восстанет, и недовольные соберутся отовсюду.

— Вы говорили о каком-то сеньоре, с которым встретились в Картахене, что это за личность?

— Это офицер, носящий ваше имя, принцпе.

— Его зовут Кортесилла? Я и не знал, что у меня есть родственник с этим именем!

— Он происходит от боковой линии. Услышав, что я из Мадрида, он спросил меня, не знаю ли я какого-нибудь графа Кортесиллу. Я ответил отрицательно, и тогда офицер

сделался разговорчивее. Он рассказал, что настоящее имя этого графа Вэя, он был усыновлен одной из сестер своего отца, называвшейся Кортещилла. Я стал слушать внимательнее, чтобы потом передать все вам, принцпе!

В эту минуту разговор был прерван резким криком сыча.

— Чивато! близко, — тихо сказал граф Кортещилла. — Остановимся и привяжем лошадей там, в кустах.

Капитан прислушался.

Крик сыча повторился. Неопытное ухо могло легко принять его за крик настоящей птицы. Чивато⁸ давали знать другим компаньерос о приближении всадников.

Привязав лошадей в кустах у стены, они пошли к тому месту, откуда слышался крик; навстречу им вышел человек, закутанный в большой плед, и окликнул их.

— Во имя Гардунии! — отвечал, понижая голос, граф Кортещилла.

— Спасение заговорщикам, — сказал чивато, низко поклонившись ему.

— Компаньерос здесь? — спросил граф.

— Точно так, принцпе, они ждут вас и капитана в замке.

— Кто дежурный офицер?

— Капитан Пеносто.

— Он предупрежден?

— Предупрежден, принцпе.

— Сколько компаньерос?

— Четверо, принцпе. Суперьоры Кордовы, Севильи, Гранады и Мурсии, — отвечал караульный. — Вчера явился еще один чиновник Толедского банка.

Граф Кортещилла и Мигель Идесте через широкий проход в стене вышли на большую площадь и направились к красному замку. У портала к ним подошел еще чивато.

— Принцпе, — сказал он, низко поклонившись, — сеньоры ждут вас в Бассейновом дворе.

— Больше здесь никого нет?

— Капитан удалил караульных, замок пуст.

Граф Кортещилла и Идесте поднялись на крыльцо и подошли к решетчатой двери, выходящей на широкий, четырехугольный мрачный Бассейновый двор Альгамбры, слабо освещенный лунным светом.

С одной стороны шел двойной ряд арок, а с трех остальных двор огораживали мрачные стены, наполовину скрытые кустарником, деревьями и цветами. Посреди двора находился большой четырехугольный бассейн, а возле него бил маленький фонтан; от этого здесь было очень прохладно, даже сыро. Вокруг бассейна шла широкая мраморная панель, так что возле цветущих кустарников можно было прохаживаться совершенно спокойно, не боясь быть подслушанным.

Месяц наполнял двор тусклым, волшебным светом.

Капитан Идесте, пройдя с графом под арки, вернулся назад, а граф один вошел во Двор. Под кипарисами и лаврами стояло пять человек в черном. Когда граф подошел к ним, они поклонились и суперьор Кордовы представил ему нового члена Гардунии, чиновника Толедского банка сеньора Арко.

— Я принял от него присягу в верности, — прибавил он.

— Возвратясь в Толедо, — обратился граф к чиновнику, — вы представитесь суперьору и поступите в его распоряжение, сеньор Арко. Он объяснит вам права и обязанности члена нашего общества.

— Слушаю, принцпе, и готов помочь вам изъять три миллиона, внесенные в Толедский банк. Я могу указать, как найти деньги. Они хранятся в подвалах здания, выложенных листовым железом. Ключи от этих подвалов я доставлю для снятия слепков

⁸ Чивато — новоизбранные члены тайного общества Гардунии.

суперьюру по возвращении в Толедо.

— За эту услугу вы станете членом Гардунии с годовым окладом, но не забудьте, что малейшее подозрение будет стоить вам жизни.

— Я готов искупить смертью всякую неверность со своей стороны.

— Сегодня я собрал вас, сеньоры, — продолжал граф, — с тем, чтобы выслушать все, что не может быть передано через посланных, и намерен повторять такие встречи, чтобы не возникло никаких разногласий с суперьюрами.

— Мы очень благодарны за это, принцпе, — сказал правитель Севильи, старик лет восьмидесяти, — я служил уже при трех принцпе, и всегда эта мера вела к самым лучшим результатам.

— Для вас будет новостью узнать, что алькальд Гранады поклялся выследить Гардунию! — объявил суперьюр Гранады. — Он поехал в Мадрид, по-видимому, для того, чтобы собрать подробные сведения о ней и начать серьезно действовать. Но я боюсь, что он не доедет до столицы и умрет в самом начале своих действий.

— От имени моих собратьев прошу позволения предложить один вопрос высокому принцпе! — начал суперьюр Кордовы.

— Говорите, я сегодня здесь именно для того, чтобы решать все важные вопросы!

— Дело, о котором я хочу говорить, — продолжал суперьюр, — сильно занимает всех моих собратьев, и потому желательно было бы уяснить его. Распространился слух между нами, что высокий принцпе выдал дону Карлосу пять миллионов, взятых из северных банкирских контор. Так как эти пять миллионов составляют собственность Гардунии, то я позволю себе спросить, основательны ли эти слухи?

Граф Кортесилла, видимо, не ожидал этого, он был сильно рассержен, но подавил свой гнев.

— Хотя принцпе и не обязан давать отчета в своих тайных распоряжениях, — сказал он, — но я сделаю исключение на этот раз и отвечу вам. Дон Карлос действительно получил означенную сумму!

— Принцпе не подлежит проверкам, — заметил старый суперьюр Севильи, — но должен давать отчет по вопросам управления обществом!

— На это я всегда готов, сеньоры, — высокомерно отвечал граф Кортесилла, — но не забудьте, что принцпе имеет полное право распоряжаться всеми наличными средствами для поддержания своего могущественного положения.

— Да, когда дело идет об интересах Гардунии, — прибавил суперьюр Мурсии.

— Высокий принцпе позволит мне заметить, — сказал суперьюр Кордовы, — что его распоряжение относительно этих пяти миллионов относят к его частным делам; ходят слухи, что он отдал их в приданое за дочь, а не ради целей Гардунии.

— Кто смеет возводить подобное обвинение? — вскричал Кортесилла, хватаясь за шпагу. — Смерть ему! Принцпе Гардунии стоит так высоко, что никто не может безнаказанно оскорблять его!

— Простите! Выслушайте! Вы не так поняли наше намерение!.. — вскричали суперьюры, перебивая один другого.

— Принцпе не обязан посвящать каждого суперьюра в свои тайные планы, — продолжал граф, — он один может судить свои дела! На этот раз я сделаю исключение и объясню вам все, суперьюры Гранады, Севильи, Кордовы и Мурсии! Пять миллионов действительно выданы дону Карлосу, чтобы привлечь его на нашу сторону и заставить молчать! Его деятельность уже принесла громадные выгоды Гардунии.

— Мы привыкли ценить ум принцпе, — отвечал суперьюр Кордовы, — и далеки были от мысли подозревать его, нам хотелось только выяснить дело, чтобы разом прекратить толки. Нашлись люди, решившиеся говорить, что принцпе пожертвовал пятью миллионами для удовлетворения своего честолюбия, для того, чтобы сделать свою дочь королевой!

— Так слушайте же, вот в чем состоял мой тайный план! Я желал этого союза для блага Гардунии, вот документ, который докажет вам справедливость моих слов, — сказал граф

Кортецилла, подавая седому суперьюру Севильи бумагу. — Сколько выгод принес бы Гардунии такой союз ее принцпе с доном Карлосом! Сколько силы и влияния приобрела бы она! Но дон Карлос обманул меня, и я пользуюсь случаем высказать вам это.

— Ваш план прекрасно задуман, — сказал суперьюр Севильи, — вы делали все для блага Гардунии!

— Яготов был пожертвовать дочерью, а меня смеют обвинять в эгоистических замыслах! Не задумываясь, объявил бы вам, что дон Карлос заслуживает смерти за нарушение слова, но пока мы еще можем обращать в свою пользу устраиваемые им беспорядки!

— Вы достойны удивления, принцпе! — вскричал суперьюр Кордовы. — Свою жажду мести вы приносите в жертву интересам Гардунии! Одно это уже бесспорно доказывает вашу мудрость и ваше великодушие!

— Мы скромно преклоняемся перед вашей властью! — заключили суперьюры.
Сходка в Альгамбре разошлась.

XIX. Торжество Бланки Марии

На скалистых горах северной Испании у городка Ираны царило еще ночное безмолвие.

Редко кто заходил в эти большей частью непроходимые места, разве что контрабандисты или люди, хорошо знакомые с тропинками в ущельях. Прежде здесь было, вероятно, еще опаснее, потому что пропасти, попадающиеся на каждом шагу, поглощали множество жертв.

Так, например, несколько лет тому назад один из жителей Ираны, служивший почтальоном в этой местности, возвращаясь рано утром домой, нечаянно оступился и упал в пропасть. Он был вдов и с трогательной заботой относился к своим детям, которых у него после смерти жены осталось десять человек. Две его старшие дочери пришли в такое отчаяние, узнав о случившемся, что тут же побежали на место несчастья и, рыдая, бросились, держась за руки, вслед за отцом. Никто даже не успел' остановить их.

После этого случая окрестные жители отметили опасное место высоким черным крестом. Возвышаясь над расщелиной скалы, он далеко виден и служит как предостережением, так и напоминанием о превратности человеческой жизни и ее последнем часе. Такое предостережение среди этих неприветливых скал, глубокой тишины, величия окружающей природы и постоянной опасности больше чем где-либо возносит мысль к небу. Молчание этих мест нарушается только шумом водопада да криком орла, кружащего над вершинами скал.

Недалеко от черного креста с одного выступа скалы на другой перекинут мостик с перилами. Это просто узенькая доска с такой трещиной, что она должна непременно проломиться от первого прикосновения человеческой ноги. Время ли было тому виной или злое на-мерение — неизвестно. Окрестные жители знали о состоянии мостика и всегда обходили его, но никто не позаботился заменить его новым и прочным.

Темнота осенней ночи, наступившей в это время года очень рано и длившейся почти до пятого часа утра, еще лежала на вершинах скал и в долинах.

Не было и четырех часов, когда к крутому обрыву подъехали дон Альфонс и донья Бланка. Соскочив с лошадей, они бросили поводья сопровождавшему их зуаву и, обойдя мостик, пошли с другой стороны к тому месту, где виднелся в утреннем полумраке черный крест.

Навстречу им пахнуло холодом. Плотнее закутавшись в плащи, они стали подниматься по тропинке обрыва, и не прошло получаса, как были уже у креста. Карлист еще не приходил.

Здесь дорога делала поворот, так что мостик пропадал из поля зрения, кроме того, его заслонял кустарник и мешал разглядеть утренний сумрак.

Бланка, подойдя к повороту, пыталась разглядеть что-нибудь вдали, но никто не

показывался. Наконец Альфонс заметил солдата и указал на него Бланке, тотчас вернувшейся к нему.

На ней был пунцовый берет и богатая куртка, в каких ходят зуавы. За пояс, шитый золотом, были заткнуты кинжал и пистолет.

Теперь и она увидела торопливо приближавшегося солдата.

В то время как он подходил к ним, приложив руку к козырьку, внизу, по той дороге, по которой пришли Альфонс с Бланкой, кралась, прячась в кустах, человеческая фигура.

Бланка Мария заметила ее и, казалось, тотчас узнала, кто это был.

— Кто идет? — окликнула она.

Человек не отвечал, пытаясь скрыться в жестком кустарнике.

— Клянусь честью, это шпион! — воскликнула Бланка, обращаясь к Альфонсу и карлисту, и выхватила пистолет из-за пояса.

С поразительной твердостью подняв его, она прицелилась в фигуру, которую с трудом можно было различить между кустами, и выстрелила.

Эхо грозно раскатилось в скалах... Почти в ту же минуту раздался глухой крик и хрустнули ветки.

— Посмотри, кто там, и приди сказать! — хладнокровно приказала Бланка солдату, поспешившему исполнить ее приказание.

Там умирал, истекая кровью, патер Иларио. Когда карлист доложил об этом Бланке, она невозмутимо сказала:

— Патер? Ну, сам виноват, зачем подкрался и ничего не отвечал на мой оклик! Мы живем в военное время!

— Он умер? — спросил Альфонс.

— Умирает, — ответил карлист.

— Оставим это, — сказала Бланка. — Скажи, что ты заметил в Иране? — обратилась она к солдату.

— С наступлением вечера я пробрался к домику с оленьими рогами на фронтоне, где жили две указанные капитаном Тристаном женщины, и спрятался в саду, перед окнами. Сеньора и ее подруга сидели в комнате у открытого окна: у них горела свеча, и они долго разговаривали.

— Заметил тебя кто-нибудь?

— Нет, никто! Около одиннадцати часов, когда все кругом стало засыпать, сеньора накинула поверх своего белого капота черный плащ, потушила свечу и вышла из дома.

— Одна? — спросила Бланка.

— Подруга ее тоже вышла в сад, осторожно огляделась и неслышно прокралась на улицу. Убедившись, что никого кругом нет, она сделала знак сеньоре, и та быстро направилась по дороге к замку.

— К замку! Значит, она знала, что генерал Павиа в плену.

— Дав ей отойти на некоторое расстояние, я осторожно отправился следом, держась в тени деревьев, окаймлявших дорогу. Она не замечала меня и бежала так, что было трудно не упустить ее из вида.

— И не боялась! Ну, на такое рискованное дело способна только любовь, — презрительно сказала Бланка.

— Не прошло и часа, — продолжал солдат, — как сеньора уже подходила к замку. Прислушиваясь, она обошла его кругом, чтобы узнать, где стоит караул, но солдаты разместились во дворе, в замке все спало. Тогда сеньора вернулась снова к заднему крыльцу и скрылась из вида. Я вышел из кустов, осмотрел все кругом, но ее и след простыл, она точно растаяла в воздухе. Я подождал немного, был уже второй час, а сеньора все не показывалась. Тогда, боясь не опоздать сюда к назначенному времени, я поторопился уйти...

— Не дождавшись, что будет дальше?

— Я опоздал бы сюда!

— Так отчего же ты не поднял тревогу?

— На это я не получал приказаний.

— Дурак! — крикнула Бланка. — Ты умрешь! Графиня прошла в замок!

Карлист испугался.

— Это невозможно, — сказал он, — во дворе стояли караульные.

— Она на все решится, чтобы пройти к пленнику! Что, если ей удастся освободить его!

— Этот солдат настоящий болван! — закричал дон Альфонс. — Он заслуживает смерти!

— О, если графине удастся ее попытка!.. Я дрожу от гнева при одной мысли об этом! — злобно говорила Бланка. — Скорей назад, в лагерь, еще нет пяти часов! Если им и удалось бежать, далеко они все равно не уйдут.

— Следуй за нами! — прибавила она, обращаясь к карлисту, побледневшему при ее угрозе.

— Берегись, если они убежали! — бешено крикнул ему дон Альфонс. — Клянусь всеми святыми, ты умрешь.

И поспешно, вместе с супругой, он спустился с обрыва к лошадям. Проходя мимо патера, Бланка убедилась, что он умер, и велела зуаву позаботиться перенести его после в лагерь. Предоставив карлисту вести отряд сопровождавших их зуавов, дон Альфонс и его супруга быстро вернулись в лагерь, и тотчас несколько конных отрядов выслано было оцепить замок на большом расстоянии. В случае, если пленнику действительно удалось бежать с помощью графини, в погоню за ними решено было выслать еще несколько отрядов.

Сделав все эти распоряжения, Бланка велела солдату, принесшему известие из Ираны, сесть на лошадь и вести их к замку. Несколько зуавов следовало за ними. Бланка рядом с Альфонсом ехала впереди всех, тотчас за ней — карлист, указывавший дорогу и дрожавший за свою жизнь.

Мысль, что ненавистные Мануэль и графиня Инес, казалось бывшие уже у нее в руках, ускользали от нее, приводила Бланку в негодование. Альфонс разделял ее гнев, не зная настоящей его причины. Его приводило в бешенство, что генералу республиканских войск удалось, может быть, бежать из плена.

Маленькая кавалькада мчалась во весь опор по дороге к замку. Недалеко от него они встретили несколько карлистов, впереди которых Бланка тотчас узнала Изидора. Он нахмурился, увидев их.

— Пленнику удалось бежать ночью из замка! — доложил он и воскликнул, увидев карлиста: — Смерть караульному! Побег устроила графиня.

Ярость захлестнула Бланку. Альфонс выдернул шпагу, но жена выхватила ее у него из рук и вонзила в грудь солдата, беззвучно упавшего с лошади.

— Черт возьми! — закричал дон Альфонс. — Он в самом деле убежал! Нужно найти его во что бы то ни стало. Конные отряды уже разосланы?

— Я даже послал разведчиков, ваше высочество, — сказал Изидор, — и сам еду на поиски.

Спутники Тристани хлопотали в это время около своего товарища, так внезапно наказанного Бланкой.

— Если бы этот негодяй был внимательнее, — вскричала она, — они бы не убежали.

— Не беспокойтесь, ваше сиятельство, — старался успокоить ее Изидор, — они опять попадут к нам в руки, далеко им не убежать. Я послал солдат в Ирану и пригрозил сжечь город, если мы не найдем пленного.

— Отлично! — согласился Альфонс.

В эту минуту к ним быстро подъехал конный.

— Сейчас я узнал, что сегодня на рассвете видели какую-то сеньору и монаха, направлявшихся в горы.

— Сеньору и монаха? — спросила Бланка.

— Это так и есть, ваше сиятельство, — пояснил Изидор, — пленный воспользовался рясой монаха, пока тот спал. Я-то считал присутствие патера лучшей защитой от побега.

— Ну так скорей же, в горы! За ними! — вскричала Бланка, сделав знак конвою, и рядом с мужем помчалась по дороге в Ирану.

Солнце стояло уже высоко, и беглецы должны были намного опередить их.

В то время как Бланка и Альфонс приближались к горам, они увидели впереди странную процессию.

Навстречу им двигалась толпа женщин. Три из них вышли вперед и, подойдя к принцу и его супруге, упали перед ними на колени, протягивая руки.

— Сжальтесь, сжальтесь над Ираной! — кричали они. — Мы не виноваты в том, что случилось! Пощадите наши дома и семейства!

Бланка и Альфонс остановились.

— Выдайте нам бежавшего пленного и графиню, в противном случае Ирана будет разрушена, — отвечала амазонка.

— Сжальтесь над мирными жителями! — умоляли женщины. — У нас нет никого из ваших врагов. Пощадите нас!

— Не будет вам пощады, если беглецы не попадут в наши руки! — вскричала Бланка, напоминая в эту минуту лицом и голосом безжалостную мегеру. — Прочь с дороги, или мы растопчем вас лошадьми!

Испуганные женщины с отчаянием увидели, что Бланка и Альфонс готовы исполнить свою угрозу, и с криками ужаса и горя бросились в сторону. Всадники промчались мимо, не обращая внимания на вопли и простираемые к ним руки. Несчастным жителям Ираны нечего было ждать пощады и сочувствия. Городок и их имущество были обречены на гибель.

Бланка рядом с мужем мчалась в погоню за генералом и Инес. Нет, им не избежать ее ненависти и мести! Этот Мануэль оставил ее ради Инес! Ее, которая так страстно любила его! Но теперь она его ненавидит и кровью отомстит ему и своей сопернице. Только из-за этого и оказалась она в лагере дона Карлоса! Не для того же она вышла за Альфонса, чтобы жить возле него, она его никогда не любила!

Но теперь дочь дона Мигеля, узурпатора, который когда-то так же неистовствовал в Португалии, была на своем месте! Теперь она знала свое назначение. Бланка Мария де ла Ниевес готовилась стать ужасом и бичом Испании, превзойти жестокостью красноволосого супруга и кровожадного Карлоса.

Подъехав к обрыву, она, Альфонс и Илизидор сошли с лошадей, которых приняли зуавы, и втроем стали подниматься по тропинке, ведущей мимо старого креста к Иране.

Роскошная фигура доньи Бланки в богатом военном костюме была так обольстительна, что Илизидор наслаждался, украдкой любуясь ее прекрасными формами, глядя, как она поднимается на скалу. Дон Альфонс, идя рядом с ней, в трудных местах любезно предлагал ей руку, но она не принимала этой услуги и гордо, без всякой помощи, преодолевала все затруднения.

Вдруг она вскрикнула и указала рукой на тропинку, извивавшуюся вдали между скалами.

Там шел монах с сеньорой, закутанной в черное. Они намного опередили своих преследователей, но все-таки их ясно можно было разглядеть.

— Это они! — крикнула с торжеством Бланка. — Они в наших руках!

— Клянусь святыми, монах — это генерал, а с ним — графиня Инес, — подтвердил Илизидор с улыбкой.

— Вперед! За ними! — крикнули Альфонс и Бланка.

В эту минуту монах и его спутница заметили своих преследователей.

Молодая графиня схватила руку Мануэля. Бланка увидела это и злобно улыбнулась.

Инес торопила жениха, узнав Бланку. Они быстро шли вперед. Альфонс, Илизидор и Бланка — за ними. Лицо принцессы выражало торжество.

Вдруг она быстро подошла к мужу и, схватив его руку, указала на то место, к которому направлялись беглецы.

Перед ними был узенький мостик. Черный крест зловеще поднимался между скалами.

Принцесса демонически засмеялась, а Изидор, не понимавший, в чем дело, с содроганием посмотрел в лицо Бланке, искаженное злобным торжеством.

— Они погибли... — пробормотал Альфонс.

Между тем Мануэль и Инес, ничего не подозревая, шли к мосту — он впереди, она следом за ним. Раздался пронзительный крик, такой ужасный, что даже Альфонс и безжалостный Изидор содрогнулись.

Но Бланка Мария только холодно улыбнулась.

Мануэль и Инес упали вместе с мостом в зияющую расщелину...

XX. Гиены поля сражения

Между главными силами карлистов, выступавшими под предводительством главнокомандующего Олло, и войсками республики, которыми командовал генерал Марионес, завязалась битва, продолжавшаяся уже целый день.

Дон Карлос, получив донесение об этом, тотчас отправился к месту действия.

Уже наступил вечер, когда он туда приехал. Гром орудий смолк, и республиканцы, не достигнув никакого успеха, повернули в сторону, вероятно, чтобы соединиться с приближавшимся подкреплением.

Поздно вечером в штаб-квартиру приехал генерал Олло, опытный, искусный полководец, и тотчас явился к дону Карлосу, который с нетерпением ожидал его.

— Я пришел возвестить победу вашему величеству, — сказал Олло, кланяясь. — После десятичасового сражения неприятель оставил свои позиции, и войска вашего величества заняли их!

— Приятное известие, генерал! Расскажите, как было дело.

— Рано утром мои форпосты столкнулись с фланговым отрядом неприятеля, завязалась битва, разгоревшаяся сильнее, когда к неприятелю подоспели новые отряды, а мы, в свою очередь, тоже получили подкрепление. В это время я с главными силами находился милях в двух от поля битвы. Один из посланных мною адъютантов сообщил мне, что значительное неприятельское войско готовится принять участие в сражении, и привел перебежчика, сообщившего важные сведения. Прежде всего мы узнали от него, что у неприятеля девять тысяч человек, и я тотчас же велел своему войску идти форсированным маршем к полю битвы. Солдаты были очень оживлены и с громким «ура» двинулись вперед. Перебежчик между тем сообщил еще одно очень важное известие, а поскольку оно предназначалось, собственно, для вашего величества, то, не удержав его в тайне, мы могли бы возбудить вредные толки и посеять недовольство. Поэтому я велел расстрелять перебежчика, так только выслушал сообщение.

— И хорошо сделали, генерал. В чем же заключалось это тайное известие?

— Вам известно, ваше величество, как войска преданы старому Кабрере, этому опытному генералу, служившему вашим предкам, карлисты не раз побеждали под его началом. Имя Кабреры пользуется огромной известностью

— Я и теперь хочу, чтобы он принял участие в войне.

— Это было бы опасно!

— Как! Что вы хотите этим сказать, генерал?

— Кабрера — изменник!

— Кабрера! Невозможно!

— Он связан с неприятелем.

— Кто это сказал?

— Перебежчик, и готов был дать мне доказательство истины своих слов. Но зная, к каким последствиям может привести подобное событие и в какой тайне надо держать известие о нем...

— Доказательство, доказательство! — нетерпеливо вскричал дон Карлос.

— Конхо, главнокомандующий неприятеля, поддерживает тайную связь с Кабрерой.

— Немыслимо! Невозможно!

— Перебежчик подтвердил свое показание. У одного из неприятельских офицеров было письмо Конхо к Кабрере. Офицера этого можно сразу узнать по адъютантской перевязи на мундире, зовут его Мальвар. В неприятельском войске был всего один адъютант — он убит, как мне сообщили, но мне удалось, не возбуждая ничьего внимания, отыскать его труп среди убитых и раненых.

— Вы хорошо сделали, генерал!

— Надо овладеть этим важным документом, но так, чтобы никто об этом не знал! Я счел необходимым получить на этот счет приказания и распоряжения вашего величества.

— Кабрера — изменник!.. В этом надо удостовериться во что бы то ни стало, — пробормотал дон Карлос. — Продолжайте ваш рассказ, генерал, — прибавил он.

— Форсированным маршем мы достигли поля сражения в ту минуту, когда неприятель готов был разбить наш авангард.

Мои солдаты бросились на побеждавшего уже врага, и на всей линии завязался ожесточенный бой! Я бросился во главе своих кавалеристов на неприятельские батареи. С обеих сторон было множество убитых, поле окрасилось кровью! Два раза мы отступали, в третий раз нам удалось подойти к горам и вытеснить неприятеля. Пробился вперед и другой фланг, жестоко билась пехота.

Мои офицеры вели свои войска по трупам лошадей и людей, не останавливаясь, прямо на неприятельский огонь; враги стояли как каменная стена! Несколько часов подряд бой был почти равный. Наступал вечер, мои солдаты ослабевали, я бросился к той части войска, которую больше всего теснил неприятель, и поддержал ее мужество.

После долгих часов битвы наши ряды сильно поредели. В это время Марионес, по-видимому, получил какое-то донесение, и на одном из отдаленных холмов состоялся совет, между тем как битва продолжалась с прежней яростью. Мои офицеры утверждали, что адъютант неприятельского войска убит, и я действительно нигде больше не видел его. Вскоре бой стал заметно ослабевать с обеих сторон, а наступивший вечер совершенно положил ему конец. Неприятель снова занял свои позиции. Солдаты мои были так измучены, что не могли продолжать битвы. Однако, когда неприятель стал отходить сомкнутыми рядами к западу, я бросился со своими полками на поле сражения и занял неприятельские позиции! Кроме того, ваше величество, у меня сорок человек пленных и два неприятельских орудия.

— Благодарю вас за эту победу, генерал, — сказал дон Карлос, протянув ему руку, которую тот поцеловал.

— Благодарность вашего величества — лучшая награда за исполненную обязанность, — отвечал он. — Но уже темно, я должен спешить к войскам, чтобы после краткого отдыха преследовать неприятеля!

— Да, да, сделайте это, генерал, и храните в глубокой тайне донесение перебежчика! Пленных завтра на рассвете прикажите расстрелять. Я хочу показать, что намерен идти вперед без пощады и прощения, чтобы скорее кончить эту борьбу!

— Приказание вашего величества будет исполнено!

— Арьергард еще на поле сражения?

— Да, он разыскивает раненых с докторами и носильщиками.

— А в их руки не попадет адъютант? — поспешно спросил дон Карлос.

— Я отдал строгий приказ не трогать раненых неприятеля. Завтра утром я пошлю несколько солдат, под надзором которых окрестные жители обыщут поле сражения и займутся погребением.

— Утром? Хорошо, генерал! А ночью я позабочусь, чтобы отыскивали адъютанта и нашли у него документ.

— Ваше величество, простите, если я напомню, что надо соблюсти величайшую осторожность! Кабрера пользуется огромным влиянием на войска, его имя свято чтится ими. Если узнают о его измене...

— ...это повлечет за собой очень тяжелые последствия, — договорил дон Карлос. — Понимаю, совершенно понимаю, любезный генерал Олло! Предоставьте мне позаботиться, чтобы никто, кроме нас двоих, не узнал ничего об этом, а на себя мы можем положиться!

Олло почтительно поклонился и вышел. Дон Карлос задумался.

— Я должен прочесть депешу во что бы то ни стало, и никто не должен ее видеть, — пробормотал он. — Кабрера действительно пользуется большим влиянием в войсках, Олло прав! А депешу надо добыть. Адьютант убит, Олло никогда не ошибается. Но как обойтись без вмешательства посторонних, без чужой помощи? Есть, впрочем, одно средство — сделать это самому, — продолжал он, когда слуга внес свечи. — Но обирать убитых наказывается смертью. Э, что за вздор! Я должен сам взять депешу, даже если бы адъютант был только ранен, даже если бы мне пришлось убить его! Теперь уже ночь, на поле никого нет. Никто ничего не услышит и не увидит! Поспешу! Овладев депешей, я буду иметь в руках важное доказательство измены Кабреры и узнаю, верно ли известие, а затем можно будет уничтожить документ.

Монолог дон Карлоса был прерван вошедшими адъютантами. Они явились представить отчеты и получить приказания на ночь.

Он сказал, что ляжет спать. Оставшись один, он завернулся по обыкновению в широкий плащ, тем более что на улице было холодно и ветрено, и вышел через задние ворота. Ночи становились темными и холодными, так как наступала зима.

Рядом со штаб-квартирой всегда держали оседланных на всякий случай лошадей. Дон Карлос отправился в ту часть двора, где стояли лошади, и уже хотел взять одну из них, как спавший возле них конюх проснулся.

— Что вам надо, сеньор? — вскричал он.

— Молчи, разве не видишь, что я офицер его величества! — с досадой прошептал дон Карлос, оттолкнув конюха.

— Офицер! — сказал последний. — Но все равно нельзя, это лошади только для свиты!

— Я принадлежу к свите, имею тайное приказание его величества, поэтому мне нужна лошадь! Не для удовольствия же я вышел на улицу.

Конюх не узнал дон Карлоса.

— Извините, сеньор, я этого не знал, — сказал он, подводя лошадь.

— Через несколько часов я вернусь. Ты в эту ночь дежурный?

— Так точно, сеньор.

Дон Карлос вскочил в седло, и бешено заржавшая лошадь помчалась к полю битвы, до которого было около четверти мили.

Ночная тишина окружала кровавую сцену войны.

Везде валялись трупы людей и лошадей, разбитые фуры.

Эта зловещая тишина пугала. Тут было царство смерти, собравшей свою жатву. По временам кое-где слышался стон раненого или последнее хриплое дыхание умирающего. Коршуны еще не успели заметить своей добычи.

Множество тяжелораненых лежало здесь рядом с убитыми, но карлисты не заботились о них, им едва хватало докторов и носильщиков для своих. Из-за бесчеловечного приказа Олло оставить раненых врагов без помощи до утра погибло множество народа. Многие могли еще быть спасены, если б о них позаботились сразу же. Но теперь кто поручится, что они доживут до утра?

Все эти ужасы скрывала ночная темнота. Но нет, вдруг то там, то здесь начали вспыхивать яркие огоньки, они исчезали и появлялись в другом месте. Вот раздался пронзительный крик. Что это? Что значат эти блуждающие огни и этот крик на поле, покрытом мертвыми и ранеными?

Между трупами сновали человеческие фигуры с кинжалами за поясом и фонарями в руках. Они обрезали полы одежд и карманы убитых. Если какой-нибудь раненый пробовал сопротивляться, эти гиены ударом ножа прекращали борьбу и брали свою добычу. Вот откуда был тот крик, раздавшийся среди ночного безмолвия.

Эти люди, пользуясь темнотой, обирали мертвых, не разбирая ни своих, ни чужих, часто отрезая пальцы, чтобы снять кольца.

У нас поле сражения стерегут жандармы, все время объезжая его дозором и стреляя в таких гиен, но у кар-листов они могли свободно и бесстрашно делать свое дело.

Дон Карлос невольно содрогнулся, увидев то там, то здесь сверкавшие огоньки и темные фигуры святотатцев. Но он не мог позвать караул и прогнать их, потому что сам шел сюда за тем же.

Ему во что бы то ни стало нужно было овладеть депешей, оставшейся в руках адъютанта Мальвара.

Соскочив с лошади, он привязал ее к дереву и пошел мимо трупов и разбитых фур по полю битвы, стараясь различить при слабом свете месяца блестящую перевязь адъютанта.

Общество мертвецов, видимо, не очень нравилось ему, холодный ночной ветер пробирал насквозь, он плотнее закутался в плащ. Едва пройдя половину поля, он уже раскаивался, что не взял с собой кого-нибудь из адъютантов. Тогда он мог бы прогнать этих гиен.

Страшная это была ночь. Ветер выл не переставая, тучи то и дело закрывали месяц, а перед глазами со всех сторон изуродованные тела убитых — тут солдат с оторванными ногами, там другой с разбитым черепом, а здесь карлист, лежащий разбросав руки, пуля поразила его прямо в сердце. И только вой ветра да стоны беспомощных раненых нарушали по временам это мертвое молчание.

Вдруг дон Карлос заметил, что несколько темных фигур, бродивших по полю, обирая убитых, пугливо бросились в сторону, выставив руки, как будто защищаясь от какого-то призрака и закрываясь плащами.

Неужели они заметили где-нибудь караульных? Этого не могло быть! Однако гиены исчезли одна за другой, и дон Карлос остался один на всем поле. Только вдаль бродила какая-то одинокая черная фигура.

Полночь уже миновала. Холод невольно пробежал по телу этого рвущегося к престолу страшного человека, обычно никогда ни перед чем не дрожавшего. Но он переломил себя и продолжил поиски.

Наконец месяц, выглянув на минуту из-за туч, сверкнул на золотой перевязи, край которой был виден между трупами. Дон Карлос поспешил туда.

Оттолкнув ногой мертвых неприятелей, он наконец добрался до адъютанта генерала Конхо. Лежавший перед ним офицер был, наверно, Мальвар. Дон Карлос нетерпеливо расстегнул ему сюртук и увидел на груди тщательно сложенную депешу. Карлос жадно схватил ее. Вдруг его испугал какой-то шорох.

Быстро оглянувшись, он увидел в нескольких шагах от себя высокую, стройную женскую фигуру. Ее черное платье и черное покрывало развевались на ветру.

Это-то и спугнуло всех остальных с поля битвы. Дон Карлос вскочил, сжимая дрожащей рукой депешу.

— Кто ты, призрак? — вскричал он. — Что тебе нужно здесь?

Бурный порыв ветра откинул покрывало, мелькнуло бледное лицо — он узнал Амаранту!

Теперь и он с ужасом выставил перед собой руки, пятась от нее. Амаранта — на поле битвы, между трупами убитых? Ведь он убил ее ударом ножа в ту ночь в порыве страсти!..

А она все стояла неподвижно, бледная и величественная...

Дон Карлос, дрожа всем телом, бросился бежать к тому месту, где привязал лошадь. Еще раз пугливо оглянувшись, он сунул в карман депешу и, вскочив в седло, скрылся в ночной темноте.

XXI. Монах

Антонио после разговора с доном Карлосом в его штаб-квартире с тяжелым сердцем

ушел из карлистского лагеря, снова надев монашескую рясу поверх своей обычной одежды патера.

Инквизиторы поручили ему остаться при доне Карлосе и войти к нему в доверие. Это было бы нетрудно, если бы он иначе повел дело, теперь же между ним и принцем встала непреодолимая преграда. Они разошлись в главном и разошлись бесповоротно, служба при доне Карлосе стала для Антонио невозможной.

Она была бы полна смысла, если бы он мог убедить дон Карлоса отказаться от губительных замыслов и тем самым спасти Испанию, но дон Карлос с гневом отверг его мольбу. Антонио понял, что все попытки его будут напрасны и Испании не избежать своей страшной участи. Кровавая, губительная борьба уже начиналась, остановить ее было невозможно!

Антонио, лишенный родительской любви, не знавший ничьей привязанности, весь отдался любви к родине. Он не мог служить ей с оружием в руках, поэтому надеялся послужить, находясь при доне Карлосе. Но и это ему не удалось. Принц не хотел отказаться от кровавых намерений, а патер Антонио не хотел быть свидетелем его жестокостей.

Теперь у него здесь, на севере, осталась одна задача — защищать и оберегать двух девушек, которых он на время устроил в домике старой вдовы.

Уже несколько недель он не видел Амаранты и Инес, дольше, чем предполагал, и теперь спешил к ним, чтобы проводить их обеих в Пуисерду, как хотела графиня.

Они, верно, с нетерпением ожидают его. Антонио торопился в Ирану. Это было в тот день, когда Мануэль Павиа бежал из замка с помощью Инес, а потом вместе с ней, на глазах доньи Бланки, сорвался в пропасть.

Но патер Антонио ничего не подозревал. С той минуты, как расстался с девушками, он ничего не слышал о своем друге, он не знал даже, что его захватили карлисты. Патеры, которых он встречал в карлистских лагерях, ничего сами не знали, офицеры не смели рассказывать, а солдаты не думали ни о чем, кроме вина, карт и разбоя.

Он шел в Ирану, утоляя голод в дороге сочными плодами и маисовыми лепешками, а жажду — водой.

Его поразило, когда он увидел, что ворота городка стерегут жители, вооруженные старыми винтовками и охотничьими ножами.

Что это значило?

До сих пор ему как монаху были всегда открыты все двери, теперь же на него вдруг бросились стоявшие в карауле жители и схватили его, крича все разом, так что Антонио решительно ничего не мог понять.

— Вот он! Он должен сдаться карлистам, — кричали со всех сторон. — Это беглец, генерал, причина нашей беды! Он ведь бежал в рясе!

И его с торжеством повели в город, не отвечая ни на какие его вопросы. Только когда увидели наконец, что на нем настоящая монашеская одежда, и по бумагам, которые он показал, убедились, что он патер Антонио, его отпустили.

К кому бы он ни обращался, все уклонялись от его вопросов, и никто толком не объяснил ему, что произошло. Все это было слишком странно и непонятно.

Антонио поспешил к домику вдовы, но тут его ждали новые загадки: девушек не видно было ни у окна, ни в садике, который, несмотря на осень, все еще буйно зеленел.

Антонио постучал в одну дверь, потом в другую, но никто ему не открыл. Наконец на его продолжительный стук вышла испуганная вдова. Монах поклонился и подошел к ней. Старуха отчаянно всплеснула руками, узнав его.

— Святая Мадонна! Это вы! — сказала она, понижая голос. — Зачем вы сюда пришли? Вы навлекли несчастье и беду не только на мой дом, но на весь город!

Антонио испугался.

— Я не понимаю вас, сеньора, — серьезно сказал он. — Я пришел навестить двух девушек, которых устроил у вас.

— Ну вот из-за этих-то девушек и разразилась страшная беда над всей Ираной! —

сердито вскричала матрона. — Чуть не сожгли город. Такие страсти здесь были, что Боже избавь! И всем этим мы обязаны вам.

— Но что же случилось, сеньора? Вы же видите, я ничего не знаю, у меня не было дурных намерений!

— Дурных намерений? Хотите еще казаться благочестивым человеком, а связались с девушками, из-за которых на нас как снег на голову сваливаются карлисты! Очень вам благодарна, что впутали меня в эту распрекрасную историю! Лучше бы вы кому-нибудь другому оказали такую честь и не ко мне привели их, сколько страху я из-за них натерпелась...

— Погодите горячиться, сеньора.

— Как, вы еще мне указываете! Это интересно! Смотрите, чтобы я не созвала жителей да не рассказала всем, что это вы привели сюда девушек, тогда и ряса не спасет вас, все сильно раздражены. Вся Ирана в опасности...

— Успокойтесь, сеньора, и скажите, наконец, что случилось, — серьезно перебил Антонио горячившуюся женщину. — Вы же видите, что я ничего не знаю.

— И не стыдно ли вам, благочестивому человеку, связываться с такими девушками! Они принесут вам большие неприятности, помяните мое слово...

— Но я хочу знать не ваше мнение, сеньора, а факты.

— Ну да, правды ведь никто не любит!

— Прошу вас, расскажите мне, что случилось, — повторил Антонио, — и торопитесь, ради Бога, все это так ужасно!

— А вот извольте: неделю тому назад ночью поднялся переполох из-за одной девушки, никогда еще в Иране не было ничего подобного! Она начала вдруг громко звать на помощь, и, когда сбежался народ, из ее комнаты выбежал мужчина...

— Невозможно!

— Да, все видели!

— Амаранта...

— Да, да, именно она, — сказала матрона.

— Но если это был он...

— На нем был кавалерийский плащ и сапоги со шпорами, но лица рассмотреть не могли, потому что он бежал, как сумасшедший, ранив девушку кинжалом в плечо.

— Он хотел убить ее!..

— Кто их знает, как это все случилось, она ничего не стала рассказывать, верно, сама виновата! Другая поступила еще безумнее. В старом замке по ту сторону гор сидел в плену у карлистов какой-то генерал...

— Республиканский?

— Да, его взяли во время ночной атаки.

— Вы не знаете имени?

— Они называли его Албукерке.

— Дон Мануэль Павиа де Албукерке? — спросил Антонио.

— Да, да! Его должны были сегодня рано утром расстрелять. И тут другая сеньора исчезает ночью из дома. Она убежала в замок. Клянусь всеми святыми, я ничего этого не знала! Вдруг сегодня на рассвете сюда налетели конные карлисты, грозя сжечь всю Ирану, если мы не выдадим беглецов. Пленный бежал с помощью сеньоры, и они преследовали его. В Иране никто об этом ничего и не знал. Взбешенные карлисты клялись сжечь все наши дома, если в течение дня мы не отыщем беглецов: сеньору и генерала в монашеской рясе. Страх напал на жителей, карлисты ведь шутить не станут! Они усаkali дальше, а здесь у нас все в ужасе, не знают, что и делать. И все из-за этих девушек! Послали нескольких женщин просить пощады, а сеньору Амаранту, оправившуюся от своей раны, прогнали из города. О беглецах между тем до сих пор ни слуху ни духу!

— О Господи... бедные... — пробормотал Антонио.

— Да, пожалейте нас! Вам ведь мы обязаны своим несчастьем! Три женщины,

посланные просить о пощаде, вернулись ни с чем. Донья Бланка прогнала их. Теперь все еще больше боятся, того и гляди нагрянут карлисты и исполнят свою угрозу. Тогда все мы пропали!

— А беглецов так и не могут найти?

— До сих пор не могут! Кто их знает, где они спрятались.

— Их преследуют! Что же с ней будет? Где искать Амаранту?

— Не знаю. Что за несчастье! — жаловалась вдова. — Если их не найдут, карлисты сожгут Ирану! Они ничего не щадят.

— Это настоящие разбойники! — вскричал с негодованием Антонио. — Да защитит небо Мануэля и девушек! Мне и в голову не приходило, — обратился он к матроне, — что такое может случиться, иначе я не воспользовался бы вашим кровом. Вы испанка и всей душой принадлежите родине, а не дону Карлосу и его сообщникам. Не одной Иране, всей Испании грозит гибель. Вы говорите, что я виноват в вашей беде, но вы просто не знаете всего. Теперь некогда объяснять, мне надо спешить, но верьте, у меня не было дурных намерений. Я обещал быть защитником этих двух девушек и свято исполню свой долг до конца. Не теряйте надежды на Бога, что бы ни случилось! Святая Мадонна да защитит вас и Ирану!

Старуха сложила руки...

— И я молюсь об этом, — сказала она.

— Не проклиняйте меня и не сердитесь напрасно! Надо спешить к несчастным и помочь им. Благодарю вас за все, что вы сделали, и верьте, что мы честные, порядочные люди, хотя и навлекли невольно беду на ваш город. Прощайте, да защитит вас Бог!

Антонио ушел из домика старой вдовы. Был уже поздний вечер, когда, выйдя из городка, он направился к далеким горам.

Где искать Инес? Уныние охватило его. Мануэля чуть не расстреляли, Инес, презрев опасность, сумела спасти его. Она его любила, Антонио знал это, любила самоотверженно, поэтому и решилась на такой отчаянный шаг.

Как должен был страдать Антонио при мысли, что Инес потеряна для него навсегда, что она любит Мануэля и живет только для него одного!

Но Мануэль был другом Антонио, и молодой патер решил, не колеблясь, что он заставит молчать свое чувство и смирится с мыслью, что та, которой он отдал свое сердце, любит другого.

Выйдя к горам и поднявшись на первые холмы, Антонио взглянул на вечернее небо, усеянное звездами, и эта величественная картина наполнила благоговением его душу и вознесла его мысли к Богу. Опустившись на колени и подняв глаза к небу, к другим, далеким мирам, управляемым волей Божией, он стал молиться. Эта молитва, излившаяся из глубины его сердца, скорее дошла до престола Всевышнего, чем все песнопения и молитвы, в которых участвовало не сердце, а язык и руки, отсчитывавшие положенное число косточек на четках. Этот молившийся монах был действительно набожным благородным человеком, на деле доказывавшим свою набожность и всей душой стремившимся к Богу.

Закончив молитву, Антонио стал подниматься выше по узенькой горной тропинке. Он хотел отыскать Мануэля и Инес, но решительно не знал, какого направления держаться. Может быть, они уже попали в руки своих преследователей и палачей! Эта мысль мучила его, тогда ведь они погибли!

Подойдя к тому месту, где прежде был мост, Антонио в раздумье остановился у обрыва; внизу шумела вода. Вдруг ему показалось, что кто-то глухим голосом зовет на помощь. Он подошел к самому краю обрыва. Крик раздался снова, и патер ясно различил, что голос доносится снизу.

Не случилось ли с кем несчастья? Сломанный мост тоже говорил, что это возможно. Неужели кто-то упал и лежит там внизу без всякой помощи? Мысль эта привела его в ужас. Несчастный мог оказаться и карлистом, но все равно ему нужна была помощь.

В ночной тишине снова раздался глухой крик, и Антонио начал осматриваться в

поисках места, где удобно было бы спуститься.

Долго бродил он кругом, пока не нашел наконец такое место.

Он поспешил вниз, то пробираясь между кустами, то перепрыгивая с камня на камень. Внизу клокотала вода, слева поднимались скалы, поросшие кустарником. Монах не боялся ничего. Наконец путь стал пошире, густой мох и роскошные растения покрывали здесь утесы, но внизу было совершенно темно от подымавшихся с обеих сторон скал.

Вдруг издалека опять донесся крик, значит, Антонио шел верно, но крик был уже так тих, в нем слышалось такое отчаяние, как будто звал на помощь умирающий. Что если он придет слишком поздно? Позабыв всякую опасность и поручив душу Богу, Антонио еще прибавил ходу, перепрыгивая с камня на камень, рискуя каждую минуту сорваться и упасть в воду.

Крик слышался все ближе.

— Потерпите, к вам идет помощь! — крикнул Антонио.

Послышался тяжелый вздох...

— Скорее! — слабым голосом проговорил несчастный.

— Я здесь! Где вы? — спросил Антонио.

— Монах! О, слава Богу! — голос раздался совсем рядом. — Помогите, я и сеньора упали с моста.

Патер Антонио поспешно подошел к темной фигуре, склонившейся над кем-то, неподвижно лежавшим на поросших мхом камнях.

— Помогите этой сеньоре, благочестивый отец, — сказал голос, заставивший Антонио содрогнуться.

— Это ты, Мануэль? — вскричал он, подходя ближе.

— Боже мой... Антонио! Слава Богу!

— А графиня Инес?

— Она без сознания! Я тоже был без сознания, а когда очнулся... Инес висела там, на дереве, зацепившись одеждой за какой-то сук... Я перенес ее сюда, положил на эту рясу, смачивал виски водой, но она не приходит в себя. Без тебя мы погибли бы здесь!

Монах сложил руки... Чудо помогло ему отыскать Инес и Мануэля.

Он не слышал, что говорит Мануэль, он стоял на коленях, не сводя глаз с бесчувственной девушки. Наконец она тихонько вздохнула, и надежда снова оживила сердце Антонио.

— Бог поможет нам, — сказал он, — он услышал мою молитву, я нашел вас.

— Ты нас искал, Антонио?

— Да, я узнал, что произошло.

— Я слабею, Антонио, — прошептал Мануэль, голова его была в крови, лицо и руки сильно поранены. Страх за Инес поддерживал в нем силы, заставлял забыть собственные страдания, но теперь силы покинули его, и он упал без чувств на землю возле нее.

Антонио не знал, что ему делать, как помочь несчастным? Место было безлюдное, выбраться из этого ущелья слишком трудно, всякое жилье далеко, а между тем нужна была быстрая помощь.

Тут он вспомнил, что недалеко, в горах, есть монастырь, в котором он жил ребенком и провел долгие годы послушничества. Ему давно хотелось посетить любимый старый монастырь, разузнать, может быть, о своем происхождении, о своих родителях, повидаться с добрым братом Пабло, воспитавшим и любившим его, как родной отец. Образ этого старика не изгладился из памяти Антонио. Здешние монахи жили совершенно в стороне от остального мира и в былое время всегда с готовностью помогали всем несчастным. Не пойти ли туда, к достойному Пабло?

Однако, принимая генерала, преследуемого карлистами, монастырь подвергался опасности, потому что эта местность была в полной их власти. Но эти монахи не посмотрят на мундир, они любому охотно окажут необходимую помощь. Надо воспользоваться ночью, чтобы перенести туда Мануэля и графиню, только тогда их можно будет спасти.

В монастыре им окажут и врачебную помощь, потому что один из братьев хорошо изучил медицину. Да, медлить больше нельзя.

Быстро поднявшись, Антонио вернулся наверх прежней трудной дорогой.

Уже наступила ночь, но он хорошо знал окрестность, потому что восемь лет прожил в этом монастыре. Было за полночь, когда он подошел к монастырским воротам. Высокие ели и сосны окружали огромное старое здание.

Грустные чувства вызвал в душе патера вид высоких стен. Когда он увидел через решетчатые ворота пустой монастырский двор, где так часто бродил юношей, старые деревья, колодец и больницу, в которой столько несчастных находили приют и помощь, его охватили воспоминания! Ему казалось, что он пришел в свой отчий дом. И понятно, ведь его отдали сюда маленьким беспомощным ребенком, здесь прошли его детство и юность. Правда, с годами его стали манить другие стены, ему хотелось найти дом своих родителей, узнать, что-нибудь о них, но теперь он думал только об одном — как бы поскорее помочь несчастным.

Антонио позвонил у ворот. Через несколько минут их отворил брат-привратник, вышедший с фонарем посмотреть, кто пришел в монастырь в такую позднюю пору.

Антонио внимательно взгляделся в него и понял, что это не прежний привратник, бывший в его время. Ему стало немножко грустно, он сразу почувствовал, что чужой тут.

— Что вы хотите, благочестивый брат? — спросил привратник, когда Антонио попросил позволения войти.

— Я пришел просить вас оказать помощь двум несчастным в горах, брат мой, — отвечал Антонио, входя во двор.

— В таком случае вы не напрасно обратились сюда, благочестивый отец! Я сейчас разбужу настоятеля!

— А кто настоятель? — спросил Антонио.

— Старый патер Пабло.

— О, как я рад!

— Вы его знаете, благочестивый отец?

— Да, знаю и люблю! Скажите ему только, что пришел Антонио из монастыря Святой Марии.

Брат поклонился и пошел по темным переходам монастыря, погруженного во мрак и сон. Антонио следовал за ним. Все было тут знакомо ему: и красные каменные плиты портала, и маленькие глубокие окна, и башенка с колоколом, часто призывавшим его к мессе! Каждый камень, каждое дерево было ему знакомо и дорого, теперь хотелось только увидеть патера Пабло, о котором столько времени он ничего не слышал.

Наконец в длинном коридоре показался луч света.

— Где он, где Антонио? — раздался знакомый голос. — Где мой прилежный, милый брат, друг и сын!

Рядом с привратником стоял монах, наскоро накинувший на себя темную рясу. Длинная седая борода, редкие седые волосы и морщинистое лицо говорили о глубокой старости. Несмотря на это, он был еще бодр и крепок на вид. С нетерпением и радостью раскрыл старик объятия, и Антонио бросился к нему.

— Антонио, милый Антонио! — говорил седой настоятель. — Как ты обрадовал старого брата Пабло! Я уже не надеялся больше увидеться с тобой. Пойдем скорей ко мне в келью.

— И я так рад, дорогой отец, только радость моя в душе, выразить ее я не умею!

— Все тот же! Ну, дай же посмотреть на тебя, вот какой славный стал, и в таких молодых годах достиг почестей... но ты заслуживаешь их, ты приобрел такие большие знания...

— Большей частью которых обязан тебе, твоей помощи, брат мой! Но я еще долго не пришел бы сюда, если бы меня не привело важное обстоятельство, несчастный случай в горах.

— Несчастный случай? — тревожно спросил старик. — Говори скорей, в чем дело?

Антонио вкратце рассказал настоятелю о случившемся. Старик тотчас велел дежурным братьям взять ивовые носилки и отправиться на помощь к несчастным. Он я сам пошел с Антонио к тому месту, где лежал Мануэль рядом со все еще бесчувственной графиней. По дороге молодой патер рассказал брату Пабло об этих двух несчастных и о том, что они значат для него.

На востоке уже забрезжило утро, когда монахи добрались до Мануэля и Инес. С помощью Пабло и Антонио их уложили на носилки, закрыли и осторожно понесли. Когда, наконец, все счастливо выбрались на горную тропинку, Антонио поблагодарил Бога в душе, самая трудная часть пути была позади! Солнце уже взошло, когда процессия достигла монастырских ворот. По приказанию Пабло больных положили в двух свободных кельях больницы, где во избежание опасности позаботились снять с Мануэля его мундир. Для ухода за молодой графиней настоятель выписал из женского монастыря, сходявшегося в какой-нибудь четверти мили от них, сытную пожилую сестру.

Антонио поблагодарил седого патера за помощь, теперь можно было надеяться, что несчастные будут спасены. Он сам руководил уходом за ними и обещал старому Пабло остаться у него в монастыре до тех пор, пока состояние здоровья Мануэля и Инес не станет значительно лучше.

Монах, лечивший их, не говорил еще ничего определенного, так как пострадали оба довольно серьезно, но обещал сделать все возможное, чтобы возвратить больных к жизни.

XXII. Неожиданный гость

Дукеза сидела в своей ложе, в стеклянном зале, с удовольствием и гордостью разглядывая толпу гостей, великолепие обстановки и сцену.

Губы ее тихонько шевелились, дукеза Кондоро по обыкновению говорила сама с собой. Цвет ее носа показывал, что она опять предалась любимому занятию.

На ней было фиолетовое шелковое платье, ожерелье из драгоценных камней того же цвета и вуаль на седоватых волосах, но весь этот богатый наряд сидел так небрежно, во всей ее фигуре было видно такое полное отсутствие заботы о себе, что прежней герцогини невозможно было узнать. В этой старухе все говорило о том, что бывшие манеры утрачены, что она отвыкла теперь от порядочного общества, потому что слишком долго жила на самом дне.

Она, видимо, наслаждалась своим заведением и получала огромное удовольствие от пения и танцев, исполняемых на сцене. Все это дукеза устраивала по своему вкусу, и публика была явно довольна, потому что залы все время были полны посетителей.

Главной притягательной силой салона дукезы были несколько хорошеньких женщин полусвета, среди которых особенной красотой и грацией отличалась одна, лет шестнадцати.

Никто не знал ее настоящего имени, все звали ее просто Альмендрой, Миндальным Цветком. Она была родом из Гранады. Многих знатных донов очаровала она своей стройной фигурой, роскошными формами, блестящими черными волосами, огнем темных глаз и тонко очерченным личиком, многих отличала в свою очередь и Альмендра, но никто не мог похвастать более близкими отношениями с ней.

Это казалось очень странным, так как Миндальный Цветок, принадлежа к полусвету, всегда являлась в великолепных костюмах и дорогих украшениях.

Убранством своего будуара и образом жизни она могла соперничать с любой графиней или герцогиней.

Между тем это была бедная безродная сирота, завидовавшие ей приятельницы рассказывали, что ребенком она сидела в лохмотьях на ступенях храма в Гранаде и продавала букетики полевых цветов.

С недавнего времени Миндальный Цветок стала каждую ночь появляться в салоне дукезы. Восхитительно прекрасная, она входила в зал с уверенностью королевы и с бешеным

наслаждением предавалась танцам. Но вдруг Альмендра исчезла, прошло несколько недель, а ее все не было в салоне! Кругом громко заговорили об этом, доискиваясь причины, так как многочисленные посетители вечеров дукезы только затем и приезжали, чтобы посмотреть на красавицу. Кому удавалось побывать возле нее и заслужить несколько приветливых слов, тот гордился, как будто получил особенный знак отличия, а кому доставалось танцевать с ней, тот уже, верно, был лучшим танцором, в продолжение нескольких минут он пользовался завидным счастьем видеть так близко это прекрасное лицо.

Все посетители салона и все знатные доны Мадрида знали, что у Миндального Цветка есть постоянный поклонник, маркиз де лас Исагас, молодой, чрезвычайно богатый офицер, который с ума сходил от нее, сорил деньгами и исполнял каждую ее прихоть. Разумеется, посещение Альмендрой салона дукезы было ему неприятно, но ей очень этого хотелось, и он, скрепя сердце, каждый вечер ехал с ней туда из оперы.

Квартира ее в бельэтаже, на Пуэрто-дель-Соль, была так роскошно отделана, что самые знатные дамы не пренебрегали приезжать, когда Альмендры не бывало дома, посмотреть на обстановку, камеристка водила их везде и показывала комнаты.

Особенно замечателен был будуар. В гардеробной, подобранные по оттенкам цветов, висели самые модные костюмы, выписанные из Парижа.

Больше всего Альмендра любила розовый цвет того же оттенка, что и цветок миндального дерева, отчего и получила свое прозвище.

Внезапное исчезновение прекрасной царицы салона произвело сильное волнение среди посетителей вечеров дукезы. Думали, не заболела ли Альмендра? Однако некоторые из мужчин видели ее в опере с маркизом. Возникли споры и предположения.

В тот вечер, о котором мы хотим рассказать, в салоне распространился слух, не только вполне объяснявший дело, но и настолько интересный сам по себе, что быстро облетел залы.

Одна знакомая Миндального Цветка разузнала все и вследствие этого сделалась героиней дня или, лучше сказать, ночи. Общее внимание было обращено теперь на нее. Живая, резвая Пепилья, воспользовавшись минутой, когда Миндальный Цветок разоткровенничалась в порыве до тех пор неизвестного ей чувства, выспросила все, что хотела знать, и теперь очень выгодно этим пользовалась: всякий, кто хотел услышать историю прекрасной Альмендры, должен был ставить бутылку шампанского.

Сама дукеза проявила большой интерес к исчезновению Миндального Цветка и пригласила Пепилью к себе в ложу, чтобы послушать ее рассказ.

Маленькая веселая Пепилья вошла с недопитым бокалом в руке, поклонилась с улыбкой и уселась в кресло напротив дукезы.

— Миндальный Цветок не могла лучше позабавить нас, как придумать такую комедию, — начала она, смеясь, — ах, сеньора дукеза, вы не можете себе представить, какая умная эта Альмендра, как она хорошо все рассчитала! Заметив, что звезда ее начинает бледнеть, она придумала такую штуку, которая снова сделала ее героиней дня! О, Альмендра мастерица! Она разыгрывает теперь несчастную влюбленную... Ха-ха-ха!.. Просто умрешь со смеху!

— Да разве она уже разошлась с маркизом? — спросила дукеза.

— Как можно! Миндальный Цветок знает ему цену, ведь он тратит на нее полмиллиона в год, — отвечала Пепилья.

— Так отчего же она перестала приезжать в салон?

— А, тут важная причина! Альмендра уверяет, что салон перестал развлекать ее с тех пор, как она влюбилась. Но поверьте, долго она не выдержит.

— Кто же, однако, предмет ее любви, и как это случилось?

— Я сегодня была у нее и нашла сильно изменившейся, такая печальная, убитая! Но все это одна комедия, сеньора дукеза. Мы позавтракали, и Альмендра сделалась разговорчивее. Тут-то я и узнала причину ее перемены. Тихонько вздыхая, она рассказала мне следующее: на днях вечером она пошла пешком, что очень редко с ней случается, к своему ювелиру и, проходя по одной из улиц недалеко от Пуэрто-дель-Соль, заметила вдруг,

что потеряла очень дорогую серьгу.

В эту минуту к ней подошел какой-то необыкновенно высокий стройный мужчина, с чрезвычайно благородной и важной осанкой, как она говорила. У него была роскошная темно-русая борода и такие выразительные глаза, что взгляд их проник в самую глубину ее души. Он нашел серьгу и подал ей. Она поблагодарила, у них завязался короткий разговор. На следующий вечер Альмендра опять пошла к ювелиру и опять встретила красивого сеньора... одним словом, она страдает от несчастной любви!

— Кто же этот сеньор?

— Миндальный Цветок не знает ни имени его, ни звания, но уверяет, что это непременно какой-нибудь знатный дон, он, по-видимому, в свою очередь любит ее. Ей случилось еще раз увидеть его, но на этот раз сеньор был очень сдержан. Теперь воспоминание о нем не выходит у нее из головы, и она ни днем, ни ночью не знает покоя. Ха-ха-ха! Миндальный Цветок платонически любит прекрасного незнакомца, ничто не радует ее с тех пор, как она его увидела.

— А что если маркиз узнает?

— Вот тут-то и вся штука, сеньора дукеса! — вскричала Пепилья с многозначительной миной. — О, эта Альмендра такая умная! Маркиз стал к ней холоден... он увидел незнакомца возле нее и так приревновал, что устроил ей сцену. Чтоб успокоить его, она обещала больше не давать ему повода к ревности и в доказательство искренности своих слов объявила, что не хочет больше ездить в салон... А, как вам это нравится? Тройную выгоду приобрела! Во-первых, угодила маркизу, во-вторых, не должна больше ездить туда, где ей теперь невесело, и, в-третьих, за счет этого снова сделалась предметом общего интереса!

— В самом деле она славная актриса, — заметила Сара Кондоро.

— Теперь здесь все только и говорят, что о Миндальном Цветке. Меня тысячу раз заставляли повторять рассказ о ее несчастной любви... посмотрите, как все ищут меня! Вот выгода, которую я извлекаю из этого происшествия; жаль, если Миндальный Цветок на какое-то время останется верной своему слову...

В эту минуту разговор был прерван стуком в дверь. Ложа была заперта изнутри, Сара хотела встать и отворить, но Пепилья предупредила ее. Резвушка закончила свой рассказ, и ей хотелось вернуться в залы, чтобы снова повторять повествование о несчастной любви Миндального Цветка. Она быстро распахнула двери и в изумлении попятилась. Там стоял человек, совсем не подходящий для салона дукезы. Он походил на бродягу, с которым не совсем приятно было бы встретиться с глазу на глаз. Это был высокий, широкоплечий, мощный, как Геркулес, мужчина, с отвратительным лицом.

Пепилья вопросительно взглянула на него, потом на дукезу, которая не могла прийти в себя от удивления: перед ней стоял прегонеро, явившийся в неопрятном, неподходящем для данного места костюме помощника палача.

Он, по-видимому, не замечал ее удивления и не обращал на него внимания, а смело пройдя мимо Пепильи, поспешившей уйти, вошел в ложу и запер за собой дверь.

Сара Кондоро не совсем приветливо смотрела на неожиданного гостя, появление которого, видимо, стесняло ее, и прегонеро заметил это.

— Как здесь роскошно, — сказал он, — довелось и мне наконец увидеть салон!

— Как ты попал сюда? — спросила дукеза.

— Спросить так — все равно что сказать: «Лучше бы тебя здесь не было». Знаем мы это!

— В таком костюме...

— Ну так что же, у меня нет лучшего.

— Сам виноват. Мало разве тебе дали денег? Но ты делаешься все скупее. Кто тебя провел сюда?

— Один из слуг.

— Какая досада! Что подумают люди, увидев тебя здесь?

— Пускай их думают, что хотят! Мне надо поговорить с тобой, — отвечал прегонеро и,

не ожидая приглашения, уселся в кресло. — Давно я не сиживал на таких мягких шелковых креслах. Ты опять чертовски разрядилась... а все на деньги за Клементо...

— Молчи! — повелительно остановила его Сара Кондоро, и глаза ее сверкнули. — Услышат!

— Мне надо поговорить с тобой!

— Только не здесь, ты не умеешь...

— Держаться, ты хочешь сказать, — перебил ее прегонеро. — Ну разумеется, за это время разучился! Ты, кажется, стыдишься меня, но ведь не в первый раз тебе приходится рядиться в шелк и бархат, чтобы потом опять разом все спустить.

— Уйдем отсюда, ты говоришь такие вещи, о которых не все должны знать! — с досадой сказала дукеза, вставая.

— Но мне здесь очень нравится!

— Да мне не нравится, иди за мной! — повелительно сказала Сара Кондоро своему прежнему возлюбленному и пошла к двери.

— Куда ты ведешь меня?

— Увидишь, пойдем.

Прегонеро последовал за ней. Они вышли в коридор. Убедившись, что кругом никого нет, она быстро подошла к потайной двери, отперла ее маленьким ключом, и они очутились на ярко освещенной винтовой лестнице. Спустившись по ней в узенький коридор, они вошли в очень нарядно убранную комнату, в которой стояло фортепиано.

Здесь дукеза обычно отбирала певцов и певиц для своего салона.

— Здесь мы можем говорить спокойно, — сказала старуха уже мягче, — садись. Зачем ты пришел?

— Да вот, видишь ли... это очень щекотливое дело, — задумчиво отвечал прегонеро, садясь так бесцеремонно, точно был у себя дома. — Мне надо откровенно сказать тебе кое-что, только ты не горячись.

— Говори! Тебя обычно занимают такие вещи, которые не всякого касаются. Интересно знать, что еще тебе пришло в голову.

— Человек не волен в своих мыслях, — отвечал прегонеро. — Умны они или нет, а приходят ему в голову, и все тут. Вот и меня в последние дни мучает одна такая мысль, потому я и пришел к тебе.

— Разве я могу помочь тут чем-нибудь? — спросила дукеза.

— В некоторой степени.

— Так говори, только короче.

— Меня тяготят деньги за Клементо, — начал прегонеро, — я готов вернуть их! Мне жаль, что я отдал своего сына...

Дукеза широко раскрыла глаза. Лицо ее приняло отвратительное выражение при этих неожиданных словах прегонеро.

— Меня мучает мысль, — продолжал он, — что я продал нашего сына...

— Да в уме ли ты? — вскричала Сара Кондоро.

— Я раскаиваюсь в том, что сделал.

— Но ты никогда не заботился о своем сыне.

— Со мной происходит то же, что и с герцогом, я становлюсь старше... мне жаль, и я не отдам сына за Иудино вознаграждение, не отдам!

— Святой Франциско, не отнимай у него разум! Ты, кажется, с ума сходишь!

— Нет, я хорошо обдумал, Сара, и не откажусь от своих слов. За проклятые деньги я отдал родного сына, потерял все права на него... за такую сумму отдать навсегда Клементо... я согласился необдуманно.

— Да что с тобой делается? — перебила дукеза, глядя на него во все глаза. — Я еще не совсем понимаю твою цель, но что ты действуешь не из любви к Клементо — это ясно.

— Я возвращу деньги, они не могут вознаградить меня за потерю сына.

— Ага, теперь поняла! — вскричала дукеза. — Сумма мала! — Ты хочешь

воспользоваться случаем и обогатиться, а потому грозишь раскрыть нашу тайну. Просчитался, друг мой Оттон, просчитался! Я не дам тебе ни одного мараведи⁹. Ты опоздал, Клементо признан сыном герцога и уже едет к нему!

— Ошибаешься, еще не поздно, — отвечал прегонеро, невозмутимо покачивая головой. — Ты, верно, не знаешь, что Клементо еще здесь.

— Здесь? Ну и что же? Во всяком случае, ты опоздал, потому что герцог уже официально признал его своим сыном.

— Я возьму назад свое показание.

— Нет, этого не будет! — вскричала с бешенством Сара Кондоро, дрожа от злости. — Это ни к чему бы и не привело. Рикардо очень рад, что нашел дукечито, и спешит успокоить герцога, который с нетерпением ждет его на востоке.

Прегонеро потихоньку засмеялся.

— Герцог не на востоке, — спокойно сказал он, — а здесь, в Мадриде.

Дукеза застыла, раскрыв рот и вытаращив глаза.

— Герцог в Мадриде? — спросила она.

— Ну да. И я пойду к нему, возьму назад Клементо и верну деньги. Но прежде я хотел сказать об этом тебе, чтобы ты не упрекнула после, что я действовал из-за угла.

— Кондоро здесь? Я уверена, что это твоя выдумка, ты хочешь напугать меня...

— Клянусь всеми святыми, он здесь, и я пойду к нему и возьму у него Клементо...

— Чудовище! Не бывать тому! Ведь я вижу, ты только хочешь выманить у меня деньги!

— Правду сказать, сумма и в самом деле не стоит жертвы.

— Тысячу раз я каялась, что взяла тебя в сообщники, негодяй! Тебе все мало.

— Напрасно ты бранишь меня — жертва слишком велика, и я не хочу оставаться без соответствующего вознаграждения, этого мне никто не может поставить в упрек.

— Да куда тебе столько денег, скряга?

— Сам еще не знаю. Может быть, чтобы обеспечить свою старость. Надо воспользоваться временем, пока герцог еще не умер...

— Экое несчастье, что я действовала с тобой заодно! Вот и нажила себе кровопийцу, от которого не отвяжаться. Ты жалкий негодяй.

Прегонеро встал.

— Так-то благодаришь меня за то, что я тебя предупредил? — сказал он. — Ну да ведь вы, женщины, все таковы.

— Не смей ходить к герцогу!

— Гм... это от тебя зависит.

— Скряга, я дам тебе еще несколько тысяч дууро, но это все!

— Когда я их получу? Долго ждать ведь не стану.

— Завтра приходи, — сказала дукеза, выталкивая прегонеро за дверь.

XXIII. Неудовлетворенная ненависть

Бланка Мария ликовала! На ее глазах Мануэль и Инес упали в расщелину вместе с проломившимся мостом.

Наконец-то ее жажда мести удовлетворена! Она перешла в лагерь карлистов и отдала свою руку дону Альфонсу для того, чтобы уничтожить Мануэля, которого она так же горячо ненавидела теперь, как прежде любила, для того, чтобы наказать его за ту минуту, когда он признался ей, что больше ее не любит. И ей удалось осуществить свой план, судьба помогла ей даже раньше, чем она ожидала. Мануэль безвозвратно погиб вместе с той, которую осмелился ей предпочесть!

⁹ Мараведи — мелкая медная монета в Испании.

— Судьба опередила нас, дон Альфонс, — с ледяным спокойствием сказала она, обращаясь к супругу. — Мы можем прекратить преследование и поберечь порох — смерть раньше нас настигла беглецов! Вернемся в лагерь. А вы, сеньор Тристани, должны радоваться, что дело приняло такой оборот, иначе вас могли бы заподозрить в содействии бегству.

— Такое подозрение не может пасть на меня, ваше сиятельство, — отвечал Изи́дор, самоуверенно улыбаясь, — потому что это ведь я взял в плен генерала.

— Небрежность — тоже вина.

— Замок надежно охранялся, светлейшая принцесса, я не мог предвидеть, что патер заснет в комнате пленного, что поблизости найдется сеньора, которая, не испугавшись никаких опасностей, освободит генерала. Наконец, я не мог знать, что в замке есть другой ход, он почти незаметен. Ну да теперь все равно, пленный мертв, а расстрелян он или упал со скалы — разницы нет. Я возвращаюсь к своему отряду и надеюсь вскоре придумать что-нибудь такое, что возвысит меня в ваших глазах.

Они вернулись к тому месту, где их ждал зуав с лошадьми. Тристани помог сесть принцу и принцессе, потом вскочил на лошадь сам и поехал обратно в замок, между тем как принц с супругой в сопровождении свиты вернулись в лагерь.

Одна цель дочери дон-Мигеля, вдовы отравленного герцога Медины, была достигнута. Мануэля и Инес больше не существовало.

Теперь у нее осталось одно желание — торжественно въехать в Мадрид с королем Карлом и его братом после победы над неприятелем.

Ослепленная тщеславием, Бланка Мария преследовала свою цель с еще большей кровожадностью, чем Карл и Альфонс.

Когда брат ее супруга возложит на себя корону своими окровавленными руками, ей уже легко будет вырвать у него власть и самой править в Испании. Донья Бланка властолюбием, кровожадностью и бесчеловечностью пошла в отца — и плохо пришлось бы испанцам, если бы дону Карлосу удалось завладеть тронem и править страной под влиянием этой фурии.

Вернувшись в лагерь, она поспешила отдать приказание сжечь селение, на которое пало подозрение в том, что жители его брали на постой республиканские войска. Несчастные поселяне в отчаянии бросились к Бланке, думая, что у женщины найдут сочувствие. Но она холодно велела прогнать их из лагеря и поджечь селение со всех сторон. Альфонс между тем занялся формированием армии, которая должна была расположиться в центре линии карлистских войск.

Спокойные зимние месяцы предполагалось использовать для вооружения и доставки провианта войскам и населению, находившемуся во владении карлистов, но прежде всего для снабжения оружием отдельных отрядов.

На следующий день, вечером, в лагерь прискакал весь в пыли Изи́дор с каким-то пастухом. Велев доложить о себе донье Бланке и поручив пастуха одному из зуавов, он вошел в палатку, где сидела принцесса.

Она удивилась такому быстрому возвращению Изи́дора в лагерь и спросила, не задумал ли он какое-нибудь новое предприятие.

— С нами сыграли невероятную и очень дурную шутку, ваше сиятельство, — вполголоса отвечал Тристани.

— Что такое? Говорите скорей!

— Генерал Мануэль Павиа жив!

— Мануэль жив? Кто это сказал?

— Человек, видевший его.

— Но это было бы чудо... Нет, нет! Он ошибся.

— Ошибка невозможна, ваше сиятельство! Генерал Павиа и графиня Инес спасены.

— И графиня Инес! Кто вам сказал?

— Бедный старый пастух, ваше сиятельство, не знавший в лицо спасенных и вообще не

подозревавший, как важно то, что он увидел.

— И он говорит, что Мануэль и графиня спасены?

— Не угодно ли будет вашему сиятельству его выслушать?

— Хорошо, приведи его.

Изидор вышел, и через минуту в палатку вошел старый пастух и упал на колени.

— Как тебя зовут? — спросила Бланка, сильно взволнованная полученным известием.

— Педро, ваше сиятельство, старый Педро.

— Ты пастух?..

— Да, ваше сиятельство.

— Что же ты видел?

— В прошлую ночь я пригнал овец к обрыву, с которого видна горная тропинка, а сам лег на обрыве. Все было тихо кругом, я заснул, вдруг какой-то шорох разбудил меня. Странную процессию я увидел, ваше сиятельство. Из расщелины вышло десять монахов, и хотя они были довольно далеко от меня, но я мог разглядеть, что они несли двое носилок, на которых что-то лежало.

— Они шли из той расщелины, через которую проложен узенький мостик?

— Да, ваше сиятельство. Наконец я разглядел, что на носилках лежат люди. Все они скоро исчезли в утреннем тумане, а мне стало почему-то страшно. Я сказал себе, что об этом надо доложить кому-нибудь повыше. С восходом солнца, передав стадо другому пастуху, я отправился в лес, где стояли солдаты, и встретил вот их.

Пастух указал на Тристани.

— Знаешь ты, из какого монастыря были эти монахи? — спросила Бланка.

— Нет, ваше сиятельство, — отвечал, пожимая плечами, пастух, — в окрестностях столько разных монастырей! Мне показалось только, что на носилках лежало двое раненых.

Бланка и Изидор переглянулись.

— Узнал ты что-нибудь еще, Педро? — необыкновенно ласково спросила принцесса.

— Нет, ваше сиятельство, но рад был бы узнать, если бы этим мог служить вам, — отвечал пастух.

— Уведите старика, — приказала Бланка. Изидор вышел с ним, а затем вернулся в палатку.

— Это, без сомнения, они, ваше сиятельство, — сказал он. — Что могли нести монахи из расщелины — пни, траву, ведра с водой?

— Сейчас мы удостоверимся! Вы пойдете со мной, Изидор, а старый Педро покажет нам место, с которого можно спуститься в расщелину. Мы сойдем до той самой точки, над которой был мост, и посмотрим, там ли упавшие с него.

— Да, и удостоверимся, что монахи, заметив сломанный мост, пошли поискать, не случилось ли с кем-нибудь несчастья...

— Но всем окрестным монастырям приказано не давать убежища мятежникам, — сказала Бланка, — а генерал Павиа был в мундире! Плохо придется сострадательным братьям, если они приняли у себя бунтовщика! Такой монастырь будет разрушен. Но прежде я хочу лично удостовериться в том, что пастух не ошибся.

Донья Бланка вышла с Изидором, велев оседлать лошадей. Пастух выбежал вместе с ними. Уже стемнело.

Смелая наездница скакала впереди всех, прищипывая свою лошадь. Подъехав к горам, она знаком подозвала к себе Педро и велела ему вести себя к тому месту, с которого можно было спуститься в расщелину.

Вскоре они были там, сошли с лошадей и направились к обрыву. Педро показывал дорогу, двое зуавов светили факелами, третий солдат остался держать лошадей.

Полная тревожного ожидания, Бланка пробиралась рядом с Изидором по трудной дороге, едва удерживая равновесие и цепляясь одеждой за кустарники.

Пастух, по-видимому, отлично знал эту местность. Остановившись наконец, он сказал, что на этом месте, прямо над ними, должен находиться мостик, о котором они говорили.

Действительно, немного погодя зоркие глаза Изидора рассмотрели сломанную доску, застрявшую на некоторой высоте в сучьях дерева, а Бланка вскоре заметила клочья женского платья на шипах кустарника.

Смятый мох и пригнутая к земле трава доказывали, что тут лежали несчастные и что монахи, поспешившие к ним на помощь, ходили взад и вперед, отыскивая, где удобнее будет подниматься.

Сомневаться больше не приходилось. Бланка убедилась, что Мануэль и Инес спасены, и гнев ее был ужасен. Месть не удалась ей. Оставалось узнать, что унесли монахи, трупы, которые хотели предать погребению, или живых людей, которых можно было еще спасти.

Бланка не успокоится до тех пор, пока не узнает это.

Но как же поступить: пастух не мог указать монастыря, в который отнесли несчастных, а монастырей здесь было множество, она знала это.

Принцесса начала с того, что отдала приказ преследовать беглецов, сделав вид, будто не знает о постигшей их участи, а просто поступает в соответствии с приказом дона Карлоса, грозившим смертной казнью за оказание какой бы то ни было помощи бунтовщикам. Монахи, наверное, видели мундир Мануэля и узнали, к какому лагерю он принадлежит, следовательно, приказ преследовать бежавшего пленника приведет их в ужас и заставит немедленно выдать его.

Выйдя снова на горную тропинку, Бланка велела Тристани тотчас же разослать повсюду конные отряды и объявить, что те, кто скрывает пленного, обязаны выдать его, в противном случае место, где он скрывается, хотя бы то был монастырь, будет разрушено и сровнено с землей.

Изидор вернулся к своим отрядам, чтобы тотчас исполнить приказание, а Бланка Мария, приехав в лагерь, разослала небольшие конные отряды, которые должны были во всех монастырях и селениях объявить о преследовании беглецов, повторяя приказ короля Карла VII, предусматривающий смертную казнь за оказание помощи бунтовщикам.

Бланка рассчитывала, что эта мера приведет к успеху, а особенно рассчитывала на страх, который вызывает у всех ее имя.

Но проходили дни за днями, а известий все не было. Отряды вернулись после безуспешных поисков, о беглецах не было ни слуху ни духу.

Значит, осмеливались противиться ее приказу и помогать мятежникам! Ну так она покажет им, что значит не выполнять ее приказы! Если бы Мануэль и Инес умерли, это было бы нетрудно узнать по церковным книгам, и ей сразу бы донесли об этом, но они, вероятно, живы и скрываются в каком-нибудь монастыре, который дал им убежище и медицинскую помощь.

Прождав напрасно целую неделю, она велела обыскать все окрестные монастыри, употребив в случае нужды даже силу. Карлисты не должны были щадить никого и не бояться никакой угрозы! Найдя беглецов, они должны доставить их в лагерь, в каком бы состоянии те ни были. Монастырь же, давший им приют, приказано было занять солдатам.

XXIV. Брат Пабло

Состояние спасенных, лежавших в монастырском лазарете, очень мало изменилось в продолжение следующих дней.

У Мануэля забрали его военную одежду, так что теперь нельзя было сказать, кто он такой и к какой партии принадлежит. Он страдал ужасно и не выходил из беспамятного, горячечного состояния. Антонио, старый Пабло и кто-нибудь из других монахов по очереди ухаживали за ним.

Молодая графиня, находившаяся на попечении пожилой монахини, казалось, пострадала еще серьезнее. Она ничего не ела и не пила, оставаясь постоянно в каком-то судорожном оцепенении. Монах-доктор обоих поил лекарствами, но всякий раз, выходя от Инес, сомнительно качал головой. Он говорил немного знакомому с медициной Антонио,

что, вероятно, у нее поражен мозг, твердо насчет обоих ничего не обещал, но надеялся спасти Мануэля. В один из ближайших дней должно было решиться положение графини. Если она выдержит кризис, значит, она спасена и можно надеяться на скорое выздоровление.

Через неделю ожидаемый кризис наконец наступил и принес с собой облегчение. Антонио мог теперь прийти к Инес, рассказать о Мануэле и ободрить. Мануэль тоже поправлялся. Таким благоприятным исходом болезни они обязаны были самоотверженному уходу монахов и, главное, — монаху-доктору. Этот умный, во многом сведущий человеколюбивый брат не щадил себя в уходе за больными.

Антонио благодарил его за помощь и сердечно радовался, видя, что опасность все больше и больше отступает. Кроме того, молодой патер наслаждался возможностью побыть еще раз в этом месте, где прошла его юность. Часто он сидел в библиотеке старого монастыря, беседуя с учеными братьями. Его охотно слушали, так как рассуждения его всегда были умны и говорили о глубоком знании светской жизни.

Раз вечером Пабло и Антонио прохаживались по монастырскому двору. Остальные монахи уже разошлись по своим кельям. Осенний ветер шумел в верхушках деревьев и разбрасывал по земле листья каштанов.

— В приказе, распространяемом карлистскими отрядами, сказано, что генерал Мануэль Павиа бежал и что его должны выдать, где бы он ни был, — сообщил Пабло своему молодому другу. — Дальше говорится, что с генералом была сеньора, с ними обоими случилось несчастье в горах. Всем монастырям и селениям угрожают разрушением и огнем, если они не захотят выдать беглецов!

— Так дон Альфонс узнал о том, что они спасены!

— Я предвидел подобное, — продолжил монах, — поэтому и спрятал мундир твоего друга. Измены со стороны братьев не будет, но тем не менее надо соблюдать величайшую осторожность.

— Боюсь, что подвергаю и тебя, и твой монастырь страшной опасности.

— Мы должны быть ко всему готовы, брат Антонио, и принять все меры для предупреждения беды.

— Больные уже почти выздоровели, и я надеюсь, скоро мне можно будет уйти с ними отсюда.

— Так скоро еще нельзя, — сказал Пабло. — Никто не скажет, что наш монастырь, испугавшись угрозы, остановился на половине доброго дела! Но при этом я тебе посоветую не произносить громко имени Мануэля Павиа де Албукерке, это опасно! Дадим ему лучше какое-нибудь другое имя и внесем в монастырскую книгу. Пусть его считают послушником, заболевшим и перенесенным в лазарет.

— Ты прав, брат мой! Назовем Мануэля Франциско, я предупрежу его об этом. Но ведь пока молодая графиня здесь, опасность все-таки не уменьшится.

— На днях она совсем поправится и на время уедет в женский монастырь, здесь в горах. Таким образом никто ничего не заподозрит при обыске монастыря, если только генерал согласится сбрить бороду.

— Это хороший совет! Я сегодня же поговорю с ним, брат Пабло.

— Таким образом и ты останешься около меня еще какое-то время, Антонио, — сердечным тоном сказал старик, — это будет светлым солнечным лучом в моей жизни. Бог знает, долго ли мне еще суждено оставаться на земле...

— Но ты бодр и силен, как юноша, брат мой, и смерть, слава Богу, еще далека от тебя, — отвечал Антонио.

— А между тем у меня иногда рождается мысль, что я уже одной ногой стою в могиле... На твое неожиданное появление здесь я смотрю как на последнюю милость и радость, посланную мне свыше, Антонио. Я хранил твое детство и люблю тебя больше всего на свете!

— Брат Пабло, раз уж мы заговорили о прошлом, позволь мне спросить тебя, был ли я отдан прямо в твои руки, когда меня принесли в монастырь, или какому-то другому

благочестивому брату...

— Тебя передали старому приору Эвлалию, он уже давно умер. Ты был крошечным, беспомощным ребенком. Приор, славный, добрый человек, принял тебя, как дар неба, и воспитывал с целью сделать членом нашей общины.

— Не знаешь ли ты, кто отдал меня ему, кто мои родители и каково мое настоящее имя?

— Я понимаю твоё желание узнать это, Антонио, но ничем не могу помочь. Старый приор никогда ничего мне об этом не говорил. Он умер вскоре после того, как тебя принесли в монастырь, а с ним умерла и тайна твоего рождения. Ты был любимцем всех монахов, они делили с тобой трапезу, а когда ты подрос, учили тебя.

В это-то время я и взял тебя окончательно на своё попечение.

— Как я благодарен тебе за твою отеческую любовь, — сказал Антонио. — Прости, что, несмотря на это, меня все-таки томит желание узнать, кому же я обязан своим рождением! Почему родители оттолкнули меня от себя? Неужели у них не нашлось ни капли любви, ни куска хлеба для своего ребенка? Во всем монастыре нет никого, к кому я мог бы обратиться с вопросом! Или, может быть, я был круглым сиротой, брат Пабло?

— Я понимаю, почему ты хочешь получить определенный ответ, Антонио. Ты хочешь знать, неужели правда, что, произведя тебя на свет, родители так мало чувствовали любви к тебе, что решились оттолкнуть от себя... Как хотелось бы мне успокоить тебя, объяснить тайну, но это невозможно! Один Эвлалий знал ее, но он давно умер и ничего не открыл даже перед смертью.

— Значит, я должен считать своим родным кровом этот монастырь, называть родными благочестивых отцов! Я надеялся узнать от тебя что-нибудь о тайне своего рождения, но мне отказано в этом, и я должен смириться.

Разговор монахов был прерван звонком у решетчатых ворот. Кто в такой неурочный час мог прийти в уединенный, тихий монастырь?

Пабло и Антонио с минуту стояли, удивленно прислушиваясь, потом пошли к воротам, брат-привратник уже спешил с ключами. За воротами стояла какая-то женщина. Взглянув на нее, Антонио быстро пошел ей навстречу...

— Это вы, сеньора Амаранта! — вскричал он, протянув ей обе руки.

Она с радостным восклицанием бросилась к патеру.

— Слава Богу, — сказал он, — и вы спасены. Антонио объяснил старику-настоятелю, что это та самая сеньора, которую изгнали из Ираны. Амаранта рассказала, как она все эти дни ходила повсюду, разыскивая Инес и Антонио.

— Как же вам удалось найти нас здесь, Амаранта? — спросил Антонио.

— Осторожно выпросив двух-трех пастухов и какого-то карлиста, я узнала, что с доном Мануэлем и сеньорой, бывшей с ним, случилось несчастье в горах и сострадательные монахи одного из здешних монастырей приняли их к себе. Этого было для меня достаточно, я стала расспрашивать всех и наконец нашла вас.

— Ну, значит, надо остерегаться, — сказал Антонио, — что удалось вам, то может удался и карлистам...

— Они ищут дону Мануэля, патер Антонио! Один из окрестных монастырей уже обыскивают, — боязливо сказала Амаранта, — и ваш обыщут... Беда, если эти изверги найдут тех, кого им надо. Они не щадят никого, для них нет ничего святого. Вам и вашему благочестивому монастырю грозит страшная опасность!

Монахи хорошо сознавали справедливость ее слов. Они сказали ей, что Мануэля теперь будут называть Франциско и выдадут за больного послушника. Затем ее отвели к Инес, чрезвычайно обрадовавшейся такому неожиданному свиданию. Так как Амаранта сказала, что сама станет ухаживать за почти выздоровевшей Инес, то монахиню отослали обратно в монастырь, предупредив, что обе девушки вскоре последуют за ней туда же, как только силы позволят Инес предпринять этот путь.

На другое утро патер Антонио пошел к Мануэлю уговорить его называться

послушником Франциско и сбрить бороду. Сначала тот не хотел, говоря, что это будет трусостью с его стороны, но потом согласился сделать это ради безопасности монастыря. Лицо его, исхудавшее от болезни, так изменилось, что, когда ему сбрили бороду, прежнего генерала Павиа никто бы не узнал.

На другой день, около полудня, настоятельница соседнего женского монастыря пришла к патеру Пабло, жалуясь, что карлисты, обыскивая в это утро ее обитель, наделали много беспорядка и вели себя чрезвычайно грубо. Они все время повторяли, что найдут генерала Мануэля Павиа, хотя бы им пришлось для этого сжечь все монастыри.

Старик утешал и успокаивал настоятельницу, сколько мог, сказал, что против грубой силы ничего нельзя сделать, но что она может обратиться с жалобой к инквизиторам в Мадрид.

Настоятельница вернулась вечером в свой разгромленный монастырь, из которого солдаты ушли, не найдя никого.

Поиски продолжались с ожесточением, доказывавшим, что карлисты не успокоятся, пока не найдут своих жертв и не исполнят угрозы.

Все это, однако, не могло заставить старого Пабло отказать преследуемым в покровительстве. Он принадлежал к тем благородным душам, которые не боятся опасности, когда делают доброе дело.

Он считал, что отступить теперь от несчастных было бы грехом, несправедливостью, малодушием. Угрозы карлистов только укрепили его решимость. Этот монах готов был всегда твердо придерживаться того, что считал достойным, хотя бы для этого ему пришлось пожертвовать жизнью.

Вечером он опять вышел с любимым патером погулять на монастырском дворе. Они ходили взад и вперед, беседуя и не замечая, что ночь уже спустилась на землю.

Кругом было тихо. В некоторых кельях еще горел огонь. Маленькое окошечко лазарета тоже было освещено. Инес и Амаранта не спали и разговаривали. Мануэль давно заснул.

Вдруг вдали послышался шум, как бы от множества скачущих лошадей. Старый Пабло остановился, прислушиваясь. Антонио тоже насторожился. Они подошли к решетчатым воротам, вглядываясь в ночную тьму.

Слышишь, — спросил Пабло, — они идут, кажется...

Антонио стоял неподвижно возле настоятеля. Он ясно слышал топот копыт и не сомневался, что это карлисты. Как быть? Девушки еще не уехали из монастыря! Что ожидает обитель?

Пабло оставался по-прежнему спокоен и не отходил от ворот.

— Я готов на все, — сказал он Антонио. — Да защитит Бог монастырь и всех находящихся в нем!

Всадники приближались, их было человек десять. С громким шумом подъехали они, соскочили с лошадей и с криком и хохотом стали стучать прикладами ружей в ворота.

— Что такое? Кто вы? — спросил настоятель. — Не забывайте, что здесь монастырь.

— Без разговоров, монах! — крикнул один из карлистов. — Отворяй, именем короля!

— Но кто вы и что вам надо?

— Мы кавалеристы дона Альфонса и Бланки Марии, нам нужен генерал Мануэль Павиа! Отворяйте, или выломаем ворота.

— Да разве вы не видите, где вы? — повторил седой Пабло.

— Черт возьми! Ты еще разговариваешь с этим монахом! — крикнули остальные карлисты. — Ломай ворота!

Они разбили ворота прикладами, и дикая орда с криком ворвалась во двор.

Старый Пабло загородил дорогу.

— Какое вы имеете право врываться в святую обитель? — вскричал он. — Прочь! Или вы разбойники?

— Ты заплатишься за это, монах! Бей его! — крикнули взбешенные карлисты. — Он посмел оскорбить солдат короля!

И Пабло, проткнутый двумя штыками, упал, тихо вскрикнув.

— Назад! — кричал Антонио, весь бледный, стараясь оградить отца и друга, но было уже поздно!

Старик лежал перед ним весь в крови. Карлисты с громкими проклятиями ворвались в монастырь, ища Мануэля и Инес. Все пропало! Антонио, закрыв лицо руками, вне себя от горя стоял над умиравшим старым благородным Пабло, новой жертвой кровожадной орды, бросившейся дальше в здание монастыря.